

РОМАНОВЫ

ПУТЬ К ТРОНУ

Annotation

Историческое исследование «Путь к трону» — уникальное произведение, не имеющее аналогов в художественной или документальной литературе. Оно представляет собой историю древнего рода Кошкиных—Захарьиных—Романовых. Героями книги являются десятки людей из девяти поколений этого рода, а действие происходит в течение трех веков.

Автор дает свою трактовку событий Смутного времени, во многом отличающуюся от общепринятой, представляет все версии избрания на царство Михаила Романова.

- [Александр Широкоград](#)

- [Предисловие](#)

- [Путь к трону](#)

-

-

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Эпилог](#)
- [Комментарии](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [Родословные схемы](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
-

Александр Широкоград
Путь к трону
Историческое исследование

Предисловие

Откуда взялись на Руси цари? Кем они были до этого и как достигли престола? Подобные вопросы сейчас столь же актуальны, как и тысячу лет назад. Как и по многим другим проблемам истории у серьезных ученых нет согласия во мнениях, зато все четко и ясно расписано в школьных учебниках, благодаря чему большинство россиян уверено, что знает ответы на все вопросы.

За более чем тысячелетнюю историю России у нас было две основные династии — Рюриковичи и Романовы. О Рюриковичах мы скажем кратко, лишь в объеме, необходимом для понимания истории семейства Романовых.

Основателем первой династии был Рюрик. Его сын Игорь владел уже всем древнерусским государством (Киевской Русью). Сын Игоря Святослав стал знаменитым полководцем, а внук, Владимир Святославович, принял христианство и стал Владимиром Святым. Деяния Игоря, Святослава и Владимира в основном известны историкам и не вызывают принципиальных споров. Самому же Рюрику повезло гораздо меньше. Некоторые дореволюционные и особенно советские ученые считали Рюрика мифическим персонажем, но не могли объяснить, как от «мифа» мог родиться вполне реальный князь Игорь. Другие же авторы признавали реальность Рюрика, но насмерть спорили о его злополучном «пятом пункте» — национальности.

Самое же любопытное, что первые 550 лет правления князей Рюриковичей никаких споров об их происхождении ни на Руси, ни за ее пределами не возникало. Рюрик считался реальной личностью, а по «пятому пункту» — норманном (по-русски — варягом). Но вот к началу XVI столетия появились теории типа «Москва — Третий Рим» («Первый Рим — древний Рим, падший под ударами варваров в V веке, Второй Рим — Константинополь, взятый турками в 1453 году, Третий Рим — Москва, а Четвертому Риму не быть!»).

Иван IV принимает царский титул, равный, по его мнению, императорскому. В такой ситуации для основателя династии заурядный норманнский конунг уже не годился. То ли бояре, то ли церковники надоумили Ивана Грозного назваться потомком римского императора Августа. Идея царю понравилась — почему бы потомку римских императоров не править Третьим Римом. Срочно было объявлено, что у

императора Августа, умершего в I веке нашей эры, был родной брат Прус. Этот таинственный и доселе неизвестный братец поехал на север Европы, где наплодил детей. Понятно, что Рюрик был его прямым потомком по мужской линии. Требовать доказательств у Ивана Васильевича никто не посмел, несмотря на забавность ситуации. Император Август тоже ведь был не промах и объявил себя потомком богини любви Венеры. Таким образом, Иван Грозный сам себя записал в потомки столь сексуальной богини, а все языческие боги по православным канонам были бесами, и, соответственно, православный царь стал бесовским отродьем.

В XVIII веке русским царям поминать Пруса и Августа было уже неприлично, и пришлось вернуться к норманнскому конугу Рюрику. Благо в западных хрониках были довольно подробно освещены европейские дела мелкого датского конуга Рёрика, владевшего поселком Дорестада во Фрисландии. Однако ряду историков, начиная с Татищева, национальность Рюрика не понравилась, и они предложили свою версию — Рюрик был славянином с острова Рюген. По мнению автора, есть определенная вероятность того, что в жилах Рёрика — Рюрика текла и славянская кровь. Но тем не менее он был норманнский конуг и таким попал в западноевропейские хроники и в русские летописи.

Потомки Рюрика стали киевскими князьями — верховными правителями Руси. Но уже после смерти Владимира Святого начался раздел страны между его сыновьями. А к началу XIII века Русь окончательно разъединилась на десятки независимых удельных княжеств.

Князья периодически воевали между собой, потом мирились и пировали, иногда ослепляли, а бывало, и живота лишали своего же брата Рюриковича. Тем не менее в управлении страной был какой-то (пусть плохой), но порядок. Во всех княжествах с IX века и до начала XVI века правили только князья — прямые потомки Рюрика. Не было ни одного исключения, если, конечно, не рассматривать два особых случая — Новгородскую и Псковскую республики.

В этот период (в отличие от XVIII–XIX веков) в князья не удалось затесаться ни одному лакею, истопнику или торговцу пирогами с зайчатиной. Князья обычно вступали в брак с княжнами из соседних княжеств, с боярскими дочерьми, даже были браки с половецкими, а потом и татарскими княжнами. Боярская дочь, став женой Рюриковича, получала титул княгини, но никогда и ни при каких обстоятельствах ее родичи не становились князьями и уж подавно не могли претендовать на княжеский престол. То же можно сказать и о половецких и татарских князьях (ханах).

Кстати, о боярах. У нас в художественной литературе и даже в трудах

историков в ходу штамп — «древний боярский род». Это очень удобный термин, и я сам скрепя сердце им пользуюсь. Но чтобы не вводить в заблуждение читателя, следует пояснить — если любой законный сын князя Рюриковича с момента рождения становился князем, то боярство в русских княжествах не передавалось по наследству. С таким же успехом можно сказать — «Древний генеральский род». Но если папа был генералом, то карьера его сына вполне может кончиться чином капитана — то убьют, то за пьянство со службы выгонят. Так и сын боярина вполне мог закончить свою карьеру в чине стольника или окольничего. Боярин — это высший чин при дворе князя. Таким образом, под «боярским родом» следует понимать группу родственников, служивших при дворе князя, среди которых несколько человек получили боярство.

История каждой семьи неотделима от истории нашего Отечества. Тем более это касается предков бояр Романовых. Они с XIV века постоянно находятся рядом с московскими князьями, Кобылины — Кошкины — Захарьины являются главными действующими лицами второго плана, а с 1533 года выходят на первый план. История России становится их семейной историей.

Поэтому прежде чем переходить к истории семейства Романовых, надо сказать несколько слов о ключевых моментах истории нашего Отечества в XIV–XVI веках.

В школьных учебниках при «проклятом царизме», равно как и при «развитом социализме», из семейства Рюриковичей выделяется линия Александр Невский — Данила Александрович Московский — Иван Данилович Калита и далее. Это умнейшие, дальновидные князья, патриоты своего Отечества. Главной их заботой была ликвидация феодальной раздробленности, создание единого централизованного Русского государства. Известный историк XIX века Дмитрий Иловайский так и назвал свою монографию — «Собиратели Руси». Все же остальные князья Рюриковичи предстают перед читателями жадными феодалами с узким кругозором, готовыми предать Русь иноземцам ради личной выгоды.

Но история, как говорил известный вождь, «не тротуар Невского проспекта». На самом деле московские князья по своим моральным качествам были не лучше, а зачастую хуже своих соперников Рюриковичей. Московские князья чаще других приводили татар на Русь. Недаром многие историки называли московских князей «подручными татарских ханов».

Уже в 40—50-е годы XIV века военная мощь Золотой Орды сильно ослабела под действием внутренних центробежных сил. Ордынцы были способны произвести лихой набег на Русь, сжечь пару-другую городов, но

Батыево нашествие уже было невозможно. С 1359 по 1379 год в Золотой Орде поменялось двадцать ханов, то есть в среднем по хану в год.

С 60-х годов XIV века по Волге и Каме проходили лихие отряды ушкуйников (вольных новгородских молодцев). Ушкуйники на легких судах — ушкуях — доходили до Астрахани и верховьев Камы, а по суше — до границ Китая. Их отряды были невелики — от 300 до 500 человек, но это были бойцы-профессионалы. Татары были бессильны оказать эффективное сопротивление ушкуйникам.

Если бы московские князья объединились с тверскими, то с татарами можно было бы покончить уже в середине XIV века. Куликовская битва имела определенное историческое значение. Но через два года Дмитрий Донской не сумел оказать сопротивление хану Тохтамышу, а бежал на север. Тем не менее взятие Москвы Тохтамышем (кстати, обманом) уже встречали на Руси не как Батыеву или Дюденеву рать, а как обычный пиратский набег. Власть Орды над Русью висела на волоске, но волею случая ордынскому игу удалось просуществовать еще 100 лет.

На Руси издавна существовал обычай, когда князю наследовал не его сын, а старший брат. Продолжительность жизни князей в среднем была 25–40 лет, и их сыновья к моменту смерти зачастую были подростками или даже маленькими детьми. Конечно, такой князь не мог ни защитить свои земли от врагов, ни управлять княжеством. Вместо него правили бояре, вдовствующие княгини и их родственники. Естественно, что следующий по старшинству брат был более компетентным правителем, тем более что он уже имел навыки управления своим уделом, участвовал в войнах под началом умершего брата и т. д.

Порядок престолонаследия по старшинству, когда власть переходила к старшему брату покойного князя, имел и ряд недостатков. Поэтому его следовало бы улучшить, например, ввести регентство дяди до совершеннолетия племянника или ограничения по возрасту. Но московским боярам была выгодна прямая передача власти от отца к сыну без ограничения в возрасте. Им было наплевать на интересы государства, а интересовала лишь собственная карьера.

Братья московского и других русских князей обычно жили в своих уделах, формально входивших в это княжество, и находились в вассальной зависимости от старшего брата. В случае смерти старшего брата следующий по старшинству брат приезжал в столицу и привозил своих бояр, которые заставляли потесниться у трона бояр умершего брата. Это вынуждало старых московских бояр держаться за юного князя вопреки интересам княжества. В принципе, чем князь был моложе, тем легче

боярам управлять им.

В 1425 году умирает 54-летний великий князь Василий, сын Дмитрия Донского. Его сыну Василию Васильевичу едва минуло 9 лет. По древнему обычаю наследовать престол должен был его старший дядя 50-летний Юрий Дмитриевич, сидевший в своем уделе в городе Галиче. Существовало и завещание Дмитрия Донского, по которому после смерти Василия Дмитриевича ему должен был наследовать следующий по старшинству брат. Но московские бояре, митрополит Фотий, а главное, чрезвычайно амбициозная вдовствующая княгиня Софья Витовтовна (дочь Великого князя Литовского Витовта) думали иначе. Они сочли за лучшее править сами именем ребенка, которого нарекли Василием II.

К его дяде Юрию Дмитриевичу, находившемуся в то время в Звенигороде, срочно был послан боярин с требованием немедленно ехать в Москву. Однако Юрий прекрасно понял, что по прибытии в Москву его ждет в лучшем случае заточение, и отказался ехать. Жребий был брошен: в Московском княжестве и на территории всей Руси началась 30-летняя гражданская война. В распоряжении Софьи Витовтовны были более многочисленные денежные средства и авторитет церковной власти. Галицкий князь Юрий Дмитриевич мог всему этому противопоставить лишь талант полководца и личное мужество.

Получив обильные дары из Москвы, на сторону Софьи стал татарский хан. Так был утерян шанс освободиться от власти развалившейся на улусы и агонизировавшей Золотой Орды. Лишь через 55 лет (в 1488 году) Русь перестанет платить ей дань. А тогда молодой Василий II заявил хану Улу-Мухаммеду, что ищет не просто Великого княжения, а «твоего улуса, по твоему цареву жалованию».

Тем не менее и татары не помогли Василию II. 20 марта 1434 года в сражении у Николиной горы Юрий Дмитриевич разбил московское войско. Василий II бежал в Орду, а 31 марта москвичи открыли ворота города дружине князя Юрия. Так Юрий Галицкий стал Великим князем Московским.

Кстати, по его указу впервые была начата чеканка серебряной монеты (копейки), на которой был изображен Георгий Победоносец, копьем поражающий змия. На монетах Василия II, выпускавшихся с 1425 года, был Самсон, побеждающий льва. Культ Георгия Победоносца к началу XV века был сильно распространен на Севере — в новгородских, двинских и вятских землях, из которых было большинство ратников Юрия Дмитриевича.

Сам князь Юрий (Георгий) считал Георгия Победоносца своим

патроном. Естественно, что у населения образ Георгия Победоносца ассоциировался с воителем Юрием, наследником славных традиций Дмитрия Донского, а змей — с Ордой.

Но, увы, в том же 1434 году великий князь Юрий Дмитриевич умирает, не исключена была и версия отравления.

Воспользовавшись ссорой сыновей Юрия — Василия Косого и Дмитрия Шемяки, — с татарской помощью Василий II возвращает себе престол. Тем не менее война продолжается, редкие перемирия сменяются ожесточенными сражениями. После поражения Василия Косого 14 мая 1436 года на реке Черехе Василий II приказывает его ослепить.

Через месяц после поражения войска Косого Василий II и Дмитрий Шемяка заключили мир, который оказался лишь пятилетним перемирием.

В июне 1445 года два татарских царевича Мамутяк и Якуба, сыновья казанского хана Улу-Мухаммеда, со сравнительно небольшим войском двинулись на Русь. У них было около 3000 человек, из которых 2000 были казаки «черкасы». Политических причин похода у них не было, шли просто пограбить. Навстречу им с ратью вышел сам Василий II. Ни Василий, ни его воеводы всерьез не воспринимали противника. 6 июля войска остановились на реке Каменке у Спасо-Евфимьева монастыря недалеко от Суздаля. Василий закатил пир на всю ночь, «ужинал у себя со всею братией из бояри и пиша долго ночи». Утром Великий князь помолился, опохмелился и опять лег спать («опочинути»). И тут внезапно налетели татары. Московское войско было вдребезги разбито, а сам Василий II попал в плен. Еще раз обратим внимание читателя — Василий II был разбит и взят в плен не золотоордынским ханом, а мелкими казанскими князьками. Со страху Василий II пообещал татарам выкуп в 200 тысяч рублей, а по другим сведениям — «сколько может».

26 октября Василий II прибыл в Москву за выкупом в сопровождении 500 татарских всадников. Естественно, что большую часть выкупа Василий II хотел взять с удельных князей, находившихся у него в вассальной зависимости. В начале февраля 1446 года Василий II отправился в Троицкий монастырь замаливать грехи. 12 февраля войска галицкого князя Дмитрия Шемяки и можайского князя Ивана Андреевича заняли Москву. Василий II был захвачен в Троице и ослеплен.

Дмитрий Юрьевич Шемяка становится Великим князем Московским. На его серебряных монетах также изображен Георгий Победоносец, но зато впервые появляется надпись «Дмитрий — государь Всея земли Русской». Дмитрий был первым московским князем, объявившим себя хозяином не только русских княжеств, плативших дань Орде, но и русских земель,

захваченных Литвой, — Малой и Белой Руси. Естественно, что при Дмитриии Шемяке, как и при Юрии Дмитриевиче, о дани Орде и речи не было. Увы, Дмитрий продержался в Москве менее одного года. Его любили купцы и ремесленники, но зато люто ненавидели московские бояре и духовенство. Шемяка вынужден был покинуть Москву, но борьба продолжалась до 1453 года, когда московским боярам удалось подкупить повара Дмитрия Юрьевича, который начинил ядом жареную курицу и подал ее князю.

Как видим, московская бюрократия добила своего, на великокняжеском престоле вместо энергичного политика, прекрасного полководца оказался инвалид Василий Темный, который еще до ослепления был безвольным политиком и бездарным полководцем. Ценой этому была 30-летняя гражданская война, разорение центральных областей Руси и еще несколько десятилетий татарского ига.

Московская пропаганда уже при Иване III и Василии III старалась всеми силами дискредитировать Дмитрия Шемяку. Что-то из этого осталось и в памяти народной, например выражение «Шемякин суд».

Все дореволюционные и советские историки дружно ругали Шемяку и противопоставляли ему «положительных героев» — Василия II и Ивана III. Впервые иная точка зрения на 30-летнюю войну был высказана известным историком А. А. Зиминим в 70-х годах XX века. Однако книга «Витязь на распутье» вышла в свет лишь в 1991 году.

После победы над Шемякой Василий II и его сын Иван III начинают расправы над удельными князьями. Причем самое любопытное, что хуже всех приходится их ближайшим родственникам. Эту же линию продолжил и сын Ивана III Василий III, и его «свирепый внук» Иван IV Грозный. В результате ко времени смерти Ивана Грозного (1584 год) из потомков Ивана Калиты остаются только двое — слабоумный Федор и младенец Димитрий. У них нет ни двоюродных, ни троюродных ни братьев, ни дядей, ни племянников, вообще никакой родни по мужской линии. Убиты все!^[1]

Что же касается остальных ветвей Рюриковичей, то они после смерти Василия II в 1462 году не могли и думать о борьбе с московским князем и стали вассалами с очень ограниченными правами. Но ни Ивану III, ни его сыну и внуку не нужны были верные вассалы, они нуждались только в холопах. Уже Василий III мог позволить крикнуть в лицо Рюриковичу: «Молчать, смерд». Потомков удельных князей заставляли подписываться в челобитных Василию III и Ивану IV — «Холоп твой Ивашка» и т. д.

Спору нет, процесс централизации власти был прогрессивен, а жестокость необходима на Руси. Аналогичные процессы централизации

власти шли и в государствах Западной Европы, например в Англии и Франции. Там тоже короли казнили крупных феодалов. Ограбление Великого Новгорода Иваном III, а затем и Иваном IV можно сравнить с ограблением в 1308 году Ордена Тамплиеров королем Филиппом Красивым. Но ни в одной стране Западной Европы владетельные феодалы не подвергались такому мерзкому унижению, как потомки удельных князей в России.

У каждого удельного князя, даже ставшего вассалом Москвы, были двор и дружина, состоявшая из людей, несколько поколений которых служили предкам удельных князей. Чтобы ослабить военную мощь удельных князей, московские правители стали постоянно менять им уделы, а затем заменять их вотчинами, то есть обширными поместьями, разбросанными в разных концах страны. Но такая политика имела и оборотную сторону медали. До создания регулярной армии Петром I основу военной мощи государства Российского составляло феодальное ополчение. Но если в XIV–XV веках самый захудалый князь приводил пусть небольшую, но верную, сплоченную дружину, то в XVI–XVII веках из разных вотчин в ополчение съезжались случайные люди, не знавшие людей из других отрядов, не знавшие своего князя даже в лицо. Такое положение серьезно ослабляло военную мощь России.

В середине XVI века центральная часть современной Украины номинально принадлежала Литовскому государству, а фактически вся полнота власти была в руках удельных князей — потомков Литовского князя Гедемина, таких как семейства Вишневецких, Острожских и др. Эти князья полностью обрусели, исповедовали православие, говорили по-русски и даже называли себя русскими. Первая попытка полонизации и введения католицизма в Малороссии были встречены этими князьями в штыки. Они явно предпочитали союз с православной Москвой.

В 1556 году Дмитрий Вишневецкий отправил грамоту Ивану IV с просьбой, чтобы «его государь пожаловал и велел себе служить». В подданство Дмитрий Вишневецкий просился не один, а вместе с Черкасским и Каневецким повитами (областями). Ему фактически принадлежали все земли ниже Киева до дикой степи, где хозяйничали крымские татары.

Грозный, занятый подготовкой к Ливонской войне, не захотел ссориться с Литвой и Польшей. Так был утерян уникальный исторический шанс объединения Великой и Малой Руси. Такое объединение должно было произойти сверху через князей Гедеминичей. Для населения объединение должно было пройти безболезненно. Та же вера, тот же язык,

тот же менталитет. Единственное препятствие — Гедеминовичи согласны были стать верными вассалами Ивана Грозного, но никак не его холопами. Через 100 лет Богдан Хмельницкий попытался присоединить те же земли к России, но там уже будет жить не русский, как при Вишневецком, а украинский народ.

Подрыв экономики и военного могущества вассалов Рюриковичей и постоянное унижение их Василием III — Иваном IV привело к тому, что старомосковское боярство начинает местничать с князьями Рюриковичами. По своему богатству такие семейства, как Годуновы и Романовы, к моменту смерти царя Федора Ивановича существенно превосходят любого князя Рюриковича. За 100 лет деспотии народ отвык видеть в Рюриковичах «древнюю отрасль воинственных властителей своих». Но многие князья не могли забыть своего происхождения и были готовы к борьбе за власть как между собой, так и с «выскочками» Годуновыми и Романовыми.

Путь к трону

Историческое исследование

Автор выражает благодарность за предоставленные интересные сведения доктору исторических наук Андрею Кирилловичу Станюковичу, заведующему физико-техническим отделом НИИ судебной медицины Минздрава РФ, профессору, доктору медицинских наук Виктору Николаевичу Звягину, директору музея «Палаты бояр Романовых» Галине Константиновне Шуцкой, старшему научному сотруднику Государственного историко-литературного музея им. А. С. Пушкина Любови Васильевне Жуковой.

Автор выражает особую признательность своей жене Ирине Владимировне Осиповой за всестороннюю помощь в создании этой книги.

«Где существуют истории родов, городов и учреждений, там возможно создание и общей истории».

Историк К. Н. Бестужев-Рюмин

«Судьба осуществляется в жизни народов посредством сознательной воли, которая умеет воспользоваться благоприятными обстоятельствами».

Германский историк Трейчке

«Дикость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

А. С. Пушкин

Глава 1

Андрей Кобыла

Обычно романы кончаются свадьбой, а мы свое повествование начнем со свадьбы.

В декабре 1346 года из Москвы в Тверь за невестой московского князя Симеона Гордого отправился санный поезд, сопровождаемый эскортом дружинников. Командовали эскортом Андрей Кобыла и Алексей Босоволоков, по совместительству они были и сватами. В Твери сватов ждала юная невеста Мария, дочь тверского князя Александра Михайловича. История этого бракосочетания сама достойна романа Вальтера Скотта или драмы Шекспира.

За девятнадцать лет до этого, 15 августа 1327 года, в Твери вспыхнуло народное восстание против татар. Посол Шевкал, двоюродный брат золотоордынского хана Узбека, был убит вместе со своей многочисленной дружиной. Этому событию несказанно обрадовался московский князь Иван Калита. Но, увы, не тому, что православные побили поганых татар, уже 100 лет терзающих Русь. Иван Калита нашел повод раз и навсегда покончить со своим конкурентом в борьбе за титул Великого князя Владимирского тверским князем Александром Михайловичем. Калита срочно уезжает в Орду и вскоре возвращается с 50 тысячами татар. Татарская орда и московские дружинники уже поздней осенью 1327 года вторглись в Тверское княжество, ведомые Иваном Калитой. Были взяты и разорены Тверь, Кашин и другие города Тверского княжества. Заодно татары решили напасть и на Господина Великий Новгород, не имевшего никакого отношения к убиению Шевкала и вообще к Тверскому княжеству. Однако новгородцы заплатили пять тысяч рублей, которые поделили между собой Калита и ордынские темники, и Новгород было решено оставить в покое.

Тверской князь Александр Михайлович бежал в Псков, а затем в Литву, но через десять лет внезапно вернулся в Орду. Князь заявил хану Узбеку: «Я сделал много зла тебе, но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, буду готов на все, что Бог возвестит тебе». Хан Узбек ответил: «Князь Александр смиренной мудростью избавил себя от смерти». Хан возвратил Александру Михайловичу ярлык на Тверское княжество.

Но мир между Тверью и Ордой не устраивал Москву. Не прошло и двух лет после возвращения Александра Михайловича в Тверь, как Калита едет в Орду с доносом на Александра и большими «поминками» хану.

Нетрудно понять, почему сразу после визита Калиты Александр Михайлович был срочно вызван в Орду. Там 28 октября 1339 года Александр и его сын Федор были зверски убиты татарами. Калита ненадолго пережил соперника — 31 марта 1340 года он скончался в Москве. На престол взошел его сын Симеон, прозванный Гордым. Симеон действительно был очень зол и заносчив. Слово «гордый» в те времена звучало почти как ругательство, недаром попы часто цитировали Апостола Петра: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».

И вот Великий князь Владимирский и Московский Симеон решает помириться с Тверью. Тверской князь Всеволод Александрович погряз в распрях со своими тверскими родичами, и ему совсем не до борьбы за великокняжеский титул. Брак выгоден обеим сторонам. Спрашивал ли кто-нибудь Марию, хочет ли она замуж за сына убийцы своего отца? Думаю, что нет.

В начале 1347 года Кобыла и Босоволоков доставляют Марию Александровну Тверскую в Москву. Однако внезапно свадьба откладывается — глава русской церкви митрополит Феогност категорически отказался венчать молодых. Дело в том, что тридцатилетний Симеон уже был два раза женат. В самом факте этого не было ничего зазорного, поскольку по православным канонам можно было жениться три раза. Зато митрополита смущала «специфика» разводов Гордого.

Первый раз Симеон женился на Айгусте (Анастасии), дочери великого литовского князя Гедемина. Но в 1345 году Анастасия постригается в монахини, а Симеон сразу берет себе новую жену. Новый брак не был политическим. Вторая жена Евпраксия была дочкой Федора Святославовича, безземельного отпрыска смоленских князей, приехавшего на службу к московскому князю. Не прожив и года с Евпраксией, Симеон отправляет ее к отцу. В летописи было сказано: «Великую княгиню испортили на свадьбе. Ляжет с Великим князем, и она ему кажется мертвец». Подробную расшифровку этой фразы я оставляю читателю. Но, в общем, неудовлетворенный в интимной сфере «гордый» князь занялся поисками новой невесты.

После нескольких недель противостояния митрополит уступил и повенчал Симеона с Марией, а «развёденку» Евпраксию — с Федором Фоминским, таким же безземельным отпрыском смоленских князей, как и ее отец.

Симеон и Мария нажили несколько детей. Но в 1352 году на Русь пришла страшная беда — «моровая язва». По свидетельству летописцев в городах Глухове и Белозерске от язвы вымерли все жители до единого. В

1353 году в Москве от язвы умирают все дети Симеона, митрополит Феогност, а затем и сам гордый Симеон.

В этой драматической истории для нас представляет интерес лишь одно второстепенное лицо — Андрей Кобыла, сват Марии Тверской. Именно он стал родоначальником семейства Романовых. К сожалению, об Андрее Кобыле нам неизвестно ничего, кроме его поездки в Тверь и плодовитости. Он имел 5 сыновей, 14 внуков и 25 правнуков. Не только Романовы, но и десятки известных дворянских фамилий считали Кобылу своим предком.

Ряд историков считает, что Кобыла был важным боярином, чуть ли не правой рукой Симеона. Единственным доказательством этого служит факт поездки Андрея за Марией, мол, простого человека не послали бы за княжеской дочкой. Да, действительно, Андрей Кобыла не был простым дружинником, но мог быть, предположим, просто сотником. Но летописцы нигде более не упоминают об Андрее Кобыле и его коллеге Алексее Босоволокове. Судя по количеству детей, Андрей Кобыла жил сравнительно долго и имел возможность отличиться, благо Москва непрерывно вела войны с соседями.

В XVIII–XIX веках десятки историков начали поиски предков Андрея Кобылы. Кто-то придумал Андрею отчество Иванович, и оно, спустя десятилетия, стало восприниматься как непреложный факт.

В 1681 году царь Федор Алексеевич издал указ, предписывающий боярам представить свои родословные. Боярин Петр Васильевич Шереметев представил свою родословную, где было сказано, что его род идет от Андрея Кобылы, который приехал в Москву из Прусс. Никаких доказательств происхождения Кобылы Шереметев не привел, да и никто не копался в таких дебрях. Впрочем, Шереметев был достаточно скромн, а вот князя Юсуповы выводили свой род ни много, ни мало как от пророка Али, племянника Магомета. И вот в начале XIX века сию писулю Шереметева приняли за неопровержимый исторический документ. В 1722 году в Петербурге была издана «Историография» С. А. Колычева, в которой утверждалось, что в XIII веке потомок прусских королей Гланд Камбила Дивонович приехал из Прусс в Москву и произвел на свет сына Андрея, которого впоследствии называли Кобылой (искаженное от Камбила).

Позже немец Миллер придумал длинную родословную от «короля прусского Вейдевута», вступившего на престол в 305 (?) году, до Гланда Камбилы. Но по Миллеру, в Москву переезжает не Камбила, а его сын Андрей.

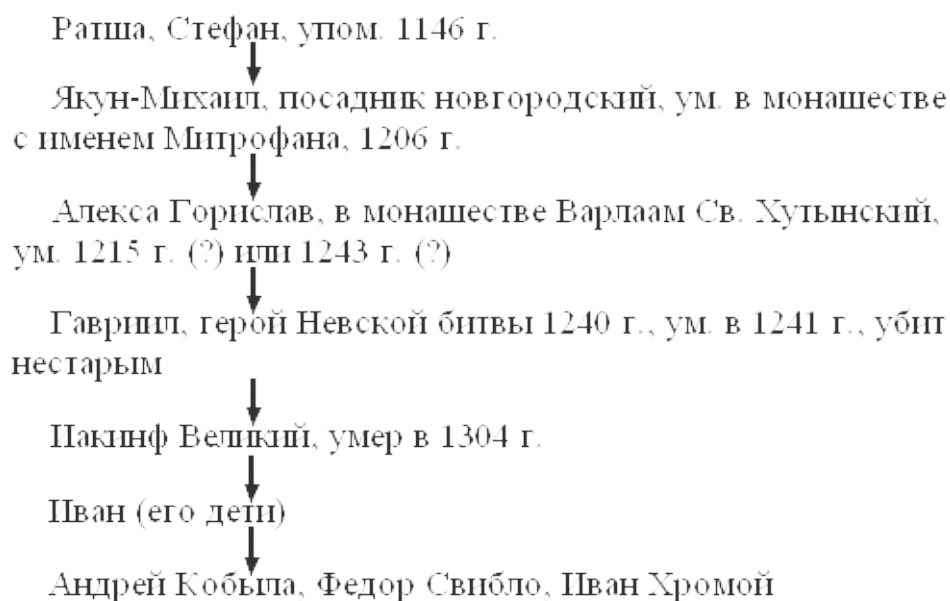
Профессор Л. М. Савелов хорошо сказал: «Крайне интересна легенда о

родоначальнике Романовых, они производят себя от короля Прусского Вейдевута, наследовавшего в 305 г. престол от старшего брата Прутено, когда считается, что выехал их родоначальник Гланд Камбила Дивонович с сыном, прозванным Андреем Ив. Кобылой — это дистанция такого размера, что говорить о каких бы то ни было исторических доказательствах весьма трудно, и приходится верить, не рассуждая и допуская о существовании в IV в. прусских королей». ^[2] Кстати, это было написано до революции, когда вполне можно было схлопотать солидный срок за «оскорбление Его Императорского Величества».

В первой половине XIX века появилось еще несколько версий о происхождении Кобылы. По одной из них, он был потомком рыцарей-крестоносцев, по другой — потомком литовского князя Видвута.

В царствование же Александра II и особенно Александра III в идеологии верхов постепенно усиливается национализм. Александр III первым после Петра I отпустил окладистую бороду, армия надевает просторные русские шаровары, церкви строят по древнерусским образцам. Историки мгновенно почуяли изменение конъюнктуры и начали искать потомков Кобылы в своем отечестве.

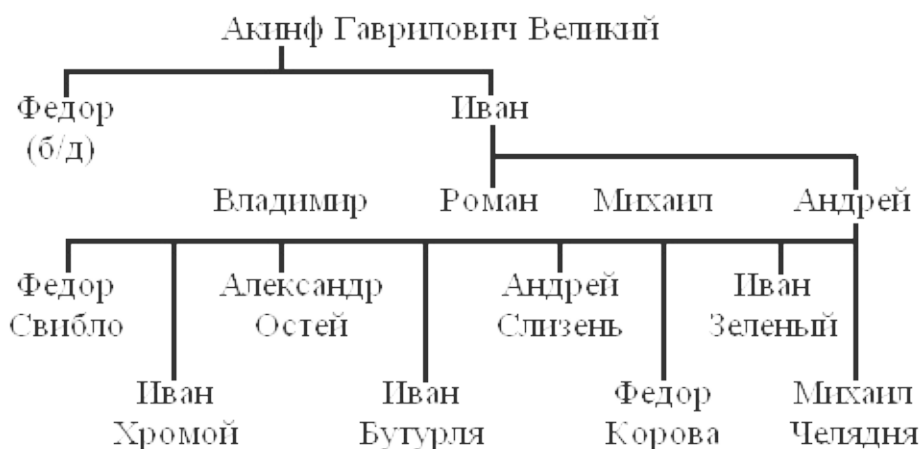
Естественно, лучшим предком для Кобылы был бы какой-нибудь захудалый Рюрикович, но, увы, их родословные в XII–XIII веках более-менее известны, и фальшь бесспорно бы разоблачили. А что если отец Кобылы приехал из вольного Новгорода? Это можно было даже сопоставить с родословной 1681 года Шереметева — сам Кобыла или его отец приехал «из Прусс», но не из Пруссии, а с Прусской улицы в Новгороде. Улица такая действительно была в XII веке в Новгороде. Чем не доказательство? Нашлись, правда, и оппоненты, которые утверждали, что Кобыла приехал из Новгорода, но не с Прусской улицы, а с Кобыльей улицы, и такая действительно была в славном городе Новгороде. Верноподданнические историки тщательно перебирали немногочисленные имена новгородцев, попавших в летописи. В конце концов действительный член Императорского Русского археологического общества П. Н. Петров в своем труде «История родов русского дворянства» (Санкт-Петербург, 1886) составил родословную.

И вот последний Андрей и был объявлен Андреем Ивановичем Кобылой. Почему? Вот мнение П. Н. Петрова, автора обширного труда истории родов русского дворянства: «Нам представляется этот Андрей Иванович, внук Акинфа Великого, одним лицом с Андреем Ивановичем Кобылой, родоначальником Романовых, которого происхождение и в родословных XVI века, вероятнее всего, как лица, известного в Москве и начавшего свой род с другим прозванием».

Каковы несокрушимые аргументы — «нам представляется» и «вероятнее всего»?

Современные же историки^[3] показывают совсем иное генеалогическое древо:

От Ивана Хромого пошли дворяне Давыдовы; от Александра Остея —

Жулебины, Чоботовы и Чулковы; от Ивана Бутурли — Бутурлины; от Михаила Челедни — Челеднины; Федор Корова и Иван Зеленый умерли бездетными. Таким образом, нет никаких оснований отождествлять Андрея Ивановича, внука новгородца Акинфа, с Андреем Кобылой.

Как видим, все версии происхождения Андрея Кобылы очень похожи друг на друга — ни у одной из них нет ни одного достоверного доказательства. Поэтому нам придется оставить бедного Кобылу без родословной и даже без отчества. По мнению автора, наиболее вероятно, что Андрей Кобыла был рожден в Москве или прилегающих княжествах, а его отец был простым дружинником. В начале XII века в маленьком городе Москве наверняка бы запомнили прибытие знатного новгородца, не говоря уж о потомке «прусских королей», и его сына вряд ли величали бы просто Кобылой. Кстати, так и Зимин пишет о Кобыле: «Происходил он, вероятно, из коренных московских (и переславских) землевладельцев».

Глава 2

Кобылины дети

У Андрея Кобылы было пятеро сыновей — Семен Жеребец, Александр Елко, Василий Ивантей, Гаврила Гавша и Федор Кошка (схема 1).

У Семена Жеребца было четыре сына (Григорий Лодыга — родоначальник Лодыгиных, Коновницыных и Горбуновых; Игнатий, потомство которого пресеклось в середине XV века; Фома, у которого был один бездетный сын, и Александр Синий, родоначальник Горбатовых, Кокоревых и Образцовых) и девять внуков. Роль их в истории оказалась невелика.

Игнатий был самым значительным из сыновей Семена Жеребца, по-видимому, он был боярином. По словам Геннадия Бутурлина, он был местом меньше Андрея Ивановича Акинфова. В 1408 году Игнатия назначили воеводой на Коломне, где он был убит в битве князя Федора Рязанского с князем Иваном Пронским. У Игнатия было три сына — Алексей и бездетные Федор и Андрей. Алексей в 1445 году был воеводой великого князя в Суздальском бою. Его единственный сын Андрей был убит, по-видимому, в молодости в том же бою и не оставил потомства.

Дети старшего сына Жеребца — Григория Лодыги — были при Иване III «испомещены» в Новгороде, взамен сосланных новгородских дворян. Поэтому они оказались на вторых ролях. Петр Андреевич Лодыгин служил второразрядным воеводой в 1515–1521 годах.

Внук Александра Синего, Игнатий Борисович Образец, находился на службе у князя Андрея Васильевича Углицкого. В 1488–1489 годах он донес своему князю, что Иван III хотел его «поймать». Видимо, великий князь сумел отплатить за это. Один из сыновей Игнатия Образца, Борис, бежал при неизвестных обстоятельствах в Литву. Внуки Игнатия Образца (от его сына Романа) служили князю Владимиру Андреевичу Старицкому.

Внук Жеребца Игнатий Образец в 1501 году был воеводой сторожевого полка. Его двоюродный брат Иван Игнатьевич Шишка в 1495 году сопровождал в свите Ивана III во время его поездки в Новгород.

Александр Елко, второй сын Андрея Кобылы, был родоначальником Колычевых, Стербеевых, Неплюевых и Хлуденевых. Елко имел пять сыновей: Федор Колыч, Иван Хлудень, Григорий Стербей, бездетный Роман и Федор Дютка. Сын Александра Федор Колыч, живший во второй

половине XIV — начале XV века, по-видимому, был крупным землевладельцем. Его владения (село Колычево Московского уезда и село Колычевское Коломенского уезда) упоминаются в великокняжеских духовных и договорных грамотах XV века. У Федора Колыча было четыре сына: Григорий, Андрей, Иван и Тимофей. Андрей погиб в битве с татарами под Суздалем в 1445 году. У него было три сына: Андрей, Семен и Иван Лобан, от них пошли три ветви Колычевых, некоторые представители которых попали в думу. Старший брат Андрея Григорий после сражения с татарами под Белёвым (1438 год) подарил Троицкому монастырю село Конотеребово Московского уезда, полученные им в приданое. Его сын Александр был боярином у князя Михаила Андреевича. Иван и Тимофей умерли бездетными.

Большая часть Колычевых была переселена на новгородские земли и стала новгородскими помещиками.

Василий Ивантей имел только одного сына Григория, который умер, не оставив потомства.

Потомки четвертого сына Андрея Кобылы — Гаврилы Гавши — также стали новгородскими помещиками и носили фамилию Боборыкины (по правнуку Гавши Федору Андреевичу Боборыке).

Основную же линию продолжил пятый сын Кобылы Федор Кошка. Кошка служил боярином у Дмитрия Донского. Ряд историков утверждает, что Федор Кошка подписывал два завещания Дмитрия Донского: в 1371 году и в 1389 году, и ему великий князь доверил оборону Москвы, когда сам двинулся на Куликово поле. К сожалению, в летописях указано только имя и отчество боярина — Федор Андреевич, без прозвища. А у Дмитрия Донского, кроме Кошки, был еще боярин Федор Андреевич Свибл. Поэтому точно сказать, кто из них подписывал великокняжеское завещание в 1371 году и на кого оставил охранять Москву в 1380 году Дмитрий, мы не можем. Но вот в 1389 году второе завещание Дмитрия Донского подписали оба боярина Федора Андреевича.

В 1393 году Федор Кошка возглавил посольство в Новгород. А в 1391 году Кошка выдал свою дочь Анну за сына тверского князя Михаила Александровича — Федора. Федор Михайлович был младшим сыном и получил крошечный удел — городок Микулин (в настоящее время село Микулино в 50 км от Твери). Анна и Федор имели двух сыновей — Александра и Федора, которые после стали удельными князьями Микулинскими, находившимися в вассальной зависимости от Тверского княжества. В 1485 году Андрей Борисович, правнук Анны и Федора, отдал свой удел Ивану III и переехал в Москву. Оба его сына стали московскими

боярами, и оба были бездетны. Род этот пресекся в 1525 году.

Брак Анны и Федора Микулинского был, несомненно, политическим — попыткой сближения Василия I и Михаила Александровича. Федору Кошке и его детям было крайне лестно породниться с князем Рюриковичем. Но на политические интриги в Москве захудалый микулинский князь никакого влияния не имел и ничем не мог помочь Кошкиным.

Сам же боярин Федор Кошка под старость лет ушел в монастырь и стал монахом Феодоритом. По предположению историка В. К. Трутовского Кошка умер в 1407 году.

Глава 3

Кошкины дети

У Федора Кошки было пятеро сыновей — Иван, Федор Голтяй, Александр Беззубец и Михаил Дурной (схема 2).

Младший, Михаил Дурной, умер без потомства, и нам о нем ничего не известно.

Федор Голтяй получил чин боярина. Его подпись стоит на первой духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича, непосредственно за подписью своего старшего брата Ивана. У Голтяя было три сына: Иван, Гаврила и Андрей и дочь Мария. Умер Голтяй, вероятно, во время больших эпидемий в конце княжения Василия Дмитриевича. Во всяком случае, во время княжения Василия Темного Голтяя не было в живых. Его вдова Мария (инокиня Маремияна) с сыном Андреем дали в 1428–1432 годах Троицкому монастырю (при игумене Савве) в Кинельском стану Переяславского уезда «село свое в Кинеле Ондреевское Воронина у озера, а опрочь озера... А озера есмя не дала х той земли, что того села жеребей озера». Речь идет об озере Тарбеевском, находящемся в версте от Параклита. Сыновья Иван и Гаврила умерли, по-видимому, в младенчестве.

В историю Федор Голтяй вошел тем, что в 1408 году весьма удачно выдал замуж дочь Марию за сына боровского князя Владимира Андреевича — Ярослава. Все три брата Голтяевы умерли бездетными, и родовые вотчины достались их сестре Марии Федоровне.

Боровское княжество выделилось в 1341 году из Московского

княжества по духовному завещанию Ивана Калиты, отдавшего его сыну Андрею. Сын Андрея Ивановича Владимир Андреевич Храбрый (1358–1410 гг.) существенно расширил княжество. Но, умирая, он разделил свою «отчину» между пятью сыновьями. Его четвертый сын Ярослав получил в удел Малоярославец. В браке Ярослав и Мария Голтяева имели трех детей — Василия, Марию и Елену.

Елена Ярославна вышла замуж за удельного верейского князя Михаила Андреевича (внука Дмитрия Донского). Кстати, Михаил Андреевич был первым и последним верейским князем. Это княжество появилось в 1432 году, когда умер Можайский князь Андрей Дмитриевич и его удел был поделен между сыновьями. Михаил Андреевич был верным союзником Василия Темного и ни разу не изменил ему. Но Иван III отплатил верейскому князю черной неблагодарностью. В принципе, Иван III решил разделаться со всеми своими родственниками без исключения. В 1484 году Василий Удалой, сын Михаила Андреевича и Елены, вынужден был бежать с женой в Литву. На следующий год Михаил Андреевич умер, а Верейский удел был захвачен Иваном III.

Мария Ярославна в 1433 году вышла замуж за великого князя Московского Василия II. К ее свадьбе мы еще вернемся.

Как видим, неродовитое семейство Кошки постепенно приобретает большое влияние. В 1408 году впервые внучка Кошки Мария выходит за удельного князя Рюриковича, а спустя четверть века его правнучка становится великой княгиней.

Брат великой княгини Марии Василий Ярославич восстанавливает единое Серпухово-Боровское княжение. В ходе 30-летней гражданской войны он активно поддерживает Василия II. После победы Василий II пригласил в гости шурина с двумя сыновьями, но 10 июля 1456 года внезапно велел их схватить, заковать в кандалы и отправить в «тесное заточение» в Углич, где они скончались или были убиты. «Поимание» князя Василия Ярославича было столь непонятным, что летописец не нашел даже слов для его объяснения, ограничившись лишь скупым изложением самого факта. Серпухово-Боровское княжество было присоединено к Московскому. Лишь жене Василия Ярославича и старшему сыну Ивану удалось бежать в Литву.

Рассказав о дочери Голтя Марии и ее потомстве, перейдем к его сыну — Андрею Голтяеву. Андрей Голтяев стал боярином и воеводой Василия II и Ивана III. В 1434 году Василий II посылает Андрея Голтяева в Тверь к Ивану Можайскому с целью склонить его на сторону Василия II в конфликте с Юрием Владимировичем. Миссия Голтяева успеха не имела,

но это не отразилось на карьере боярина. В январе 1435 года Андрей Голтыев вместе с другими московскими воеводами был захвачен в Вологде Василием Косым. В декабре 1437 года Голтыев был одним из воевод в сражении с татарской ордой Улу-Мухаммеда под Белевым. В 1444 году хан Мустафа подошел к Рязани, и Василий II послал против него двух воевод, Василия Оболенского и Андрея Голтыева с конной дружиной и «мордву на лыжах». Любопытно, что в битве с татарской ратью Мустафы под Рязанью кроме конной дружины и мордвы участвовали «казаки рязанские». Это первое упоминание о казаках в русских летописях. Сражение шло при сильной метели, почти все татары были перебиты, погиб и сам Мустафа.

Боярин Андрей Федорович погиб в 1445 году в Суздальском бою, не оставив потомства. А после его смерти вдова его Акулина дала Троицкому монастырю «село Тарбеевское к святой Троице и жеребей озера, что к той земле потягло». Таким образом, пресеклась ветвь Голтыевых, игравшая не последнюю роль в русской истории первой половины XV века. Все родовые вотчины братьев Голтыевых достались их сестре Марии Федоровне, жене князя Ярослава Боровского, которая стала богатейшей вдовой. Все эти имения великий князь Иван III отдал своему младшему брату Борису Васильевичу Волоцкому, сыну Марии Ярославны Боровской и внуку Марии Голтыевой, в награду за «стояние на реке Угре».

Закончив с семейством Голтыя, перейдем к третьему сыну Кошки — Александру Беззубцу. Сам он не оставил никакого следа в истории. О нем известно, что он имел трех сыновей: Ивана, Григория и Константина. Из них известен лишь Константин, который был коломенским наместником великого князя Василия II. В 1450 году Константин Беззубцев на реке Битоге (приток Днепра) разбил рать какого-то ордынца Малым Бердея. Григорий умер бездетным, потомство Ивана также быстро вымерло. Зато у младшего сына Константина было пять сыновей: Федор Замятня, Андрей Шеремет, Семен Епанча, Михаил и Александр Сова. Федор и Александр Сова имели по одному бездетному сыну. Семен Епанча имел двух сыновей — бездетного Василия и Семена. У Семена Семеновича сыновей не было, а дочь его вышла замуж за князя Ивана Михайловича Курбского. Михаил в 1498–1499 годах был воеводой в Казанском походе, в 1509 году пожалован в окольничие, а затем тоже исчезает из летописей. От жены Анны он имел трех сыновей, все бездетные. У Андрея Шеремета было три сына: Иван и Борис бездетные и Василий. У Василия было шесть сыновей. От первой жены — Иван и Григорий, а от второй — Семен, Никита, Иван Меньшой и Федор. Таким образом, у Константина Александровича Беззубцева было всего 10 внуков, из которых 9 умерли бездетными или не имели мужского

потомства, и только Василий Андреевич Шеремет имел потомство и стал родоначальником рода Шереметевых.

Теперь мы обратимся к нашей главной линии, которую продолжил старший сын Федора Кошки Иван. Иван Федорович Кошкин становится боярином при великом князе Василии I. Но любопытно, что если Федор Кошка гнул проордынскую линию, то его сын был настроен против татар. Об этом свидетельствует и послание татарского хана Едигея Василию I: «Добрые нравы и добрая дума и добрые дела в Орде были от боярина Федора Кошки; добрый был человек; которые были добрые дела ордынские — и он тебе об них напоминал; но это время прошло. Теперь у тебя сын его Иван, казначей твой и любимец, старейшина, без которого слова и думы ты не выступаешь. А от этой думы улусу твоему теперь разорение и христиане изгибли. Так ты вперед поступай иначе, молодых не слушай, а собери старших своих бояр: Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича да иных многих стариков земских и думай с ними добрую думу».

У Ивана Кошкина было четыре сына: Иван, Федор Брех, Яков Казак и Захарий.

Старший сын Иван Иванович стал боярином и занял при дворе московского князя место отца и деда. В середине XV века он был наместником в Костроме. В 1459 году Иван Иванович идет походом на Вятку вместе с князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым. В 1462 году Иван Иванович в числе пяти знатнейших московских бояр подписывает завещание великого князя Василия II.

У Ивана Ивановича родились только две дочери. Одну из них Иван Иванович выдал за Тимофея Собакина, убитого в Суздальской битве в 1445 году. Родословную Собакина не удалось выяснить. Другая дочь, Соломонида, вышла замуж за Григория Игнатьевича Морозова, представителя старомосковского боярского рода. Захват Соломониды в плен татарами в 6957 (1448/49) году на берегах Пахры отмечен в летописях как достопамятное происшествие.

Второй сын Ивана Кошки Федор Брех был боярином и известен лишь тем, что имел бездетного сына Ивана.

Третий сын Ивана Кошки Яков Казак имел двух дочерей, которых он весьма удачно выдал замуж, одну — за Андрея Михайловича Плещеева, родственника митрополита Алексея, а другую — за князя Федора Ивановича Ушатого. Федор Иванович был потомком ярославских князей. После смерти ярославского князя Давида Федоровича в 1321 году дед Ушатого Михаил получил в удел Моложское княжество. Столица княжества город Молога на правом берегу реки Мологи и левом берегу Волги

затоплен при сооружении Рыбинской ГЭС. В 1408 году Моложское княжество вновь раздробилось на Сицкий, Прозоровский, Шуморовский и другие уделы. Чем владел Федор Ушатый, установить не удалось, видимо, несколькими селами. У Федора Ушатого было шесть сыновей: Василий Ушатый, Константин, Иван Ляпун, Иван Бородатый, Юрий и Петр. Потомки Федора Ушатого играли большую роль в годы правления Ивана III.

Захарий Иванович имел трех сыновей: Якова, Юрия и Василия Ляцкого (схема 3). Об этой ветви рода Кобылы я расскажу ниже.

Глава 4

Пояс Василия Косого

В 1425 году умирает великий князь Московский Василий I. В этом случае по завещанию Дмитрия Донского великокняжеский стол должен занять средний сын Донского Юрий Галицкий. Но у московских бояр, вдовы Василия Софьи Витовтовны и митрополита Фотия иное мнение — они сажают на престол девятилетнего мальчика Василия II. Дружина галицкого князя существенно меньше московской. Тем не менее московские бояре обращаются за помощью в Орду. Как уже говорилось, к этому времени Золотая Орда, распираемая внутренними противоречиями, сильно ослабела. Казалось, что времена, когда московские князья ходили за ярлыком к золотоордынскому хану, давно миновали. Василий I наследовал Дмитрия Донского по завещанию последнего, не спрашивая хана. Но тут московские бояре поехали на поклон к хану Улу-Мухаммеду. Московские бояре подкупили ряд татарских вельмож, а боярин Иван Дмитриевич Всевожский заявил Улу-Мухаммеду: «Государь, вольный царь. Позволь молвить слово мне, холопу великого князя. Мой государь великий князь Василий ищет стола своего великого княжения, а твоего улуса, по твоему царскому жалованию, и по твоим девтерям (записям) и ярлыкам». Таким образом, хану дали понять, что Василий II будет его послушным слугой. Да и без этого хан мог легко сообразить, что девятилетний ребенок на московском престоле куда менее опасен, чем его пятидесятилетний дядя, храбрый воевода, правивший 36 лет полунезависимым княжеством. Естественно, хан выдал ярлык Василию II. В качестве отступного Юрий Дмитриевич получил городок Дмитров.

Но московские бояре были столь же жадны, сколь и недальновидны. Они надоумили малолетку Василия внезапно напасть на Дмитров и «поймать» там наместников Юрия Галицкого. Юрий Дмитриевич вынужден был молча снести это насилие.

В конце 1432 года Софья Витовтовна решила женить семнадцатилетнего сына на княжне Марии Ярославне, дочери верейского князя Ярослава Владимировича и Марии Голтыевой, внучке Федора Кошки. Нетрудно догадаться, что Софью Витовтовну энергично поддерживал боярин Захарий Иванович Кошкин (внук Федора Кошки). Тем более что в борьбе за власть Кошкиным противостоял боярин Иван Всевожский, доставший Василию II ярлык у хана Улу-Мухаммеда. Всевожский

намеревался женить Василия II на своей дочери. Партия Кошкиных победила.

8 февраля 1433 года состоялась пышная свадьба Василия II с Марией Ярославной. В Москву на торжества прибыли два сына Юрия Галицкого — Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Осторожный Юрий Дмитриевич остался в Галиче вместе с младшим сыном Дмитрием Красным. На свадьбе на Василии Косом был надет золотой пояс, украшенный драгоценными камнями («на чепех с камнем»).

Московские бояре решили устроить провокацию, чтобы окончательно уничтожить Ивана Дмитриевича Всеволжского. На свадебном пиру Захарий Иванович Кошкин внезапно «узнает» пояс на Василии Косом. Этот пояс якобы был дан в 1366 году суздальским князем Дмитрием Константиновичем Дмитрию Донскому в приданое за дочерью Евдокией. А тысяцкий Василий Вельяминов подменил этот пояс другим, менее ценным, а настоящий отдал своему сыну Николаю. Позже Николай Вильяминов злополучный пояс также дал в приданое за дочерью, которая вышла за Ивана Дмитриевича Всеволжского. А Всеволжский, в свою очередь, дал пояс в приданое своей внучке, вышедшей за Василия Косого.

Версия бояр круга Кошкиных была смехотворна. Недаром историк С. Б. Веселовский назвал ее басней. В январе 1366 года ни княжна Евдокия, ни ее свита не узрели подмены пояса. А спустя 67 лет Захарий Кошкин вдруг узнал пояс. Как мог Николай Вельяминов отдать пояс Ивану Всеволжскому в приданое, если Николай погиб в 1380 году, когда Ивану было менее десяти лет от роду. До сих пор сохранился документ, обличающий мошенника Кошкина. Это духовная грамота (завещание). Там Дмитрий Донской завещал своему сыну Юрию Галицкому «пояс золот с камнем, что ми дал отец мой, да другии пояс мой на чепех с камнем, а третеи пояс ему же на синем ремени». А князь Юрий Дмитриевич завещал Василию Косому «пояс золот с камнем, на чепех, без ремени».

Таким образом, на Косом мог быть пояс Дмитрия Донского, но владел он им на законном основании, получив от отца.

Хитрый Захарий правильно рассчитал, что на пиру никто не вспомнит о грамотах, и властная и жадная Софья Витовтовна будет действовать решительно. Пьяная старуха подбежала к Косому и сорвала с него пояс. Братья Василий и Дмитрий не рискнули отбивать пояс силой, это значило быть немедленно убитыми. Они немедленно покинули пир и с охранявшими их дружинниками отправились к отцу в Галич.

Инцидент на свадьбе был страшным оскорблением по тем временам, и по дороге братья в бешенстве отыгрались на городе Ярославле,

принадлежавшем Москве. Московские воеводы разбежались, а городская казна была захвачена Юрьевичами.

История с поясом была последней каплей, переполнившей чашу терпения Юрия Галицкого. Он вспомнил все: и унижения от хана Улу-Мухаммеда, и захват города Дмитрова, и многое другое. Когда Косой и Шемяка въехали в Галич, дружина отца уже готовилась к походу на Москву.

Василий II собрал большое войско, там была не только дружина, но и московское ополчение из «Москвы гостей и прочих». Рати сошлись 25 апреля 1433 года на реке Клязьме в 20 верстах от Москвы.

Князь Юрий Галицкий и его сыновья были искусными воеводами. Да еще накануне битвы Василий II устроил пир, как писал А. А. Зимин — «москвичи в дым перепились». Рать Василия II была вдребезги разбита, а сам он бежал в Кострому. Юрий Галицкий въехал в Москву и стал великим князем. Вскоре конный отряд под командованием Василия Косого взял Кострому и захватил Василия II. Дядя поступил с племянником великодушно, дав ему в удел город Коломну.

Казалось, чем плохо 18-летнему выпивохе — красивый город на Оке, леса полны зверя (там и сейчас заповедники) да еще молодая жена. Но старомосковским боярам не понравилось быть на вторых ролях у великого князя Юрия Дмитриевича. Большинство из них, включая Кошкиных, отправились в Коломну подговорить Василия II выступить против дяди. К Коломне были стянуты большие силы.

Сам же Юрий Дмитриевич в Москве ухитрился напрочь поссориться со своими сыновьями Косым и Шемякой. Братья вместе с дружинами покинули Москву. В августе 1433 года, не дождавшись подхода войск племянника из Коломны, Юрий Дмитриевич покидает Москву и уезжает в Галич. Василий II вернулся в Москву и снова стал великим князем. Через месяц дядя с племянником заключили мир. Василий II даже дал дяде компенсацию (Бежецкий верх) за отнятый у него Дмитров.

Помирившись с дядей, Василий II решил разделаться с двоюродными братьями и двинул большую рать на Кострому, где укрылись Косой и Шемяка. 28 сентября 1433 года на реке Куси Косой и Шемяка вдребезги разбили московское войско и взяли в плен его воеводу Юрия Патрикеева.

Братья обратились к отцу с предложением опять идти на Москву, но Юрий Дмитриевич отказался. Братья вернулись зимовать в Кострому.

Дядя поступил благородно по отношению к племяннику. А вот московские бояре сумели уговорить Василия II внезапно напасть на Галич и захватить там Юрия Дмитриевича. Василий II лично возглавил поход зимой 1434 года. Увы, набег не удался, Галич взять не удалось. Разгромив

окрестности, Василий II удалился. Юрий Дмитриевич помирился с сыновьями, и они вместе 20 марта 1434 года наголову разбили московское войско у горы Святого Николая в Ростовской земле. Василий II бросил войско и бежал в Великий Новгород.

31 марта 1434 года московский воевода Роман Хромой вышел открывать ворота, и Юрий Дмитриевич торжественно вошел в Москву. Так Юрий вторично стал великим князем. Но пробыть на престоле ему удалось лишь несколько недель — 5 июля 1434 года великий князь Юрий Дмитриевич скончался.

Борьба за власть разгорелась с новой силой и продолжалась еще почти двадцать лет. Два тезки, претендовавшие на великокняжеский престол — Василий Косой и Василий II (Темный), — были ослеплены, а третий претендент — Дмитрий Шемяка — отравлен. Даже краткий перечень событий этой войны представит солидную монографию. Поэтому мы вернемся к боярам Кошкиным, а всех заинтересовавшихся тридцатилетней войной между сыном и тремя внуками Дмитрия Донского мы отсылаем к монографии А. А. Зимина.^[4]

Бояре Кошкины, несомненно, были если не главной, то одной из главных сил, начавших и поддерживающих гражданскую войну. Отметим еще раз — именно московские бояре с Кошкиным во главе устроили провокацию на свадьбе Василия II.

Василий II был неумным и слабовольным правителем и почти все время находился под опекой старомосковских бояр. Вот Юрий Дмитриевич отправил племянника на удельное княжение в Коломну, и сразу к нему съезжаются бояре и начинают подстрекать его на новый виток гражданской войны. То же повторяется, когда уже ослепленному Василию Дмитрий Шемяка дает в удел Вологду. Не стоит делать из Кошкиных и К^о рыцарей, до смерти преданных своему сюзерену. Возьмем того же боярина Ивана Всевожского. Именно он фактически выбил великое княжение девятилетнему отроку Василию, но когда Кошкины и К^о лишили его возможности стать зятем Василия II, боярин переметнулся к его сопернику Юрию Дмитриевичу. В конце 1433 года Василий II приказал ослепить Ивана Дмитриевича Всевожского. Любил великий князь глазки выкалывать, пока не увидел нож перед своими очами.

Стоит отметить и довольно интересный экономический аспект. Самым прибыльным промыслом на Руси в те годы была добыча и продажа соли. Крупнейшим центром солеваренной промышленности в XV веке был район Галича (Соль Галичская). Вторым центром по объему добычи соли был район Нерехты. Крупнейшими варницами в Нерехте владел Захарий

Иванович Кошкин. После него шли московский боярин Р. А. Остеев, митрополия и Троицкий монастырь. Таким образом, Юрий Галицкий и его сыновья, владевшие Солью Галичской, были сильнейшими конкурентами торговца солью Захария Кошкина.

Остановимся и на личностном аспекте. После скандала на свадьбе Василия II Кошкины больше нигде не высовываются. Их имен нет среди воевод — участников битв, нет среди убитых в этих битвах, нет среди ослепленных. Они действовали лишь на втором плане, а еще больше — за кулисами. И надо отдать Кошкиным должное — они оказались непревзойденными мастерами интриги.

Глава 5

Братья-инквизиторы

Захват московскими князьями удельных княжеств происходил сравнительно легко. Князь Рюрикович убивался или изгонялся из своего удела. В большинстве случаев это происходило без войны, часто Москва заставляла удельного князя написать духовную (завещание) не в пользу своих детей, а в пользу великого князя. Естественно, что если удельный князь не оставлял прямых наследников, то великий князь забирал себе его удел. Лишь в отдельных случаях дело доходило до войны, до осады и штурма столицы удельного княжества.

С переходом удельного княжества во владение Москвы следовала высылка нескольких самых близких к удельному князю бояр, причем это было далеко не всегда. Для подавляющего большинства населения процесс присоединения их города к Москве происходил, как сейчас говорят, безударно.

Совсем другая ситуация сложилась при присоединении к Московскому государству республик — Новгорода и Пскова.

В декабре 1478 года Великий Новгород был силой присоединен к Москве. Для начала Иван III ограничился огромной контрибуцией и захватом волостей, принадлежавших новгородским боярам и духовенству. Было запрещено собирать знаменитое Новгородское вече, которое решало все кардинальные вопросы управления республикой. Когда Иван III покинул Новгород, вместе с ним были уведены в оковах посадница Марфа Борицкая с внуком Василием и еще шесть видных новгородцев. Вечевой колокол сняли и отправили в Москву, где и установили на колокольне на кремлевской площади.

В октябре 1478 года Иван III вновь идет на Новгород. Причем идет тайно, чтобы о прибытии войск не узнали в Новгороде. На сей раз было казнено 100 новгородцев и еще 100 семей детей боярских были разосланы по низовым городам. Новгородский епископ Феофин был взят под стражу и отослан в заточение в московский Чудов монастырь, все богатства архиепископа взяты в Москву. Вместо Феофина по воле Ивана III митрополит Геронтий поставил московского протопопа Симеона, переименованного при посвящении в Сергия. Поэтому Сергий надменно вел себя с новгородцами и третировал местное духовенство. Вскоре Сергия начали мучить видения. К нему сначала во сне, а потом уже и наяву стали

приходить давно усопшие новгородские владыки (архиепископы). «Зачем, безумец, — говорили они, — зачем дерзнул ты принять поставление святительства нашего, на место поруганного, несправедливо сверженного и еще живого владыки? Не по правилам ты осмелился сесть на мученический престол! Оставь его!» Сергей вначале крепился, но затем в его поведении появились странности. То он «выйдет из кельи без мантии, то сядет под храмом Св. Софии или у Евфимиевской паперти и глядит бессмысленно». Кончилось дело тем, что Сергей вообще потерял дар речи. Московские власти официально заявили, что новгородцы отняли у него ум волшебством. 26 июня 1484 года Сергия увезли в Троицкий монастырь под Москву. Иван III занялся подбором кандидатов на место Сергия. Лучшим оказался чудовский архимандрит Геннадий Гонзов, поскольку архимандрит «а дал от того (за назначение) дви тысячи рублей князю великому».^[5] Геннадий поехал в Новгород. А немощный Сергей, вернувшись в Троицкий монастырь, пришел в себя и прожил еще 20 лет. Судя по всему, даже столь промосковски настроенный священнослужитель ужаснулся безобразиям, творимым московскими наместниками в Новгороде.

Кто же были эти наместники? Это были герои нашего романа — Яков Захарьевич и Юрий Захарьевич Кошкины. За новгородский поход 1478 года Яков получил чин боярина. А в начале 80-х годов Кошкины были отправлены великокняжескими наместниками в Новгород.

Братья творили в Новгороде буквально все, что хотели. Иван III отдавал лучшие новгородские земли своим боярам. Глава московской боярской думы князь И. Ю. Патрикеев с сыном получили 500 обож,^[6] а Яков, Юрий и Василий Захарьевичи получили 800 обож. Любопытно, что когда родные братья Ивана III попросили его поделиться по обычаю новгородской добычей, он им категорически отказал.

В 1487 году по доносу Якова Захарьевича Иван III выслал из Новгорода пятьдесят семей лучших купцов и перевел их во Владимир. В следующем году Яков и Юрий открывают «ужасный» заговор новгородцев, которые хотели убить братьев. В Новгороде начинаются массовые казни — кого вешают, кому рубят головы. По доносу Захарьевичей Иван III повелел выселить из Новгорода семь тысяч житных людей (домовладельцев) и поселить их в Костроме, Нижнем Новгороде, Владимире и других городах. В следующем 1489 году Иван III повелел выселить из Новгорода всех остальных (коренных) житных людей. Их также расселили в средней России, причем многие были убиты по дороге.

На место высланных новгородцев прибывали обозы с переселенцами

со всей России. Мы ранее говорили, что многие потомки Андрея Кобылы переселились в Новгород.

По этому поводу историк Н. И. Костомаров писал: «Так добил московский государь Новгород и почти стер с земли отдельную северную народность. Большая часть народа по волостям была выгублена во время двух опустошительных походов. Весь город был выселен. Место изгнанных старожилов заняли новые поселенцы из Московской и Низовой Земли. Владельцы земель, которые не погибли во время опустошения, были также почти все выселены; другие убежали в Литву».

Надо ли говорить, что в 80-х годах XV века Новгород покинуло подавляющее большинство иностранных купцов, занимавших ранее целый квартал в городе — «немецкий двор». Бесспорно, в вольном Новгороде было много буйства, но иностранцы были надежно защищены от него. На тот же «немецкий двор» новгородцы могли заходить только днем. Строгий порядок в торговых сделках сменился бесчинствами Захарьевичей. Да и не с кем стало торговать — все партнеры иностранных купцов были казнены или высланы из Новгорода.

Так рухнули торговые связи Новгорода Великого, доставлявшие огромные средства республике. Иван III из жадности зарезал курицу, несшую золотые яйца.

В целом для истории России уничтожение торговых связей Новгорода, а через 30 лет и Пскова привело фактически к изоляции России на 200 лет от Западной Европы. На западе Россию от Европы отгораживали враждебные Литва и Польша, на юге — Османская империя. Северо-западное окно в Европу заколотил сам Иван III, а в начале XVII века шведы лишь заделали щели.

Как видим, с землевладельцами и купцами московские наместники разобрались сравнительно быстро. Новгородское же духовенство оказалось более крепким орешком. Новгород принял крещение одновременно с Киевом. Новгород не испытал татарских набегов, благодаря чему там сохранилось в неприкосновенности рукописное наследие древней Руси. Тесные связи Новгорода с Западной Европой сказались на уровне знаний духовенства, как писал историк Скрынников: «Так называемая Геннадиевская библия засвидетельствовала этот факт с полной очевидностью. В конце XV века книжники и писцы Софийского дома, возглавляемого в то время Геннадием, составили первый полный свод библейских славянских книг, включавший множество книг кирилло-мефодиевского, болгарского и восточнославянского происхождения. Состав библии дал основание филологу А. А. Алексееву заключить, что в XV веке

Новгород обладал, по всей вероятности, самым большим собранием рукописей во всем тогдашнем славянском мире. Ни один из кодексов XIV–XVI веков не давал такого подбора библейских текстов, как Геннадиевская библия. За несколько веков самостоятельного существования республики в православии новгородского толка появились черты, отличавшие его от московского. Новгородцы поклонялись своим чудотворцам и угодникам, крестились иначе, чем москвичи». ^[7]

Новому архиепископу Геннадию и прибывшим с ним попам было трудно управлять куда более образованным новгородским духовенством. К тому же в Новгороде знали о деньгах, данных Геннадием великому князю. Старец Захарий в лицо заявил Геннадию: «Попы, ден, по мзде ставлены, и митрополиты, ден, и владки по мзде же ставлены». В такой ситуации власть Геннадия могла зиждиться только на репрессиях, и они не замедлили последовать.

Архиепископ Геннадий обвинил ряд священников и монахов в ереси. Вначале сам Геннадий заявил, что он подслушал разговор двух вдрызг пьяных попов Григория и Ереса, а также дьяка Григория, в котором они ругали «святые иконы». «Еретиков» арестовали, но позже они были кем-то взяты на поруки и бежали в Москву.

Но одной пьяной болтовни было мало для большого процесса о еретиках. И вот появляется провокатор — новгородский поп Наум. Он покался, что вместе с беглецами молился «по жидовскы» и прельщал христиан «жидовским десятисловием».

Беглых попов и дьяка Гридю (Григория) вернули в Новгород и на торгу били кнутами. Однако этого Геннадию показалось мало, он стал готовить новый процесс. Начались жестокие пытки новгородского духовенства. Новгородские наместники Захарьевичи деятельно помогали Геннадию в борьбе с его недругами-новгородцами, объявленными еретиками. Они лично участвовали в допросах и пытках заподозренных новгородцев.

Суд над новгородскими еретиками Иван III решил провести в Москве. Познания новгородцев в богословии явно превосходили познания их обвинителей. Поэтому Геннадий Гонзов откровенно сказал судьям: «Да еще люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить: таки бы о вере никаких речей с ними не плодили; токмо того для учинити собор, что их (еретиков) казнити — жечи да вешати». То есть следовало заставить обвиняемых молчать и быстро приговорить их к смерти.

Суд над еретиками происходил в Кремлевском дворце в присутствии Ивана III и Боярской думы. Обвиняемые защищались очень грамотно и все время подчеркивали свою приверженность к православию. В результате

Иван III отклонил требования Геннадия и К^о «жечи да вешати». Часть подсудимых была освобождена, остальные приговорены к различным наказаниям. С монаха Захария содрали иноческое платье и выдали епископу Нифонту, «а Дениса попа поточиша в Галич». Содержали их в таких нечеловеческих условиях, что Денис лишился рассудка, заблеял козлом и умер после месячного заточения.

Протопопа Софийского собора Гавриила, дьяка Гридю и других новгородцев отправили на расправу на родину. В Новгороде Геннадий и братья Кошкины устроили аутодафе в лучших традициях Торквемады. Еретиков облачили в вывороченные наизнанку одежды. На головы им надели высокие берестяные остроконечные колпаки с мочальными кистями и соломенными венками. На берестяных колпаках были нарисованы черти и написано «се есть сатаны воинство». В таком виде еретиков сажали на лошадей лицом к хвосту и возили по городу. Аутодафе закончилось сожжением колпаков на головах у осужденных. Интересно, сам ли архиепископ Геннадий вкупе с братьями Захарьевичами придумал сей ритуал или они получили какую-то информацию с Запада, где тогда проводили аналогичные мероприятия?

Покончив с Господином Великим Новгородом, Иван III решил разделаться и с Тверским княжеством. Тверь оставалась формально независимой, но ее князь Михаил Борисович был верным вассалом Москвы. Тверские отряды вместе с Иваном III ходили на Новгород, а в 1480 году участвовали в «стоянии на реке Угре». Сам Михаил Борисович был ограниченным и, мягко выражаясь, недалеким человеком и не мог представлять никакой угрозы Ивану III. Тем не менее 21 августа 1485 года войско Ивана III вышло из Москвы, а с севера на Тверь двинулся отряд новгородцев под командованием Якова Кошкина. 8 сентября началась осада Твери. 11 сентября к Ивану перебежали несколько тверских бояр. А на следующую ночь Михаил Тверской бежал в Литву. Через пять лет летописец кратко запишет о нем: «Борисович Михайло. Играл в дуду. И предал Тверь. Бежал в Литву».

В 1494 году в Ревеле местные власти сожгли какого-то русского за какое-то «гнусное преступление». Дело безвестного мелкого купца или холопа не стоило и выеденного яйца. Но на запрос из Новгорода магистр гордо ответил: «Мы сожгли бы Вашего князя, если бы он у нас сделал то же». Яков Кошкин поспешил наябедничать в Москву. Ивана это сильно задело. Он потребовал, чтобы Ливонский орден выдал ему на расправу ревельский магистрат, на что, естественно, получил отказ. Иван в отместку повелел Якову Кошкину схватить в Новгороде всех немецких купцов,

отнять их гостиные дворы и церковь, а товары переписать и отправить в Москву. Яков и Юрий в точности исполнили приказ — 40 купцов-«немцев» из тринадцати городов были посажены в тюрьму, а имущество их разграблено. Слово «немцев» я взял в кавычки, так как это были, видимо, не только немцы, а и выходцы из западных стран — шведы и другие. Обратим внимание на цифры — к 1495 году оставалось всего 40 купцов, а двадцать лет назад их были сотни. Так братцы Кошкины окончательно закрыли «немецкий двор» в уже подневольном городе Новгороде.

В сентябре того же 1495 года Яков Захарьевич отправился в поход на шведов. 60-тысячное московское войско под командованием князя Василия Шуйского осадило Выборг. К крепости была подтянута осадная артиллерия с огромными пушками длиной свыше семи метров. Осада длилась три месяца, но шведы еще в 1477 году выстроили мощные каменные укрепления, и взять город не удалось. Русские ограбили окрестности и в декабре 1495 года двинулись восвояси.

Интересно, что параллельно с грабежами, борьбой с ересью, войной со шведами братья Захарьевичи успевают заниматься еще и дипломатией.

В 1492 году умер польский король Казимир. Польша и Литва разделились между его сыновьями: Яну Альбрехту досталась Польша, а Александру — Литва. Иван III побаивался короля Казимира, но после его смерти решил начать большую войну. Иван III срочно отправил в Крым своего посла Константина Заболоцкого. Послу поручено было сказать хану Менгли Гирею, что король Казимир умер, но его сыновья такие же враги Москве и Крыму, как и отец, и чтобы хан с ними в союз не вступал, а пошел бы войной на Литву. Великий князь также хочет сам сесть на коня. Иван III рекомендовал хану идти на Киев.

Хан выслушал Заболоцкого, но послал в Малороссию не всю орду, а лишь 500 всадников. Иван III хотел воевать чужими руками и послал в Литву два небольших отряда. Тем не менее в Литве забеспокоились и собрались мириться с Москвой. Чтобы склонить Ивана III к уступкам, ему решили предложить брачный союз с одной из его дочерей и великим князем литовским Александром. Но как это сделать? Ведь на границе Литвы и Руси идет война. Александр решил действовать обходным путем. Полоцкий наместник пан Ян Заберезский послал своего писаря Лаврина в Новгород к московскому наместнику Якову Захарьевичу под предлогом покупки разных вещей в Новгороде, а на самом деле с предложением о сватовстве. Яков Захарьевич, узнав об этом предложении, сам поехал в Москву объявить о нем великому князю. Иван III сначала решил было с боярами, что Якову не следует посылать к Заберезскому своего человека с

ответом на его предложение, но потом, когда Яков уже уехал в Новгород, великий князь передумал и послал ему приказ отправить своего человека к Забerezскому, не прекращая, впрочем, военных действий, «потому что и между государями пересылка бывает, хотя бы и полки сходились», и велел писать вежливо, потому что Забerezский писал вежливо. Посланный должен был все разведать — какие отношения у Александра с панями, какие слухи ходят про братьев Александра. В Москве поняли, зачем в Литве хотят начать дело о сватовстве, и потому посланец Яков Захарьевич должен был передать Забerezскому, что до заключения мира никаких переговоров о браке не будет.

На этом окольная дипломатия закончилась. Литовские паны завели переписку о браке напрямую с первым московским боярином Иваном Юрьевичем Патрикеевым. Наконец в ноябре 1492 года в Москву прибыл литовский посол Станислав Глебович. Однако посол и московские бояре заспорили об очередности мероприятий. Глебович хотел свадьбы, а потом переговоров о мире, бояре предлагали заключить мир по воле Ивана III, то есть к Москве должен был отойти ряд пограничных городов (Мценск, Любутск и др.). В конце концов Станислав Глебович безрезультатно вернулся в Литву.

Но дипломатическая игра продолжалась. В Литву едет московский посол дворянин Загряжский. Задача послу была поставлена приемлемая — отспорить у Литвы города, захваченные московским войском. Сенсацией же был новый титул Ивана III. До сих пор в верительных грамотах Казимиру Иван III писал так: «От Великого князя Ивана Васильевича Казимиру королю Польскому и Великому князю Литовскому послами есмо». Теперь же грамота начиналась: «Иоанн, божьею милостию Государь всея Руси и Великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Болгарский, и иных, Великому князю Александру Литовскому». Итак, впервые Великий князь Московский назвал себя «Государем всея Руси». Что же произошло? Да ничего, кроме того, что военная мощь Литвы в тот момент была ослаблена, а силы Ивана III велики. Кроме того, Литве угрожал союзник московского князя крымский хан Менгли Гирей. Иных аргументов у Ивана III не было. Он даже не стал рассуждать о преемственности московских князей древнерусским киевским князьям. То ли в силу неубедительности сей посылки, то ли потому, что сам Иван с боярами имел весьма смутное представление о Киевском государстве. Послу же был дан такой наказ: «Если спросят его: для чего князь великий назвался государем всея Руси; прежде ни отец его, ни он сам к отцу государя нашего так не приказывали?

То послу отвечать: государь мой со мной так приказал, а кто хочет знать зачем, тот пусть едет в Москву, там ему про то скажут».

Пока посол Загряжский собирался в Литву, литовские паны возобновили «окольную дипломатию». Опять полоцкий наместник Заберезский послал своего человека в Новгород к Якову Захарьевичу с просьбой продать двух кречетов. Яков немедленно известил великого князя. Тот отвечал, что дело не в кречетах, а посланник приехал, чтобы возобновить переговоры «для прежнего дела», то есть о великокняжеской дочери. Иван III велел Якову послать в Полоцк вместе с кречетами надежного и умного человека, который был бы там вежлив, но все выведал и высмотрел. А посланника Заберезского Иван приказал сопровождать до границы приставу и следить, чтобы он ни с кем в контакт не вступал. И впредь же так поступать со всеми, кто приедет из Литвы.

Таким образом, Иван III был против «окольной» дипломатии. Но тут Александр получил грамоту «государя всея Руси» и понял, что игра слишком серьезна и тут не до кречетов. В январе 1494 года в Москву едут «большие» литовские послы. После долгих препирательств литовские послы уступили Ивану III большую часть спорных земель, и главное — в договорной грамоте Иван III был написан государем всея Руси, великим князем Владимирским, Московским, Новгородским, Псковским, Тверским, Югорским, Пермским, Болгарским и иных.

По окончании переговоров Иван III объявил, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, как говорили послы и ручались головой, неволи ей в вере не будет.

В январе 1495 года новые послы приехали за невестой — московской княжной Еленой. В Вильно венчал Александра и Елену католический епископ, но русский поп Фома, приехавший с Еленой, стоял рядом и громко молился. Александр и вельможные паны просили его помолчать, но Фома не унимался до конца церемонии.

Мир с Литвой просуществовал всего пять лет, а затем литовские паны нарушили его. Но на сей раз не напали на Московское государство, а наоборот, попросились на службу к Ивану III. И полбеда, если бы они попросту драпанули бы через границу, так они попросились в Московское государство вместе со своими уделами.

Первым к Ивану III подался в 1499 году князь Семен Иванович Бельский. Семен Иванович был правнуком великого литовского князя Ольгерда, то есть по отцовской линии он был литовцем. Но заметим, что Ольгерд — это языческое имя, а при крещении в православии Ольгерд получил имя Александр. Ольгерд был сыном великого князя Гедемина и

русской княжны Ольги, да и сам Ольгерд был женат на Марии, дочери тверского князя Александра Михайловича. Сын Ольгерда Владимир в конце XIV века стал князем Киевским, а его второй сын Иван получил в удел город Белёв. Этот Иван и стал родоначальником князей Бельских.

Семен Бельский прибыл в Москву, «бил челом великому князю, чтоб пожаловал, принял в службу и с отчиной». Причиной своего поступка Бельский назвал притеснения православных в Литве — «терпят они в Литве большую нужду за греческий закон».

Иван III принял Бельского и послал сказать Александру: «Князь Бельский бил челом в службу; и хотя в мирном договоре написано, что князей с вотчинами не принимать, но так как от тебя такого притеснения в вере и прежде от твоих предков такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли в службу с отчиною». Бельский тоже послал Александру грамоту, где слагал с себя присягу по причине принуждения к перемене веры. За Бельским перешли с богатыми волостями князя, до сих пор бывшие заклятыми врагами великого князя Московского: князь Василий Иванович, внук Дмитрия Шемяки, и сын соратника Шемяки Ивана Андреевича Можайского князь Семен Иванович. Князь Семен перешел с Черниговым, Стародубом,^[8] Гомелем и Любичем; Шемячич — с Рыльском и Новгород-Северским. Вместе с ними последовали и другие князья — Мосальские, Хотетовские, и все по причине гонения за веру.

Литовский князь Александр не стал спокойно взирать на переход чуть ли не четверти своего княжества к Москве, и вновь началась война.

Основная часть московских войск шла под командованием служилого татарского хана Магмет-Аминя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина. Эта рать заняла города Мценск, Серпейск, Мосальск, Брянск и Путивль. Князья Северские Можайский и Шемячич были приведены к присяге Ивану III.

Другую часть московского войска возглавил боярин Юрий Захарьевич Кошкин. Вскоре Юрий взял Дорогобуж. На соединение с Юрием Кошкиным Иван III направил тверскую рать под начальством князя Даниила Щени. Даниил был правнуком литовского князя Патрикея Наримонтовича, приехавшего в Москву на службу в 1408 году. Сам Патрикей был внуком великого князя литовского Гедемина. После соединения Щеня должен был командовать большим полком, а Юрий Кошкин — сторожевым. Таким образом, Юрий должен был подчиняться Щене. Кошкин обиделся, заместничал и написал Ивану III, что ему нельзя быть ниже князя Данилы. Иван вежливо одернул зарвавшегося боярина: «Гораздо ль так делаешь? Говоришь, что тебе непригоже стеречь князя Данила: ты будешь стеречь не его, но меня и моего дела; каковы воеводы в

большом полку, таковы и в сторожевом: так не позор это для тебя». С одной стороны, братья Кошкины оказали великому князю неоценимые услуги — одно новгородское правление чего стоило. А с другой стороны, Иван еще]] чтит старинные обычаи — негоже потомкам дружинника Кобылы быть выше потомка великого князя Гедемина. В Москве это был один из первых, если не первый случай, когда представитель служилого старомосковского боярства осмелился местничать с князем.

Получив послание Ивана III, Юрий Кошкин успокоился. Забегая вперед, скажем, что урок пошел впрок, и долгие десятилетия Кошкины — Захарьины — Романовы не осмеливались местничать ни с Гедеминovichами, ни с Рюриковичами.

Помирившиеся Юрий и Щеня 14 июля 1500 года дали бой литовской рати на Митьковом поле на реке Ведроше. Благодаря внезапной атаке засадного полка литовцы были вдребезги разбиты, а гетман князь Константин Острожский со всеми литовскими воеводами взят в плен.

Позже москвичи одержали еще ряд побед, и в марте 1503 года Литва и Русь подписали перемирие. Великий князь литовский Александр был вынужден уступить Москве земли князей Семена Бельского, Семена Стародубского (Можайского), Василия Шемячича и других. Всего 19 городов и 70 волостей.

Летописные известия о Кошкиных в конце XV века чрезвычайно скудны, а я уже договорился с читателем обходиться без авторских фантазий. Поэтому я не могу сказать, как и почему между 1492 и 1499 годом Яков Захарьевич на короткое время оказался наместником в городе Костроме. Видимо, это была короткая опала Ивана III. Яков оказался наместником вместе с литовским выходцем Иваном Судимонтом, причем главным был Судимонт. Естественно, что Яков был обижен и постоянно жаловался (бил челом) великому князю. Поначалу он заявил, что «им обоим на Костроме сытым быть не с чего», то есть сколько ни грабь костромичей, а двух наместников не прокормить. Ах, а какие доходы были в Новгороде!

Потом Яков начал жаловаться по мелочевке на Судимонта. Вот, к примеру, в церкви жена Якова Арина выдвинулась и стала впереди других. Судимонт «взял ее за шкуру, свел с места и поставил туда свою жену Аксинью». Великому князю не лень было разбирать бабьи склоки, и он ответил Якову, «что Судимонт поступил нехорошо», и это «он сделал по литовскому обычаю». В конце концов великий князь пожалел Якова и убрал его из Костромы.

В ходе очередной войны с Польшей Яков Захарьевич в сентябре 1507

года назначается вторым воеводой большого полка, первым воеводой был князь В. Д. Холмский.

В мае 1508 года Яков Захарьевич опоздал со своим отрядом и задержался в Дубровне, в то время когда основная часть русской армии осаждала Оршу. 12 июня 1508 года русские узнали, что польский король Сигизмунд идет к Орше с большим войском. Московские воеводы испугались и со страху отошли на юго-восток к Мстиславлю, король тоже оробел и отошел к Смоленску.

Подробности этих маневров и роль в них Якова Захарьевича до нас не дошли, но более Яков Захарьевич воеводой не назначался. Не исключено, правда, что он заболел. Остаток своих дней он провел в Москве, где и скончался 15 марта 1510 года.

Юрий Захарьевич был женат на Ирине Ивановне Тучковой-Морозовой. В 1480 году в звании сына боярского Юрий Захарьевич участвовал в походе на Новгород. В 1484 году он пожалован в бояре, какое-то время был коломенским наместником и умер в 1504 году.

Детям Юрия будет посвящена целая глава. А пока скажу несколько слов о потомстве Якова Кошкина. У него было четыре сына: Петр Злоба, Иван, Василий Большой и Василий Меньшой, получивших фамилию (прозвище) Захарьины-Яковлей, а их внуки звались Яковлевыми (схема 5).

Петр Яковлевич на службе состоял с 1494 года. В 1509 году Василий III решил расправиться с последним городом-республикой Псковом. Поводов для этого не было никаких. Псков оказал существенную помощь в борьбе с Новгородом, служил надежной защитой от Ливонского ордена. Тем не менее в январе 1510 года Василий III лично заявился в Псков. Вечевой колокол был снят и увезен, 300 «лучших» псковичей с семьями были сосланы в низовые города. В связи с этим Василий III послал в Москву гонца Петра Яковлевича Захарьина-Яковля «поздравить Москву со взятием Пскова». Хотя, надо сказать, что псковичи встречали Василия III радушно и вышли за три версты его встречать. В Пскове была ликвидирована ранее беспошлинная торговля, в город ввезены 1500 московских детей боярских и пищальников. Все псковичи были выселены из Кремля и Среднего города в Окольный город и на Посад. А их место заняли переселенцы из Москвы.

За участие во «взятии Пскова» Петр Яковлевич получил чин окольного. С. М. Соловьев писал, что в 1510 году Петр Яковлевич был боярином, но это неверно. По крайней мере до 1522 года он был окольным. По одним источникам, Петр Яковлевич умер в 1522 году окольным, а по другим — не только не умер, а в поручных записях 1527—

1529 годов упоминается как боярин, в синодике же Новоспасского монастыря записана дата его смерти — 9 июня 1533 года. По другим источникам, Петр Яковлевич умер в 1539 году. От жены Анны он имел четверых сыновей — Григория, Захария, Ивана Хирона и Василия и дочь Марию, выданную замуж за князя И. И. Белевского.

О Василии Яковлевиче Захарьине-Яковле нам ничего не известно, кроме того, что он был пожалован в окольничие в 1513 году и умер окольничим 1 августа 1526 года, а по другим источникам — в 1528 году. Он имел жену Анну и двух сыновей — Семена и Михаила.

Внуки Якова Захарьевича Иван Петрович и Семен Васильевич Яковлевы погибли в годы репрессий Ивана Грозного.

В 1565 году Иван Петрович проходил по «делу» князя Курбского, но был прощен «за поручительство митрополита Афанасия». Но в 1570–1571 годах Иван и Семен Яковлевы были убиты по приказу Ивана Грозного, причем Семен был убит опричником вместе с малолетним сыном Никитой.

У Ивана остался сын Тимофей, умерший бездетным в полной безвестности, а у Семена — дочь Агриппина, которая жила долго, но замуж так и не вышла. На этом ветвь Захарьиных-Яковлевых пресеклась.

Завершая повествование о детях Захария Кошкина, скажем немного и о его младшем сыне Василии Ляцком. О нем нам известно мало. Женат он был на дочери новгородского боярина Василия Никифорова Ирине. Никифоров был одним из немногих новгородских олигархов, принявших сторону Ивана III, за что и был убит на вече в 1477 году. Василий Ляцкой вместе с братьями сделал себе карьеру и состояние на разграблении Новгорода. Братцы-наместники пожаловали Василию ряд поместий в новгородских землях — в Шелонской, Бежецкой и Деревской пятинах.^[9] Свое прозвище Василий Ляцкой получил от поместья Ляцкий погост в Шелонской пятине.

Зато его сын Иван оказался довольно талантливым воеводой. В 1517 году Ивана Васильевича Ляцкого мы видим вторым воеводой в боях с поляками за псковский пригород Опочку. Иван Ляцкой командовал отрядом, который разбил литовские силы, шедшие к Опочке на помощь князю Константину Острожскому. Вскоре и сам Константин Острожский был вынужден снять осаду с Опочки и уйти в Литву.

В 1524 году Иван Ляцкой командовал передовым полком в Казанском походе. В 1526 году попал в плен к полякам, но скоро вернулся из плена. В 1533 году Иван Ляцкой в районе Коломны действовал против крымского хана.

В 1533 году умирает великий князь Василий III, и на престоле

оказывается его трехлетний сын Иван IV. Вокруг царственного младенца начинается борьба за власть. Вскоре фактическими правителями государства оказываются вдова Василия III Елена Глинская и ее фаворит князь Иван Овчина-Телепов-Оболенский. Начинаются аресты придворных. Не дожидаясь заточения или казни, окольный Иван Васильевич Ляцкой бежит в Литву вместе со своим сыном Иваном и князем Семеном Бельским. В Польше король пожаловал Ляцкому богатые имения. Зато на родине его обширные новгородские владения были конфискованы, а мать и дочь заключены в темницу.

В 1534–1535 годах Иван Васильевич Ляцкой активно участвовал в боевых действиях против России. Московский летописец даже утверждал, что именно Ляцкой надоумил польского короля напасть на русские земли. Ни Иван Васильевич, ни его сын Иван никогда больше не вернутся в Московское государство. Историк Н. В. Мятлев утверждает, что потомки Ивана Ляцкого здравствуют в Польше и поныне.

Глава 6

Михаил Захарьин и дела казанские

В 1517 году Василий III привлекает Юрия Захарьина к «казанским делам». В свое время Иван III помог казанским и крымским ханам в борьбе с Золотой Ордой. Московские дипломаты приложили много усилий, чтобы сделать Казань и Крым союзниками Москвы. В конце царствования Ивана III так и было. Но при Василии III крымские татары становятся злейшими врагами Руси. Разумеется, тут дело не в личности нового великого князя. Крымские Гирейи попросту использовали союз с Москвой для борьбы с золотоордынскими ханами и с Литвой, которые тоже претендовали на Крым.

К началу XVI века Золотая Орда ушла в небытие, литовцы отказались от претензий на Крым, а главное — сами Гирейи оказались вассалами турецкого султана. Последний был не только повелителем самой могущественной империи в мире, но и главой всех мусульман. Так именовали себя турецкие султаны после захвата Египта и Аравии.

Теперь у Гиреев были развязаны руки. Сама природа сделала Крым сильно укрепленной крепостью, а каждый, кто пытался взять эту крепость, становился врагом Османской империи. Орды крымских татар обрушились на Русь, Украину и Польшу. Малые набеги крымцев происходили ежегодно. Большие набеги, когда на коней садилось подавляющее большинство мужского населения Крыма, происходили в среднем от двух до семи раз за десятилетие.

Крымские ханы Гирейи и турецкие султаны решили включить Казань в сферу своего влияния. Вопрос, с кем пойдет Казань — с Москвой или с Бахчисараем, стал вопросом жизни или смерти Московского государства.

В 1479 году умер казанский хан Ибрагим. На престол вступил его старший сын Али (от жены Фатимы). Детям от другой жены, Нур-Салтан, пришлось бежать, поскольку в обычаях татарских ханов было по восшествии на престол вырезать своих братьев. Прорусски настроенная знать отправила десятилетнего царевича Мухаммеда-Эмина в Москву, а ханша Нур-Салтан с пятилетним сыном Абдул-Латыфом бежала в Крым.

В 1484 году в Казани произошел государственный переворот. Хан Али был свержен сторонниками Москвы, на помощь которым Иван III отправил «ограниченный контингент» своих войск. На престол был возведен Мухаммед-Эмин.

В 1495 году к Казани подошло войско сибирского царевича Малука. Жители открыли ворота Казани, а хан Мухаммед-Эмин бежал в Москву. Однако сибирский царевич не поладил с казанской верхушкой и просидел на престоле чуть более года.

И в 1496 году казанцы стали просить Москву прислать им хана, но не Мухаммеда-Эмина, а его младшего брата Абдул-Латыфа. Как уже говорилось, Латыф в свое время оказался с матерью в Крыму, а затем в период флирта Гиреев с Иваном III отправился на службу в Москву. Иван III дал ему в удел город Звенигород под Москвой. Иван III предпочел бы иметь в Казани воспитанного на Руси Мухаммеда-Эмина, но уступил просьбам татарской знати и отпустил Латыфа в Казань. Латыф правил шесть лет, но затем вступил в конфликт как с Москвой, так и с собственными подданными. В ходе мирного переворота 1502 года он был свергнут с престола и отправлен под конвоем в Москву.

Абдул-Латыфа сослали в город Белозерск, а его брат Мухаммед-Эмин вновь стал казанским ханом. После смерти Ивана III в 1505–1507 годах Мухаммед-Эмин даже немного повоевал с Москвой. Но в целом он был настроен промосковски, и между Москвой и Казанью установились добрососедские отношения. В связи с этим в январе 1508 года Василий III освобождает Абдул-Латыфа из ссылки и дает ему в удел вначале Юрьев Польский, а затем — город Каширу.

В 1516 году хан Мухаммед-Эмин тяжело заболел. Возник вопрос о наследовании престола. Казанская знать направила посольство в Москву, которое известило Василия III о безнадежном состоянии Эмина и просило отпустить в Казань Абдул-Латыфа. Последний был ближайшим родственником и единственным законным наследником Эмина. Однако у Василия III было достаточно оснований не доверять Латыфу.

Осенью 1517 года в Каширу отправляется с секретным поручением окольничий Михаил Юрьевич Захарьин. О дальнейшем в официальной летописи сказано глухо: «Тое же осени, ноября 19, Абдыл Летыфа царя в живых не стало». Он был отравлен Захарьиным. Заметим, что 42-летний Латыф был полон сил и энергии.

Хан Мухаммед-Эмин протянул до декабря 1518 года. Ни он, ни Латыф не оставили после себя сыновей. Так пресеклась династия первого казанского хана Улу Мухаммеда.

Крымское ханство немедленно выдвинуло своего кандидата на казанский престол. Им стал брат Мухаммеда-Эмина по матери Сагиб Гирей. После смерти хана Ибрагима его жена Нур-Салтан вышла замуж за крымского хана Менгли Гирея. С точки зрения тогдашнего феодального

права Сагиб Гирей приходился «седьмой водой на киселе» почившему хану и не имел никаких прав на престол.

Василий III, естественно, тоже нашел кандидата на казанский престол — касимовского царевича Шаха-Али.

Шах-Али имел хорошую родословную, его род происходил от хана Тимура Кутлу. Но к сожалению, его потомки постоянно враждовали с казанской династией Улу Мухаммеда, и к Шаху-Али казанская знать заранее была настроена враждебно.

Однако промосковская партия победила в Казани. И 8 марта 1519 года Шах-Али торжественно выезжает из Москвы в Казань. Фактически же Михаил Юрьевич Захарьин везет на ханство 13-летнего мальчишку. Их сопровождает десятитысячная конная рать.

Шах-Али родился в России и с шестилетнего возраста безвыездно жил в Касимове. Русский летописец описывает его так: «Онй Шеяль зело был взору страшного и мерзкого лица и корпуса, имел уши долгие, на плечах висящие, лице женское, толстое и надменное чрево, короткие ноги, ступени долгие, скотское седалище». Летописец с сарказмом заметил: «Такого им, татарам, нарочно избраша царя в поругание и в посмеяние им».

Тем не менее Захарьину удалось усадить Шаха-Али на престол. После этого Михаил Юрьевич отправился в Москву, а в Казани от имени подростка стал править русский посол Федор Андреевич Карпов.

Но вот в марте 1521 года у стен Казани появляется конкурент — крымский царевич Сагиб Гирей с тремя сотнями крымских татар. Явление Сагиба было подобно искре в пороховом погребе. В Казани начался грандиозный погром. Дома и лавки русских и касимовских купцов были разграблены. Было перебито пять тысяч касимовских татар из ханской гвардии и тысяча русских стрельцов. Однако Шаху-Али удалось бежать с тремя сотнями уцелевших в резне касимовских татар. Сагиб Гирей стал казанским ханом.

Немедленно Сагиб Гирей и его родной брат крымский хан Мухаммед Гирей начали подготовку к большому походу на Русь. В этом походе приняло участие почти все мужское население Крыма и причерноморских степей.

Стотысячное войско Мухаммеда Гирея подошло к Оке 28 июля 1521 года. Русские войска попытались помешать переправе татар, но были разбиты. В бою погибли воеводы Иван Шереметев, Владимир Курбский, Яков и Юрий Замятины, а Федор Лопата попал в плен.

С востока на Русь напал Сагиб Гирей с казанским войском. Он разорил Нижний Новгород и Владимир. Войска братьев соединились у Коломны и

двинулись на Москву. Василий III срочно уехал по делам в Волоколамск, поручив оборону столицы своему зятю, татарскому царевичу Петру-Худай-Кулу. В Москве началась паника.

29 июля братья подошли к самой Москве и расположились в селе Воробьеве (на Воробьевых горах). Василий III вынужден был подписать унижительный договор, по которому он формально признавал свою зависимость от крымского хана и должен был платить ему дань «по уставу древних времен», то есть так, как платили ханам Сарайским. Только после этого татары покинули пределы Руси.

Чем занимался в это время Михаил Юрьевич Захарьин, мы не знаем. Скорее всего он был в Москве, поскольку в 1520 и 1521 годах участвовал в переговорах с литовскими послами.

За казанские дела Михаил Юрьевич в 1521 году получит чин боярина. Чтобы не допустить очередного набега татар, великий князь Василий III приказал весной 1522 года разместить большие силы вдоль Оки. Сам великий князь с братом Юрием стал в Коломне. Большой полк был поставлен «под Давичем», передовой — «на устье Осетра», правой руки — под Голутвиным, левой руки — напротив Ростиславля, сторожевой полк — на Кашире. Сторожевым полком на Кашире командовал Михаил Захарьин.

Военные приготовления Василия III испугали крымского хана, и в 1522 году он не рискнул напасть на Русь.

А в следующем 1523 году хан Мухаммед Гирей двинулся на Астрахань. Войско астраханского хана Хуссейна было разбито, а город взят штурмом. Однако астраханские татары позвали на помощь ногайцев, внезапно напали на крымцев и убили Мухаммеда Гирея. Затем астраханско-ногайское войско вторглось в Крым и опустошило его.

Василий III воспользовался ситуацией и весной 1524 года отправил к Казани большую рать под началом князя Ивана Бельского. В этом походе Михаил Захарьин командовал всей осадной артиллерией.

Сагиб Гирей испугался русских войск и бежал в Константинополь, оставив в Казани тринадцатилетнего племянника Сафа Гирея. Так по крайней мере утверждает русская летопись. На самом деле он уехал в Константинополь, чтобы получить престол в Бахчисарае, освободившийся со смертью брата.

Русская рать осадила Казань, но взять ее не смогла. Мало того, осаждающие оказались в довольно сложном положении — возникли перебои в доставке продовольствия, вокруг сновали конные отряды татар и черкес. Русские были вынуждены заключить довольно выгодный для татар мир, признав Сафа Гирея казанским ханом.

По прибытии воевод в Москву начался «разбор полетов». Князя Бельского обвинили в «робости, неискusstве и даже измене», Михаила Захарьина — в трусости. Досталось и другим воеводам.

Следствием похода 1524 года стало обращение Сафа Гирея за помощью к турецкому султану Сулейману II. Султан официально объявил Казанское ханство своим «юртом».

Глава 7

Михаил Захарьин и дела марьяжные

Участие в казанском походе 1524 года не отразилось на карьере Михаила Юрьевича Захарьина. Он по-прежнему участвовал в приемах и переговорах с иностранными послами.

В 20-х годах XIV века для Руси не меньшей бедой, чем татарские нашествия, стало бесплодие Василия III. Естественно, о том, что сам великий князь мог быть бесплоден, никто и не заикался, а все валили на его первую жену Соломонию Сабурову. Род Сабуровых происходил от костромского боярина Дмитрия Зерно. Прадед Соломонии Федор Сабур и основатель фамилии Годуновых — Иван Годун — были родными братьями.

Василий III болезненно переживал отсутствие наследника. Он горько жаловался приближенным на свою судьбу. Однажды на охоте Василий увидел большое гнездо на дереве и сказал: «Горе мне! На кого я похож? И на птиц небесных не похож, потому что и они плодовиты; и на зверей земных не похож, потому что и они плодовиты; и на воды не похож, потому что и воды плодовиты: волны их утешают, рыбы веселят». Взглянув на землю, сказал: «Господи! не похож я и на землю, потому что и земля приносит плоды свои во всякое время, и благословляют они тебя, Господи!» Вскоре после этого он начал думать с боярами и с плачем говорил им: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать? Но они и своих уделов устроить не умеют». На что бояре ответили: «Государь князь Великий! Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда».

Однако Василий III не решился сразу на развод с Соломонией. Великий князь обратился за советом к монахам Афонского монастыря в Греции. Следуя каноническим правилам, афонские монахи развод не одобрили. Зато решительным сторонником развода выступил московский митрополит Даниил. Горой стояла за развод московская служилая знать, естественно, и Захарьины-Кошкины были в их числе. Все прекрасно понимали, что со смертью Василия III они окажутся в лучшем случае на вторых ролях. Ведь Василию должен был наследовать его брат удельный дмитровский князь Юрий Иванович, который, естественно, поставит на главные должности в Москве людей из своего дмитровского двора.

В конце 1525 года митрополиту и боярам удалось склонить Василия к разводу. 23 ноября власти начали «розыск о колдовстве» великой княгини

Соломонии. Действительно, несчастная женщина обращалась к знахарям за помощью от бесплодия. Бояре заставили рынду^[10] Ивана Юрьевича Сабурова дать показания против сестры. Иван показал, что Соломония выписала из Рязани ворожею Степаниду и часто с ней общалась.

Соломония и Степанида вместе прыскали волшебной заговорной водой «сорочку, и порты, и чехол, и иное которое платье белое» великого князя, очевидно, чтобы вернуть его любовь.

Теперь Василий III имел основания предать жену церковному суду как ведьму. Но вместо этого он 29 ноября приказал увезти ее в девичий Рождественский монастырь на Трубе (на Рву), где ее принудительно постригли в монахини под именем София. Соломония сопротивлялась до последнего, когда на нее надели монашеское одеяние, она сорвала его и растоптала. Тогда Шинога Поджогин ударил ее плетью. Соломония не могла смириться со своей участью и распустила слух, что она беременна. В распространении этого слуха заподозрили вдову Юрия Траханиотова и жену постельничего Якова Мансурова. Женщины утверждали, что слышали о беременности из уст самой Соломонии. Василий III в гневе избил Траханиотова, а свою бывшую жену немедленно удалил из столицы.

Соломония была заточена в Покровском девичьем монастыре в Суздале. Вскоре по Москве поползли слухи, что в Суздале у Соломонии родился сын Георгий. Гробница таинственного Георгия сохранилась в общей усыпальнице Покровского суздальского монастыря до 1934 года под видом гробницы Анастасии Шуйской, дочери царя Василия Ивановича, сосланной в монастырь вместе с матерью. В ходе археологических раскопок, проведенных в Покровском монастыре в 1934 году, в предполагаемом месте погребения Георгия в каменном гробике найдена кукла в одежде из шелковых древних тканей, завернутая в материю и опоясанная пояском с кисточками. Костей в гробике археологи не обнаружили. Реставраторы ткани по типичным для княжеской одежды золотым прошивам отнесли мальчиковую рубашку и другие обнаруженные в гробике ткани к концу XVI века. Это же подтверждал и орнамент на надгробной плите. Полученные материалы доказали, что гробница не принадлежала Анастасии Шуйской. Но все это лишь косвенно подтверждает версию о рождении у Соломонии сына.

А тем временем московские бояре подыскивали и невесту Василию — Елену Глинскую. Глинские вели свой род от безродного татарина, поступившего на службу к литовскому князю Витовту. Со временем Глинские стали довольно крупными литовскими магнатами. Михаил Львович Глинский был лучшим воеводой польского короля Александра. Но

после смерти Александра Михаил Глинский поссорился с новым королем Сигизмундом I и летом 1508 года бежал в Москву вместе с братьями Иваном Мамаем и Василием Слепым.

Василий III дал во владение Михаилу Львовичу города Боровск и Ярославца. Но Михаилу этого было мало. Он начал подстрекать Василия III к походу на Смоленск, имея в виду получить город во владение. Однако осторожный Василий не рискнул доверить перебежчику все войско, поэтому в походах 1513–1514 годов Глинский командовал лишь передним полком. Смоленск был отбит у поляков, но Михаил Львович не стал его правителем.

Осенью 1514 года обиженный Глинский решил бежать обратно в Польшу, но был пойман и отправлен в заточение.

Братья Михаила Иван Мамай и Василий Слепой к 1525 году умерли своей смертью в Москве.

В выборе невесты решающую роль сыграли Захарьины и князья Шуйские. Невеста из клана Захарьиных или Шуйских не могла пройти, поскольку в этом случае против них ополчилась бы вся московская знать. Поэтому для стоявших у престола Захарьиных и Шуйских идеалом была невеста сирота: отец в могиле, дядя в тюрьме, братья почти дети. Все были уверены, что брак Василия с красавицей Еленой сохранит «статус-кво» при дворе.

21 января 1526 года на свадьбе дружкой великого князя был Михаил Юрьевич Захарьин, свахой с его стороны была жена Захарьина. Дружками невесты выступали князья М. В. Шуйский и Б. И. Горбатый, ее свахами — жена И. В. Шуйского и вдова Ю. Траханиотова.

Любопытно, что значительная часть приближенных великого князя не была приглашена на свадьбу. Среди них были двое Бельских, Мстиславский, Воротынский, старшие бояре князя М. Д. Щенятев, В. В. и И. В. Шуйские, А. В. Ростовский.

Больше всего на свадебном пиру присутствовало Захарьиных. Вместе с боярином Михаилом Юрьевичем Захарьиным пировали его мать, жена, сын, двоюродный брат окольничий М. В. Тучков с сыном, окольничие Иван Васильевич Ляцкой-Захарьин, Василий Захарьин-Яковлев, жена Петра Захарьина-Яковлева.

Подбор гостей на свадьбе недвусмысленно говорит о засилье Захарьиных и их родни при дворе Василия III. Стоит отметить и сближение Захарьиных с потомками суздальских удельных князей — Шуйскими и Горбатыми. Дружка жениха Михаил Юрьевич Захарьин и дружка невесты Борис Иванович Горбатый были друзьями и между собой. Недаром осенью

1527 года во время похода крымских татар под предводительством Ислам Гирея М. Ю. Захарьин и Б. И. Горбатый были поставлены руководить обороной Москвы. А внучка Бориса Ивановича Горбатого Евдокия вскоре станет второй женой Романа Юрьевича Захарьина.

Юная красавица Елена пришлась по душе 47-летнему великому князю. Чтобы угодить ей, Захарьин, Шуйские и Горбатые просят освободить из заключения ее дядю Михаила Львовича Глинского. Василий III нехотя соглашается. В феврале 1527 года Михаил был выпущен на свободу и получил на кормление город Стародуб Рязановский. Но М. Ю. Захарьин, М. В. Шуйский и Б. И. Горбатый были вынуждены «поручиться» за Глинского. В случае его нового побега они были обязаны уплатить в казну огромную по тем временам сумму — 5000 рублей.

Ради молодой жены Василий III отступил от старых русских обычаев и первым из московских князей сбрил бороду. Летописец сообщает, что великий князь «возлюбил» Елену «лепоты ради лица и благообразна возраста, наипаче ж целомудрия ради». А что касается ее «целомудрия», то тут вопрос остается открытым.

Прошел год, второй после свадьбы, а у Елены признаков беременности не появлялось. Великокняжеская чета зачастила по монастырям. Василий III не скупился на богатые вклады в монастырскую казну.

И вот 25 августа 1530 года, то есть спустя четыре с лишним года после замужества, Елена родила сына Ивана. Появление долгожданного наследника престола было встречено Василием III с огромной радостью. Не иначе, как помогли молитвы монахов о чадородии княгини. Однако у многих современников на этот счет были серьезные сомнения. Уже тогда начались разговоры о молодом воеводе Иване Федоровиче Овчине-Телепнёве-Оболенском. Ивана с Еленой свела его родная сестра Аграфена Челядина, приближенная великой княгини. К нему мы еще вернемся. Что же касается отцовства Василия III, то, увы, оно достаточно сомнительно.

Однако точно доказать или опровергнуть такое предположение может лишь анализ останков Василия III и Ивана IV, аналогичный исследованиям, проведенным с предполагаемыми останками Николая II и его семьи.

Василий III был крайне властолюбив, и он, естественно, не забыл о церковной оппозиции его разводу и повторному браку. 11 мая 1531 года начался церковный Собор, на который в качестве обвиняемых были доставлены два известных церковных деятеля Вассиан Патрикеев и Максим Грек. Боярскую думу на Соборе представляли Михаил Юрьевич Захарьин и дьяки. Приговором Собора Вассиан Патрикеев был заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь, а покаявшийся Максим Грек был

сослан в Тверь.

30 октября 1532 года великая княгиня Елена родила второго сына — Юрия. Позднее выяснилось, что ребенок родился неполноценным — «не смыслен и прост и на все добро не строен». Но об этом Василию не суждено было узнать.

Глава 8

Смерть Василия III и правление Елены Глинской

В сентябре 1533 года великий князь с женой отправляются в Троицкий монастырь к празднику святого Сергия Радонежского. Из Троицы Василий III поехал в Волоколамскую охоту. По дороге в селе Озерецком он заболел. На левой ноге показалась багровая болячка с булавоочную головку. Тем не менее великий князь доехал до Волоколамска, где даже два раза ездил на охоту. Болезнь быстро прогрессировала, и великий князь послал в Москву гонца за князем Михаилом Львовичем Глинским и лекарями-иностранцами Николаем и Феофилом.

Посоветовавшись с князем Глинским, лекари стали прикладывать к болячке пшеничную муку с пресным медом и печеный лук. Но предпринятое лечение принесло только вред — появилось нестерпимое жжение, болячка сильно загноилась, в груди Василий начал чувствовать тяжесть. Лекари дали ему слабительное. В результате у великого князя совсем пропал аппетит. Тогда Василий тайно послал в Москву своего стряпчего Мансурова и дядьку Меньшого Путятина за духовными грамотами — своего отца и своей, которую написал перед отъездом в Новгород и Псков. В Москве же он велел своим гонцам держать в тайне цель своего приезда, ничего никому не говорить — ни митрополиту, ни боярам.

Вскоре грамоты были доставлены. В тайне от братьев, бояр и князя Глинского грамоты были прочитаны великому князю, после чего он повелел свою духовную грамоту уничтожить. Потом велел Путятину опять принести духовные грамоты, призвал Шигону Поджогина и посоветовался с ним и с Путятиным, кого из бояр допустить в думу о духовной и «кому приказать свой государев приказ». Из бояр в Волоколамске были вместе с великим князем: князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Иван Васильевич Шуйский, князь Михаил Львович Глинский и двое дворецких — князь Кубенский и Шигона. Приехал в Волоколамск и старший из братьев Василия III — князь Юрий Иванович. Но великий князь приказал Юрию уехать. Зато за боярином Михаилом Юрьевичем Захарьиным он послал специального гонца.

С большим трудом свите удалось доставить Василия III в Москву, куда он тайно был ввезен 26 ноября.

Вернувшись в свой дворец, великий князь призвал к себе бояр — князя

Василия Васильевича Шуйского, Михаила Юрьевича Захарьина, Михаила Семеновича Воронцова, казначея Петра Ивановича Головина, дворецкого Шигону и, посоветовавшись с ними, продиктовал дьякам новую духовную грамоту. После чего Василий начал говорить с митрополитом Даниилом, владыкой коломенским Вассианом и своим духовником протопопом Алексеем о пострижении.

В воскресенье великий князь велел приготовить себе служебные дары. Когда Василию доложили, что их несут, он встал с постели, опираясь на боярина М. Ю. Захарьина, и сел в кресло. Когда же вошел духовник с дарами, Василий стал на ноги, причастился со слезами и лег в постель. Затем великий князь призвал митрополита, братьев Юрия и Андрея, всех бояр и начал говорить: «Приказываю своего сына, великого князя Ивана, Богу, Пречистой Богородице, святым чудотворцам и тебе отцу своему Даниилу митрополиту всея Руси. Даю ему свое государство, которым меня благословил отец мой. А вы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, стойте крепко в своем слове, на чем вы мне крест целовали, о земском строении и о ратных делах против недругов моего сына и своих стойте сообща, чтоб православных христиан рука была высока над бусурманством. А вы, бояре, боярские дети и княжата, как служили нам, так служите и сыну моему, Ивану, на недругов все будьте заодно, христианство от недругов берегите, служите сыну моему прямо и неподвижно».

Когда братья великого князя и митрополит ушли, Василий сказал боярам: «Знаете и сами, что государство наше ведется от великого князя Владимира Киевского, мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре: так постоит, братья, крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государем, чтоб была в земле правда и в вас розни никакой не было. Приказываю вам Михайлу Львовича Глинского, человек он к нам приезжий. Но вы не говорите, что он приезжий, держите его за здешнего уроженца, потому что он мне прямой слуга. Будьте все сообща, дело земское и сына моего дело берегите и делайте заодно. А ты бы, князь Михайло Глинский, за сына моего Ивана и за жену мою, и за сына моего князя Юрия кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал».

Василий III сильно мучился, слабел с каждым днем, хотя рана не болела и не увеличивалась, но продолжала гнить, и дух от нее был тяжелый. Василий очень страдал от этого, он просил князя Михаила Глинского и своих лекарей Николая и Феофила найти средство, с помощью которого можно было бы избавиться от невыносимого гнилостного запаха из раны. Боярин М. Ю. Захарьин пытался обнадежить великого князя:

«Государь, князь великий! Обождавши день, другой, когда тебе немного полегчает, пустить бы водки в рану». Тогда Василий обратился к лекарю Николаю: «Брат Николай! Видел ты мое великое жалованье к себе: можно ли что-нибудь такое сделать, мазь или другое что, чтоб облегчить мою болезнь?» Николай отвечал: «Видел я, государь, к себе жалованье твое великое. Если б можно, тело бы свое раздробил для тебя, но не вижу никакого средства, кроме помощи Божьей». Тогда великий князь сказал детям боярским и своим стряпчим: «Братья! Николай узнал мою болезнь: неизлечимая! Надобно братья, промышлять, чтоб душа не погибла навеки».

К среде великий князь Василий уже не мог встать с постели. Он опять велел принести себе служебные дары, и, чтобы причастился, князя пришлось поднимать под плечи. После причастия Василий даже поел немного. Потом призвал бояр — князей Василия и Ивана Шуйских, Воронцова, М. Ю. Захарьина, Тучкова, князя Михаила Глинского, Шигону, Головкина, дьяков — Путятину и Мишурина. Почти четыре часа великий князь наказывал им о сыне, о земском устроении, как править государством. Бояре разошлись только в седьмом часу вечера. Остались у Василия только М. Ю. Захарьин, Глинский и Шигона, и пробыли до самой ночи. Василий говорил о великой княгине Елене, как ей без него быть, как к ней боярам ходить, и рассказывал, как без него управлять государством.

Между боярами возник раскол. Митрополит и М. Ю. Захарьин поддерживали желание Василия III принять монашество, а брат великого князя Андрей Иванович, боярин М. С. Воронцов и другие были против. В результате к обряду пострижения приступили, лишь когда у великого князя началась агония. Умиравший не мог поднять даже правую руку, чтобы перекреститься, и Михаил Юрьевич Захарьин приподнял его руку и совершил крестное знамение. Ровно в полночь со 2 на 3 декабря 1533 года великий князь Василий III скончался.

Великая княгиня не присутствовала при агонии мужа. Но, увидев митрополита с боярами, идущих в ее покои, Елена «упала замертво и часа с два лежала без чувств».

Увы, длительный обморок Елены был всего лишь данью этикету. Не прошло и 40 дней со смерти мужа, как вся Москва заговорила о ее фаворите Иване Федоровиче Овчине-Телепневе-Оболенском. Считается, что князья Оболенские были Рюриковичами и свой род вели от князя Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в 1246 году в Орде. У Михаила Черниговского действительно был сын Юрий Тарусский, а у него — сын Константин, но вот дальше в различных родословных идут серьезные разночтения и путаница с именами. Вообще историкам

неизвестно, чем занимались потомки Юрия Тарусского в первой половине XIV века. Достоверно можно лишь сказать, что в середине XIV века на службу московского князя поступили лица, выдававшие себя за потомков Михаила Черниговского. В XV–XVI веках князья Оболенские, по выражению историка А. А. Зимина,^[11] «сильно размножились». Кстати, он в своей монографии дипломатично опускает происхождение Оболенских от Михаила Черниговского.

Дед Овчины Василий Иванович Оболенский был боярином у великого князя Василия Темного. Его сын Федор Васильевич Телепень служил воеводой полка правой руки и погиб в 1508 году в походе на Литву. Воеводой стал и сын Федора Телепня Иван Овчина. Однако он дважды терпел поражение от татар и на него «накладывалась опала» великого князя. Тем не менее ему каким-то способом вновь удавалось всплывать при дворе. Нетрудно догадаться о влиянии великой княгини.

В январе 1534 года Овчина впервые упоминается среди бояр. Таким образом, Елена начала свое правление с возведения в бояре своего фаворита. С этого времени Овчина фактически становится соправителем Елены. Положение любовников было незавидное. Ведь Елена не имела никакого официального статуса. Формально великим князем Московским был трехлетний Иван, а Василий III в духовной никак не определил положение Елены. Согласно традиции, вдовы московских великих князей «по достоянию» получали вдовый прожиточный удел, но их никогда не назначали правительницами. В своих письмах к Елене Глинской Василий III никогда не касался деловых вопросов, предчувствуя скорую кончину, он не посвящал жену в свои планы. Вековые обычаи на Руси не допускали участия женщин в делах правления. Из духовной грамоты Василия III следовало, и то довольно невнятно, что делами до совершеннолетия Ивана должны ведать боярин Михаил Юрьевич Захарьин, князь Михаил Глинский и дворецкий Иван Юрьевич Шигона. Понятно, что «сладкая парочка» могла удержать власть только с помощью кровавых репрессий.

11 декабря, то есть спустя 8 дней после смерти Василия III, его брат Юрий Дмитровский был взят под стражу вместе с его боярами. Князь Юрий был заключен в ту же камеру, где уморили несчастного внука Ивана III — Дмитрия. Нетрудно догадаться, что и Юрий вскоре там тихо почил.

Наглость Овчины вывела из себя даже дядю великой княгини Михаила Львовича Глинского, который, как уже говорилось, был назначен Василием III главным опекуном при младенце Иване. Однако Елена

предпочла фаворита дяде. По ее повелению в августе 1534 года Михаил Глинский был схвачен, ослеплен, закован в цепи и заключен в темницу, где и умер через несколько недель. Сразу же после ареста Глинского, опасаясь за свою жизнь, князь Семен Бельский и Иван Ляцкий бежали в Литву.

В 1537 году Елена повелела схватить и заключить в темницу и младшего брата мужа — князя Андрея Стародубского. На него надели не только цепи, но и подобие железной маски — «тяжелую шляпу железную». Как видим, у нас был приоритет даже с железными масками. И русская «шляпа железная» оказалась более эффективной, чем знаменитая французская железная маска времен Людовика XIV. В ней узник прожил менее полугода.

Совершив серию политических убийств, Елена объявила себя правительницей. Она не стеснялась заявляла послам: «Сын наш и мы жалуем...» На приемах послов за ее спиной (в прямом и переносном смысле) стоял Овчина.

А что же делал Захарьин в правление Елены Глинской? Михаил Юрьевич поддержал Елену. Тем не менее из регентского советника при младенце Иване IV он снова превратился в обычного боярина. Он вновь, как и в начале царствования Василия III, лишь технический исполнитель в посольских и военных делах. Только теперь он выполняет приказания не Василия III, а Ивана Овчины.

В январе — феврале 1537 года Михаил Юрьевич участвует в переговорах с польскими послами. Осенью 1537 года он должен был идти вторым воеводой большого полка судовой рати, которую предполагалось отправить к Казани.

В 1535–1538 годах Михаил Юрьевич ведал артиллерийским «нарядом», то есть, говоря современным языком, исполняет обязанности начальника Главного артиллерийского управления. Сохранился документ, где он дает разрешение для принятия на вооружение нового типа гусарских щитов конструкции Ивана Пересветова. Умер Михаил Юрьевич в 1538 году, по другим источникам — в октябре 1539 года.

У Михаила Юрьевича было две жены: Ирина (упоминалась в 1526 году) и Феодосья (упоминалась в 1534 году). От первой жены он имел трех сыновей: Ивана Большого, Василия и Ивана Меньшого. От второй жены детей или по крайней мере мужского потомства он не имел.

Старший сын Иван Большой был пожалован в бояре в 1547 году, умер 1 июня 1548 года. Его единственный сын Михаил умер, не оставив потомства, в 1565 году.

Среднего сына Василия Михайловича Юрьева Захарьин женил на

Анастасии, дочери боярина Дмитрия Федоровича Бельского. Бельский был потомком (в пятом колене) литовского князя Гедемина. Он занимал довольно высокое положение при Василии III. В 1547 году Василий Михайлович был пожалован в бояре и назначен тверским дворецким. Умер он 3 апреля 1567 года, оставив дочь и трех сыновей — Ивана, Федора и Протасия.

Младший сын Михаила Юрьевича Иван Меньшой в молодости принял монашеский сан под именем Иоасафа и умер 1 июня 1552 года, погребен в Новгороде.

Младшие братья Михаила Юрьевича — Роман и Григорий Захарьины — появляются в разрядах в 1532 году.

Глава 9

Молодые годы царя Ивана IV

3 апреля 1538 года умерла великая княгиня Елена Глинская. Немецкий барон Герберштейн, живший в Москве и оставивший подробные описания России, утверждал, что ее отравили. В самом деле, Елена не дожила до 25 лет, никакого мора в том году в Москве не было, так что вероятность естественной смерти была мала.

На седьмой день после смерти Елены в Москве произошел государственный переворот, во главе которого стал князь Василий Васильевич Шуйский. Иван Овчина и его сестра Аграфена были арестованы. На Овчину наложили «тяжелые железа», те самые, в которых в 1534 году умер Михаил Глинский. Через несколько недель Овчину уморили голодом. Сестру же его Аграфену сослали на север в Каргополь и насильственно постригли в монахини. Заключение в правление Елены князя Иван Бельский и Андрей Шуйский были освобождены.

Первые 8 лет после смерти Елены были временем жестокой борьбы за власть придворных группировок. Наиболее сильными были кланы Шуйских (потомков удельных суздальских князей) и Гедеминовичей Бельских. Борьба их изобиловала интригами, убийствами и предательствами. Постепенно в нее стали вовлекать и малолетнего Ивана. В тринадцать лет Иван впервые приказал казнить человека. Причем не просто подписал составленный другими смертный приговор, а лично внезапно приказал псарям убить князя Андрея Шуйского, то есть по случайной прихоти, без суда и следствия.

Надо ли говорить, как формировался характер ребенка, в 8 лет оставшегося полным сиротой, причем не только без родителей, но и без дедушек и бабушек, братьев, дядей и тетей. Мало того, ходили слухи и о его незаконном происхождении, ведь связь Елены Глинской с Иваном Овчиной ни для кого не была секретом. Недаром юный Иван приказал посадить на кол Федора, сына Ивана Овчины, а племянника Ивана Дорогобужского — обезглавить.

Но, увы, я не буду подробно останавливаться на периоде с 1538 по 1546 год, так как он достаточно хорошо описан историками и романистами, а главные наши герои Захарьины практически не участвовали в борьбе за власть.

Глава клана Захарьиных Михаил Юрьевич постригся в монахи и умер,

как уже говорилось, в 1538 или 1539 году.^[12] Три его сына и брат Григорий Юрьевич остаются в малых чинах (не выше окольного) и не участвуют в дворцовых интригах.

Так, о Григории Юрьевиче Захарьине известно лишь, что жену его звали Ульяна, брак был бездетен, и супруги постриглись в монахи, приняв имена Гурий и Евпраксия. Долгое время считалось, что Григорий Юрьевич погребен в Новоспасском монастыре. На самом же деле он умер 1 марта 1556 года и погребен в Смоленском соборе московского Новодевичьего монастыря.

Брат же Роман Юрьевич, как уже говорилось, ушел со службы и умер 10 февраля 1543 года в возрасте около 40 лет. Сведений о его жизни почти не сохранилось. Роман служил окольным при Василии III и первый раз упоминается в разрядах во время похода 1532 года, а последний раз упоминается в разрядах в 1535 году. Дальше он по неясным причинам на службе не состоял.

Исследования останков Романа Юрьевича показали, что он был высоким (178–183 см), атлетически сложенным мужчиной. Череп его представляет классический тип атланта-балтийской расы (узкое продолговатое лицо, высокий прямой лоб, светлые волосы). Левая нога скелета была согнута и, видимо, не разгибалась и при жизни. Роман Юрьевич страдал болезнью Педжета — патологическим процессом костной системы, в основе которого лежит нарушение внутрикостного метаболизма (обмена веществ). Видимо, болезнь костей левой ноги и стала причиной ухода Романа со службы.

Так как Роман был любимцем отца, Юрий Захарьевич завещал ему свой деревянный терем, стоявший рядом с каменной церковью Святого Георгия на Дмитровке.

В историю же Роман Юрьевич вошел исключительно своей плодовитостью. Чтобы не путать его многочисленное потомство с детьми и внуками Михаила Юрьевича, их стали называть Юрьевы-Романовы, а затем — просто Романовы (схема 4).

Роман Юрьевич был дважды женат. Имя первой жены до нас не дошло, вторую жену звали Ульяна Федоровна.^[13] У Романа были сыновья Далмат, Данила и Никита, а также дочери Анна и Анастасия.

Старший сын Романа Далмат ненадолго пережил отца и умер бездетным 5 октября 1543 года. Дочь Анна была выдана за князя Василия Андреевича Сицкого, Рюриковича, потомка ярославских удельных князей. С Сицкими мы будем часто встречаться, поэтому придется сказать о них

несколько слов.

У Давида Федоровича, князя Ярославского, умершего в 1321 году, было два сына — Василий Грозные Очи и Михаил. Старший сын получил в наследство город Ярославль, а младший — город Мологу. Михаил Моложский имел трех сыновей. В результате его удел был разделен на три части. У его старшего сына Федора было четыре сына, и опять удел делится на четыре части. В результате у Семена Федоровича оказались лишь земли на реке Сить. Поэтому этого Семена прозвали Ситским, позже прозвище изменилось на Сицкий. Он и стал родоначальником многочисленных Сицких князей. Правда, сам Семен имел всего двух сыновей, из которых Борис был бездетным, а Петр имел лишь одного сына — Федора Кривого. Зато Кривой наплодил семерых сыновей. Одним из внуков Федора Кривого и был Василий Андреевич Сицкий.

У Василия и Анны Сицких родились три сына — Юрий Косой, Василий и Федор, а также дочь Степанида.

Младшая дочь Романа Юрьевича Захарьина — Анастасия — ко времени смерти отца оставалась в девицах.

В Житии Святого Геннадия Любимградского сказано, что он приехал в Москву и посетил дом Романа Захарьева на Дмитровке. Геннадий благословил сыновей Романа — Данилу и Никиту, а благословляя Анастасию, пророчески сказал: «Ты еси розга прекрасная и ветвь плодоносная, будеши нам государыня царица».

Скорее всего это позднейший вымысел, начала 40-х годов XVII века, когда нужно было любой ценой обосновать законность воцарения Михаила Федоровича. Вот и пришлось Геннадию Любимградскому-Костромскому выступать в роли архангела Гавриила.

В начале XVI века сформировался и некрополь рода Захарьиных — Юрьевых — Романовых. Им стал московский Новоспасский монастырь. Спасский монастырь возник в XIV веке в Кремле вокруг церкви Спаса на Бору, там, где сейчас находится Оружейная палата. В 1462 году монастырь был переведен из Кремля за пределы города на берег Москвы-реки у начала Нижегородской дороги. В 1496 году там был построен каменный Преображенский храм. В этом храме первым из рода Захарьиных в 1498 году был погребен Василий Юрьевич. Там похоронена большая часть семейства Захарьиных — Юрьевых — Романовых. Однако там нет родоначальника Романовых — Романа Юрьевича. Место его захоронения неизвестно.

Глава 10

Царица Анастасия Романовна

13 декабря 1546 года шестнадцатилетний Иван позвал к себе митрополита Макария и объявил, что хочет жениться. На следующий день митрополит, отслужив молебен в Успенском соборе, пригласил к себе всех бояр, даже опальных, и они все вместе отправились к великому князю. Иван сказал Макарию: «Милостию Божею и Пречистой его Матери, молитвами и милостию великих чудотворцев, Петра, Алексея, Ионы, Сергия и всех русских чудотворцев, положил я на них упование, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслил жениться. Сперва думал я жениться в иностранных государствах у какого-нибудь короля или царя. Но потом я эту мысль отложил, не хочу жениться в чужих государствах, потому что я после отца своего и матери остался мал. Если я приведу себе жену из чужой земли и в нравах мы не сойдемся, то между нами дурное житие будет. Поэтому я хочу жениться в своем государстве, у кого Бог благословит, по твоему благословению». По словам летописца, митрополит и бояре заплакали от радости, видя, что государь так молод, но уже ни с кем не советуется. Но молодой Иван еще больше удивил их, сказав: «По твоему, отца своего митрополита, благословению и с вашего боярского совета хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов, как наши прародители, цари и великие князья, и сродник наш великий князь Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжение садились. И я также этот чин хочу исполнить и на царство, на великое княжение сесть».

Как далее гласит летопись, бояре обрадовались, что государь в таком еще младенчестве, а прародительских чинов искал. На самом же деле многие бояре удивились, а некоторые (судя по письмам Курбского) огорчились принятию нового титула.

Ответим, что ранее на Руси царями называли лишь византийских императоров и золотоордынских ханов. Зачем же понадобился царский титул юному Ивану? Большинство дореволюционных и советских историков считали, что царский титул был нужен для укрепления позиции Московского государства в отношениях с другими странами. Так, А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич отмечали: «Дополнение короткого слова „царь“ и в без того уже пышном титуле великого князя — „Государь и Великий князь Московский, Владимирский и прочих земель“ — делало его

носителя равным по чину императору „Священной Римской империи“, ставило выше европейских королей — датского, английского, французского и многих иных, в том числе и ближайших соседей и соперников — польского и шведского, уравнивало с восточными соседями — казанским, астраханским ханами — наследниками Золотой Орды, недавними повелителями Руси... Столица государства, Москва, отныне украсилась новым титулом — она стала „царствующим градом“, а русская земля — Российским царством».^[14]

Увы, это лишь красивый набор слов. На самом же деле факт принятия нового титула Иваном IV был тщательно засекречен от заграницы. Первыми о нем дознались польские послы, приехавшие в Москву через два года. Послы потребовали от бояр письменных объяснений, почему великий князь Московский стал царем. Бояре категорически отказывались дать письменный ответ. Лишь через несколько недель в Польшу были отправлены русские послы, которые постарались затушевать значение царского венчания. «Ныне, — говорили они, — землю Русскою владеет государь наш один, поэтому митрополит и венчал его на царство Мономаховым венцом».

В других государствах о царе Иване узнали еще позднее. Вообще говоря, ни на Западе, ни на Востоке царский титул московского князя не произвел особого впечатления. Разве что константинопольский патриарх Иосиф за солидную мзду в 1551 году Соборной грамотой утвердил Ивана в царском сане. Грамоту подписали 36 греческих митрополитов и епископов.

Таким образом, царский титул предназначался в основном для внутреннего потребления. Однако и внутри страны царский титул не прибавил ни на йоту власти Ивану. И так Иван III и Василий III имели власть куда большую, чем большинство европейских королей, и сравнимую лишь с властью турецкого султана и персидского шаха.

Суть принятия нового титула лучше всего отразил историк Н. М. Карамзин: «Хотя титло не придает естественного могущества, но действует на воображение людей...».^[15] Говоря попросту, молодой Иван боялся всех и вся — бояр, своих племянников Владимира и Андрея Старицкого, боялся, что ему припомнят похождения Елены Глинской и Ивана Овчины. Ведь слово «бастард», а по-русски — «байстрюк», стало бы смертным приговором Ивану. Вот почему и потребовался новый титул.

16 января 1547 года в главном московском соборе — храме Успения Богородицы — состоялось тожественное венчание Ивана IV на царство. Сам церемониал почти полностью повторял церемонию венчания

Иваном III своего внука Дмитрия. По обычаю московских князей митрополит Макарий возложил на голову Ивана шапку Мономаха. Таким образом, церемония венчания была старая, разница была только в титуле.

Ряд историков утверждает, что принять царский титул Ивана надоумили его родственники Глинские. Во всяком случае, бабка царя Анна Глинская и ее дети Иван, Юрий и Михаил получили огромные земельные владения на правах удельного княжества. Ко дню венчания Ивана на царство князю Михаилу Глинскому был дан чин конюшенного, а его брат князь Юрий получил боярство.

Между тем еще в декабре 1546 года были разосланы по областям, к князьям и детям боярским грамоты: «Когда к вам эта наша грамота придет, и у которых будут из вас дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр, а дочерей девок у себя ни под каким видом не таили б. Кто же из вас дочь девку утаит и к наместникам нашим не повезет, тому от меня быть в великой опале и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу». Выбор царя пал на шестнадцатилетнюю Анастасию, дочь умершего четыре года назад окольного Романа Захаревича. Современники утверждали, что Анастасия была хороша собой. Но выбор определила не ее внешность, а соглашение между кланом Захарьиных — Яковлевых и кланом Глинских. Клан Захарьиных был многочислен, его связывали семейные узы с князьями Сицкими, Бельскими, Шестуновыми и Оболенскими. Клан был силен и очень осторожен. Как уже говорилось, с 1533 года по 1547 год Захарьины — Яковлевы были только на вторых ролях, но, с другой стороны, их миновали и большие опалы. Это не могло не импонировать Глинским, которые надеялись править одни от имени Ивана, пользуясь поддержкой Захарьиных — Яковлевых.

Противостоять блоку Глинских с Захарьиными в 1547 году было практически некому, так как после убийства Андрея Шуйского клан Шуйских серьезно ослабел.

3 февраля 1547 года состоялась царская свадьба. Брат невесты Никита Романович Захарьин «вместе с царем в мыльне мылся» и в первую брачную ночь «спал у постели» новобрачных. После свадьбы старшему из сыновей Романа Захаревича Даниле был присвоен чин окольного. Его дядя Григорий Юрьевич Захарьин и двоюродный брат Иван Большой Михайлов-Юрьев становятся боярами.

Захарьины — Яковлевы оказались не так просты, как казалось Глинским. 12 апреля 1547 года в Москве случился большой пожар, 20 апреля — еще один. 3 июля упал большой колокол — благовестник. 21

июня начался новый страшный пожар, какого еще не бывало в Москве. Во время сильной бури загорелась церковь Воздвижения на Арбате. Огонь распространялся со страшной скоростью — выгорело всё на запад от церкви до самой Москвы-реки у Семчинского сельца. Огонь перекинулся на Кремль — вспыхнули верх Успенского собора, крыши на царском дворце, казенный двор и Благовещенский собор. Сгорела Оружейная палата с оружием, Постельная палата с казной, двор митрополита. В каменных церквях сгорели иконостасы и все, что люди спрятали туда от пожара. Митрополит Макарий едва не задохнулся от дыма в Успенском соборе. Он вышел оттуда, неся образ Богородицы, написанный митрополитом Петром. За ним шел протопоп и нес церковные правила. Макарий сначала пошел на городскую стену, где находился тайный ход, проведенный к Москве-реке. Но там невозможно было находиться из-за сильного дыма. Тогда Макария стали спускать на канате к реке, канат оборвался, митрополит упал, разбился, но остался жив. Его отвезли в Новоспасский монастырь. В Кремле сгорели Чудов и Вознесенский монастыри, в Китай-городе сгорели все лавки с товарами и все дворы. За городом выгорел большой посад по Неглинной, Рождественка выгорела вся до Никольского Драчевского монастыря. По Мясницкой пожар шел до церкви Святого Флора, на Покровке — до церкви Святого Василия. В пожаре погибло 1700 человек.

Царь Иван с женой, братом Юрием и боярами бежал из Москвы в село Воробьево и оттуда наблюдал за пожаром в Москве.

На следующий день царь с боярами поехал в Новоспасский монастырь навестить митрополита. Там царский духовник, благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин князь Федор Скопин-Шуйский, Иван Петрович Челядин сообщили царю, что Москва сгорела волшебством, что чародеи вынимали человеческие сердца, мочили их в воде, водой этой кропили по улицам — от этого Москва и сгорела.

Вряд ли читателя удивит подобное суеверие средневековых людей. Ведь в первой половине XVI века был пик колдовских процессов в Западной Европе. Однако на самом деле пожар стал поводом для заговора против клана Глинских. Во главе его встали старейшие из Захарьиных — Юрьевых: Григорий Захарьевич и князь Федор Иванович Скопин-Шуйский. В числе заговорщиков были Иван Петрович Челядин,^[16] протопоп Федор Бармин, князь Юрий Темкин, Федор Нагой и другие.

Узнав о колдовстве, царь Иван велел произвести розыск. Заговорщики провели его весьма оригинально — в воскресенье 26 июня они, собрав бояр, приехали в Кремль на площадь к Успенскому собору. Там собрали

«черных людей» и спросили их: «Кто зажигал Москву?» Из толпы послышались крики: «Княгиня Анна Глинская с своими детьми волховала: вынимала сердца человеческие да клала в воду, да тою водою, езда по Москве, кропила, оттого Москва и выгорела!»

Не ведая о готовящейся провокации, на кремлевскую площадь вместе с другими боярами приехал и Юрий Васильевич Глинский (родной брат Елены, дядя царя). Услышав о себе и своей матери такие речи, князь Юрий быстро оценил ситуацию и убежал в Успенский собор. Но как гласит летопись, «...бояре, злобясь на Глинских, напустили чернь». Народ ворвался в собор и буквально растерзал там Юрия Глинского. Затем его труп выволокли из Кремля на Красную площадь и положили перед торгом на месте, где казнили преступников. Таким образом, толпа поступила с Глинским так, как через 60 лет поступит с Лжедмитрием I.

Затем чернь бросилась грабить дворец Глинских. Дружинники и слуги Глинских оказали сопротивление, но были все перебиты. Но смерти одного Глинского заговорщикам было мало. На третий день после убийства князя Юрия толпа черни явилась в село Воробьево к царскому дворцу и потребовала, чтобы Иван выдал им на растерзание свою бабку, княгиню Анну Глинскую, и ее сына князя Михаила, которые прятались у него в покоях. В ответ Иван велел схватить крикунов и казнить. Остальная толпа в панике разбежалась.

Как видим, царь Иван пытался защитить Глинских, но тем не менее у них были все основания опасаться за свою жизнь. Князь Михаил Васильевич Глинский от страха совсем потерял голову. Вместе с давним приятелем князем Турунтаем-Пронским он решил бежать в Литву. Однако по дороге беглецы были перехвачены конным отрядом князя Петра Ивановича Шуйского. Эта операция еще раз показывает, как хорошо был спланирован заговор.

За побег в Литву в былые годы московские князья казнили смертью или заточали в темницу, но царь Иван был очень расположен к родне. Поэтому Глинский и Турунтай-Пронский посидели несколько дней под стражей, а затем были отпущены на поруки. Естественно, что Михаил Глинский потерял чин конюшенного боярина.

Теперь Глинские окончательно лишились влияния на государственные дела. Тем не менее Михаил Васильевич Глинский продолжал служить, участвовал во взятии Казани. После смерти Михаила Васильевича обширные владения Глинских отошли к его сыну Ивану Михайловичу. В конце XVI века Иван Михайлович Глинский владел как минимум 10 тысячами четвертей вотчинной земли. В начале XVII века род Глинских

пресекся.

В советское время историки пытались представить события июля 1547 года как народное антифеодальное восстание. Но концы с концами у советских историков не сходились. К примеру, если бы это было стихийное восстание «черни», то неизбежно пострадали бы не только дворы Глинских и их сторонников, но и дворы других бояр, тех же Захарьиных, но, увы, этого не произошло.

После устранения Глинских значительно усилилось влияние Захарьиных-Яковлевых и Шуйских. В частности, ближайшим советником царя становится Александр Борисович Горбатый-Шуйский. Никита Романович Захарьин вскоре вступает во второй брак с его дочерью Евдокией.

Однако в ходе переворота к власти приходят и случайные люди, не имевшие никакого отношения к заговору. Среди них простой священник Благовещенского собора Сильвестр, выходец из Великого Новгорода, и царский ложничий Алексей Федорович Адашев. Когда царь Иван со страхом наблюдал с Воробьевского холма за гибелью в огне своей столицы, к нему со смелыми словами обратился протопоп Сильвестр. Ссылаясь на Священное Писание, он говорил, что страшный огонь был наказанием царю за грехи, призывал Ивана к покаянию и самосовершенствованию. Царя Ивана тронули слова священника, он приблизил Сильвестра ко двору и сделал своим духовником. Сильвестр в свою очередь приблизил к царю Алексея Адашева, служилого человека, «доброго рода, в делах сведущего и умного».

Царь и его новые советники Сильвестр и Адашев начинают борьбу со злоупотреблениями чиновников в стране, проводят судебные реформы. В 1550 году были сформированы первые стрелецкие полки.

В 1549 году Василий Михайлович Захарьин получает боярство. Никита Романович еще слишком молод и лишь в 1559 году получает чин окольничего.

Глава 11

Падение Казани

А теперь мы вынуждены вновь вернуться к делам казанским, поскольку они оказали огромное влияние не только на историю русского государства в целом, но и конкретно на историю рода Захарьиных и других, связанных с ними, знатных родов.

Войны между Русью и Казанским ханством сейчас представляются татарскими националистами как экспансия или агрессия Москвы. На самом же деле речь шла о выживании Московского государства. Крымские ханы Гирей при активной поддержке турецких султанов стремились объединить под своей властью Крымское, Казанское и Астраханское ханства, сломить военную и политическую мощь Москвы и вернуть Русь ко временам Батыя и Неврюя. Москва же до 1550 года и не помышляла о владычестве над Казанью, ее программой-минимум было устранение династии Гиреев с казанского престола, а программой-максимум — передача престола хану из Касимовской династии, благожелательно настроенного к Москве.

Мы закончили разговор о делах казанских воцарением хана Сафа Гирея. В 1530 году русское войско двинулось на Казань. По традиции пехота плыла по Волге на стругах, а конница двигалась по горному (правому) берегу. 10 июля русские подошли к Казани, но взять ее не смогли, так как татары перехватили обоз с осадной артиллерией.

Не добившись свержения хана Сафа Гирея открытой силой, Василий III прибег к услугам тайной дипломатии. В мае 1531 года в Казани произошел переворот, и хан Сафа бежал с женой к своему тестю князю Мамаю Ногайскому.

Василий III традиционно предложил на казанский престол Шаха-Али, но казанские заговорщики предпочли его пятилетнего брата касимовского царевича Джан-Али.

Смерть Василия III и бездарное правление Елены Глинской и Ивана Овчины реанимировали партию Гиреев в Казани. 25 сентября 1534 года хан Джан-Али был убит, и на престоле вновь оказался Сафа Гирей. Последствия восстановления династии Гиреев в Казани не замедлили сказаться на русско-казанских отношениях. В январе 1536 года отряд казанских татар подошел к Нижнему Новгороду и сжег Балахну. Летом 1536 года казанские войска вторглись в Костромскую область, русские понесли поражение, был убит костромской воевода князь Засекин. В январе

1537 года татары подошли к Мурому и сожгли его предместья.

Крымский хан Сагиб Гирей официально заявил о своем союзе с Казанью. Сагиб Гирей писал Ивану IV: «Я готов жить с тобою в любви, если ты... примиришься с моею Казанью и не будешь требовать дани с ее народа. Но если дерзнешь воевать, то не хотим видеть ни послов, ни гонцов твоих. Мы неприятели. Вступим в землю Русскую, и все будет в ней прахом».

Московские бояре не остались в долгу и от имени малолетнего Ивана отписали Сагиб Гирею: «Ты называешь Казань своею, но загляни в старые летописи: не тому ли всегда принадлежит царство, кто завоевал его? Можно отдать оное другому, но сей будет уже подданным первого, как верховного владыки. Говоря о твоих мнимых правах, молчишь о существенных правах России. Казань — наша, ибо дед мой покорил ее;^[17] а вы — только обманом и коварством присвоили себе временное господство над нею. Да будет все по-старому, и мы останемся в братстве с тобою, забывая вины Сафа Гиреевы».

Набеги казанских татар следовали почти ежегодно. К примеру, весной 1542 года старший сын Сафа Гирея Имин Гирей напал на Северскую область, а в августе того же года — на Рязанскую область. В декабре 1544 года Имин Гирей напал на Белёв и Одоев. Следует отметить, что походы крымских Гиреев тоже происходили ежегодно.

В 1545 году русское войско совершило ответный поход на Казань. Воеводы Семен Пунков и Иван Шереметев осадили Казань, но взять ее не смогли и, пограбив окрестности, двинулись восвояси. И опять русские бояре организовали «спецоперацию». В январе 1546 года в Казани произошел кровавый переворот. Самому хану Сафа Гирею удалось бежать, но, как сказано в летописи, «казанцы Сафакирея царя с Казани согнали, а крымских людей многих побили».

Из Москвы в Казань был послан тот же Шах-Али. С ним двинулось три тысячи касимовских татар и тысяча русских конников. 13 июля 1546 года Шах-Али был вновь возведен на казанский престол. Но Али не процарствовал и месяца. К Казани подошел Сафа Гирей с ногайским войском, и казанцы без боя открыли ему ворота. Шах-Али бежал на струге по Волге и поселился в Касимове. В Казани начались массовые казни. 76 знатных татар бежали в Москву. Новое правительство было составлено исключительно из крымских татар.

В конце 1547 года царь Иван решил лично возглавить поход против казанских татар. В декабре он выехал во Владимир, приказав везти туда за собой пушки. Они были отправлены туда уже в начале января 1548 года,

несмотря на большие трудности, так как зима в тот год выдалась теплая, снега не было, все время шли дожди. В феврале Иван IV выступил из Нижнего Новгорода и остановился на острове Роботке. Наступила сильная оттепель, лед на Волге покрылся водой, много пушек и пищалей провалилось под лед, потонуло много людей. Три дня царь Иван простоял на Роботке в ожидании заморозков, но их не было. Иван Васильевич вынужден был возвратиться в Москву, сильно расстроенный сорвавшимся походом.

Осенью 1548 года казанцы под начальством Арака-Богатыря напали на Галицкую волость. Тут отличился костромской наместник Захарий Петрович Захарьин-Яковлев, внук Якова Захарьевича Кошкина, разбивший татар наголову и лично убивший Арака.

В марте 1549 года хан Сафа Гирей, которому было всего 42 года, скоропостижно скончался. Со смертью хана возникли серьезные проблемы с престолонаследием. У Сафа Гирея осталось несколько сыновей. Два взрослых царевича, Мубарек и Булюк, находились в Крыму при дворе хана Сагиб Гирея. Еще один взрослый царевич был сыном русской пленницы и поэтому не имел права на ханский престол. Младший, Утямыш, был еще слишком мал, он родился в 1546 году.

Казанцы предложили престол царевичу Булюку, но хан Сагиб Гирей не согласился его отпустить и даже заключил под стражу. Сагиб Гирей сообщил в Стамбул о предложении казанцев и просил султана Сулеймана назначить ханом в Казань жившего тогда при дворе султана Девлет Гирея, сына Мубарека Гирея и внука Менгли Гирея. Сагиб Гирей боялся Девлета и хотел убить его, когда тот будет проезжать через Крым в Казань. Эта хитрость Сагиба стала одной из причин его собственной гибели. Султан Сулейман уже давно «имел зуб» на хана Сагиба и хотел его свергнуть. Он для виду назначил Девлета казанским ханом, а на самом деле определил его на крымский престол. Девлет прибыл в Крым, сверг и убил хана Сагиба Гирея. Но все это произошло только в 1551 году.

В Казани же, в том же 1549 году, как только выяснилось, что царевич Булюк не приедет, ханом был провозглашен сын царицы Сююн-Бике трехлетний Утямыш. Царицу объявили регентшей. Новое правительство по-прежнему состояло из крымских татар. Главой правительства стал оглан Кучак (Кошак) — начальник крымского гарнизона, составлявшего ханскую гвардию при хане Сафа Гирее.

В июле 1549 года казанцы прислали царю Ивану грамоту, где писали от имени хана Утямыш Гирея о мире. Царь ответил казанцам, чтобы прислали для переговоров «добрых людей». Но «добрые люди» так и не

прибыли, и тогда 24 ноября царь Иван с братом Юрием выступил в поход на Казань, а в Москве за себя оставил двоюродного брата Владимира Андреевича.

К Казани Иван IV подошел только в феврале 1550 года. Попытка взять город приступом не удалась, обе стороны понесли большие потери. А потом наступила оттепель, подули сильные ветры, начались дожди, стали вскрываться реки. Простояв 11 дней под Казанью, Иван вынужден был возвратиться в Москву. Это был уже второй поход молодого царя, окончившийся неудачно. Но Иван не хотел возвращаться домой ни с чем. По примеру своего отца, заложившего крепость Васильсурск, он повелел заложить в устье реки Свияги крепость Свияжск.

Любопытно, как строился Свияжск. Дьяк Иван Выроднов отправился с войском и крестьянами в Углицкий уезд в село Мышкино, отчину князей Ушатых. Там был срублен лес для городских стен, домов и церквей. Все деревянные постройки были собраны, бревна помечены, а затем вновь разобраны. Эти «полуфабрикаты» погрузили на речные суда и весной отправили вниз по Волге.

Командовать постройкой Свияжска формально было поручено хану Шаху-Али, а фактически — русским воеводам князю Юрию Булгакову и боярину Даниле Романовичу Юрьеву (брату царицы).

24 мая 1550 года воеводы с войском прибыли на Свиягу и стали расчищать от леса место для постройки города. На месте будущего города отслужили молебен, освятили воду, обошли с крестами по месту будущей крепостной стены. Потом собрали стену и заложили церковь во имя Рождества Богородицы и Чудотворца Сергия. В итоге город Свияжск был построен за четыре недели.

Крепость стояла на территории Казанского ханства, и хан Шах-Али с некоторой натяжкой мог считаться законным казанским ханом. Первыми приехали к Шаху-Али черемисы «с челобитьем, чтоб государь их пожаловал, простил, велел им быть у Свияжского города, а воевать бы их не велел, а пожаловал бы их государь, облегчил в ясаке и дал им свою грамоту жалованную, как им вперед быть». Государь их пожаловал, дал грамоту с золотою печатью и ясак им отдал на три года.

Царь Иван послал приказ Шаху-Али и воеводам привести всю горную (правую) сторону к присяге и послать отряды черемис на казанские земли, а с ними отправить детей боярских и казанских князей — следить, верно ли черемисы служат государю. Воеводы привели к присяге черемисов, чувашей, мордовцев и сказали им: «Вы государю присягнули, так ступайте, покажите свою правду государю, воюйте его недруга». В конце концов вся

горная сторона, то есть черемисы, чуваша и другие племена приняли русское подданство.

Отделение от Казанского ханства горной стороны и засилье крымцев вызвали сильное раздражение в Казани. В воздухе запахло новым переворотом. Но, не дожидаясь его, оглан Кучак, крымские мурзы и князя решили бежать из города, бросив там жен и детей. Всего бежало свыше 300 человек. На переправе через Каму их перехватил вятский воевода Зюзин. Часть крымцев была перебита на месте, а 46 наиболее знатных пленных, в том числе Улан Кучак, были отосланы в Москву, где, по словам летописца, «казнены смертию за их жестокосердие».

После бегства крымской правящей верхушки из Казани тут же были отправлены послы в Москву с челобитной к государю, чтобы он их пожаловал, пленить не велел, дал бы им на ханство царя Шаха-Али, а царя Утямышу с матерью Сююн-Бике взял бы к себе. На это Иван IV ответил, что пожалует Казанскую землю, если казанцы выдадут ему Утямышу с матерью, всех крымцев и их детей, а также освободят всех русских пленников.

Алексей Адашев отправился в Свияжск объявить Шаху-Али, что государь жалует ему Казанское царство, луговую (левую) сторону и Арску, но горная сторона отойдет к Свияжску, потому что «государь саблюю взял ее до челобитья казанцев».

Требование раздела Казанского царства сильно оскорбило Шаха-Али, но бояре прямо объявили ему, что решение ни под каким видом изменено не будет. То же было сказано и казанским вельможам, когда они начали было говорить, что землю разделить нельзя.

11 августа 1551 года казанские власти выдали русским хана Утямышу, царицу Сююн-Бике, двух детей оглана Кучака и сына оглана Ак-Мухаммеда. Их отправили в Свияжск в сопровождении князя Бибарса Растова и хаджи Али-Мердена. Представитель русского правительства князь П. С. Серебряный встретил их около устья реки Казанки. На следующий день пленников отправили в Москву в сопровождении князей Серебряного и Кострова, хаджи Али-Мердена, боярских детей и отряда стрельцов. 5 сентября пленники прибыли в Москву.

13 августа 1551 года хан Шах-Али и русские воеводы высадились в устье реки Казанки, что в семи верстах от Казани. Хан послал в Казань своего дворецкого с имуществом, чтобы приготовить ему дворец. На следующий день на устье реки Казанки состоялся курултай, на котором решался вопрос о горной стороне. Русские бояре зачитали собранию договорные условия, предложенные московским правительством. Казанцы

«все стали о горной стороне говорить, что того им учинить не можно, что земля разделить». «Много о том спорных слов было», но русские упорно стояли на своем, что «Бог государю то учинил», что «тому уже иначе не бывать, как его Бог учинил», и добились того, что казанцы согласились на предложенные русскими условия. Договор был подписан. Горная сторона отошла к русскому государству. Было отменено рабство для христиан, и все русские пленники должны были быть освобождены. В первую очередь должны были получить свободу невольники, которыми владели в Казани князья. Остальных же рабов казанцы дали обязательство также освободить, «а уведает государь полон христианской в работе бусурманской, и у кого вымут, того казнити смертию». Если казанцы освободят не всех русских невольников, то московское правительство пойдет на них войной. Таким образом, согласно условиям договора, казанским татарам запрещалось под страхом смертной казни иметь русских рабов. Это стало важнейшей экономической реформой.

16 августа хан Шах-Али прибыл в Казань. С ним прибыл гарнизон (300 касимовских татар и 200 русских стрельцов), который расположился вокруг дворца. На следующий день хан приказал собрать всех пленных у своего дворца и объявил им свободу. В первый день было освобождено 2700 человек. А всего в Свияжске было зарегистрировано 60 тысяч освобожденных невольников. Пленные являлись в Свияжск, а оттуда уже «все по своим местам, кому куда ближе, туды пошли».

Хан Шах-Али решил потребовать у Ивана IV возвращения горной стороны Казанскому ханству. То ли ему надоело быть московской марионеткой, то ли он понял, что без горной стороны ему недолго придется царствовать.

В октябре 1551 года в Москву было отправлено посольство, в составе которого находилось много знатных казанцев — князь Нур-Али, ханский дворецкий князь Шах-Абас Шалов, бакши Абдулла и другие. Посольство просило Ивана IV уступить горную сторону, на что последовал категорический отказ царя. Тогда послы попросили хотя бы разрешить собирать подати на горной стороне в пользу Казани, то есть ввести там совместное правление. И на это последовал отказ. Мало того, бояре заявили послам, что те останутся в Москве в качестве заложников до полного освобождения всех русских невольников.

Естественно, эта акция вызвала недовольство в Казани. Князь Бибарс Растов с братьями возглавил заговор против Шаха-Али и вступил в переписку с ногайским ханом. О заговоре стало известно хану. Шах-Али поступил в лучших восточных традициях — пригласил заговорщиков на

пир во дворец и велел верным мурзам перебить их всех за столом. Части заговорщиков удалось вырваться из дворца, но их уже поджидали сабли и бердыши русских стрельцов. Всего было убито 70 знатных татар. Несколько десятков заговорщиков бежали в Ногайскую орду.

Хан избавился от заговорщиков, но возбудил ненависть большинства жителей Казани. В Москве были хорошо осведомлены о ситуации в ханстве. Царь с боярами долго думали, как помочь хану, но в конце концов пришли к заключению, что его положение безнадежно. Было принято решение низложить Шаха-Али и назначить в Казань царского наместника.

В феврале 1552 года в Казань прибыл царский посол Алексей Федорович Адашев с предложением Шаху-Али впустить в Казань русского наместника и сдать ему крепость. Хан категорически отказался, «и много о том речей спорных было». Шах-Али сказал: «Я мусульманин, и не хочу восстать на свою веру», но дал согласие на отречение от престола. 6 марта хан вместе с русским гарнизоном выехал из Казани в Свияжск. Хитростью ему удалось вывезти из Казани 84 человека татарских князей и мурз, которых он передал русским в качестве заложников. В тот же день в Казани была оглашена царская грамота, в которой говорилось, что «по казанских князей челобитью» государь низложил хана с престола и дал им своего наместника свияжского воеводу князя Семена Ивановича Микулинского. Все казанские «лучшие люди» должны явиться в Свияжск и принести присягу наместнику. Таким образом, Казанское ханство присоединялось к Московскому государству. Известие это было встречено казанцами довольно спокойно.

На следующий день, 7 марта, Чапкун Отучев, Бурнаш и стрелецкий голова Иван Черемисинов прибыли в Казань и привели казанцев к присяге.

Царский наместник С. И. Микулинский должен был торжественно въехать в Казань 9 марта 1552 года. Вечером 8 марта в Казань прибыл его багаж с 70 русскими казаками.

Рано утром 9 марта наместник вместе с воеводами Иваном Васильевичем Шереметевым и князем Петром Серебряным и с довольно солидным войском двинулись к воротам Казани. Уже в черте нынешнего города Казани трое татар, сопровождавших наместника — князь Ислам, князь Кебек и мурза Алике Нарыков — попросили у него разрешения ехать вперед. Микулинский разрешил, и татары уехали в город.

Достигнув Казани, Ислам, Кебек и Нарыков заперли крепостные ворота и распространили слух, будто русские едут с намерением устроить резню и перебить всех жителей. Горожан это встревожило, и многие кинулись вооружаться.

Когда наместник с боярами подъехал к воротам, его встретили выехавшие навстречу князь Кул-Али и И. Черемисинов. Последний доложил: «Лиха есмя по сесь час не видали; а те, перво как прибежали от вас князи, так лихие слова почали говорить, и люди замешались, иные на себя доспех кладут». Бояре подъехали к Царевым воротам, они оказались запертыми. Наместник и сопровождавшие его два дня стояли у ворот и пытались уговорить казанцев впустить их в город. Однако антирусски настроенная знать не только отказалась впустить князя Микулинского, но и не выпустила из города ранее прибывших туда русских стрельцов.

Видя безнадежность своего положения, князь Микулинский решил возвратиться в Свияжск, так как брать крепость приступом у него не было сил. Русские ушли, «ни одному человеку лихо не учинили», посада не сожгли, никого не убили и ничего не разграбили, так как все еще надеялись на мирное соглашение, «чаяли сделки».

Так рухнул проект унии — присоединить Казанское ханство к Русскому государству мирным путем не удалось.

В Казани образовалось временное правительство, во главе которого стал князь Чапкун Отучев. Первым делом были перебиты находившиеся в Казани стрельцы (около 180 человек) и несколько десятков русских купцов. Затем в Ногайскую орду послали гонцов, чтобы предложить престол астраханскому царевичу Ядыгар-Мухаммеду, потомку хана Тимура Кутлу. Царевич не заставил себя долго ждать и поспешил в Казань. На переправе через Каму Ядыгар-Мухаммеда чуть было не схватили русские, но ему удалось прорваться.

Вскоре против русских восстала вся горная сторона, и новопостроенный город Свияжск оказался в осаде. На выручку Свияжска царь направил войско под началом своего шурина Данилы Романовича Захарьина-Юрьева.

Иван IV вновь решил лично возглавить поход на Казань. Русские полки собирались очень медленно. Однако как раз медлительность воевод и спасла Москву. Узнав о подготовке похода на Казань, крымский хан Девлет Гирей двинулся на Москву. Татары судили по себе, и по их расчетам русское войско к середине июня 1552 года должно было быть где-то у Свияжска. Но как известно, русские долго собираются, а потом быстро едут. И к 19 июня русские войска еще находились под Москвой. Узнав о походе крымцев, царь Иван приказал двинуться против них всем полкам. Девлет Гирей был отброшен у Коломны, а затем наголову разбит у Тулы.

Лишь 3 июля Иван IV с двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем выехал из Коломны под Казань. По пути царь несколько раз

получал донесения о победах Данилы Романовича над «горными людьми». 13 августа Иван IV достиг Свияжска. К этому времени край был полностью усмирен боярином Данилой Романовичем. Иван позвал на обед посланцев от горных людей и объявил, что прощает их народу прежнюю измену.

20 августа 1552 года царь Иван Васильевич со 150-тысячным войском и 150 осадными орудиями обложил Казань. В городе же находились 30 тысяч воинов-казанцев и 3 тысячи ногайцев.

Иван IV приказал лишить казанцев воды. Ему доложили, что воду берут из ключа у Муралевых ворот, внутри крепости. Царь приказал английскому инженеру Бутлеру сделать подкоп и взорвать мину у источника. 4 сентября мина была взорвана, и казанцы лишились этого источника воды. Хотя полностью лишить Казань водоснабжения не удалось (в городе было несколько водоемов), взрыв произвел угнетающее действие на осажденных.

30 сентября было взорвано еще несколько мин под стенами крепости, и русские пошли на штурм. Однако казанцам удалось его отбить. В следующий раз мины были взорваны 2 октября. Русским удалось ворваться в город. На улицах завязался рукопашный бой. «Бьющиеся царевы воины во всех местах от всех ворот мужествене, за руки имаяся, копии и саблями в теснотах, ножи режущесе. Во многих улицах со обоих стран христианам и татарам ударившесе во многие копия и на мног час стояще на копиях, ни единым поступившим».

После жестоких уличных боев, к концу дня, русским удалось овладеть городом. Иван — думаю, его уже можно называть Грозным — приказал перебить всех мужчин поголовно: «В полон имати жен и дети малые, а ратных избивати всех». Заодно с мужским населением было перебито и немало женщин: «Сечаху нещадно нечестивых мужей и жен». Город был разграблен и подожжен, улицы завалены трупами — «по удолием крови течаху». «Побитых во граде толикое множество лежаше, яко по всему граду не бе, где ступати не на мертвых. За царев же двором, где на бегство предалися, и с стен градских и по улицам костры (груды) мертвых лежаше с стенами градными ровно. Рвы же на той стороне града полны мертвых лежаше и по Казань реку и в реке, и за рекою по всему лугу мертвии погании лежаша». Для въезда царя Ивана в город смогли «едину улицу очистить к цареву двору от Муралеевых ворот мертвых поснести, и едва очистили», хотя расстояние от ворот до дворца было чуть более 200 метров.

Из мужчин в живых был оставлен лишь хан Ядыгар. Кроме того, несколько сот казанцев, перебравшись через городскую стену, форсировали реку Казанку и скрылись в заречном лесу. Женщин царь отдал войску. «Вся

же сокровища казанская, и жены их и дети велел всему своему воинству имати». «Толь множество взявши полону татарского, яко же всем полком русским наполниться; у всякого человека полон татарский бысть».

Царский шурин Данила Романович Захарьин-Юрьев находился в царской ставке под стенами Казани, но ни мудрыми советами, ни личной храбростью себя не проявил. Потомкам сохранились десятки имен князей и бояр, отличившихся под Казанью: те же князья Курбские, Микулинские, Михайло Воротынский, Алексей Адашев и другие. Но, увы, среди них нет ни Захарьиных-Юрьевых, ни Захарьиных-Михайловых, ни Захарьиных-Яковлевых.

5 октября 1552 года царь заложил в Казани церковь Благовещения. В Нижнем Новгороде Иван встретил посланных с поздравлением от царицы, князя Юрия Васильевича и митрополита. Из Нижнего Новгорода царь сухим путем поехал через Балахну во Владимир. Там ждала его новая радость — прискакал боярин Траханиот с известием о рождении первого сына Дмитрия.

Первого ребенка (девочку) Анастасия Романовна родила 18 августа 1549 года. Царевна Анна прожила ровно год. Вторым ребенком оказалась тоже девочка — царевна Мария. Она родилась 17 марта 1551 года и тоже прожила лишь несколько месяцев. И вот наконец 11 октября 1552 года родился долгожданный наследник престола — царевич Дмитрий.

Но снова вернемся к казанским делам. По прибытии Ивана Грозного в Москву начались большие торжества. Митрополит и бояре сравнивали Ивана с Константином Великим, Владимиром Святым и Дмитрием Донским. Однако покорение Казанского ханства затянулось до 1557 года. Ивану приходилось слать в Казань все новые и новые подкрепления. Окончательная победа была достигнута лишь за счет двух факторов — массового уничтожения местного населения и русификации края.

Казань стала русским городом в полном значении этого слова. Татарам было запрещено не только селиться внутри крепостной стены, но и входить внутрь города. За нарушение запрета была положена смертная казнь. Если до взятия Казани в ней проживало 30–40 тысяч жителей, то в 1557 году внутри города жило около 7 тысяч русских, а в пригородах — 6 тысяч татар.

На землях черемисов, чувашей и других народностей на правом берегу Волги были воздвигнуты города Чебоксары, Цивильск и Козьмодемьянск, а на левых притоках Волги Большой и Малый Кокшагах — города Кокшайск и Санчурск. На правом берегу нижней Камы был построен город Ланшев, а на правой стороне Волги в 40 верстах ниже Казани — город Тетюши. С

конца 50-х годов — начала 60-х годов XVI века начинается массовое переселение русских людей на «Казанскую землю». С началом опричнины князья и дворяне целых районов России выселяются в Казанский край. Особенно это коснулось потомков ростовских, ярославских и стародубских князей.

Боярин Данила Романович Захарьин-Юрьев активно участвовал в подавлении татарского сопротивления в 1553–1556 годах. К примеру, в конце 1555 года князь Иван Мстиславский и Данила Романович с войском были отправлены против мурзы Мамича-Бердея, который собрал несколько тысяч татар южнее Казани и фактически парализовал судоходство по Волге. Русские воеводы действовали успешно, и в марте 1556 года отряды Мамича были разбиты, а он сам в оковах доставлен в Москву.

Любопытно, что царь Иван, учинив серию кровавых расправ над населением Казанского края, довольно милостиво обошелся с бывшими казанскими ханами. Шах-Али после взятия Казани стал ханом Касимовским и оставался таковым до самой своей смерти 20 апреля 1567 года. В 1558 году войска под его началом опустошили районы Дерпта, Ревеля и Риги. Одно его имя наводило ужас на немцев. В 1562 году Шах-Али участвовал в войне с Польшей, брал Полоцк. В 1565 году он был демобилизован, видимо, по состоянию здоровья и уехал в Касимов. Прямого потомства Шах-Али (Шиг-Алей) не оставил.

Ну ладно, Шах-Али был союзником Москвы, а как сложилась судьба ее противников?

После взятия Казани семилетний хан Утямыш, привезенный еще в 1551 году в Россию, был разлучен с матерью Сююн-Бике, которую выдали замуж за Шаха-Али. 8 января 1553 года Утямыш крестили в Чудовом монастыре, он получил имя Александр, «и царь благоверный пожаловал царя Александра Сафакиреевича, велел жити у себя в царском своем дому, и повеле его учить грамоте, понеже юну ему суцу, да навикнет страху Божию и научится закону христианскому». В конце 1553 года царь Иван пишет князю Юсуфу, что «внука его у себя держим за сына место».

Утямыш умер 11 июня 1566 года в 20-летнем возрасте. Доказательством того, что он умер своей смертью и был до конца в фаворе у Ивана Грозного, служит то, что Утямыш погребен в Архангельском соборе в Кремле, где хоронили членов царской фамилии.

Хан Ядыгар, взятый в плен в Казани 2 октября 1552 года, под конвоем был доставлен в Москву. В январе 1553 года Ядыгару было предложено в обмен на свободу и почетное положение отречься от своей веры и креститься. 26 февраля 1553 года состоялось торжественное крещение хана

Ядыгара. Хан окунулся в прорубь на Москве-реке у Тайницких ворот. Ядыгар получил имя Симеон, «и царь, и великий князь Симеона пожаловал, дал ему двор в городе (в Кремле) и учинил у него в боярское место Ивана Петровича Заболоцкого и всех чиновников по чину государского, и учинил его не так, как пленных держат, как царя и царского сына по его достоянию».

Хан Ядыгар-Симеон умер в Москве 26 августа 1565 года и был похоронен в Благовещенской церкви Чудова монастыря.

Глава 12

Болезнь царя Ивана

1 марта 1554 года Иван IV опасно заболел. К 11 марта его положение уже казалось безнадежным. Естественно, возник вопрос о наследнике престола. Формальный наследник, сын Грозного Димитрий, лежал в пеленках — ему не исполнилось и шести месяцев. В этом случае лет пятнадцать — двадцать Россией стал бы править клан Захарьиных — царица Анастасия, Данила и Никита Романовичи, Василий и Иван Михайловичи, Иван и Семен Яковлевичи, а также их родственники — Андрей Сицкий, муж Анны Романовой, Шастунов, Оболенский-Ноготков и другие.

Московская знать и беспородная бюрократия были по горло сыты беспределом периода правления Елены Глинской. Тем более им не импонировала власть клана Захарьиных, в котором хватало хитрых царедворцев, интриганов и честолюбцев, но не было ни государственных деятелей, ни выдающихся полководцев.

Естественно, что взоры знати и бюрократов обратились к единственному дееспособному кандидату на престол — внуку Ивана III девятнадцатилетнему Владимиру Андреевичу, удельному князю Старицкому. Как уже говорилось, младший брат Грозного Юрий с детства был инвалидом (судя по всему — дауном), что, впрочем, не мешало старшему брату жестко контролировать его поведение.

Владимир родился в 1535 году. Он был старшим сыном удельного князя Андрея Старицкого и Ефросинии Андреевны Хованской. Василий III разрешил своему брату Андрею жениться лишь только после того, как сам обзавелся сыном Иваном.

В 1536 году вместе с князем Андреем Ивановичем Старицким в тюрьму были брошены его жена и годовалый сын. В тюрьме они провели четыре года и вышли на свободу в 1540 году, то есть уже после смерти Елены Глинской.

В 1543 году тринадцатилетний Иван IV по ходатайству бояр и митрополита возвращает своему восьмилетнему двоюродному брату Старицкий удел.^[18] Однако все старицкие бояре и дворяне были или казнены в 1536 году, или переселены в другие места, так что у Владимира оказался старый отцовский удел, но с новым двором.

Владимир Андреевич участвовал вместе с Иваном Грозным в Казанском походе. В мае 1551 года он женился на Евдокии Александровне Нагой и к марту 1554 года имел от нее сына Василия и дочь Ефимию.

Дореволюционные русские историки смотрели на князей, бояр и дьяков, ориентировавшихся на Владимира Старицкого, глазами Ивана Грозного и называли их бунтовщиками, врагами государства и т. д. По иным, но тоже понятным причинам, эту точку зрения разделяли и советские историки 30—80-х годов. На самом же деле сугубо личные интересы сторонников Старицкого полностью совпадали с интересами русского государства, и поэтому сторонников Владимира вполне можно назвать патриотами своей страны. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, какой нужен был России правитель — молодой воин, уже заимевший здоровое потомство, или пленочник? Предположим на секунду, что Иван Грозный умер бы, а на престол вступил бы семимесячный Димитрий. В этом случае Захарьиным пришлось убить бы Владимира Андреевича и его потомство. Вероятность того, что Димитрий дожил бы до совершеннолетия, не превышала 30 процентов (из шести детей Грозного от Анастасии до совершеннолетия дожило двое). Единственный ребенок царя Федора Иоанновича умер в два года. Таким образом, Великая смута на Руси могла начаться уже в 60-х годах XVI века. В истории всех стран, и в первую очередь в России, заговоры и мятежи часто спасали государство. Будь Иван Грозный дальновидным и мудрым правителем, он, выздоровев, должен был навсегда забыть имена сторонников Старицкого, как забыли многие свои обиды юных лет Людовик XIV и Екатерина Великая. Но тут, увы, болезнь царя стала прологом 70-летней кровавой драмы в России.

Больной царь по наущению Захарьиных потребовал у Владимира Старицкого и московской знати присягнуть младенцу Димитрию. Однако многие стали отказываться принести присягу. Многие открыто говорили, что не станут целовать крест Захарьиным. Как сказано в летописи: «И была между боярами брань большая, крик, шум». Царь начал им говорить: «Если вы сыну моему Димитрию креста не целуете, то, значит, у вас другой государь есть. А ведь вы целовали мне крест не один раз, что мимо нас других государей вам не искать. Я вас привожу к крестному целованию, велю вам служить сыну моему Димитрию, а не Захарьиным. Я с вами говорить не могу много. Вы души свои забыли, нам и детям нашим служить не хотите, в чем нам крест целовали, того не помните. А кто не хочет служить государю-младенцу, тот и большому не захочет служить. И если мы вам не надобны, то это на ваших душах». На это отозвался князь

Иван Михайлович Шуйский, он придумал отговорку: «Нам нельзя целовать крест не перед государем. Перед кем нам целовать, когда государя тут нет?» Прямее высказался окольный Федор Адашев, отец царского любимца, что было у него на душе, то и вылилось: «Тебе государю и сыну твоему царевичу князю Димитрию крест целуем, а Захарьиным, Даниле с братьею, нам не служить. Сын твой еще в пеленках, а владеть нами будут Захарьины, Данила с братьею. А мы уж от бояр в твое малолетство беды видали многие». «И был мятеж большой, шум и речи многие во всех боярах: не хотят младенцу служить». Но к вечеру поцеловали крест Димитрию следующие бояре: князь Иван Федорович Мстиславский, князь Владимир Иванович Воротынский, Иван Васильевич Шереметев, Михаил Яковлевич Морозов, князь Дмитрий Палецкий, дьяк Иван Михайлович Висковатый. Тут же поцеловали крест и Захарьины — Данила Романович и Василий Михайлович. Но трое князей — Петр Щенятев-Патрикеев, Семен Ростовский и Иван Турунтай-Пронский — продолжали говорить: «Ведь нами владеть Захарьиным. И чем нами владеть Захарьиным и служить нам государю молодому, так мы лучше станем служить старому князю Владимиру Андреевичу». Окольный Салтыков донес, что князь Дмитрий, проезжая с ним по площади, говорил: «Бог знает, что делается! Нас бояре приводят к присяге, а сами креста не целовали, а как служить малому мимо старого? А ведь нами владеть Захарьиным».

Царь велел написать целовальную запись, по которой приводить к присяге князя Владимира Андреевича. Эта запись примечательна тем, что в ней право отъезда совершенно уничтожено: «Князей служебных с вотчинами и бояр ваших мне не принимать, также и всяких ваших служебных людей, без вашего приказания, не принимать никого». Князя Владимира привели к царю Ивану и подали ему запись, царь сказал князю, чтоб он дал на ней присягу. Владимир отказался целовать крест. Тогда Иван сказал ему: «Знаешь сам, что станется на твоей душе, если не хочешь креста целовать. Мне до того дела нет». Потом, обратившись к боярам, поцеловавшим крест, Иван сказал: «Бояре! Я болен, мне уже не до того, а вы на чем мне и сыну моему Димитрию крест целовали, по тому и делайте». Бояре, поцеловавшие крест, начали уговаривать остальных. Но те отвечали: «Вы хотите владеть, а мы вам должны будем служить: не хотим вашего владенья!»

Между тем князь Владимир и его мать Ефросиния вызвали из Старицы в Москву отряды своих дворян и роздали им повышенное жалованье. Это не осталось в тайне от Захарьиных, и те донесли больному царю, естественно, сгустив краски. Захарьины запретили охране дворца пускать

князя Владимира к царю. Тут против Захарьиных выступил молчавший до сих пор духовник царя Сильвестр: «Зачем вы не пускаете князя Владимира к государю? Он государю добра хочет!»

В течение ряда лет Сильвестр давал разумные советы Ивану и имел на него большое влияние. Но сейчас против духовника резко выступила царица Анастасия. Сторонники Сильвестра сравнивали Анастасию с Евдокией, женой византийского императора Аркадия, гонительницей Иоанна Златоуста, подразумевая под Златоустом Сильвестра.

На следующий день Иван призвал всех бояр и потребовал от них немедленной присяги царевичу Димитрию, причем не у царского одра, а в передней избе, так как он очень болен и приводить их к присяге при себе ему очень тяжело. Вместо себя Иван велел присутствовать при целовании креста боярам — князьям Мстиславскому, Воротынскому и другим.

Отдельно царь обратился к Захарьиным и другим сторонникам Димитрия: «Вы дали мне и сыну моему душу на том, что будете нам служить, а другие бояре сына моего на государстве не хотят видеть. Так если станется надо мною воля Божия, умру я, то вы пожалуйста не забудьте, на чем мне и сыну моему крест целовали: не дайте боярам сына моего извести, но бегите с ним в чужую землю, куда Бог вам укажет. А вы, Захарьины! Чего испугались? Или думаете, что бояре вас пощадят? Вы от них будете первые мертвецы: так вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали».

Из последних слов видно, что Захарьины боялись сторонников князя Владимира Старицкого, и Иван должен был напомнить им, что их судьба тесно связана с судьбой царицы и царевича. И если они поддадутся требованиям враждебной стороны и признают царем Владимира, то все равно пощады им не будет.

Слова царя о будущем его семейства в случае прихода к власти князя Владимира испугали бояр, увидевших, какие мысли у него на душе и к чему могут привести такие мысли в случае выздоровления. В летописи говорится, что, испугавшись этих жестких слов, бояре пошли в переднюю избу целовать крест. Князь Иван Турунтай-Пронский подошел к стоящему у креста князю Воротынскому и, желая выместить на нем то неприятное чувство, с каким он давал присягу, сказал: «Твой отец, да и ты сам после великого князя Василия первый изменник, а теперь к кресту приводишь!» Воротынский нашелся, что ответить: «Я изменник, а тебя привожу к крестному целованию, чтобы ты служил государю нашему и сыну его, царевичу Димитрию. Ты прямой человек, а государю и сыну его креста не целуешь и служить им не хочешь». Турунтай смутился, не нашел, что

сказать, и молча присягнул. Самыми последними присягнули князь Курлятев и казначей Фуников под предлогом болезни, но ходили слухи, что они общались с князем Владимиром и его матерью — хотели возвести его на престол.

Но как некоторые из присягнувших хотели выполнить свою присягу, показал князь Дмитрий Палецкий. Присягнувши Дмитрию одним из первых, вместе с князьями Мстиславским и Воротынским, Палецкий одновременно послал сказать князю Владимиру и его матери, что если они дадут его зятю, брату царя Юрию и жене его удел, назначенный в завещании великого князя Василия, то он, князь Палецкий, не будет против возведения князя Владимира на престол и станет ему верно служить.

По свидетельству одного из летописцев, бояре насильно заставили присягнуть князя Владимира Андреевича, сказав ему, что иначе не пропустят его во дворец. К матери же князя Владимира посылали трижды с требованием присяги и от нее. «И много она бранных речей говорила. И с тех пор пошла вражда, между боярами смута, а царству во всем скудность», — говорится в летописи.

Вскоре царь Иван выздоровел, но потерял душевный покой. Его часто охватывала нестерпимая тревога, не покидал страх перед «лукавым умыслением». Царя мучила бессонница. Пищу ему готовила сама царица Анастасия, и сама же подавала ему.

Немедленных репрессий против князя Владимира и его сторонников не последовало, но при дворе заметили, что влияние на царя духовника Сильвестра и Алексея Адашева свелось почти к нулю.

Во время болезни царь Иван дал обет по выздоровлении ехать на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь и действительно в начале весны стал готовиться в путь с женой и сыном Димитрием.

По пути в Кириллов царь заехал в подмосковный Троицкий монастырь, где имел беседу с попавшим в опалу знаменитым церковным деятелем Максимом Греком. Тот стал уговаривать царя не ездить в такой далекий путь, да еще с женой и новорожденным: «Если ты дал обещание ехать в Кириллов монастырь, чтоб подвигнуть святого Кирилла на молитву к Богу, то обеты такие с разумом несогласны и вот почему: во время казанской осады пало много храбрых воинов христианских, вдовы их, сироты, матери обесчадевшие в слезах и скорби пребывают. Так гораздо тебе лучше пожаловать их и устроить, утешить их в беде, собравши в свой царствующий город, чем исполнить неразумное обещание. Бог вездесущ, все исполняет и всюду зрит недремлющим оком. Также и святые не на известных местах молитвам нашим внимают, не по доброй нашей воле и по

власти над собою. Если слушаешься меня, то будешь здоров и многолетен с женой и ребенком».

Но царь не захотел отказаться от своего намерения ехать в Кириллов монастырь. Тогда Максим Грек через приближенных к Ивану людей — духовника Андрея, князя Ивана Мстиславского, Алексея Адашева и князя Курбского — передал ему: «Если не слушаешься меня, по Боге тебе советуемого, забудешь кровь мучеников, избитых погаными за христианство, презришь слезы сирот и вдовиц и поедешь с упрямством, то знай, что сын твой умрет на дороге».

Иван не послушался совета Максима и двинулся дальше. По пути он остановился в Песношском монастыре, где встретился с другой духовной знаменитостью — Вассианом Топорковым.

В свое время монах Иосифо-Волоколамского монастыря пользовался расположением Василия III, который в 1525 году сделал его коломенским епископом. В правление Елены Глинской Вассиан поссорился с кланом Шуйских, за что в 1542 году по наветам Шуйских юный Иван IV заставил его оставить епископию и удалиться в Песношский монастырь. Иван, помня благосклонность своего отца к Вассиану, зашел к нему в келью и спросил: «Как я должен царствовать, чтоб вельмож своих держать в послушании?» Вассиан ответил: «Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех. Если так будешь поступать, то будешь тверд на царстве и все будешь иметь в руках своих. Если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им». Царь поцеловал его руку и сказал: «Если бы и отец мой был жив, то и он такого полезного совета не подал бы мне!»

Позже князь Курбский напишет, что от сатанинского силлогизма Топоркова произошла вся беда, то есть перемена в поведении царя Ивана.

К этому остается только добавить, что Иван услышал от Вассиана то, что хотел слышать, находясь под впечатлением событий, происшедших во время его болезни.

Иван Грозный приехал в Кирилло-Белозерский монастырь, но там, как и предсказал Максим Грек, лишился своего первенца Димитрия. Восьмимесячный царевич Димитрий погиб при загадочных обстоятельствах. По наиболее распространенной версии струг с наследником подошел к пристани в Горицах. На него были поданы узкие сходни, достаточные для прохода одного-двух человек. Но по тогдашнему этикету няньку, несущую царевича, должны были поддерживать под руки два боярина. И вот нянька с младенцем Димитрием важно вступает на

сходни, под руки ее поддерживают бояре Захарьины — справа Данила Романович, слева Никита Романович. Кто-то поскользнулся, и вся троица летит в воду. Бояре и нянька выбрались сами, а царевича пришлось искать в воде. На берег его вынесли уже мертвого.

Есть и ряд других версий гибели младенца. Так, голландский путешественник Масса писал, что царевича уронили в воду при передаче с рук матери на руки отцу, которых катали по Сиверскому озеру на разных лодках. При этом тело младенца якобы не было найдено. Рассказ голландца можно оспорить тем, что в Архангельском соборе есть гробница младенца Димитрия. Однако в то время этикет был превыше всего, и известие о пропаже тела младенца вызвало бы скандал. Кроме того, это дало бы повод к появлению самозванцев. Так что в Архангельском соборе запросто могли похоронить куклу или чужого ребенка.

Дьяк Иван Тимофеев писал, что царевич Димитрий утонул на обратном пути из Кириллова, выпав из рук задремавшей кормилицы. В Никоновской летописи тоже записано, что младенец погиб на обратном пути, «назад едучи к Москве».

Но участник поездки князь А. Курбский писал иначе: «И не доезжаячи монастыря Кирилова, еще Шексною-рекою плывучи, сын ему, по пророчеству святого, умре». Поэтому царь «приехал до одного Кирилова монастыря в печали мнозе и в тузе, и возвратился тощими руками во мнозей скорби до Москвы».

Интересно, что после Дмитрия Донского над всеми детьми московских государей, носивших это имя, висело какое-то проклятье. Кстати, после Дмитрия Углицкого русские цари никогда не давали своим детям это имя.

После смерти Дмитрия страна не долго жила без наследника престола. 28 марта 1554 года царица Анастасия родила сына Ивана, 26 февраля 1556 года — дочь Евдокию, 11 мая 1557 года — сына Федора. Из них только Евдокия умерла в младенчестве.

Возвратившись из Кириллова в Москву, Иван не рискнул пока осуществлять на деле советы Топоркова, хотя поводы к этому были. Так, в июле 1554 года в Литву пытался убежать князь Никита Дмитриевич Ростовский, но по дороге недалеко от города Торопца был схвачен. На допросе Никита показал, что его послал в Литву боярин князь Семен Васильевич Ростовский передать королю, что он сам едет к нему с братьями и племянниками. Князь Семен был схвачен и на допросе показал, что хотел бежать из-за своего убожества и скудоумства, что «скуден он разумом и добрыми делами, по-пустому изъедает царское жалованье и отцовское наследство». Люди же князя Семена Ростовского на допросе

показали, что князь общался с литовским послом Довойной, когда тот был в Москве, дважды виделся с ним, рассказывал, что говорилось в Думе насчет мира с Литвой, ругал государя, сговорился с Довойной и послал своего человека к королю за «опасной грамотой» (гарантирующей его неприкосновенность на территории Литвы). Князь Семен Ростовский эти показания подтвердил, сославшись на свое малоумство, а также показал, что с ним хотели бежать и родственники его — князя Лобановы и Приимковы.

Царь с боярами приговорили Семена Ростовского к смертной казни, но митрополит с владыками и архимандритами уговорили Ивана заменить смертную казнь ссылкой. Князь Семен Ростовский был сослан на Белоозеро и заточен там в тюрьму, а люди его распущены. Сам князь Семен объясняет свое поведение малоумством, летописцы также не указывают причин, побудивших его к отъезду, царь же объясняет эти причины в наказе послу, отправленному в Литву: «Если станут его спрашивать о деле князя Семена Ростовского, то говорить: пожаловал его государь боярством для отечества, а сам он недороден, в разуме прост и на службу не годится. Однако захотел, чтоб государь пожаловал его наравне с дородными. Государь его так не жаловал, а он, рассердившись по малоумству, начал со всякими иноземцами говорить непригожие речи про государя и про землю, чтоб государю досадить. Государь вины его сыскал, что он государя с многими землями ссорил, и за то велел его казнить. А станут говорить: с князем Семеном хотели отъехать многие бояре и дворяне? Отвечать: к такому дураку добрый кто пристанет? С ним хотели отъехать только родственники его, такие же дураки».

Как видим, пока царь Иван Васильевич милостив, но, увы, недолго.

Глава 13

Ливонская война

В 1558 году Иван IV начал Ливонскую войну. Подавляющее большинство дореволюционных и советских историков положительно отнеслись к этому «прогрессивному начинанию». Так, историки Заичкин и Почкарев писали: «Для России Ливонская война была поставлена в повестку дня самой историей — выхода к Балтийскому морю требовали ее экономические и военные интересы, а также необходимость культурного обмена с более развитыми странами Запада. Иван Васильевич, следуя по стопам своего знаменитого деда — Ивана III, решил прорвать блокаду, которой фактически отгородили от Запада Россию враждебные ей Польша, Литва и Ливонский орден».^[19]

Я же придерживаюсь диаметрально противоположной точки зрения. Ливонская война была абсолютно безрассудной акцией, принесшей много бедствий Руси.

Начнем с аспекта, на который до сих пор не обратил внимания ни один наш историк. Староста Черкасского и Каневского повитов потомок великого литовского князя Гедемина Дмитрий Вишневецкий к 1556 году стал практически независимым правителем большого района Малороссии от Киева до Дикого поля. Летом 1556 года Вишневецкий построил мощную крепость на острове Хортица, там, где впоследствии была знаменитая Запорожская Сичь. Крепость на острове находилась вне территории Польско-Литовского государства и была хорошей базой для борьбы с татарами. Отряды Вишневецкого доходили до Перекопа и Очакова.

В сентябре 1556 года Дмитрий Вишневецкий отправляет в Москву атамана Михаила Есковича с грамотой, где он бьет челом и просит, чтобы «его Государь пожаловал и велел себе служить».

Предложение Вишневецкого открывало широкие перспективы перед Иваном IV. Ведь в подданство Вишневецкий просился не один, он владел всеми землями от Киева до Дикой степи. В поход на татар Вишневецкий мог поднять тысячи казаков, в его распоряжении находилось несколько десятков пушек. Разумеется, польский король не остался бы равнодушен к потере южного Приднепровья. Но нет худа без добра. Походы польских войск традиционно сопровождались насилиями и грабежами, что неизбежно вызвало бы восстание и на остальной территории Малой

России. Я умышленно не упоминаю слово «Украина». На дворе был 1556-й, а не 1654 год (время Переяславской рады). Слова «Украина» тогда еще никто не знал. Сам Дмитрий Вишневецкий и все его казаки считали себя русскими. Польские власти каждого православного считали русским. Ведь Малороссия была колонизирована Польшей и окатоличена лишь в период с конца XVI до середины XVII века. Там не было ни униатов, ни католической шляхты. Это был конгломерат полунезависимых княжеств, управляемых православными магнатами — потомками Гедиминовичей и Рюриковичей.

В 1556 году Малороссия могла сама, как спелое яблоко, упасть в руки царя Ивана. Если бы Иван IV принял предложение Вишневецкого, то Россия бы имела больше малороссийских земель, чем она получила по Андрусовскому миру в 1667 году при царе Алексее Михайловиче. Иван Грозный не только упустил возможность начать воссоединение Русского государства, но и получить в Запорожье надежный форпост в борьбе против крымских татар. Ведь после падения Казани Крымское ханство и стоящая за его спиной Оттоманская империя стали основной и, кстати, единственной, реальной угрозой русскому государству.

Ливонский же орден к середине XVI века попросту деградировал и не представлял для России никакой угрозы. Именно военная слабость ордена спровоцировала Ивана на нападение. Русскому царю нужна была прежде всего воинская слава, а уж потом — богатства ордена и прибалтийских торговых городов. Что же касается выхода в Балтийское море, — так он и так был у России. Ведь не только устье, но и все течение Невы, крепость Орешек и Иван-город принадлежали России. Кто мешал Ивану III, его сыну или «свирепому внуку» построить порт и крепость в устье Невы? Петру Великому пришлось отвоевывать устье Невы в течение 20 лет, а у Ивана Грозного оно было в кармане. Борьба за выход России к морям в XVIII веке — это основа политики Петра I и Екатерины II. Но говорить об этом в отношении XVI века по меньшей мере абсурдно. Оба Ивана и Василий не только не помышляли о строительстве порта в устье Невы, но и систематически громили Новгород и Псков, суда которых по рекам Волхову, Неве и Нарве столетиями выходили в Балтийское море.

Наконец, нападая на Ливонский орден, Иван Грозный не учел того, что земли ордена (Эстляндия и часть Курляндии) имели большое стратегическое значение, и соседи — Польско-Литовское государство и Швеция — пойдут на все, чтобы не допустить захвата их Россией.

К великому сожалению, ни наши цари, ни генсеки не сделали выводов ни из Ливонской войны, ни из Крымской войны, ни из войны с Турцией

1877–1878 годов, ни из Японской войны 1904–1905 годов. Общим у этих внешне различных войн было то, что Россия защищала свои интересы в одиночку, и сразу против нее ополчилось несколько европейских стран, которые или поднимали оружие против России (Ливонская и Крымская войны), или грозили русским применением силы (1878 год — Англия, Австро-Венгрия; 1905 год — Англия). Такие войны в принципе не могли принести пользы России, даже в случае ее победы, как это было в 1878 году.

Россия успешно решала свои проблемы, лишь участвуя в коалиционных войнах (характерные примеры: войны 1700–1721 годов и 1941–1945 годов), хотя, заметим, ценой огромных потерь. Самым оптимальным временем решения территориальных проблем России является период европейских войн и революций. Так, в 1789–1795 годах, пока Европа с ужасом взидала на революционный Париж, Екатерина Великая уладила свои дела с Турцией и Польшей. В 1806–1809 годах, пока Наполеон разбирался с Австрией и Испанией, Александр I без особых усилий приобрел Молдавию и Финляндию. В 1939–1940 годах Сталин почти без потерь вернул в состав России утерянные в 1918 году Прибалтику, Западную Белоруссию, Западную Украину и Молдавию. Увы, на беду России, история ничему не учит наших правителей.

Поводов для начала войны хватает у любого государства, когда появляется желание начать войну. Естественно, что нашлись обиды и у Ивана IV. Он еще в 1547 году отправил в Германию саксонца Шлитте с поручением набрать там как можно больше ученых и ремесленников. Шлитте получил на это позволение императора Карла V, набрал 123 человека и привез их уже в Любек. Но тут ливонские правители наговорили Карлу V об опасностях, какие могут от этого произойти для Ливонии и других соседних стран, и добились от императора полномочий не пропускать в Москву ни одного ученого или художника. В результате Шлитте был задержан в Любеке, заточен в тюрьму, а набранные им люди разошлись. Один из них, мейстер Ганс, попытался было пробраться в Москву, но был схвачен и посажен в тюрьму. Ему удалось освободиться, но он был снова схвачен почти у самой русской границы и казнен.

В середине XVI века в Ливонии победила Реформация. Протестанты начали громить католические храмы, досталось и православным церквям в Дерпте, Ревеле, Риге и ряде других городов. Вот вам и второй повод к войне.

С XIII века дерптский епископ платил дань русским князьям. Нравится нам сейчас или не нравится, но большая часть Эстляндии и Курляндии в X–

XI веках входила в состав Русского государства, а Колывань (Ревель, Таллин) и Юрьев (Дерпт, Тарту) были построены русскими людьми. В начале XIII века в Эстляндию вторглись датчане, разрушили Колывань и на ее месте построили датский город Ревель. Кстати, по-эстонски Таллин — «Датский город». Тогда же с юга в Курляндию вторглись рыцари Тевтонского ордена.

В Плеттенберговом договоре, заключенном в 1503 году, условие о дани с Дерпта было подтверждено, но не выполнялось в течение 50 лет. Василию III, союзнику великого магистра, занятому делами литовскими, а особенно казанскими и крымскими, невыгодно было ссориться с Ливонией. Нельзя было думать об этом и малолетнему Ивану. Но в 1554 году обстоятельства уже были не те, когда в Москву явились ливонские послы с просьбой о продолжении перемирия. Окольничий Алексей Адашев объявил им, что «немцы уже давно не платят дани с Юрьевой волости, купцов обижают, православное население и церкви обложили налогами, а за это государь разгневался на магистра, епископа и на всю Ливонскую землю и перемирия не велел давать». Послы ответили, что не знают, о какой дани идет речь, так как в старых грамотах об этом ничего не говорится. Адашев сказал им: «Удивительно, как это вы не хотите знать, что ваши предки пришли в Ливонию из-за моря, вторглись в отчину великих князей русских, за что много крови проливалось. Не желая видеть разлития крови христианской, предки государевы позволили немцам жить в занятой ими стране с условием, чтоб они платили дань великим князьям. Но они обещание свое нарушили, дани не платили, так теперь должны заплатить все недоимки».

Послы согласились подписать перемирную грамоту, по которой дерптский епископ обязывался платить дань по немецкой гривне с каждого человека, включая и людей церковных, и в течение трех лет выплатить все недоимки за 50 лет, а церкви русские и население освободить от уплаты податей безотлагательно. Также епископ обязывался позволить русским купцам свободно торговать любым товаром с литовскими и иностранными купцами, кроме оружия, пропускать в Москву всех иностранцев, которые хотят служить русскому царю, не вступать в военные союзы против Москвы с польским королем и великим князем Литовским. Но послы подписали грамоту с условием, что так как они согласились на дань без ведома великого магистра и епископа, то последние могут и отказаться.

Прошло три года, в течение которых ливонцы обязались выплатить недоимки за 50 лет, и в феврале 1557 года явились в Москву послы из ордена с просьбой сложить дань с Ливонии. Адашев ответил им, что так

как магистр, архиепископ Рижский и епископ Дерптский нарушили договор, то государь сам взыщет недоимки с магистра на Ливонской земле.

В ноябре 1557 года к ливонским границам выступило сорокатысячное войско под начальством царя Шаха-Али^[20] и воевод — князя Михаила Васильевича Глинского и брата царицы Даниила Романовича.

К весне 1559 года русские войска заняли большую часть Ливонии. Но в 1560 году в войну на стороне Ливонии вступили Польша и Швеция. Великий магистр Ливонского ордена Кетлер 28 ноября 1561 года подписал соглашение с польским королем Сигизмундом-Августом, согласно которому юго-восточная часть Ливонии отходила Польше. Северная Эстляндия с Ревелем перешла к Швеции, остров Эзель был оккупирован Данией. Ливонскому ордену остались Курляндия и Семигалия, Кетлер стал вассалом Польши. Орден фактически прекратил свое существование, и Россия имела теперь вместо одного слабого противника нескольких сильных — Польшу, Литву, Швецию и Данию.

Как часто бывает, в большую политику внезапно вмешивается частная жизнь монархов. 7 августа в возрасте 30 лет скончалась царица Анастасия Романовна. До самой смерти Анастасии удавалось сохранять расположение мужа. Однако после ее смерти Иван, вопреки мнению многих историков, недолго предавался печали, а решил максимально использовать свое вдовство как во внутренней политике (об этом мы скажем позже), так и во внешней.

Иван немедленно решил жениться на одной из сестер польского короля Сигизмунда-Августа. Программой-минимум царя было достижение с помощью этого брака соглашения с Польшей и раздел Ливонии. Программа-максимум была куда грандиознее. Бездетным Сигизмундом-Августом прекращался дом Ягеллонов в Литве, и сестра последнего из Ягеллонов переносила в Москву свои права на это государство. Царь спросил митрополита, можно ли ему жениться на сестре Сигизмунда-Августа, так как тетка его Елена была женой невестиного дяди Александра. Митрополит ответил, что можно. В Москве уже стали готовиться к встрече сестры короля: приготовили покои, где ей жить до принятия православия. Решили, чтоб боярам при разговорах с панами первыми вопроса о крещении невесты не поднимать, а если паны первыми начнут говорить, что невесте надо бы остаться католичкой, тогда их отговаривать, приводя в пример Софью Витовтовну и сестру Ольгерда, которые были крещены по-православному.

Король согласился выдать за Ивана свою сестру Екатерину. Но прежде Сигизмунд-Август хотел заключить с Россией выгодный ему мир. А вот в

условиях мира царь и король не сошлись, и брак с королевной Екатериной не состоялся.

В конце концов король нарушил перемирие, заключенное на время марьяжных переговоров. В августе 1561 года литовский гетман Радзивилл осадил крепость Тарваст в Ливонии и через пять недель взял ее. В ответ русские воеводы разбили литовцев под Перновом и отбили Тарваст назад.

1562 год прошел в опустошительных набегах с обеих сторон, а между тем не прерывались переговоры между московским и польским дворами. Сигизмунд-Август не имел ни средств, ни желания вести активную войну, ему хотелось тянуть время переговоров. Посол короля Корсак в начале 1562 года приехал в Москву с жалобой, что царь Иван обижает короля Сигизмунда и мира не хочет, добивался прекращения военных действий с обеих сторон. Иван ответил Сигизмунду: «Во всем твоём писанье не нашли мы ни одного такого дела, которое было бы прямо написано: писал ты все дела ложные, складывая на нас неправду».

Иван решил кончить спор с Сигизмундом силой. В начале 1563 года большое русское войско с многочисленной осадной артиллерией вошло в польские пределы. Войском предводительствовал сам царь. 31 января 1563 года русские осадили важную и хорошо укрепленную крепость Полоцк. 15 февраля полоцкий воевода Довойна сдал цитадель. Уведомляя московского митрополита о взятии Полоцка, царь Иван велел сказать ему: «Исполнилось пророчество русского угодника, чудотворца Петра митрополита, о городе Москве, что взыдут руки его на плечи врагов его: Бог несказанную свою милость изливал на нас недостойных, вотчину нашу, город Полоцк, нам в руки дал».

Боевые действия с поляками чередовались перемириями. Так прошел весь 1563 год. В Москву приехали польские послы воевода Ходкевич и маршалок Волович. Из-за территориального вопроса переговоры зашли в тупик. Тогда Иван Грозный, презрев все правила этикета, велел позвать послов к себе и сам стал говорить с ними: «Я, государь христианский, презрел свою царскую честь, с вами, брата своего слугами, изустно говорю. Что надобно было боярам нашим с вами говорить, то я сам с вами говорю: если у вас есть от брата нашего указ о любви и добром согласии: как между нами доброе дело постановить, то вы нам скажите». Ходкевич ответил: «Милостивый государь великий князь! Позволь перед собою говорить нашему писарю, потому что я рос при государе своем короле от молодых дней и язык мой русский помешался в пословицах с польским языком, так что речей моих и не узнать, что стану говорить». Царь ответил: «Юрий! Говори перед нами безо всякого сомнения, если что и по-польски скажешь,

мы поймем. Вы говорите, что мы припоминали и те города, которые в Польше, но мы припомнили не новое дело: Киев был прародителя нашего, великого князя Владимира, а те все города были к Киеву. От великого князя Владимира прародителя наши великие государи, великие князья русские, теми городами и землями владели, а зашли эти земли и города за предков государя вашего невзгодами прародителей наших, как приходил Батый на Русскую землю, и мы припоминаем брату нашему не о чужом, припоминаем о своей искони вечной вотчине. Мы у брата своего чести никакой не убавляем. А брат наш описывает наше царское имя не сполна, отнимает, что нам Бог дал. Изобрели мы свое, а не чужое. Наше имя пишут полным именованием все государи, которые и повыше будут вашего государя. И если он имя наше сполна описывать не хочет, то его воля, сам он про то знает. А прародители наши ведут свое происхождение от Августа кесаря, так и мы от своих прародителей на своих государствах государи, и что нам Бог дал, то кто у нас возьмет? Мы свое имя в грамотах описываем, как нам Бог дал. А если брат наш не пишет нас в своих грамотах полным наименованием, то нам его описывание не нужно».

Бояре в разговоре с польскими послами так вывели генеалогию государей московских: Август кесарь, обладавший всей вселенной, поставил своего брата Пруса на берегах реки Вислы по реку Неман, и место это по сей день зовется Прусская земля. А от Пруса четырнадцатое колено до великого государя Рюрика. Жаль, что польские послы, как и наши бояре, плохо знали римскую историю. Ведь и Октавиан Август и Юлий Цезарь официально вели свой род от богини любви Венеры. А все языческие боги и богини были объявлены православной церковью бесами. Таким образом Иван, объявляя своим предком римского императора Августа, сам себя признавал бесовским отродьем, да еще от такой сексуальной бесовки, как Афродита-Венера!

Несмотря на красноречие Грозного, переговоры ни к чему не привели, и боевые действия возобновились. Я не буду подробно описывать их ход, тем более что участие в боях наших главных героев Захарьиных было весьма ограниченным. Как уже говорилось, в 1557 году Данила Романович Захарьин был третьим воеводой в войске, вторгшемся в Ливонию, но, судя по всему, ничем себя не проявил. Во всяком случае летописцы молчали о нем. По состоянию здоровья в начале 60-х годов Данила Захарьин удалился в Москву, где и умер 27 октября 1565 года.

Все сыновья Данилы умерли в младенчестве. До зрелых лет дожили лишь две дочери — Фетинья и Анна. Зато их обеих удалось выдать за князей Рюриковичей: Фетинью — за Шастунова (потомка Ярославских

князей), а Анну — за Оболенского-Ноготкова.

Младший и последний сын Романа Юрьевича Захарьина Никита был высокого роста (175–180 см), однако внешне он не был похож на отца: у Никиты была большая голова и очень широкое, а не узкое, как у отца, лицо.

Никита Романович не участвовал в Казанском походе. В 1559 году он получил чин окольничего, а в 1563 году стал боярином.

В начале Ливонской войны Никита Романович был воеводой (но не первым) в передовом полку, а затем — воеводой в сторожевом полку. В 1565 году Никита Романович служил воеводой в Кашире. А в 1572 году он вновь в Ливонии третьим воеводой в полку правой руки. Какие-либо сведения о победах или неудачах, за которые лично отвечал Никита Романович, отсутствуют, за исключением того, что в 1575 году отряд под его командованием взял Пернов — небольшой городок в Ливонии (ныне город Пярну).

Из Захарьиных-Яковлевых в Ливонской войне участвовал воевода боярин Иван Петрович Яковлев.

Дела в Ливонии шли плохо, и Иван Грозный, склонный от природы ко всяким мистификациям (мы еще расскажем о татарском царе Симеоне), решил учинить комедию с созданием «Ливонского королевства». На роль опереточного короля был приглашен герцог Магнус, владетель острова Эзель. Ливония, чай, не Эзель — островок 80 на 40 верст, и Магнус радостно принял предложение и в 1570 году приехал в Москву, где царь Иван объявил его королем ливонским и женихом своей племянницы Ефимии, дочери князя Владимира Андреевича.

В Москве Магнус дал присягу Ивану IV, согласно которой Магнус становился вассалом царя. Жителям Ливонии даровались все прежние права, вольности, суды и обычаи. Они сохраняли свою религию и даже получали право беспошлинно торговать в русских городах. Надо ли говорить, что вся эта оперетта была рассчитана на то, чтобы добиться поддержки хотя бы части населения Ливонии и успокоить польского и шведского королей. Не надо объяснять, что в случае удачи Грозный стал бы выполнять взятые обязательства. К Магнусу пристало несколько тысяч дворян и горожан, в основном из немцев, но подавляющее большинство населения разгадало хитрость Ивана и не делало различия между Магнусом и другими московскими воеводами.

21 августа 1570 года Магнус подошел к Ревелю с 25-тысячным русским войском и большим отрядом из немцев. Увещательная грамота, посланная в Ревель, не подействовала, и Магнус начал осаду. Но голод жителям города не грозил, шведские корабли снабдили их всеми

необходимыми запасами, и поэтому вынудить жителей сдаться не удалось.

Пальба осадной артиллерии также не причинила особого вреда ни укреплениям, ни самому городу. 16 марта 1571 года Магнус велел сжечь свой лагерь и бежал в Нарву. Пока шла осада, умерла невеста Магнуса Ефимия, но Иван не растерялся и предложил «королю» руку младшей ее сестры Марии. Магнус, не раздумывая, согласился, но на всякий случай удалился в свои владения на остров Эзель.

В конце концов Иван выдал свою племянницу Марию Владимировну за Магнуса, но дал Магнусу только городок Каркус, а назначенных за Марией в приданое денег не дал вовсе. Иван боялся, как бы Магнус на русские деньги не нанял бы войска и не стал бы действовать против русских.

Летом 1575 года русские взяли Пернов, при этом воевода Никита Романович Захарьин обошелся очень милостиво с жителями города, разрешил им со всем добром выйти из города, а что они не могли сразу взять с собой, то забрать после.

В январе 1577 года 50-тысячное русское войско осадило Ревель и опять не смогло его взять. «Король» Магнус вновь сражался на стороне русских, что, однако, не мешало Ивану подозревать «короля» в измене.

В начале 1578 года в боевых действиях наступил перелом — шведы осадили Нарву, а поляки вновь вторглись в южную Ливонию. Магнус перебежал на сторону поляков. В битве у города Венден поляки убили шесть тысяч русских, из восьми воевод четыре было убито, а остальные четверо взяты в плен.

В 1579 году в новгородскую землю вторглись шведы. Польский король Стефан Баторий взял Полоцк, а в следующем году — Велиж, Усвят и Великие Луки. 26 августа 1581 года 100-тысячное польское войско осадило Псков, где начальствовали двое бояр князей Шуйских — Василий Федорович Скопин и Иван Петрович. Шуйские успешно защищали город. Был отбит тридцать один штурм поляков, осажденные сделали сорок шесть вылазок.

Неудача под Псковом вынудила Стефана Батория пойти на мирные переговоры с Иваном Грозным.

5 января 1582 года в местечке Яме-Запольском было подписано перемирие с Польшей сроком на 10 лет. В переговорах участвовал посредник от Папы Римского Антония Поссевино. По условиям этого договора Россия уступала Польше всю Ливонию, Полоцк и Велиж на границе Смоленской земли, но сохраняла за собой устье Невы.

В августе 1583 года новгородские воеводы и шведский генерал

Делагарди заключили перемирие на три года с условием, чтоб у обоих государств осталось то, чем владели они до сих пор. В результате за шведами остались русские города Ям, Иван-город и Копорье.

Глава 14

Террор грозного царя

В 1560 году старые советники царя Сильвестр и Алексей Адашев были удалены из Москвы. Разрыв Ивана с ними состоялся осенью 1559 года еще при жизни царицы Анастасии, и инициатором разрыва была сама царица. Как позже писал Грозный: «За одно малое слово с ее стороны явилась она им негодна, за одно малое слово ее они рассердились».

Адашев был отправлен в действующую армию в Ливонию, где был заключен в тюрьму в Дерпте. После двух месяцев заключения Адашев умер. Сильвестр удалился в Кирилло-Белозерский монастырь. По поводу Сильвестра царь писал: «Сыскав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, мы наказали их милостиво; смертной казнью не казнили никого, но по разным местам разослали. Поп Сильвестр, видя своих советников в опале, ушел по своей воле, и мы его отпустили не потому, чтобы устыдились его, но потому, что не хотели судить его здесь: хочу судиться с ним в вечной жизни, перед агнцем Божиим».

После неудачи со сватовством сестры польского короля Иван обратил свои очи на Восток и в 1561 году женился на девице Кученей, дочери кабардинского князя Темира Гуки (в русских летописях он именовался Темрюк Айдарович). Кученей перекрестили в Марию, но она так и осталась дикой черкешенкой — плохо говорила по-русски и отличалась вспыльчивостью.

По случаю вступления во второй брак Иван Грозный составил новое завещание, в котором закреплялся порядок престолонаследия и определялось имущественное положение новой царицы и возможных ее детей. В завещании также назывались имена душеприказчиков, которые должны были войти в опекунский совет при наследнике. Главными опекунами царевича Ивана Ивановича стали Данила Романович Захарьин, Василий Михайлович Захарьин, Иван Петрович Захарьин-Яковлев и Федор Иванович Колычев. Последний, кстати, был отдаленным родственником Захарьиных — основатель его рода Федор Александрович Колыч был внуком Андрея Кобылы и двоюродным дядей Захарьина-Кошкина. Рюриковичи князь А. П. Телятевский и кравчий князь П. И. Горенский-Оболенский занимали в совете подчиненное положение. Князь Телятевский был потомком князей Тверских-Микулинских. При дворе Телятевские служили по спискам «помещиков из Ярославля». Телятевский и Горенский-

Оболенский были молоды и при Алексее Адашеве не занимали видных постов. Это и определило выбор царя Ивана.

Бояре-регенты целовали крест на верность царевичам и царице Марии. Они поклялись не искать себе государя «мимо» наследника и управлять страной по царскому завещанию, следуя тому, «что есми государь наш царь и великий князь написал в своей духовной». В тексте присяги говорилось: «А правити нам сыну твоему государю своему царевичу Ивану по твоей духовной грамоте».

Таким образом, в случае смерти Грозного вся полнота власти переходила в руки бояр Захарьиных. Однако и при его жизни регенты играли важную роль в жизни государства. Так, в мае 1562 года царь отправился в литовский поход и оставил «ведать Москву» своего восьмилетнего сына Ивана, а с ним бояр Данилу Романовича, Никиту Романовича и Василия Михайловича Захарьиных, Василия Петровича Захарьина-Яковлева и князя Василия Андреевича Сицкого (мужа Анны Романовны Захарьиной). Заметим, что «ведать Москвой» по тогдашней терминологии означало не заведовать городским хозяйством, а управлять всем Московским государством.

Оказавшись в столь благоприятной ситуации, Захарьины не стали кичиться своей властью и местничать с князьями Рюриковичами, а начали проводить хорошо продуманную и дальновидную политику, целью которой была неограниченная власть клана после смерти Ивана IV.

Отметим три основных направления этой политики. Во-первых, насаждение своих сторонников в приказном аппарате управления. Во-вторых, уничтожение потенциальных претендентов на престол князей Старицких. В-третьих, окружение царевича Ивана своими родственниками и превращение его в послушного исполнителя воли клана.

Захарьиным удалось рассадить своих людей в бюрократическом аппарате. Прежде всего они добились возвращения из ссылки Н. А. Фуникова-Курцева, бывшего в немилости у Сильвестра. Фуников-Курцев получил думный чин назначения и возглавил Казенный приказ — главное финансовое ведомство государства.

Захарьины не обошли своим вниманием и еще одного противника Сильвестра — дьяка И. М. Висковатого. Он получил думный чин печатника и стал главным помощником Фуникова-Курцева в Казенном приказе. Висковатый начал свою деятельность с «реформы» печати. 3 февраля 1561 года старая «меньшая» великокняжеская печать была заменена большой печатью, украшенной символом самодержавия: «Орел двоеглавной, а среди его человек на коне, а другой орел же двоеглавной, а среди его иньрог».

Резкое усиление власти приказной бюрократии вызвало озлобление титулованной знати (князей Рюриковичей и Гедеминовичей). Князь Курбский острил, что писарям «князь великий зело верит, а избирает их не от шляхтского роду, ни от благородна, а избирает их от поповичей или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих». Другой защитник старины, Тимофей Тетерин, писал: «...есть у великого князя новые верники-дьяки, которые его половиною кормят, а другую половину себе емлют, у которых дьяков отцы вашим (т. е. боярским) отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют».

Захарьины умело разжигали ненависть царя к своему двоюродному брату Владимиру. Первый этап репрессий против семейства Старицких был произведен в 1563 году. Причем у царя не было абсолютно никаких претензий к Старицким за исключением доноса некоего Савлюка Иванова. Савлюк служил при старицком князе дьяком и за какие-то грехи (в летописях они не указаны) был посажен на цепь. Чтобы освободиться, дьяк накатал донос в Москву, что княгиня Ефросиния и ее сын «многие неправды царю чинят». Опять же эти неправды никак не расшифровывались. Если бы там была бы хоть малейшая зацепка, то словоохотливый Иван Грозный не преминул бы расписать в красках все прегрешения Старицких.

По приказу царя Ивана Ефросиния Старицкая была насильственно пострижена в монахини и стала инокиней Евдокией. Ее под сильным царским конвоем отправили к Белому озеру в Воскресенский девичий монастырь в селе Горицы на реке Шексне. А у самого князя Владимира Андреевича в Старицком уделе по приказу царя были переменены все бояре и слуги.

Бояре Захарьины могли быть довольны — умная и властолюбивая мать была разлучена с безвольным и слабохарактерным сыном, да и к тому же окруженным специально приставленными царем людьми. Но опасность к Захарьиным и для всей Руси пришла с другой стороны.

В царе Иване вдруг открылась любовь к пирам и буйному веселью. Вокруг него собралась компания авантюристов, потакавших самым низменным страстям самодержца. Первое место среди них занимали боярин Алексей Басманов, его сын Федор, князь Афанасий Вяземский, Василий Грязной и архимандрит Чудова монастыря Левкий.

Царская компания постоянно напивалась до бесчувствия, тем, кто не хотел пить, вино заливали в глотку. Царю приводили разных девиц. Как писал летописец: «...нача царь яр быти и прелюбодействен зело». Это

признал и сам Грозный в письме к Курбскому: «А будет молвиш, что аз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмы человецы».

Но девиц царю показалось мало, и он начал грешить с Федькой Басмановым. Боярин Дмитрий Овчина-Оболенский как-то попрекнул Федьку: «Я и предки мои служили всегда с пользою государю, а ты служишь гнусною содомиею». Басманов наябедничал царю. Иван ласково пригласил Овчину к столу, подал большую чашу вина и приказал выпить ее одним духом. Овчина не смог выпить и половины. Тогда Иван сказал: «Вот так-то ты желаешь добра своему государю! Не захотел пить, ступай же в погреб, там есть разное питье, там напьешься за мое здоровье». Овчину отвели в погреб и там задушили, царь же сделал вид, что ничего не знает, на следующий день послал пригласить Овчину к себе и очень потешался ответом его жены, которая, не зная, что случилось с ее мужем, отвечала, что он еще вчера ушел к государю.

Казни в Москве стали нормальным и чуть ли не ежедневным событием. Естественной реакцией на казни и опалы было бегство князей и дворян в Литву, а иногда даже к крымскому хану. Царские, а затем советские историки заклеили уехавших изменниками и предателями. Но не стоит забывать, что на Руси и в Западной Европе столетиями существовало право свободного отъезда феодала от своего сюзерена. Понятно, что московским князьям не нравились отъезды их подданных, но зато они с большим удовольствием принимали феодалов, а зачастую и лиц из низших сословий, прикидывавшихся князьями. Среди них были сотни феодалов, отъехавших от великих князей литовских и польских королей. Беглые потомки великого князя литовского Гедемина стали основателями родов Хованских, Щенятьевых, Мстиславских, Трубецких, Голицыных, Куракиных и других. В XVI–XVII веках отъезд от своего государя в среде знати и народа не считался позором. Недаром во времена царей Михаила и Алексея получила распространение фальшивка, что Романовы-де происходят от знатного немца, «выехавшего из Прусс», то есть отъехавшего от своего сюзерена.

Среди уехавших в Литву был и знаменитый полководец Дмитрий Вишневецкий, предлагавший в свое время царю южную Малороссию. Поначалу он был хорошо принят царем, ему в правление был дан город Белёв. Но потом его оклеветали царские любимцы, и славный воевода был вынужден бежать, а точнее говоря, спокойно отъехать со своей дружиной, тронуть его местные воеводы попросту побоялись.

Иван Грозный, как и все последующие русские правители, постарался дискредитировать всех отъехавших. Так, гонцу Клобукову, отправленному в

Литву, был дан наказ: «Если спросят о Вишневецком, то отвечать: притек он к государю нашему, как собака, и потек от государя, как собака же, а государю нашему и земле убытка никакого не учинил».

В дальнейшем Дмитрий Вишневецкий совершил много подвигов в борьбе с турками и татарами и вошел в украинский эпос под именем казака Байды. Отвечать же Грозному ему было явно недосуг.

Совсем иначе дело было с другим знаменитым беглецом — боярином князем Андреем Курбским. В конце апреля 1564 года воевода Курбский бежал из крепости Юрьев (современный Тарту). Курбский, в отличие от Вишневецкого, действительно бежал. Он ночью перелез через крепостную стену, где его ждали двенадцать верных дворян. Курбский захватил с собой 300 польских злотых, 30 дукатов, 500 немецких талеров и 44 московских рубля, но «забыл» в Юрьеве беременную жену.

На польской границе с Курбским случилось то же, что и с Остапом Бендером на румынской границе, — его обобрали до нитки польские дворяне. Однако польский король пожаловал беглецу большое имение, где Курбский и поселился. От скуки князь начал грабить соседских панов и притеснять еврейских торговцев, а заодно писать ругательные послания московскому царю. О переписке Курбского с Иваном Грозным до и после 1917 года написано более чем достаточно. Мне же хочется подчеркнуть момент, на который ранее не обращали внимания. Письма Курбского — это не обращение холопа к царю и не памфлеты революционера против тирании. Это письма одного князя Рюриковича другому князю Рюриковичу. Курбский писал: «Хотя я много грешен и недостоин, однако рожден от благородных родителей, от племени великого князя Смоленского Федора Ростиславича; а князя этого племени не привыкли свою плоть есть и кровь братий своих пить, как у некоторых издавна ведется обычай: первый дерзнул Юрий Московский в Орде на святого великого князя Михаила Тверского, а за ним и прочие. Еще у всех на свежей памяти, что сделано с углицкими и с ярославскими и другими единокровными, как они всеродно были истреблены — слышать тяжко, ужасно!»

Ведь это обвинение не одному сумасбродному Ивану, но его отцу, убийце законного наследника престола Дмитрия Ивановича, и всем потомкам Даниила Московского, запятнавшим себя сотнями преступлений.

Весьма красноречиво Курбский защищал и право людей на бегство от тирании: «...если же кто во время прелютотоу гонения не бегаёт, тот сам себе убийца, противящийся слову господню: „Аще гонят вас во граде, бегайте в другой“. Образ тому Господь Бог наш показал верным своим, бегая не только от смерти, но и от зависти богоборных жидов».

И тут случилось невиданное в Московском государстве — царь вступил в длительную переписку с беглым боярином. Среди отечественных историков получила широкое распространение точка зрения, что-де письма Ивана Грозного Андрею Курбскому представляли собой официальные пропагандистские материалы, предназначенные для правящих кругов зарубежных государств и для увещевания своих подданных. Однако нет никаких данных о тиражировании писем Грозного. Письма царя предназначались только Курбскому. Некоторые утверждали, что царь вступил в переписку, так как Курбский был другом его детства и соратником в Казанском походе. Увы, из самого текста писем следует, что и это инсинуации. Текст писем доказывает, что их писали Рюрикович — Рюриковичу, московский князь — ярославскому князю. Письма Курбского произвели большое впечатление на Ивана, но, увы, в диаметрально противоположном направлении, чем предполагал князь.

В 1563–1564 годах среди знати и духовенства возникла пассивная оппозиция бессудным расправам царя. Опекунский совет, назначенный Грозным после вступления его во второй брак, вскоре распался. Его глава дворецкий Данила Романович Захарьин-Юрьев умер за несколько месяцев до опричнины. Другой боярин, Иван Петрович Захарьин-Яковлев, был арестован, но позже отпущен на поруки. Младший член регентского совета князь Иван Петрович Горенский бежал осенью 1564 года в Литву, но был захвачен погоней уже на литовской территории. Горенского привезли в Москву и повесили.

В конце 1564 года Иван IV решил устроить очередной фарс, ставший трагедией для России. Он начал подготовку к отъезду из Москвы. 3 декабря 1564 года, в воскресенье, царь со всем семейством выехал из Москвы в село Коломенское, где праздновал праздник Николая Чудотворца. Выезд этот был непохож на прежние, когда он выезжал на богомолье или другие свои потехи. Теперь царь взял с собой всю государственную казну, иконы и кресты, украшенные золотом и драгоценными камнями, золотые и серебряные сосуды и платья. С собой царь взял несколько сот московских и иногородних дворян, причем москвичам было приказано взять с собой семьи.

Судя по всему, вначале у царя не было какого-то определенного плана. Он и не думал ехать в Александровскую слободу, куда по ростовской дороге можно было добраться за несколько дней. А Иван выехал из Москвы в противоположном направлении — к югу, в село Коломенское. Чтобы попасть на ростовскую дорогу, царю пришлось бы вернуться обратно в Москву или ехать круглым путем малопроходимыми проселками.

В Коломенском царь с семьей пробыл две недели, так как наступившая оттепель и дожди сделали дороги непроезжими. Затем царский обоз, объехав проселками Москву с востока, остановился на несколько дней в селе Тайнинском на Яузе. После царь поехал на молитву в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда — в Александровскую слободу.

В Москве знать, духовенство и приказная бюрократия были в недоумении от такого необычного поведения государя. Ровно через месяц, 3 января 1565 года, царь прислал к митрополиту в Москву грамоту, где были написаны все измены боярские, воеводские и приказных людей, какие были ими содеяны до его совершеннолетия. Царь разгневался на своих архиепископов, епископов и на все духовенство, на своих бояр, на дворецкого и на конюшенного, на окольных, казначеев, дьяков, детей боярских, приказных людей за то, что после смерти его отца те казну государственную расхитили, а прибыли казне от них не было. Бояре и воеводы земли государственные себе разобрали, своим друзьям и родственникам роздали, имели поместья и вотчины, получали государственное жалованье и кормление и собрали себе большие богатства. А о государе и государстве и о всем православном христианстве не заботились, от недругов не защищали, а вместо этого христиан притесняли и сами от службы стали удаляться. А захочет государь своих бояр, служивых людей или приказных людей наказать, так духовенство их защищает. И царь, которому невольно стало измену терпеть, оставил свое государство и поехал где-нибудь поселиться, где Бог укажет.

К гостям, купцам и всему православному христианству Москвы царь прислал другую грамоту, в которой говорилось, что гнева на них государь не имеет и опалы им никакой не будет.

Формально и фактически это было отречение от престола. Со времен Рюрика до деда Грозного Ивана, когда князь бежал из города, горожане его просто посылали куда подальше, и не требовалось никакого отречения. А затем звали другого подходящего князя Рюриковича, а то и Гедеминовича. К примеру, убежал из Москвы Дмитрий Донской, убоявшись Тохтамышша. Позвали москвичи князя Гедеминовича Остия. Да, так было и в Западной Европе. В XVI–XVII веках, если французский король бежал из столицы, то горожане срочно вооружались и звали в Париж какого-либо мятежного принца.

Боярская дума, митрополит Афанасий и оказавшиеся в Москве архиепископы новгородский Пимен и ростовский Никандр могли на законных основаниях принять отречение и привести к присяге новому государю сначала Москву, а затем и все остальное государство. У бояр

хватило бы служилых людей, которые могли бы составить конное войско, в несколько раз превосходящее охрану Грозного. Дворянская конница могла связать боем царскую охрану, а надежные люди (группа захвата) — провести спецоперацию.

Но, увы, 50 лет тирании Василия III и Ивана IV превратили большинство князей Рюриковичей из гордых и мужественных властителей в холопов. У них пропал даже инстинкт самосохранения. А многие надеялись, что пронесет. В первую очередь к таким можно отнести клан Захарьиных.

В результате духовенство и бояре прибыли в Александровскую слободу и объявили царю Ивану их общее решение: пусть правит, как ему угодно, лишь бы принял снова в свои руки правление. Иван согласился с тем условием, что теперь он будет на всех изменников и ослушников опалы класть, иных и казнить, имения их брать в казну и учредить у себя в государстве опричнину: двор и весь свой обиход сделать особым.

Русское государство фактически было разделено на два — опричнину и земщину. Причем в опричнину царь постарался забрать самые богатые земли. Так, на севере страны большие пустынные районы — Печерский край с Пустоозером, Вятская земля, Пермь — остались за земщиной. Опричнине отошли уезды с богатыми торговыми городами — Холмогоры, Вологда, Великий Устюг и другие.

Москва также была поделена на опричную и земскую части. Первоначально царь даже поделил и Кремль, там под опричнину был взят двор Владимира Старицкого, подворье митрополита, царицыны хоромы и ряд служебных помещений до Курятных ворот. Но не прошло и года, как царь решил отдать земщине весь Кремль, а центр опричнины перевести на Арбат. К опричнине отошли Чертольская улица, протянувшаяся от Кремля до всполья, Арбат до Дорогомиловского всполья и Новодевичьего монастыря и еще три столичные слободы.

Из опричных кварталов были выселены все бояре, дворяне и приказные люди, не принятые в опричнину. На их место поселились опричные бояре и служилые люди.

Любопытно, что, создавая опричные войска, царь заранее рассматривал их только для внутреннего потребления, а не для защиты страны извне. Ни одна крупная пограничная крепость в опричнину не вошла. Вязму и Можайск прикрывал с запада Смоленск. Опричные же города на юго-западе страны (Козельск, Перемышль, Белёв, Лихвин) стояли на верхней Оке и находились под защитой южных земских крепостей.

Первоначально опричное войско состояло из тысячи человек, но

вскоре увеличилось до шести тысяч.

Опричники давали царю присягу, по которой они обязывались доносить обо всем, что услышат дурного о царе, а также не иметь никаких дружеских связей с земскими, не есть и не пить с ними.

У читателя возникает резонный вопрос — а как отнеслись наши герои Захарьины к введению опричнины? Увы, дать однозначный ответ без фантазий и натяжек нельзя. По этому вопросу принципиально расходятся два самых лучших специалиста по истории XV–XVII веков В. Б. Кобрин и Р. Г. Скрынников. Так, в своей кандидатской диссертации «Социальный состав опричного двора» Кобрин в 1961 году утверждал, что одним из главных инициаторов опричнины стал боярин В. М. Юрьев-Захарьин, и именно вокруг Захарьиных сплотился руководящий кружок опричнины, в который входили Басмановы, Яковлевы-Захарьины, Сицкие, Черкасские. Скрынников же отрицает важную роль Захарьиных в формировании опричнины.

Тут несколько слов надо сказать о князе Михаиле Черкасском, родном брате второй жены Грозного Марии Темрюковны, привезенном вместе с ней малышом в Москву. Звали его Султанкул, а после крещения он стал Михаилом Темрюковичем Черкасским. Иван Грозный пожаловал в удел Михаилу Черкасскому городок Гороховец с уездом. В своих владениях Черкасский чувствовал себя полноправным хозяином. Он собирал налоги с подданных и пошлины с проезжающих.

Существует версия, что идею опричнины подала Ивану царица Мария-Кученей. Документальных доказательств этой версии нет, но, несомненно, дикой черкешенке импонировали свирепые расправы царя.

В период «регентства» Захарьиных царь женил Михаила Темрюковича Черкасского на дочери боярина Василия Михайловича Захарьина. Так что и Черкасский стал членом клана наших героев. Забегая вперед, скажем, что у кабардинского князька Темрюка был брат Камбулат. Два сына Камбулата Хокяг и Хорошай (двоюродные братья Михаила Черкасского) тоже приехали в Россию и после крещения получили имена Гаврила и Борис. Гаврила был взят в плен поляками и провел в Польше 21 год (1564–1585 гг.), а Борис Камбулатович Черкасский стал боярином и взял в жены Марфу Никитичну Романову-Юрьеву.

Любопытно, что и Федор Басманов успел породниться с Захарьиными. Он женился на дочери князя В. А. Сицкого, жена которого Анна Романовна была сестрой царицы Анастасии.

Таким образом, по мнению автора, Кобрин прав, и Захарьины с родней действительно стояли у истоков опричнины.

Однако опричнина не замедлила ударить и по клану Захарьиных. В первую же партию казненных после введения опричнины вошли: князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский с сыном Петром, их родственники, двое Ховриных, князь Иван Сухой-Кашин и князь Дмитрий Шевырев. Заметим, что князь А. Б. Горбатый-Шуйский был не только знаменитым воеводой, покорителем Казани, но и тестем Романа Юрьевича Захарьина.

Автор умышленно уходит от описания диких пыток и казней, которым подвергал Иван Грозный своих противников (большей частью воображаемых). Мы остановимся лишь на моментах, непосредственно связанных с судьбой Захарьиных и проблемой престолонаследия.

Иван по-прежнему подозревал в заговорщической деятельности своего двоюродного брата Владимира, хотя тот после ссылки матери не давал никакого повода для подозрений. Наоборот, сохранились сведения о том, что Владимир доносил брату о крамольных разговорах бояр. В 1566 году царь переменял Владимиру удел. Вместо городов Старицы и Вереи дал Дмитров и Звенигород. А через три года опричнины царь инсценировал заговор с участием князя Владимира. Он-де подкупил повара Ивана Грозного, чтобы тот отравил царя. Любопытно, что обвиняемый повар Молява с детьми был убит опричниками без суда и следствия и без очной ставки с Владимиром.

В декабре 1569 года князь Владимир с семьей был срочно вызван к царю в Александровскую слободу. Там он был убит опричниками Малютой Скуратовым и Василием Грязным. По одной версии его заставили выпить кубок с отравленным вином, по другой — Малюта просто зарезал его ножом. Была убита также и вторая жена Владимира Евдокия Ивановна (в девичестве Одолевская, двоюродная сестра Андрея Курбского). Та же участь постигла и девятилетнюю дочь Старицкого.

Еще раньше, в октябре 1569 года, Иван расправился с матерью Владимира Ефросинией (в монашестве Евдокией). Существует несколько версий ее гибели. Так, Скрынников считает, что Ефросинию отравили «угарным газом во время ее доставки на речных стругах по Шексне в Александровскую слободу». Эта версия не выдерживает критики, поскольку на судах того времени никаких печей не было, а изготовление какой-либо системы жаровен с углем крайне маловероятно. Видимо, правы летописные источники, где говорится об утоплении Ефросинии с двенадцатью монахинями в реке Шексне.

В том же 1569 году Иван Грозный приказал утопить в Шексне еще двух знатных женщин, заточенных в Горицком монастыре, — бывшую

княгиню Юлианию, вдову слабоумного царского брата Юрия, и инокиню Александру, первую жену сына Грозного Ивана.

Через несколько дней после убийства брата Иван Грозный решил разгромить Новгород Великий. Дореволюционные и советские историки оправдывали новгородский поход состряпанным задним числом опричниками «новгородским изменным делом». Суть царских обвинений Новгорода состояла якобы в том, что «Новгород и Псков отдати литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси хотели злым умышлением извести, а на государство посадить князя Володимира Ондреевича». Видимо, писавшие это опричники были сильно пьяны, выдавая взаимоисключающие обвинения. Зачем сажать на престол князя Владимира и одновременно красть у него Новгородские земли? На самом деле опричникам попросту захотелось пограбить, а почему Иван IV пошел на поводу у этой братии — вопрос не к историкам, а к психиатрам.

Грабить опричники начали, лишь дойдя из Александровской слободы до дороги на Новгород. Первым был разгромлен город Клин. В «синодике опальных» Иван Грозный записал, что в Клину убит лишь 31 человек, зато участники похода немецкие опричники Таубе и Крузе утверждали, что было перебито все население Клина. Риторический вопрос: а что, и в Клину были заговорщики, решившие отдать город польскому королю?

Затем царь с опричниками подошел к Твери. Для начала Малюта Скуратов с отрядом опричников заявился в Отрочев монастырь под Тверью и задушил там опального митрополита Филлипа (в миру боярина Колычева). 23 декабря 1569 года начался разгром Твери. Как писал участник похода Г. Штаден, «в Твери царь приказал грабить все и церкви и монастыри». Таубе и Крузе подтверждают это. Разорение Твери длилось 5 дней. По утверждению Таубе и Крузе в Твери было убито 9 тысяч человек.

К Новгороду опричные войска подошли 2 января 1570 года. Расправа над горожанами и населением окрестных сел продолжалась 40 дней. В «синоднике опальных» Иван писал — 1505 убитых новгородцев. Таубе и Крузе говорили о 15 тысячах убитых. Население Новгорода до прихода Ивана насчитывало около 30 тысяч, по-видимому, немецкие опричники имели в виду и жителей окрестностей Новгорода. В некоторых исторических и художественных произведениях говорится, что Иван Грозный казнил коренных новгородцев, мечтавших о возвращении былых вольностей и об отделении от Московского государства. Увы, это лишь фантазии людей, плохо знакомых с отечественной историей. Опричники грабили и убивали в основном богатых людей, а беднякам доставалось, если они попадались под горячую руку или когда добрым молодцам

хотелось покуражиться. А практически все «лучшие» люди Новгорода — дворяне, купцы и богатые ремесленники — были сведены из Новгорода еще при деде Ивана Грозного, а взамен Новгород был заселен тысячами людей из низовых городов, в первую очередь из Москвы. И это их детей, внуков и правнуков спустя 80 лет убивал Иван Грозный. Все светское руководство Новгорода, убитое опричниками, принадлежало к старомосковским родам (Даниловы, Бутурлины и другие).

Наиболее богатыми купцами в Новгороде были Сырковы и Таракановы — потомки купцов, насильно переведенных Иваном III из Москвы в Новгород. Сырковых и Таракановых долго пытали, чтобы выведать, где скрыты их сокровища, а затем убили. Причем Федора Сыркова Иван Грозный приказал заживо сварить в котле с водой на медленном огне.

Царь наложил на новгородские монастыри огромную денежную контрибуцию. Архимандриты должны были внести в опричную казну по 2 тысячи золотых рублей, настоятели — по тысяче, соборные старцы — по 300–500 золотых. Менее состоятельное белое духовенство и городские попы платили по 40 рублей с человека.

Нужно ли далее доказывать, что новгородский поход никак не был связан с политикой или крамолой, а являлся просто грабительским набегом. Историк С. М. Соловьев сравнивал поход на Новгород с Батыевым нашествием. Это слишком мягкое сравнение. Батый был завоевателем и перед штурмом города всегда предлагал жителям покориться и платить умеренную дань. И действительно, города, покорившиеся Батыю, оставались целыми, а жители — живыми. Грозный же действовал как обыкновенный разбойник и отличался от крымских ханов Гиреев лишь тем, что те грабили чужие страны, а Иван — свою собственную.

Из Новгорода царь отправился в Псков. Псковичи исповедывались, причащались и готовились к смерти. По распоряжению воеводы князя Токмакова псковичи встречали Ивана Грозного на пороге своих домов, с женами и детьми, держа в руках хлеб и соль. Завидев царя, все падали на колени.

Псков избежал разгрома. Внятных объяснений, почему Грозный последовательно устраивал бои в Клину, Твери, Новгороде, Ладоге, Орешке, Изборске и Иван-городе, но пощадил Псков, наши историки дать не могут. Поэтому мне остается лишь верить сказанию, согласно которому при въезде царя в Псков к нему приблизился юродивый Никола и вместо хлеба с солью поднес кусок сырого мяса. «Я христианин и не ем мяса в пост», — сказал царь. На что Никола ответил ему: «Ты хуже делаешь, ты

ешь человеческое мясо».

Никола предрек Ивану всяческие беды, если он устроит бойню в Пскове, и якобы у царя немедленно издох его любимый конь. Этот факт является еще одним подтверждением тяжелой психической болезни царя. Однако царские опричники были в здравом уме и за недельное пребывание Ивана в Пскове сумели основательно почистить дома богатых горожан и церкви. Как сказано в летописи: «Кроме церковного причта взяли также казну монастырскую и церковную, иконы, кресты, пелены, сосуды, книги, колокола».

Убийств в Пскове почти не было. Всего-то убитых оказалось около 40 человек.

По приезде царя в Москву опричники, то ли по царскому указанию, то ли в инициативном порядке (последнее, по мнению автора, наиболее вероятно), начали кампанию против главных земских дьяков, которые были тесно связаны с кланом Захарьиных. Были арестованы государственный печатник И. Висковатый, глава Поместного приказа думный дьяк В. Степанов, глава Большого прихода И. Булгаков и глава Разбойного приказа Г. Шапкин.

Допросив с пристрастием нескольких новгородцев, привезенных в Александровскую слободу, опричники без особого труда получили нужные показания против Висковатого и его покровителей Захарьиных. Новгородцы показали, что Пимен и его сообщники «ссылалися к Москве с казначеем с Микитою с Фуньковым и с печатником с Иваном Михайловичем Висковатого, и с Семеном Васильевым сыном Якова». Иван Грозный объявил, что дьяк Висковатый «написал королю польскому, обещал ему предать крепости Новгородскую и Псковскую». Заодно Висковатого обвинили в связи с крымским ханом и турками: он-де хотел, «чтобы крымский хан забрал Русскую землю».

25 июля 1570 года в присутствии царя и царевича Ивана Ивановича были казнены дьяки Висковатый, Фуников, Степанов и Шапкин с семьями. По приказу царя роль палачей исполняли земские бояре и руководители опричнины.

Опричники хотели заставить Висковатого публично признать свои «преступления» и просить царя о помиловании. Но гордый печатник отвечал на все уговоры проклятиями: «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!» Висковатого повесили на крест и живьем разрезали на части. Казнь его начал Малюта Скуратов, а кончил опричный подьячий И. Реутов. Затем на лобное место вывели казначея Фуникова, который также отказался признать себя виновным. Фуникова казнили,

попеременно обливая то крутым кипятком, то ледяной водой. Потом пришла очередь других начальников приказов. Дьяка Г. Шапкина казнил князь В. И. Темкин, дьяка И. Булгакова — земской боярин И. П. Захарьин-Яковлев.

Почти одновременно с расправой над дьяками начались казни руководителей опричнины. Среди казненных были Алексей Басманов и его сын Петр, Захарий и Иона Плещеевы, Афанасий Вяземский и другие. Своего любимца Федора Басманова царь пожалел и отправил в заточение на Белоозеро, где тот вскоре и умер.

Пока царь воевал в Ливонии с немцами, поляками и шведами, а внутри страны — со своими подданными, существенно усилились набеги крымских татар на Русь. За 24 года Ливонской войны больших и средних набегов татар не было только в течение трех лет.

Весной 1571 года хан Девлет Гирей со 100-тысячным конным войском в очередной раз двинулся на Русь. Навстречу ему к Оке подошло 50-тысячное земское войско под началом воевод князя Ивана Дмитриевича Бельского, Ивана Федоровича Мстиславского, Михаила Ивановича Воротынского, Ивана Андреевича и Ивана Петровича Шуйских. Туда же отправился и сам Иван Грозный с тремя полками опричников. Впереди шел сторожевой полк боярина Василия Петровича Захарьина-Яковлева, за ним — передовой полк князя Михаила Темрюковича Черкасского и государев полк во главе с князем Ф. М. Трубецким.

Девлет Гирей сумел обмануть воевод и опричников и, как сказано в летописи, «неизвестно где переправился через Оку». Узнав о переправе татар, Иван с опричниками в панике бежал в Александровскую слободу, а оттуда — в Ростов.

Русские же воеводы с земским войском совершили стремительный марш к Москве и 23 мая расположились внутри Земляного города. 24 мая татары подошли к Москве. Стоял жаркий солнечный день, столь же жарким был и весь май. Передовые отряды татар зажгли предместья Москвы. Сильный ветер занес огонь в Земляной, а затем и в Белый город. Уцелел лишь Кремль. По словам летописца: «Людей погорело бесчисленное множество. Митрополит с духовенством просидели в соборной церкви Успения. Первый боярин, князь Иван Дмитриевич Бельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребе, других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет? Москва-река мертвых не пронесла: нарочно поставлены были люди спускать трупы вниз по реке. Хоронили только тех, у которых были приятели».

Пожар и боязнь перед русскими войсками не дали татарам пограбить

Кремль. В тот же день Девлет Гирей поспешно ушел назад. В районе Москвы и на обратном пути татарам удалось захватить 150 тысяч пленных, разумеется, не воинов, а мирных жителей.

С обратной дороги хан прислал царю хвастливую грамоту: «Жгу и пустошу все из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество Божие. Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца твоего и головы. Но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь! Были бы в тебе стыд и дородство, так ты б пришел против нас и стоял. Захочешь с нами душевную мыслью в дружбе быть, так отдай наши юрты — Астрахань и Казань. А захочешь казною и деньгами всесветное богатство нам давать — ненадобно. Желание наше — Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и опознал».

Со страху грозный царь стал вежлив и покладист, в ответной грамоте Девлет Гирею он пишет: «Ты в грамоте пишешь о войне, и если я об этом же стану писать, то к доброму делу не придем. Если ты сердишься за отказ к Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить».

Как объяснить подданным и Европе пожар в Москве и позорное бегство царя в Ростов? Естественно, виноваты в этом крамольники царя да бояре! В сентябре 1572 года в беседе с польским посланником царь недвусмысленно высказал свои подозрения относительно действий земских воевод в дни нашествия татар на Москву. «Ваши государей своих любят, а мои на меня навели татарское войско», — сказал он поляку.

Еще на Оке был казнен воевода передового опричного полка князь Михаил Темрюкович Черкасский. Кто-то из опричников пустил слух, что вместе с Девлет Гиреем в поход пошел и правитель Кабарды Темрюк, тесть Ивана Грозного и отец князя Михаила. Иван Грозный, не раздумывая, велел убить князя Михаила. Возможно, тут сыграло роль и родство Черкасского с Захарьиным — жена Михаила Темрюковича была дочерью Василия Михайловича Захарьина.

Практически на любой войне есть перебежчики, не был исключением и поход Девлета Гирея в 1571 году. Так, к хану пытался сбежать служилый татарин «царевич Барымский», но был пойман и отправлен на допрос к опричникам. В застенке татарин быстро сознался во всем, что он него потребовали. В частности, он заявил, что его послал к Девлету Гирею глава Боярской думы князь И. Ф. Мстиславский. Князя немедленно арестовали, и он то ли под пыткой, а скорее в результате мирового соглашения с царем признался во всех грехах. Мстиславский подписал специальную грамоту, где говорилось, что он «своей изменой погубил Москву».

За такое преступление Мстиславскому полагалась мучительная казнь. Однако князь через несколько недель был выпущен на свободу, а осенью 1571 года назначен главным новгородским наместником и уехал в Новгород.

Суд над князем Мстиславским и его «признание» оказали царю двойную услугу — народу был указан непосредственный виновник поражений, мало того, получено новое доказательство, что «лихие бояре» продолжают строить козни против царя и государства. Несмотря на опалу Мстиславский оставался официально руководителем земской Боярской думы. Но он лишь формально числился главой земского правительства. Полной же властью в земской думе обладала старомосковская нетитулованная знать, группировавшаяся вокруг бояр Захарьиных. Процесс по делу князя Мстиславского дал повод для жестоких репрессий против клана Захарьиных.

Оплотом Захарьиных была не только земская дума, но и двор наследника царевича Ивана. После вступления во второй брак Иван Грозный выделил в «особый двор» наследника придворный штат, бояр и дворян. Долгое время главным боярином наследника был его дядя опричный боярин Василий Петрович Захарьин-Яковлев, состоявший при нем в качестве «близкого человека» и «гофмейстера» (дворецкого). Большое влияние при дворе царевича Ивана имели его родной дядя земской боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев, а также дяди Иван Петрович Захарьин-Яковлев и Семен Васильевич Захарьин-Яковлев. Первым оруженосцем в свите царевича Ивана был Протасий Васильевич Захарьин-Михайлов. Влияние Захарьиных при дворе наследника не могло не пугать Ивана Грозного.

Историк Скрынников полагает, что «Захарьины пытались использовать свое влияние на наследника, чтобы таким путем хоть немного образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору».^[21]

Отношения старшего и младшего Иванов явно не ладились. Царь неоднократно избивал сына. В свою очередь сын рос злым и непокорным. Дело зашло столь далеко, что в июне 1570 года царь публично объявил о своем намерении лишить сына прав на престол, а своим наследником сделать «ливонского короля» Мангуса. Во время официального приема в Кремле царь в присутствии земской Боярской думы и иностранных послов обратился к Магнусу со словами: «Любезный брат, ввиду доверия, питаемого ко мне вами и немецким народом, и преданности моей последнему (ибо я сам немецкого происхождения и саксонской крови), несмотря на то, что я имею двух сыновей — одного семнадцати и другого

тринадцати лет, ваша светлость, когда меня не станет, будет моим наследником и государем моей страны, и я так искореню и принижу моих неверных подданных, что попру их ногами».^[22]

Информация о конфликтах царя с наследником поступила даже в Польшу, пусть в искаженном и сильно преувеличенном виде. 3 января 1571 года папский нунций Портико направил из Варшавы в Рим письмо, где было сказано, что русские послы приедут в Польшу с опозданием из-за распрей между царем и наследником, эпидемии чумы и других причин. «Между отцом и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие — к сыну, и сила в оружии».

О ссорах царя и сына говорили не только при дворе, но и по всей стране, что, кстати, нашло отражение и в народном фольклоре. По Руси ходило несколько вариантов песни.^[23] Суть всех вариантов такова: царь Иван Васильевич вывел измену из Пскова и из Новгорода и задумался над тем, «как бы вывести измену из каменной Москвы». Но тут «взговорит Малюта злодей Скурлатович». «Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич! Не вывести тебе изменушки до веку: сидит супротивник супротив тебя...». Малюта оклеветал царевича Ивана Ивановича. Грозный поверил навету и велел казнить сына. Но тут за наследника вступился его дядя боярин Никита Романович: «Ты Малюта, Малюта Скурлатович! Не за свой ты кус примаешься, ты етим кусом подавишься». Благодаря заступничеству Захарьина царевич был спасен. В песне конфликт царя с царевичем имел «хеппи энд», в жизни же все случилось иначе.

Как уже говорилось, опричники выбили из опальных новгородцев показания на бояр Василия Михайловича Захарьина-Юрьева и Семена Васильевича Захарьина-Яковлева. Семен Васильевич был объявлен сообщником новгородского архиепископа Пимена в земской думе и отправлен в почетную ссылку на воеводство в Смоленск.

По неведомым причинам вспышку гнева царя вызвали «преступления» боярина Василия Михайловича Захарьина-Юрьева. К великому сожалению царя Василий Михайлович умер еще в 1567 году. Поэтому царь выместил гнев на членах его семьи. В начале весны 1571 года он приказал убить дочь Василия Михайловича вместе с новорожденным сыном. Царь запретил хоронить убитых и приказал бросить их тела на дворе супруги убитого князя Михаила Темрюковича Черкасского. Сам же князь Черкасский, как уже говорилось, был убит опричниками в мае 1571 года во время набега хана Девлета Гирея.

В этой ситуации непонятно, почему Иван IV убил дочь и внука боярина Василия Михайловича, но пощадил его трех сыновей Протасия, Федора и Ивана. Известно лишь, что Протасий выслужился из рынд при дворе царевича Ивана, а казнен он был лишь 24 октября 1576 года, то есть спустя 5 лет. По ряду дореволюционных источников и монастырских архивов средний и младший сыновья Василия Михайловича Федор и Иван погибли 24 мая 1571 года во время пожара в Москве в ходе набега Девлет Гирея. Кстати, во время этого пожара погибли и сыновья боярина Данилы Романовича Захарьина Иван и Федор.

По мнению автора, вероятнее всего Иван Грозный убил Федора и Ивана Захарьиных-Михайловых, а потом монахи и историки для приличия списали их смерть на Девлет Гирея, а может, их просто спутали с Иваном и Федором Захарьиными-Романовыми.

В конце 1570 года в ходе осады Ревеля в командовании московского войска возник конфликт между «ливонским королем» Магнусом и главным воеводой Иваном Петровичем Захарьиным-Яковлевым и воеводой В. И. Умным. Магнус наябедничал царю, и тот послал опричников, которые 6 января 1571 года арестовали обоих воевод.

Несколько месяцев боярин Иван Петрович Захарьин-Яковлев находился в заточении. После московского пожара был арестован боярин Василий Петрович Захарьин-Яковлев. Что инкриминировалось Василию Петровичу — не ясно. То ли он согрешил, будучи дворецким у царевича Ивана Ивановича, то ли плохо командовал опричным сторожевым полком во время похода Девлет Гирея. Обоих братьев Захарьиных-Яковлевых царь приказал забить насмерть палками.

Приблизительно в это же время опричники убили боярина Семена Васильевича Захарьина-Яковлева и его малолетнего сына Никиту.

Таким образом, Ивану Грозному удалось истребить весь род Яковлевых-Захарьиных. В живых остался лишь Тимофей, сын боярина Ивана Петровича, да и тот вскоре умер или был казнен. Во всяком случае, Тимофей не оставил мужского потомства.

Из всего мужского потомства Федора Кошки в живых остался лишь боярин Никита Романович Захарьин.

Глава 15

Семейная хроника и смерть царя Ивана

Весной 1579 года царь Иван тяжело заболел. Не надеясь на выздоровление, он вызвал в Александровскую слободу бояр и высшее духовенство и объявил своим преемником старшего сына царевича Ивана. Он увещевал присутствующих верно служить будущему государю.

Двор 27-летнего наследника сразу стал центром большой политической игры. Но надежды бояр на перемены вскоре рассеялись — царь выздоровел. Отношения старшего Ивана с младшим еще более ухудшились.

В начале 1581 года в Польшу бежал Давид Бельский, который рассказал королю Стефану, что царь Иван «не любит старшего сына и нередко бьет его палкой».

К этому времени царевич Иван имел уже третью жену. Первый раз Иван женился в 18 лет на Евдокии Юрьевне Сабуровой. Через три года Иван Грозный сосватал сыну новую жену — Параскеву Михайловну Соловую, а Евдокия была отправлена в монастырь. Вскоре в монастыре оказалась и Параскева. До нас не дошли ни поводы, ни истинные причины двух разводов царевича, но в любом случае они произошли если не по принуждению, то по крайней мере с согласия отца.

Третьей женой царевича стала Елена Шереметева, кстати, отдаленная родственница Захарьиных-Кошкиных. Сын Федора Кошки Иван стал отцом Захария — основателя фамилии. А другой сын Федора Кошки — Александр Беззубец — стал дедом Андрея Константиновича, получившего прозвище Шеремет.

Во второй половине XVI века уже четверо Шереметевых имели чин боярина. Однако осенью 1579 года окольный Федор Шереметев не только не помог Полоцку, осажденному войском Стефана Батория, но и сам сдался в плен. По некоторым данным Федор Шереметев даже давал советы королю, как вести войну с Россией. Жена же царевича приходилась родной племянницей изменнику.

9 ноября 1581 года Иван Грозный убивает своего сына Ивана. Ссора отца с сыном произошла из-за Елены Шереметевой. По одной версии, царь застал ее не вполне одетой, пришел в ярость и отмолотил беременную сноху посохом. По другой версии, царь не желал иметь наследника престола от Шереметевой, и недостаточное число одежд на ней (три вместо

семи) было лишь поводом к расправе.

Царевич заступился за жену и был тяжело ранен в голову жезлом отца. В последнем сходятся и папский посол А. Поссевино, и англичанин Джером Горсей, находившийся в Александровской слободе в день убийства.

На следующую ночь Елена родила мертвого ребенка, царевич же прожил еще 11 дней. Иван Грозный плакал о сыне и даже отказался от запланированной поездки в Москву. Он ждал выздоровления сына.

19 ноября царевич Иван был похоронен в Архангельском соборе московского Кремля. Царь несколько дней был безутешен — плакал и молился. Ведь царь убил не только сына — он убил единственного законного и дееспособного наследника престола. Один удар царского посоха покончил с династией Рюриковичей и кардинально изменил историю России.

От первой жены Анастасии Романовны Грозный имел двух сыновей — Ивана и слабоумного Федора. От последующих пяти жен — Марии Темрюковны, Марфы Собакиной, Анны Колтовской, Марии Долгоруковой и Анны Васильчиковой — Иван IV не имел детей. Я воздержусь от описания семейной жизни царя с этими дамами, благо она практически не влияла на государственные дела и не имеет отношения к жизни клана Захарьиных-Романовых. Равно мы не будем вступать в полемику с историками, считающими некоторых из вышеупомянутых жен просто наложницами царя.

С Анной Васильчиковой Иван IV вступил в брак в 1575 году, а затем она умерла «от грудной болезни». Последующие 5 лет Иван Васильевич весело вел холостяцкую жизнь. В 1578 году во дворце поселилась Василиса Мелентьева, однако царь жил с ней невенчано и вскоре приказал похоронить ее заживо в гробу.

Через два года царь решил жениться на Марии, дочери окольничего Федора Михайловича Нагого. О Федоре Нагом достоверно известно крайне мало. В правление Елены Глинской он числился ловчим. В 1547 году он участвовал в заговоре против Глинских, причем летописец ставит его последним в перечне заговорщиков. (Согласно канонам тех лет это свидетельствовало не о степени участия, а о захудалости рода Нагих.) Так что причиной выбора царя была красота Марии.

6 октября 1580 года в московском Спасо-Преображенском соборе протопоп Никита венчал Ивана IV и Марию. Любопытно, что посаженным отцом жениха был его собственный сын — двадцатитрехлетний Федор, дружкой жениха был князь Василий Иванович Шуйский, а дружкой

невесты — Борис Федорович Годунов. Таким образом, все участники свадебной церемонии позже побывали на царском престоле.

На следующий день, 7 октября 1580 года, состоялась свадьба царевича Федора и сестры Бориса Годунова Ирины.

К моменту похорон царевича Ивана ни новая царица Мария, ни царевна Ирина не только не родили, но даже не были беременны. Царевич же Федор имел слабое телосложение, постоянно болел и был, откровенно говоря, глуповат. Стремясь закрепить трон за неспособным к правлению сыном, Иван IV прибегнул к обычной для него политической игре. Он объявил думе, что намерен сложить сан и уйти на покой в монастырь. В длинной речи, не вдаваясь в подробности, он заявил, что наследник Иван умер, и все это произошло из-за его, то есть царя, грехов. Иван Васильевич выразил сомнение, может ли младший сын Федор справиться с управлением государства. Поэтому Иван потребовал от бояр, чтобы те подумали, кто из наиболее знатных людей в государстве мог бы занять место царя. За время своего долгого и бурного правления Иван IV дважды отрекался от престола. В третий раз он отрекся и от имени своего слабоумного наследника-сына.

Расчет царя был прост и безошибочен. Бояре прекрасно понимали, что в случае если бы кто-нибудь из них высказался в пользу другого претендента, он сам и все его сторонники были бы немедленно казнены. Надо ли говорить, что Боярская дума единогласно начала умолять царя не принимать монашеский сан и официально назначить Федора наследником престола. Иван IV поломался, но в конце концов дал боярам уговорить себя.

В марте 1582 года царь утвердил приговор Боярской думы о строжайшем наказании лиц, подающих ложные доносы. «Ябедников, крамольников и составщиков, — говорилось в приговоре, — по прежним Уложениям не щадити... а назовет кого вором, а убийства или крамола или рокоша на царя государя не доведет, и того самого казнити смертью». Этим царь хотел дать понять аристократам, что беспричинных опал и казней больше не будет. Мало того, царь повелел приступить к поголовной реабилитации казненных. По царскому указу дьяки начали составлять списки репрессированных. Первые краткие списки были разосланы в Симонов, Соловецкий, Кирилло-Белозерский и другие монастыри в начале 1582 года. Иван делал богатые вклады в монастыри и требовал, чтобы монахи молились за убиенных. Полный же список «государева синодика» был составлен не ранее осени 1582 года.

Вместе с тем Грозный продолжал вести разгульный образ жизни. Не

прошло и двух лет после свадьбы с Марией Нагой, как в августе 1582 года царь отправляет в Англию дворянина Федора Писемского, чтобы начать дело о сватовстве племянницы английской королевы Елизаветы I Марии Гастингс. Послу было велено сказать королеве: «Ты бы сестра наша любительная, Елисавета королевна, ту свою племянницу нашему послу Федору показать велела и парсону б ее (портрет) к нам прислала на доске и на бумаге для того: будет она пригодится к нашему государскому чину, то мы с тобою королевною то дело станем делать, как будет пригоже». Писемский должен был взять портрет и меру роста, рассмотреть хорошенько, дородна ли невеста, бела или смугла, узнать, сколько ей лет, как приходится королеве в родстве, кто ее отец, есть ли у нее братья и сестры. Если скажут, что царь Иван женат, то отвечать: «Государь наш по многим государствам посылал, чтоб по себе приискать невесту, да не случилось, и государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь не по себе; и если королевнина племянница дородна и такого великого дела достойна, то государь наш, свою отставя, сговорит за королевнину племянницу».

По ряду причин сватовство затянулось, и Писемскому показали невесту в саду только в мае 1583 года. Затем Писемский вернулся в Россию вместе с английским послом Боусом.

Между тем 19 октября 1583 года Мария Нагая родила царю сына Димитрия. Однако сие обстоятельство никак не сказалось на марьяжных хлопотах Ивана. Другой вопрос, что Боус имел и другие поручения королевы — посредничество в заключении мира с Польшей и Швецией, получение новых льгот английским торговым компаниям и т. д. Англичане пытались увязать эти вопросы со сватовством Марии Гастингс. В связи с этим Иван Васильевич в начале марта 1584 года решил свататься к шведской принцессе. Благо 29 июля 1583 года со Швецией был заключен Плюсский мирный договор. С этой целью в Стокгольм к королю Юхану III был послан князь Василий Шуйский. Но боярин не проехал и ста верст, как его нагнал посол с вестью, что жених преставился.

В конце февраля здоровье царя резко ухудшилось. По словам очевидцев тело его сильно распухло, началось какое-то внутреннее гниение, царя переносили по дворцу в креслах.

Существует легенда, по которой Богдан Бельский разыскал где-то на севере вещих колдуний, которые предсказали смерть царя на 18 марта 1584 года. Но 18 марта в полдень Иван, наоборот, почувствовал облегчение и приказал Бельскому идти к колдуньям и узнать о предзнаменовании созвездий, ибо предсказанный ими день его смерти уже наступил, а царь

жив и даже весел. «Скажи им, — наказывал Иван Бельскому, — что если они соврали, то я их сегодня же вело сжечь живьем или же живыми зарюю в землю». Бельский передал слова царя колдуньям, и старшая из них ответила: «Не сердись, господин. Ты ведь знаешь, что день кончается, когда сядет солнце».

В 2 часа пополудни Иван приказал нести себя в баню, а в 7 часов его вынесли оттуда, посвежевшего и окрепшего. Он сел на постель и позвал своего любимца, ближнего дворянина Родиона Петровича Биркина, чтобы сыграть с ним в шахматы. За этой партией следили несколько слуг и приближенные царя — Борис Годунов, Богдан Бельский, резидент английской «Московской компании» Д. Горсей и лейб-медик Эйлоф. Внезапно царь повалился навзничь и, не приходя в сознание, умер. Над уже мертвым Иваном был совершен обряд пострижения в монахи. Царь Иван Грозный превратился в смиренного инока Иону. По православным канонам монаху в момент пострига прощаются все прежние грехи, а отвечает перед Богом он лишь за новые грехи, совершенные после пострига.

Существует много легенд, что царь Иван не умер своей смертью, а был убит. Объединяет все эти легенды одно — среди убийц всегда оказывался Борис Годунов. В превосходной в художественном отношении и столь же безграмотной в историческом отношении пьесе А. К. Толстого Годунов убивает царя морально — говорит дерзкие речи и нагло смотрит на него. Популярный историк Вольдемар Балязин утверждает, что Грозный был задушен Борисом Годуновым и Богданом Бельским. В качестве единственного доказательства своей версии Балязин указывает на то, что им обоим было выгодно убить царя.^[24] Есть версии, что та же «сладкая парочка» Борис и Богдан отравили царя^[25] и т. д. Но все эти легенды появились лишь спустя несколько лет после смерти Ивана IV, когда против Годунова будет развязана невиданная по масштабам психологическая война. Первой «жертвой» Годунова станет Иван Грозный, за ним последует царевич Димитрий, убиенный по приказу Бориса. Борис-де отравит целую семью — двухлетнюю царевну Федосью, ее отца царя Федора Иоанновича, а позже и царицу Ирину. Перетравив всю царскую семью, неутомимый Годунов примется за свою собственную и отравит жениха своей дочери Ксении датского принца Иоанна.

Кто и зачем организовал такую чудовищную ложь — мы узнаем из последующих глав. А пока умер величайший тиран российской истории. Почти 300-летнее правление дома Даниила Александровича Московского фактически прекратилось. Начался новый период русской истории.

Глава 16

Пролог Великой смуты

Нигде и никогда писатели и поэты не играли столь большой роли в общественной и политической жизни страны, как в России в XIX–XX веках. Надо ли говорить, какое влияние на формирование общественного мнения сыграли Пушкин и Тургенев, Достоевский и Толстой. К сожалению, у нас к большой литературе примазались тысячи литературоведов, которые в собственных корыстных интересах или по «социальному заказу» власть имущих вкривь и вкось толкуют классиков. В результате у нас создались стереотипы, ничего не имеющие общего ни с реальной жизнью, ни со взглядами классиков, ни даже со здравым смыслом. Кучка проходимцев навязывает нам своего Толстого, своего Достоевского. Нас учат, будто Достоевский утверждает, что счастье всего человечества не стоит слезинки одного ребенка. Но это говорил не Достоевский, а герой его романа, что, естественно, совсем не одно и то же. А сам же Достоевский как публицист писал в 1878 году: «И еще раз о том, что Константинополь рано или поздно, а должен быть наш». Что же, Достоевский, имея высшее военное образование, не понимал, что для взятия у турок Константинополя придется потерять сотни тысяч солдат, а в случае возникновения общеевропейской войны — и миллионы?

Точно так же пушкинисты заставили смотреть наш народ на события конца XVI — начала XVII веков сквозь призму драмы Пушкина «Борис Годунов». Дай бог, если пять процентов населения Российской Федерации читали о Смутном времени Соловьева, Скрынникова, Платонова или хотя бы Валишевского.

Зато экстракты из пушкинской драмы все со школьной поры знают наизусть. Заказное убийство становится бесспорной причиной гибели царевича Димитрия, а заказчиком — Борис Годунов. Убийство выгодно всем — от Ильи Глазунова до администрации города Углича. Не станет же именитый художник рисовать конвульсии эпилептика. И туристам в Угличе рассказывать будет нечего. В каждом городе от несчастных случаев, в том числе и от неосторожного обращения с оружием, ежегодно погибают десятки мальчиков.

Борис Годунов — «вчерашний раб, татарин, зять Малюты». Эти слова, вложенные Пушкиным в уста князя Василия Шуйского, навеки стали ярлыком царя Бориса. Фраза, безусловно, хорошо написана и производила

большой эффект как на барышень XIX века, так и на современных образованцев-интеллигентов. Но вот Василий Шуйский подобную чушь нести не мог. Причем как раз потому, что Шуйский не любил Годунова. Слово «татарин» в устах Шуйского, кажущееся образованцу ругательством, было лучшим подарком Годунову. Ведь одним словом «татарин» Шуйский автоматически признает приоритет Годунова — Чингизиды^[26] в те времена считались выше Рюриковичей, и были случаи в XV–XVII веках, когда Рюриковичи из тщеславия выдавали себя за Чингизидов.

Но да бог с ним, с происхождением. У Пушкина каждое появление царя Бориса сопровождается истерикой. Первый раз мы его видим, когда он еще и не знает о самозванце, но все равно стонет:

И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

В следующей сцене он узнает о появлении самозванца. «Так вот зачем тринадцать лет мне сряду все снилось убитое дитя». Что же сотворил «злодей» Борис? Да вот приказал зарезать в мае 1591 года в Угличе семилетнего Дмитрия Ивановича, сына Грозного от седьмой жены, то есть незаконного по всем канонам православной церкви. Ну и прозорлив был Борис, знал, что его сестра Ирина родит в 1592 году царю Федору не мальчика, а девочку Федосью, знал, что Федосья умрет в двухлетнем возрасте, знал, что детей у Федора с Ириной больше не будет, и т. п.

Ну а если все-таки царевича зарезали по указу Бориса? Неужто не нашлось других наследников престола? Ведь должны же были быть у Федора и Дмитрия двоюродные, троюродные, пусть пятиродные братья и сестры? Вон через 100 лет потомство Павла I и Марии Федоровны состояло из двух десятков великих князей и еще трех или четырех десятков князей императорской крови. Почему-то об этом не думают не только читатели «Бориса Годунова», но и премудрые пушкиноведы. Куда же у бедного царя Федора делись все родственники, может, в теплые края по вызову подались? Да не было у него ни близких, ни самых дальних родственников! Все московские цари и великие князья Василий Темный, Иван III, Василий III и Иван Грозный старательно вырезали всех своих родственников мужского пола, включая детей. Ну а женского пола — топили или травили, а иногда и в монастыре милостиво разрешали дни

кончить. Кстати, читатель уже знает, что законного царевича Дмитрия Ивановича по настоящему убили за 82 года до углической драмы по приказу Василия III. Ну и что, у всех Иванов и Василиев мелькали «мальчики кровавые в глазах»? Если бы Годунов действительно приказал убить Дмитрия, то этим он только показал себя достойным преемником потомков Ивана Калиты. Борис Годунов воспитывался не в пансионе для благородных девиц, а с детских лет рос во дворце Ивана Грозного, и жена его была дочерью Малюты Скуратова.

Знал ли все это Александр Сергеевич? Ну, если не все, то большую часть, безусловно, знал. И тем не менее вывел на сцену неврастеника Бориса. Что это — творческая фантазия, стремление понравиться широким слоям публики, обожающей подобные эффекты? Вполне допустимо. Но мог ли быть прототип Годунова, не реального, разумеется, а пушкинского? Был ли у нас царь с «кровавыми мальчиками в глазах»?

Петр I убил сына Алексея? Нет, он никогда не каялся и был всегда уверен в непогрешимости своих поступков. Екатерина II отправила к праотцам в течение года сразу двух императоров — Петра III и Ивана VI, один из которых был ее мужем? Тоже нет, у этой дамы были крепкие нервы. Александр I? А вот тут стоп! 24-летний Александр I стал одним из главарей заговора против своего отца. Александр лично не участвовал в цареубийстве 11 марта 1801 года, но находился рядом, в Михайловском замке, и через несколько минут ему предъявили изуродованный до неузнаваемости труп отца. Непосредственно в зверском убийстве Павла участвовало не более дюжины офицеров, но при захвате замка их было не менее двухсот. Практически весь Петербург знал детали убийства императора, хотя официально было объявлено об апоплексическом ударе. Разумеется, в России писать об убийстве царя было строжайше запрещено. Но повсюду Александра ждали немые укоры — это портреты отца и встречи с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая никогда не простила сына. Свои помалкивали, чтобы не «махнуть до Нерчинска», а вот иностранцы...

На Первого консула Французской республики роялистами было совершено покушение. В ответ Наполеон Бонапарт распорядился схватить на нейтральной территории герцога Энгиенского, родственника Людовика XVI, судить военно-полевым судом и расстрелять.

Александр I направил Бонапарту гневный протест. Наполеон с юмором ответил, что если бы убийцы Павла находились на нейтральной территории вблизи русской границы и взвод русских драгун арестовал бы их, то правительство Французской республики ничего не имело бы против.

Каково было читать ответ Александру, ежедневно видевшему царевича в Зимнем дворце?

В 1813 году в Германии к Александру подвели пленного французского генерала. Царь начал его распекать за негуманное ведение боевых действий. Генерал громко ответил: «А я, между прочим, не убивал своего отца», за что и был отправлен в Сибирь. С 1820 года Александр ударился в мистику, подолгу проводил время с архимандритом Фотием, монахами и святошами. Наконец, 18 ноября 1825 года Александр таинственно скончался в Таганроге. По мнению многих историков, его смерть была инсценировкой, а сам Александр начал вторую жизнь под именем странника Федора Кузьмича и дожил до 1864 года. Во всяком случае, когда в 30-х годах XX века в Петропавловской крепости была вскрыта гробница Александра I, она оказалась пустой.

Вот вам и «Годунов», взошедший на престол ценой злодейского убийства, постоянно терзаемый муками совести, окруженный мистиками и монахами... «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

О смерти Павла нельзя было писать даже эзоповым языком. Запретила же цензура «...умолк рев Норда сиповатый...». Современный читатель и не поймет намек, а вот цензоры — народ ушлый. Но тут поэту удалось и царя с кровавыми мальчиками в глазах показать, и «совсем не рассердить богомольной важной дуры, слишком чопорной цензуры». Ради этого стоило так отретушировать царя Бориса Федоровича.

А как же с остальными действующими лицами? Потребовалась ли для них ретушь? Возьмем Гришку Отрепьева, точнее, чернеца Григория, в миру дворянина Юрия Отрепьева. Он очень близок к реальному историческому лицу. Исключение представляет один, но самый важный момент в пьесе — как Гришка решил стать самозванцем. Вот сцена «Келья в Чудовом монастыре». Отец Пимен рассказывает чернецу Григорию антигодуновскую версию убийства царевича Дмитрия. И все... Следующая сцена — «Палаты патриарха». Там игумен Чудова монастыря докладывает патриарху о побеге чернеца Григория, назвавшегося царевичем Дмитрием.

Можно ли поверить, что 18-летний мальчишка, выслушав рассказ Пимена, сам рискнет на такое. И дело совсем не в неизбежности наказания — дыба и раскаленные клещи на допросе, а затем четвертование или кол. Дело в другом — Гришка стал первым в истории России самозванцем. И одному юнцу в одночасье дойти до этого было невозможно. Психология русского феодального общества начала XVI века не могла этого допустить. Тут нужен изощренный зрелый ум. Так кто же подал идею Гришке? До 1824 года эту тему никто не поднимал. Почему — читатель поймет позже.

А Пушкин? Сейчас вряд ли удастся выяснить, знал ли Пушкин что-то, не вошедшее в историю Карамзина, или его озарила гениальная догадка. Но начнем по порядку. Пушкин приступил к работе над «Борисом Годуновым» в ноябре 1824 года. К концу декабря — началу января он дошел до сцены в Чудовом монастыре и остановился. Пушкинисты утверждают, что он занялся четвертой главой «Онегина». Возможно, это и так, а скорее — не сходились концы с концами у «Годунова». Но в апреле 1825 года Пушкин возвращается к «Годунову» и одним духом пишет сцены «Келья в Чудовом монастыре» и «Ограда монастырская». Позвольте, возмутится внимательный читатель, какая еще «Ограда монастырская», да нет такой сцены в пьесе. Совершенно верно, нет, но Пушкин ее написал. Сцена короткая, на две страницы, а по времени исполнения на 3–5 минут. Там Гришка беседует со «злым чернецом». И сей «злой чернец» предлагает Гришке стать самозванцем. До Гришки доходит лишь со второго раза, но он соглашается: «Решено! Я Дмитрий, я царевич». Чернец: «Дай мне руку: будешь царь». Обратим внимание на последнюю фразу — это так-то важно говорит простой чернец?! Ох, он совсем не простой, сей «злой чернец».

Сцена «Ограда монастырская» имела взрывной характер. Она не только прямо обвиняла духовенство в организации смуты, но поднимала опасный вопрос — кто еще стоял за спиной самозванца. Поэтому Жуковский, готовивший в 1830 году первые сцены «Бориса Годунова», не дожидаясь запрета цензуры, сам выкинул сцену «Ограда монастырская». Опубликована эта сцена была лишь в 1833 году в немецком журнале, издававшемся в Дерпте.

Формально пьеса была верноподданническая. Обличались преступления Бориса Годунова, ненавидимого Романовыми; ругались поляки, а 30-е годы XIX века были временем польских мятежей. В пьесе дворянин Афанасий Пушкин говорит Рюриковичу Шуйскому:

Знатнейшие меж нами рода — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отчества надежда?

Шуйский:

Ты прав, Пушкин.

Ну ладно, что Сицкие и Шастуновы уже три года, как прощены и исправно служат Борису, поэт мог и не знать, но чтобы Шуйский — потомок Андрея Ярославовича и ненавистник выскочек Романовых признал их «знатнейшими меж нами» и «отечества надеждой»? Это уже топорная лесть, граничащая с издевательством над семейством Романовых.

Пушкин писал П. А. Вяземскому сразу после окончания «Годунова»: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

Однако запретить пушкинскую драму власти не решились. Это неизбежно привлекло бы к ней излишнее внимание публики. «Борис Годунов» пошел бы по России в списках, да еще неизвестно в каком варианте. Ведь обозленный поэт мог и развить тему заговора Романовых.

Вместо запрета «Бориса Годунова» III отделение нашло более оригинальный ход. Был создан «анти-Годунов» — роман «Дмитрий Самозванец», автором которого был известный литератор и не менее известный сотрудник III отделения Фаддей Булгарин. Несмотря на лихо закрученный сюжет роман получился скучноватый и мало читабельный, но в нем приведена вполне благопристойная с точки зрения властей версия появления самозванца.

Роман Булгарина быстро забыли, и поделом. Я сделал над собой большое усилие, чтобы дочитать до конца «Дмитрия Самозванца». Зато иные премудрые пушкинисты все же сумели навязать большинству населения свое видение не только драмы Пушкина, но и всей драмы Государства Российского.

Поэтому автор монографии был вынужден ввести эту главу прежде, чем перейти к описанию подлинных событий первой русской Великой смуты.

Глава 17

Действующие лица великой драмы

История России с 1584 по 1613 годы представляет собой борьбу за власть трех мощных боярских кланов: Годуновых, Романовых-Захарьиных и Шуйских. Эпизодически в борьбу этих сверхмощных группировок вмешивались одиночки, поддерживаемые слабыми кланами или вообще не принадлежащие к какому-либо клану. Временный успех таких одиночек был обусловлен их личными выдающимися качествами и благоприятным стечением обстоятельств. К таковым относятся Богдан Бельский, Василий Голицын и Дмитрий Пожарский.

Из трех основных боярских кланов лишь Шуйские имели законное право на царский престол. Шуйские вели свой род от князя Андрея Ярославовича, брата Александра Невского. Хотя Андрей был младшим братом Невского, но его потомки формально обладали большими правами на владение Русью, так как именно Андрей, а не Александр, был в 1249 году возведен великим монгольским ханом на престол великого князя Владимирского. Потомство Андрея Ярославовича стало удельными суздальско-нижегородскими князьями. В конце XIV века из состава Суздальско-Нижегородского княжества выделился Шуйский удел.^[27]

Первым шуйским князем стал Юрий, второй сын Василия Кирдяпы. От двух сыновей Юрия Васильевича Василия (умер в 1446 года) и Федора (умер в 1472 году) и пошел род Шуйских.

В 1392 году московский князь Василий I получил от хана Тохтамыша ярлык на Нижегородское княжество и силой согнал с престола в Нижнем Новгороде князя Бориса Константиновича, а затем — с суздальского престола — князя Семена Дмитриевича. Поэтому наши официальные историки считают 1392 год концом независимости Суздальско-Нижегородского княжества и заодно Шуйского удела. На самом деле в ходе тридцатилетней гражданской войны суздальско-нижегородские князья приобрели независимость от Москвы. В этой войне часть суздальско-нижегородских князей сражалась за Василия II, а часть — за Дмитрия Шемяку.

После войны Федор Юрьевич Шуйский и его племянник Василий Васильевич Бледный занимают высокие посты в Москве. Федор в 1470 году становится наместником Ивана III в Пскове, а Василий Бледный в

1492 году назначается первым воеводой правой руки.

При Василии III и Иване Грозном клан Шуйских становится самым могущественным в Москве. Праправнук Федора Юрьевича Иван Петрович Шуйский прославился в 1582 году при обороне Пскова от войска польского короля Стефана Батория. А праправнук Василия Юрьевича Василий Иванович Шуйский позже станет царем. Второй сын Василия Васильевича Бледного Иван Скопа стал родоначальником рода князей Скопых-Шуйских.

Несмотря на казни и конфискации земель при Иване Грозном клан Шуйских не только выстоял, но и к концу правления Ивана IV кое в чем усилил свои позиции. Так, например, Шуйским удалось получить суздальские вотчины казенных князей Горбатых. Горбатые были потомками суздальских князей и отдаленными родственниками Шуйских. Их род пошел от Семена, младшего брата Василия Кирдяпы. К 1584 году Шуйским принадлежали огромные владения по всей России от Пскова до Суздаля, от Шелони до Козельска. К моменту смерти Ивана Грозного Иван Петрович и Василий Иванович Шуйские и Василий Федорович Скопин-Шуйский имели боярские чины.

Ко времени смерти Ивана Грозного мощь клана Шуйских была несколько подорвана тем, что в 1584–1585 годах несколько Шуйских было на воеводствах в больших порубежных городах. Так, Василий Федорович Скопин-Шуйский был воеводой в Новгороде, Иван Петрович Шуйский — в Пскове, а Василий Иванович — в Смоленске. На ход дел при дворе они могли влиять очень мало, по крайней мере до возвращения в Москву.

Представители значительной части разбогатевших дворянских семейств в России любили приписывать себе родоначальников — знатных иностранцев. И если Романовы-Захарьины к началу XVII века еще не подыскали иноземной родни Андрею Кобыле, то татарское происхождение Годуновых официально было записано в Родословной XV–XVII веков (схемы 9, 10, 11, 12, 13).

Мало того, происхождению Годуновых было посвящено историческое произведение «Сказание о Чете». Согласно сказанию, в 1330 году татарский царевич Чингизид Чет ехал из Орды в Москву к князю Ивану Калите. По пути Чет сделал остановку в одной версте от города Костромы на месте слияния реки Костромы с Волгой. Ночью царевичу привиделась Пресвятая Богородица с апостолом Филиппом и святым Ипатием Гангрским. Чет был так потрясен увиденным, что решил принять православие и основать на этом месте монастырь. При крещении Чет получил имя Захария,^[28] а основанную им обитель назвали Ипатьево-

Троицким мужским монастырем.

Сын Захарии-Чета Александр был убит в Костроме почти одновременно с основанием монастыря при невыясненных обстоятельствах. Внук же Чета Дмитрий Александрович Зерно стал ближним боярином московского князя Дмитрия Донского.

У Дмитрия Зерна было три сына: Иван, Константин и Дмитрий. Константин был бездетен, а у Ивана было три сына, из которых лишь два дали дальнейшее потомство. Это были Федор Сабур, основатель многочисленного рода Сабуровых, и Иван Годун, основатель рода Годуновых. Третий же сын Дмитрия Зерна, тоже Дмитрий, стал основателем рода Вельминовых.

В советские времена все древние источники, связанные с религией, были объявлены вымышленными. Естественно, это коснулось и «Сказания о Чете». Некоторые историки, включая Р. Г. Скрынникова, утверждают, что «Сказание...» было в корыстных целях придумано монахами Ипатьевского монастыря, а на самом деле Годуновы, Сабуровы и Вельминовы происходят из старинного рода костромских дворян. Скрынников называет Дмитрия Александровича Зерно «крупным костромским вотчинником, отец которого Александр был убит в Костроме в начале XIV века».^[29] Но, как видим, Скрынников не может даже назвать имени отца Александра. Выговорить «Александр Захарьевич» он не может — это противоречит его концепции, а других вариантов у него нет.

В справочнике К. Рыжова «Все монархи мира» (Москва, изд-во «Вече», 1998 г.) говорится, что Чета в Орде крестил митрополит Петр. Петр действительно приезжал в Орду в 1313 году к хану Узбеку, но откуда в справочнике взялся эпизод с крещением Чета — не ясно.

По моему мнению, отрицать возможность «видения» Чету, то есть вариант «Сказания...», на сто процентов нельзя, поскольку в Средние века различные святые часто снились людям. Но вероятность этого ничтожна. Я же попробую логически реконструировать события. В начале XIV века в Москву приезжает на службу к Ивану Калите татарский царевич Чет — событие довольно ординарное для Московского княжества XIV–XV веков. Чет мог быть крещен в Орде в 1313 году, а скорее всего его крестил тот же митрополит Петр в Москве.

Со смертью в 1303 году бездетного костромского князя Бориса Андреевича Костромское княжество потеряло свою независимость и вошло в состав Владимирского княжества. В 1328 году московский князь Иван Калита получает из Орды ярлык на великое княжество Владимирское. В этом случае обязательно происходила смена администрации. Видимо, князь

Дмитрий Иванович и послал в Кострому царевича Захарию-Чета. Как и положено, Захария отправился к новому месту службы с семейством. Возможно, основание Ипатьевского монастыря было связано с убийством сына Чета Александра. Но скорее всего строительство монастыря было начато по указанию из Москвы. Я неоднократно бывал в Ипатьевском монастыре и могу подтвердить, что место для него выбрано весьма удачно. Больше половины периметра стен монастыря окружены водой, сам монастырь стоит на естественном холме и т. д. В XIV веке река Кострома была куда более полноводной, чем теперь. Ипатьевский монастырь контролировал устье реки Костромы, где шло интенсивное судоходство. Эта река была единственной водной артерией, связывающей обильное соляными промыслами Галицкое княжество с Волгой.

Можно считать на 99,9 % доказанным, что род Годуновых происходил от татарского царевича Чета. Лучшим доказательством этого служит молчание оппонентов Бориса в 1600–1605 годах о его происхождении. Какие только фантастические обвинения не предъявляли Годунову, а об этом молчали. А ведь вранье о происхождении рода издавна считалось на Руси большим бесчестьем.

Разумеется, что татарским происхождением Годунова ни Шуйский и никто другой попрекать не могли, ведь в XIII–XVI веках Чингизиды считались выше Рюриковичей.

Дети и внуки Дмитрия Зерна служили боярами у Василия I, особенно известен был бездетный боярин Константин Дмитриевич Шея (правнук Чета).

Положение потомков Чета несколько ухудшилось в середине XV века. Дело в том, что Михаил, сын Федора Сабура, поставил не на ту лошадку. Он пошел на службу к Дмитрию Шемяке, в 1447 году он одумался и перебежал к победителю. Василий Темный простил его, но Сабуровы и Годуновы были несколько отодвинуты от престола.

Праправнук Дмитрия Зерна, окольный Константин Федорович Свергон-Сабуров, выдает свою дочь Соломону замуж за Василия III. Сабуровы вторично породнились с родом Ивана Калиты, когда дочь боярина Бориса Юрьевича Сабурова^[30] Евдокия ненадолго стала женой наследника престола Ивана Ивановича.

Как видим, потомки Чета в XIV–XVI веках так же, как и Кошкины-Захарьины, были близки к престолу. Другой вопрос, что им хронически не везло — то тридцатилетняя феодальная война, то дочери бесплодные.

Годуновы, младшая ветвь потомков Чета, почти не видны за боярами Сабуровыми. Исторически известно лишь, что Иван Годун, младший брат

Федора Сабура, имел двух сыновей и десять внуков, а кроме того, много дочерей и внуков. Годуновы владели несколькими поместьями в районе Костромы, Новгорода Великого, Вязьмы и др. Никто из Годуновых не был членом Боярской думы, и лишь немногие получали командные воеводские чины.

Дед Бориса Годунова имел четырех сыновей — Ивана Чермного,^[31] Федора Кривого, Дмитрия и Василия. Старший брат, Иван Чермный, успешно начал службу и в середине XVI века получил должность младшего воеводы в Смоленске. Но Иван рано умер, а его младшие братья так и не получили от царя Ивана воеводских назначений в первые полтора десятилетия своей службы.

В семье Федора Ивановича Кривого было трое детей — Василий, будущий царь Борис и будущая царица Ирина. Благодаря прозвищу Кривой мы знаем о физическом недостатке Федора Годунова. Судить о личных качествах этого человека не представляется возможным. Служебная карьера Федору явно не удалась. Незадолго до появления на свет Бориса московские власти составили списки «Тысячи лучших слуг», включавшие весь цвет тогдашнего дворянства. Ни Федор, ни его брат Дмитрий Иванович Годунов не попали в число «лучших дворян».

Федор Кривой умер рано. Трое его детей стали сиротами. Братья Федор и Дмитрий Годуновы совместно владели небольшими вотчинами в Костроме и под Вязьмой. В жизни Бориса это обстоятельство сыграло особую роль. После смерти отца его взял в свою семью дядя. Не только родственные чувства и ранняя кончина собственных детей побудили Дмитрия Ивановича принять участие в судьбе племянника. Важно было не допустить раздела последнего родового имения.

Невысокое служебное положение, можно сказать, спасло Годуновых в годы опричного террора. Государство оказалось поделенным на опричнину и земщину. Царь Иван IV объявил Вязьму своим опричным владением, его подручные произвели там «перебор людишек». В присутствии особой комиссии каждый вяземский дворянин должен был дать показания о своем происхождении, родстве жены и дружеских связях. Родство с боярами, столь высоко ценившееся прежде, могло теперь погубить карьеру служилого человека. В опричный корпус зачислялись незнатные дворяне, они и получали все возможные привилегии. Прочих лишали их поместий и высылали из уезда. Судя по вяземским писцовым книгам, Дмитрий Годунов пережил все испытания и попал в опричный корпус в момент его формирования.

Дмитрий Иванович Годунов исправно служил в опричнине, но не лез в

руководство. Свой первый думный чин он получил случайно, благодаря внезапной смерти царского постельничего В. Ф. Наумова.

Иван Грозный назначил Д. И. Годунову «у постели быти», а затем «за саньями ходити» на свадьбе царя с Марфой Собакиной 25 октября 1571 года. Постельничий ведал «царской постелью», то есть гардеробом.

Постельничему подчинялись многочисленные дворцовые мастерские, в которых работали портные, скорняки, колпачники, «чеботники» и другие мастера. Постельничий приказ заботился не только о бытовых, но и о духовных нуждах царской семьи. В его штате было несколько десятков певчих, составлявших придворную капеллу.

Ко времени введения опричнины Постельничий приказ сильно разросся. За его высшими служителями числилось более 5 тысяч четвертей поместной земли. Через руки постельничего проходили крупные суммы денег. На одно лишь жалование служителям и мастерам приказ тратил до тысячи рублей в год.

Постельничий приказ заботился также о повседневной безопасности царской семьи. В годы опричнины эта функция приобрела особое значение. На 1573 год постельничему подчинялись постельные, комнатные, столовые и водочные сторожа, дворцовые истопники и прочая прислуга. В дворцовую стражу принимались только самые надежные и проверенные люди. Постельный приказ отвечал за охрану царских покоев в ночное время. С вечера постельничий лично обходил внутренние дворцовые караулы, после чего укладывался с царем «в одном покою вместе».

Опричина изменила значение важнейших дворцовых чинов. Теперь оружничий, постельничий и ясельничий не только заведовали соответствующими дворцовыми приказами, но и заседали в думе, вели дипломатические переговоры, командовали полками и судили.

Поскольку Д. И. Годунов по должности должен был постоянно состоять при царской особе, он жил в царском дворце. Там же поселились и его малолетние племянники Борис и Ирина.

Точная дата рождения Бориса Годунова историкам неизвестна. Предполагают, что он родился около 1552 года. Ирина Годунова родилась в 1557 году, и, таким образом, была ровесницей царю Федору.

Позже противники царя Бориса распускают слухи о его малограмотности и даже неграмотности. Это не соответствует действительности. Достоверно известно, что Д. И. Годунов подарил монастырям несколько книг из своей библиотеки. Дядя обучил грамоте Бориса и Ирину. До нас дошли автографы Бориса, написанные аккуратным каллиграфическим почерком. Другой вопрос, что, взойдя на престол,

Борис, подобно другим московским самодержцам, навсегда отложил перо. Первым нарушил этот вековой обычай лишь Лжедмитрий I, любивший собственноручно писать различные документы.

В 1570–1572 годах Борис Годунов назначен был рындой в свите царевича Ивана. 25 октября 1571 года Борис присутствовал в качестве дружки царицы Марфы Собакиной. Любопытно, что другим дружкой был Малюта Скуратов, а свахами — жена Малюты и его дочь Мария.

Со вступлением Дмитрия Годунова на должность постельничего наметился союз с фактическим главой опричнины Малютой Скуратовым. Царский фаворит был нужен Годунову, а влиятельный постельничий не менее был нужен Малюте. Этот союз был упрочен браком Бориса Годунова и дочери Скуратова Марии. Родство с Малютой Скуратовым в некоторой мере помогло уцелеть Дмитрию Годунову во время чисток 1571–1572 годов в опричнине, когда погибли почти все, кто был близок к царю, — боярин Басманов, оружничий Вяземский, ясельничий Зайцев. Среди высших дворецких чинов уцелел один только Дмитрий Годунов.

Едва достигнув совершеннолетия, Борис Годунов получил свой первый придворный чин — стряпчего. Борис исполнял при дворе камергерские обязанности. По росписи придворных чинов в его обязанности входило: «Как государь разбирается и убирается, повинны [стряпчие] с постельничим платейцо у государя принимать и подавать». По ночам стряпчие дежурили на Постельном крыльце царского дворца.

На царской службе Годуновы и Сабуровы вступили в местнический конфликт с боярами Колычевыми. Богдан Сабуров добился того, что боярин Василий Умный-Колычев был «выдан ему головой». Однако Годуновы не уgomонились, пока Иван Грозный не приказал казнить Василия Умного-Колычева. Князь Борис Тулупов, потомок стародубских удельных князей, нанес какое-то «бесчестье» Борису Годунову и за это был посажен царем на кол. На глазах мученика была убита и его мать Анна. Борис Годунов за «бесчестье» получил вотчину казненного Тулупова. Потом Годунов постарался избавиться от этого имения. Как только умер Иван Грозный, Борис Годунов, с благословения царя Федора, передал тулуповскую вотчину монастырю и наказал монахам молиться за погубленных бояр братьев Колычевых, Бориса Тулупова и его мать.

В ходе Ливонской войны в конце декабря 1572 года русские войска взяли крепость Вейсенштейн (Пайда) в Эстляндии. При штурме погиб Малюта Скуратов. Иван Грозный в отместку сжег на костре всех пленных шведов, а Скуратова велел торжественно похоронить в Волоцком монастыре (в районе Волоколамска были его родовые владения). Таким

образом, Годуновы лишились важного союзника, но зато смерть Малюты усилила расположение к ним царя.

Как уже говорилось, жизнь семейства Годуновых протекала в царских хоромаш. Ирина росла на глазах у Ивана Грозного. Более преданной родни царю было не сыскать, и 7 сентября 1580 года состоялась свадьба царевича Федора и Ирины. Вскоре царь дает боярские чины Дмитрию и Борису Годуновым. В 30 лет получить чин боярина было лестно даже Рюриковичу, а ведь за Борисом никаких заслуг не числилось, кроме, разумеется, близости к царю. Даже двоюродный брат Бориса Степан Васильевич Годунов был окольным.

После свадьбы Иван Грозный выделил царевичу Федору большое удельное княжество, по размерам превосходящее многие европейские государства и включавшее города Суздаль, Ярославль и Кострому со многими волостями и селами. Это удельное княжество фактически перешло под контроль Годуновых.

С начала 70-х годов XVI века происходит резкое увеличение земельных владений Дмитрия и Бориса Годуновых. Часть земель была пожалована им царем, часть была куплена у других землевладельцев. Так, царь пожаловал Дмитрию Годунову дворцовые бортные села Ижевск и Киструсь в Рязанском уезде, вотчины Путилово и Беседы в Московском уезде и т. д. Дмитрий скупил вотчины во Владимирском и Дмитровском уездах. Каким-то образом ему же досталась Совьюжская волость в Солигалицком уезде, что дало Годунову огромные доходы от продажи соли.

Борис получил в приданое от Малюты Скуратова большую вотчину в Малоярославском уезде. Борис покупает у Третьяковых село Хорошово под Москвой, затем покупает несколько сел в Тверском и Бежецком районах. Каким-то образом Борис приобретает вотчину Горетево в Московском уезде и т. д.

Богатыми землевладельцами стали и троюродные братья Бориса — Григорий, Степан и Иван Васильевичи Годуновы.

Третьей могущественной силой в Московском государстве был клан Захарьиных-Юрьевых. Говоря «третьей», я имею в виду порядок повествования, а по политическому весу и богатству Захарьины-Юрьевы были того же порядка, что Шуйские и Годуновы.

Как уже говорилось, из шести сыновей Юрия Захарьевича четверо оказались бездетными,^[32] а потомство дали лишь второй сын Михаил и четвертый сын Роман. К 1584 году все потомство мужского рода Михаила Юрьевича умерло или было казнено Иваном Грозным. На исторической сцене осталось лишь потомство Романа Юрьевича, умершего в 1543 году.

Согласно традиции XVI века детей Романа мы будем называть Захарьиными-Юрьевыми, а внуков — Романовыми.

Роман Юрьевич имел трех сыновей — Долмата, Данилу и Никиту. Старший сын Долмат, как уже говорилось, умер 5 октября 1543 года. Средний сын Данила умер 27 октября 1565 года. Старший сын Данилы Михаил умер младенцем, еще два сына, Иван и Федор, погибли в Москве 24 мая 1571 года во время нашествия крымского хана Девлет Гирея. Зрелых лет достигли лишь две дочери. Фетинья Даниловна вышла замуж за князя Федора Дмитриевича Шестунова, а Анна Даниловна — за князя Федора Андреевича Оболенского-Ноготкова.

Об Анне и Анастасии Романовых, вышедших замуж соответственно за князя Сицкого и Ивана Грозного, мы уже говорили. А вот Никита Романович оказался самым плодовитым в роду. От двух жен — Варвары Ивановны Ховриной и Евдокии Александровны Горбатой-Шуйской — он имел пятерых сыновей и пятерых дочерей (Федора, Михаила, Александра, Василия, Ивана, Анну, Евфимию, Ульяну, Марфу и Ирину). Из них только Ульяна умерла в младенчестве, в 1565 году. Старшая дочь Анна была выдана замуж за князя Ивана Федоровича Троекурова. Рюриковичи Троекуровы вели свой род от ярославских удельных князей (схема 6).

Иван и Анна Троекуровы нажили двоих детей — Бориса и Марину. 6 декабря 1586 года Анна Никитична умерла, а И. Ф. Троекуров взял новую жену — Вассу Ивановну.

Дочь Евфимию Никита Романович выдал за князя Ивана Васильевича Сицкого.

Марфа стала женой Бориса Камбулатовича Черкасского. Он был сыном кабардинского владетеля Камбулата — родного брата Темрюка, отца Марии — второй жены Ивана Грозного. Два сына Камбулата — мурзы Хокяг и Хорошай — приехали на службу в Москву, крестились и получили имена Гавриил и Борис Камбулатовичи. В 1592 году Борис становится боярином. У Марфы Никитичны и Бориса Камбулатовича было трое детей — Иван, Ирина и Ксения. Иван при царе Михаиле стал боярином, Ирина выдана за боярина Федора Ивановича Шереметева, а Ксения — за Ивана Дмитриевича Колычева.

Младшая дочь Никиты Романовича Ирина вышла замуж за боярина Ивана Ивановича Годунова. Потомства у них не было.

Наиболее выдающейся личностью из большой семьи Никиты Романовича стал его старший сын Федор. Он был красив и статен. Он, по-видимому, первым из московской знати стал брить бороду и носить короткую прическу. О щегольстве Федора и умении одеваться иностранные

послы говорили, что если московский портной хотел похвалить свою работу заказчику, то он говорил: «Вы теперь одеты, как Федор Никитич».

В 1586 году Федор прямо из рынд прыгнул в бояре. В 1590 году он женился на Ксении Ивановне. В торжественном обряде венчания участвовали сам царь Федор и боярин Борис Годунов. Остается лишь единственный вопрос — на ком женился Федор Никитич и кто стал матерью царя Михаила? Об этом уже свыше 300 лет спорят историки. Имя и отчество невесты точно известно, вопрос только в фамилии.

Ряд историков XIX века, как, например, Б. Филатович, утверждает, что Федор Никитич женился на дочери дворянина Ивана Васильевича Шестова. Многие историки (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов и др.) попросту обходят этот вопрос. На мой же взгляд, ближе всего к истине мнение П. Н. Петрова, автора «Истории родов русского дворянства», который считает женой Федора Никитича Ксению Ивановичу Шастунову, дочь князя Ивана Дмитриевича Шастунова. Шастуновы, как уже говорилось, ведут свой род от ярославских удельных князей. Петров писал: «Что же касается предположения о происхождении великой старицы из фамилии Шестовых — потому что жена полкового головы Ивана Васильевича Шестова Марья вдовою уже подвергалась ссылке в 1601 г. в город Чебоксары и там пострижена — это еще не доказательство в пользу неотмененного родства ее с женою Федора Никитича Романова. Незнатность при Грозном представителя Шестовых — один из аргументов, говорящих против допущения союза с дочерью полкового головы — двоюродного брата государя, когда род князей Шастуновых, на который указывают издавна, как на родственный по матери царю Михаилу, описыватели усыпальницы Романовых в Новоспасском монастыре — конечно, составлял более приличную партию... А что незнатен был Иван Васильевич Шестов, хотя и храбрый человек, доказывает нахождение подписи его в низшей статье дворян на земском соборе по поводу предстоящей войны с Польшею, по истечении срока перемирия (2 июля 1566 г.). Неаристократическую же родню в семье свои не принимала старинная московская аристократия, в XVI веке еще более надменная, чем после».^[33]

Кстати, Романовы породнились с Шастуновыми посредством брака боярина Федора Дмитриевича Шастунова с Фетиньей Даниловной Романовой. Фетинья приходилась двоюродной сестрой Федору Никитичу. Брак Фетиньи был бездетным, и естественно желание Романовых еще раз породниться со знатным родом Шастуновых. Читатель уже знает, что никто из дочерей Романовых-Захарьиных-Юрьевых не выдавался за бедных

дворян.

Федор Никитич оказался плодовит: с 1592 по 1599 год у него родилось шесть детей, но выжили лишь двое — Татьяна и Михаил, а остальные умерли в младенчестве (Борис в 1593 г., Никита в 1593 г., Лев в 1597 г. и Иван в 1599 г.). Позже Татьяна выйдет замуж за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, а Михаил, родившийся 12 июля 1596 года, станет царем (схема 7).

Об остальных, родившихся после Федора сыновьях Никиты Романовича, известно крайне мало. В 1590 году Михаил Никитич был пожалован в окольничие. Данных о его вступлении в боярство нет. Во всяком случае, он умер бездетным.

Александр Никитич в 1586 году стал рындой, а в 1597 году ему пожаловано боярство. Смолоду он женился на Евдокии, дочери Ивана Юрьевича Голицына. Брак был недолговечен. 1 августа 1597 года Евдокия умерла. Вскоре Александр вступает во второй брак с Ульяной Семеновной Погожевой. Оба брака были бездетными.

Младший сын Никиты Романовича, Иван Никитич Каша, в 1591 году становится стольником. В 1599 году он служит чашником при царе Борисе во время приема шведских послов. До ссылки он холост, и лишь в 1606 году вступает в брак с княжной Ульяной Федоровной Литвиновой-Мосальской, род которой велся от князя Михаила Черниговского. У Ивана и Ульяны родилось семь детей, но о них мы расскажем позже (схема 8).

В отличие от большинства княжеских родов Рюриковичей и Гедиминовичей, да и многих родов старомосковской нетитулованной знати вотчины Захарьиных-Юрьевых не только не сократились, но и значительно увеличились. После женитьбы на Анастасии Романовне Иван IV щедро наделил ее родню вотчинами, о чем сообщается в его духовной. В числе пожалованных были укрепленные городки Скопин и Романово городище на юге страны, построенные для защиты от набегов крымских татар. Вместе с этими городами Захарьины-Юрьевы получили и окрестные села.

При организации опричного корпуса Захарьины-Юрьевы потеряли ряд вотчин в Костромском и Суздальском уездах, где до опричнины владели вотчинами Роман Юрьевич Захарьин, сын его Данила и племянник В. М. Юрьев. Но в качестве компенсации Захарьины-Юрьевы получили вотчины в других местах.

Казни родственников Романовых-Захарьиных из ветвей Захарьиных-Михайловых и Захарьиных-Яковлей, как ни странно, пошли потомству Романа на пользу. Как известно, в конце царствования Иван Грозный велел составить перечень опальных и часть конфискованных земель отдал

уцелевшим родственникам казненных. Так, в конце 70-х — начале 80-х годов Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву и его сыновьям были пожалованы родовые вотчины Протасия Васильевича Захарьина-Михайлова и бояр Яковлей. Эти вотчины находились в Московском, Костромском, Бежецком и других уездах.

Наконец, в приданое Федор Никитич Романов получил село Домнино в Костромском уезде и село Климянтино в Углическом уезде.

Богатство Романовых хорошо характеризует заем, выданный Никитой голландской купеческой компании, — 20 тысяч рублей. При этом боярин взял грабительские 85 процентов годовых. Любопытно, что английский посол Боус утверждал, что этот заем был замаскированной формой взятки, и голландцы сделали Никиту Романовича своим «агентом влияния».

В Москве Захарьины-Юрьевы владели большой усадьбой на Дмитровке. В Дмитровской слободе в Москве издавна проживали переселенцы из Дмитрова. Там между современным Охотным рядом и Столешниковым переулком и находилась усадьба Юрия Захарьевича Кошкина-Кобылина. Он ли построил усадьбу, или это сделал его отец Захарий, или дед Иван — точно неизвестно. Но наиболее вероятно, что усадьба принадлежала предкам Юрия.

После смерти Юрия Захарьевича в 1504 году его дочь Федосия построила на территории усадьбы каменную церковь Святого Георгия и основала Георгиевский монастырь. При этом монастырь занял лишь часть усадьбы, на остальной же ее части жили многочисленные дети Юрия Захарьевича. Там провела свои юные годы и Анастасия Романовна, будущая супруга Ивана IV. После вступления в брак Анастасия построила близ Георгиевского монастыря церковь Анастасии Узорешительницы в память о своих детских годах, проведенных в усадьбе. Эта церковь была сломана в 1793 году.

В 1571 году в ходе набега Девлет Гирея усадьба Захарьиных на Дмитровке серьезно пострадала от пожара.

Происхождение второй московской усадьбы Захарьиных-Романовых вызывает споры среди историков. Речь идет об усадьбе в Китай-городе на Варварском крестце («у Варвары-горы»). Площадь ее превышала три тысячи квадратных метров. На территории усадьбы имелось по меньшей мере два каменных дома. Их называли: «дом на верхних погребях» и «дом на нижних погребях». Дом на верхних погребях сохранился до сих пор, в настоящее время там находится музей «Палаты в Зарядье».

По данным археологов оба каменных дома на территории усадьбы были построены в конце XV века. Известно, что в середине XVI века

усадьба принадлежала Никите Романовичу Романову-Захарьину. А вот как она досталась ему — существует две версии.

Согласно распространенной версии Никита Романович женился в 1547 году (уже после свадьбы Ивана IV и Анастасии) на Варваре Ивановне Ховриной. Ее отец Иван Дмитриевич происходил из старомосковских бояр Ховриных, которые своим родоначальником считали греческого князя Стефана, приехавшего на Русь из Крыма. Дед Варвары Дмитрий Владимирович Ховрин был казначеем у Ивана III. Ряд историков предполагает, что за Варварой Ховриной и была дана усадьба на Варварке.

По другой версии усадьба на Варварке принадлежала Кошкиным уже в начале XV века. Косвенным подтверждением этой версии служит то, что соседняя (с востока) усадьба в 20-х годах XV века принадлежала Марии Голтыевой, внучке Федора Кошки.

Как бы то ни было, но с середины XVI века усадьба на Варварке стала родовым гнездом Романовых.

С запада с их усадьбой в конце XVI века граничило английское подворье (близ церкви Максима Исповедника). Никита Романович дружил с англичанами. По свидетельству английского посла Джерома Горсея приказчик английской компании давал уроки латинского языка Федору, сыну Никиты Романовича.

После смерти Никиты Романовича усадьбой совместно владели братья Федор и Александр Никитичи.

Как видим, все три клана — Шуйские, Годуновы и Романовы — были достаточно могущественны, многочисленны и богаты. Шуйские, как уже говорилось, были самыми породистыми из Рюриковичей, а Годуновы и Романовы имели родство с царским домом по женской линии. Нетрудно догадаться, что со смертью Грозного все они вступили в борьбу за власть.

Глава 18

Вступление на престол Федора Ивановича

Законным наследником Ивана Грозного был его 27-летний сын Федор. Однако умственные способности и склад характера Федора явно не соответствовали функциям российского самодержца. Поэтому Иван Грозный якобы перед смертью создал опекунский совет, который должен был управлять страной от имени царя Федора. Я говорю «якобы», поскольку завещание Ивана Грозного не только не сохранилось, но и его точный текст неизвестен историкам. Говоря о завещании царя Ивана, наши историки обычно ссылаются на сообщения иностранцев.

Через несколько месяцев после смерти Ивана IV его личный лекарь послал в Польшу сообщение о том, что царь назначил четырех регентов (Никиту Романова-Юрьева, Ивана Мстиславского и еще двоих бояр). Английский посол Джером Горсей в одном случае говорит о четверых боярах-регентах, в другом — о пяти. Горсей утверждал, что главным правителем Грозный назначил Бориса Годунова, а в помощники ему определил Ивана Мстиславского, Ивана Шуйского, Никиту Романова и Богдана Бельского. Австрийский посол Николай Варкоч писал: «Покойный великий князь Иван Васильевич перед своей кончиной составил духовное завещание, в котором он назначил некоторых господ своими душеприказчиками и исполнителями своей воли. Но в означенном завещании он ни словом не упомянул Бориса Федоровича Годунова, родного брата нынешней великой княгини, и не назначил ему никакой должности, что того очень задело в душе».

На основании сведений иностранцев историки сами составили список членов регентского совета — как кому нравится. К примеру, Р. Г. Скрынников действует методом исключения и отдает предпочтение Богдану Бельскому, вычеркивая из списка регентов Бориса Годунова.

На взгляд автора, спорна сама версия создания Иваном IV регентского совета. Обстоятельства внезапной смерти Грозного полностью исключают возможность составления завещания в последние часы его жизни. Если же завещание было составлено заранее, то какой смысл был его хранить в тайне? Торжественное объявление царем списка регентского совета придало бы совету легитимность.

Да и в самом совете как мог царь Иван сажать рядом Ивана Петровича Шуйского с худородным Богданом Яковлевичем Бельским? Бельский был

опричником, затем состоял при дворе царя, но он даже не имел придворного звания. Окольничим он стал при царе Федоре, а боярином — при Лжедмитрии I.

Если действительно Борис Годунов не был включен в регентский совет, то почему его противники не использовали этот важный козырь в борьбе против Годунова ни в 1584 году, ни в последующие 20 лет? Предъявили бы народу подлинное завещание Грозного или рассказали бы, как и при каких обстоятельствах Годунов уничтожил его. Можно привести еще множество аргументов в пользу того, что никакого завещания Грозного не существовало и в помине.

Буквально через несколько минут после смерти царя Ивана уже никто не вспоминал о «завещании» или о каких-либо других бумагах, а все ближние бояре начали действовать силой. Немедленно ворота Кремля были заперты, а его гарнизон поднят по тревоге. Шуйские объединились с Годуновыми и Романовыми и обвинили в измене семейство Нагих, родственников царевича Дмитрия по матери. В ночь после смерти царя все Нагие и их родственники были заключены под стражу. Через несколько дней царевич Дмитрий, его мать и часть Нагих были отправлены в Углич, остальных Нагих отправили в ссылку в разные города.

Богдан Бельский попытался организовать контрпереворот в пользу малолетнего Дмитрия. Богдан ввел в Кремль несколько стрелецких сотен и пообещал им «великое жалование» и привилегии, если они не будут слушаться бояр, а станут подчиняться только ему. А тем временем бояре, разъехавшиеся по домам на обед, узнали о происшедшем. Никита Романов и Иван Мстиславский вернулись в Кремль с большой толпой вооруженных дворян и холопов. Стрельцы отказались открыть ворота вооруженной толпе, но одних бояр пропустили через калитку. Тогда боярская дворня попыталась взять ворота силой. На шум стал собираться народ, стрельцы схватились за оружие.

Среди москвичей разнесся слух, что Богдан Бельский со своими приспешниками извел царя Ивана, а теперь хочет побить бояр, извести царя Федора и сам сесть на царский престол.

Московские мещане и ратные люди собрались к Кремлю. Руководство толпой приняли рязанские дворяне — Ляпуновы, Кикины и др. Москвичи захватили пушки, стоявшие на Красной площади, и подтащили их к Фроловским (Спасским) воротам. Засевшие в Кремле стрельцы открыли огонь из пищалей, толпа также ответила огнем. В ходе перестрелки было убито около 20 человек и ранено до 100 человек.

Бельский струсил и выпустил из Кремля бояр Ивана Федоровича

Мстиславского, Никиту Романовича Романова-Юрьева и двоих дьяков — братьев Щелкаловых. Увидев бояр, толпа заревела: «Выдайте нам Богдана Бельского: он хочет извести царский корень и боярские роды».

Тогда бояре объявили, что царь Федор приказал сослать Богдана Бельского в Нижний Новгород. Действительно, Богдан был отправлен в Нижний, правда, не как преступник, а на воеводство. Стрельцы покинули Кремль, успокоились и бунтовавшие москвичи.

Тем не менее обстановка в столице оставалась весьма беспокойной. По словам летописца, «пришли из всех городов в Москву именитые люди и молили со слезами царевича Федора, что был на Московском государстве царем и венчался царским венцом». Это очень любопытно — зачем явились именитые люди в Москву? В столь опасном положении Боярская дума сочла необходимым призвать в Москву «лучших людей» со всей страны, чтобы решить вопрос, кому быть царем — совершеннолетнему, но неспособному править Федору или младенцу Димитрию. Горсей сообщает, что Собор состоялся 4 мая в присутствии митрополита, архиепископов, епископов, игуменов и всего дворянства. До нас дошли сообщения современников иностранцев Пертея и Горсея о Соборе в Москве. Англичанин Горсей даже сравнивал Собор с английским парламентом.

Собор практически единогласно избрал Федора Ивановича на царство. 31 мая 1584 года Федор торжественно венчался на царство «по греческим обычаям». Долгая церемония утомила его. Не дождавшись конца коронации, Федор передал шапку Мономаха боярину Мстиславскому, а державу (тяжелое золотое яблоко) — Борису Годунову. Этот в принципе незначительный эпизод произвел гнетущее впечатление на всех присутствовавших.

Царь Федор мало походил на отца. Он был небольшого роста, приземист, одутловат, имел нетвердую походку. С его лица не сходила блаженная улыбка. Федор был крайне набожен. Ежедневно он подолгу молился, любил сам звонить на колокольне. Раз в неделю царь отправлялся на богомолье в ближние монастыри.

Набожность у Федора сочеталась с любовью к диким забавам и кровавым потехам. Федор буквально упивался зрелищем кулачного, и в особенности медвежьего боя. На его глазах вооруженный рогатиной охотник отбивался, как мог, от медведя в круге, обнесенном стеной, из которого некуда было бежать. Потеха редко обходилась без крови. Кроткий царь Федор периодически бил палкой ближних бояр, доставалось и шурина Бориса.

Положительно отзывался о Федоре лишь патриарх Иов, который видел

в нем разумного политика и образец государя. Все остальные современники и особенно иностранцы были беспощадны к новому царю. Английский посол Флетчер писал: «Царь прост и слабоумен... мало способен к делам политическим и до крайности суеверен». Папский нунций Поссевино писал об идиотизме царя, граничащем с безумием. Польский посол Лев Сапега, вернувшись из Москвы, заявил на сейме: «Напрасно говорят, что у этого государя мало рассудка: я убедился, что он вовсе лишен его».

При царе Федоре постепенно стал исчезать страх, вызванный террором его отца. По этому случаю дьяк Иван Тимофеев записал: «Бояре долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле. Как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его...»

Перед коронацией началась жестокая борьба сильнейших кланов (родов) за награды и пожалованья, которыми обычно сопровождалось восшествие на престол великих князей московских. Больше всех получил Борис Годунов. Федор возвел шурина в чин конюшего, то есть сделал старшим боярином. В 1565 году царь Иван казнил последнего конюшего — князя А. Б. Горбатого-Шуйского — и упразднил чин конюшего. Восстановление чина конюшего и назначение 32-летнего боярина означало укрепление позиций клана Годуновых. В начале мая 1584 года боярином и дворецким стал Григорий Васильевич Годунов. 31 мая получили боярство Степан и Иван Васильевичи Годуновы. В июне 1584 года и в апреле 1586 года Иван Васильевич Годунов упоминается как «боярин и дворецкий казанский и нижегородский и наместник рязанский». Таким образом, уже к лету 1584 года в Боярской думе было пять бояр Годуновых, трое из которых занимали особые дворцовые должности.

Дума продолжала пополняться сторонниками клана Годуновых. Князья Хворостины всегда были на хорошем счету у Годуновых. В первый же год царствования царя Федора окольник князь Д. И. Хворостин получил чин боярина, а его брат Ф. И. Хворостин, занимавший должность дворецкого, стал окольничим. К началу 1585 года боярами становятся князья Никита и Тимофей Романовичи Трубецкие, которые были также сторонниками Годуновых. К ноябрю 1585 года чин думного дворянина получил Андрей

Петрович Клешнин — человек, преданный Борису Годунову. В 1584 году чин окольничего получил князь Петр Семенович Лобанов-Ростовский, приближенный Годуновых. В 1585 году боярином становится свояк Бориса Годунова, родовитый и богатый князь Иван Михайлович Глинский.

Однако с воцарением Федора существенно усилился и клан Шуйских. Перед коронацией боярство получил Василий Иванович Шуйский. К апрелю 1585 года боярином стал Александр Иванович Шуйский, а в начале следующего года — Дмитрий Иванович Шуйский.

В 1584–1585 годах в Боярской думе оказалось и много сторонников Шуйский. Так, в 1584 году из окольничих в бояре попал Ф. В. Шереметев, а окольничим и царским казначеем стал В. В. Головин.

С началом царствования Федора Шуйские получают богатые кормления и земли. И. П. Шуйский был пожалован в кормление Псковом, «обеима половинами и со псковскими пригороды, и с тамгою, и с кабаки, чего некоторому боярину не даывал государь», и Кинешмой — «городом великим на Волге». Боярин В. Ф. Скопин-Шуйский удостоился «великого государева жалования» — кормления городом Каргополом. Кравчий Д. И. Шуйский получил «в путь» город Гороховец «со всеми крайчего пути доходы». Шуйские присоединили к своим родовым суздальским вотчинам земли своего родственника князя А. Б. Горбатого, конфискованные еще во времена опричнины.

Коронация Федора дает клану Романовых гораздо меньше, чем Годуновым и Шуйским. К сентябрю 1584 года боярство получает князь Федор Михайлович Троекуров, сын которого Иван был женат на Анне Никитичне Юрьевой-Захарьиной. К февралю 1585 года боярином стал князь Иван Васильевич Сицкий, женатый на Евфимии Никитичне Юрьевой-Захарьиной. Одновременно с ним стал боярином князь Федор Дмитриевич Шастунов, женатый на Фетинье Даниловне Захарьиной-Юрьевой.

Сразу после смерти Ивана Грозного возникает союз между Годуновыми и Романовыми-Захарьиными. Союз этот был вынужденным. И те и другие были родственниками царя Федора по женской линии, и для обоих кланов стало бы катастрофой воцарение Димитрия и приход к власти Богдана Бельского и шайки наглых и жадных Нагих.

После коронаций Федора и ссылки Нагих и Бельского союз Годуновых и Романовых-Захарьиных не только не распался, а, наоборот, укрепился в борьбе с кланом Шуйских. Оба семейства были «плебеями» перед «принцами крови», как Шуйских называли в Польше. Был тут и субъективный фактор. Никита Романович стал уже стар и серьезно болел. В

августе 1584 года Никита уже окончательно слег в постель и не мог выполнять свои служебные обязанности. Сыновья Никиты Романовича были еще сравнительно молоды и не имели пока большого политического веса.

Современники сходятся во мнении, что Никита Романович осенью 1584 года сам искал дружбы Бориса Годунова и вверил ему своих совсем еще молодых сыновей. Троицкий монах Авраамий Палицын, очевидец событий, утверждал, что Годунов обещал Никите Романовичу «соблюсти» его семью. Автор «Сказания о Филарете Романове», использовавший семейные предания Романовых, авторитетно подтвердил слова Авраама Палицына. Согласно «Сказанию...» Борис Годунов проявил любовь к детям Романова и дал страшную клятву, что всегда будет почитать их за братьев. В конце 1585 года Никита Романович постригся в монахи под именем Нифонта и скончался 23 апреля 1586 года.

Годуновы и Романовы постепенно стали оттеснять Шуйских от ведения государственных дел. Это хорошо заметно в дипломатии. Так, боярин Ф. М. Троекуров трижды (осенью 1584 года, летом 1586 года и летом 1587 года) отправляется послом в Польшу. Летом 1586 года русские послы по указанию Бориса Годунова собирали в Польше сведения о связях Шуйских с «изменником» М. И. Головиным. В апреле 1586 года Борис Годунов отказал польскому послу М. Гарабурде в аудиенции «всех бояр» и назначил вести переговоры доверенных лиц — «ближней думы» бояр И. В. Годунова, князя И. В. Сицкого и «ближних» дьяков Щелкаловых и Е. Д. Вылузгина.

Во внутренних делах наибольшую остроту приобрела борьба за Казенный приказ — центральное финансовое ведомство государства.

Обычно владеть царской казной назначалось два казначея, которые контролировали друг друга. Опираясь на поддержку бояр, главный казначей Петр Иванович Головин добился того, что вторым казначеем был назначен его родственник Владимир Головин. Более века Головины из поколения в поколение служили главными казначеями при московских государях. Но теперь, при царе Федоре, они распоряжались государственной казной бесконтрольно. Казенный приказ оказался вотчиной сторонников Мстиславского и Шуйского.

Петр Иванович Головин имел большое влияние в Боярской думе. Показателем его положения служит его роль в коронации Федора, когда он нес перед царем шапку Мономаха.

Осенью 1584 года Борис Годунов предложил Боярской думе провести ревизию царской казны. Под нажимом Годуновых и Романовых-

Захарьиных дума вынуждена была начать ревизию. Проверка наличности выявила огромные хищения. Петр Иванович Головин был приговорен Боярской думой к смертной казни. Но и Годуновы, и Романовы-Захарьины прекрасно понимали, что Русь устала от террора Ивана Грозного, и публичная казнь знатного боярина вызовет у народа нежелательные ассоциации. Поэтому Петра Головина вывели на Лобное место и передали в руки палача, который сорвал с него одежду и занес топор над головой. Но в этот момент была зачитана царская грамота о помиловании осужденного и ссылке его в Арзамас.

По дороге в Арзамас П. И. Головин был убит. Подробности его смерти до нас не дошли, но, судя по всему, дело не обошлось без Бориса Годунова. Во всяком случае известно, что позже Годунов сделал вклад в Симонов монастырь «по Петру Головину». В. В. Головин также был привлечен к суду, лишен чина окольничего и сослан. Брат казначея Михаил Иванович Головин бежал в Литву.

В опалу попал и окольничий И. П. Головин. В Сибири и казанских пригородах на воеводствах (фактически в ссылке) оказались и другие члены рода Головиных — Василий Петрович, Владимир Петрович, Иван Васильевич, Никита Петрович, Петр Петрович Меньшой, Федор Васильевич Головины. Они вернулись в Москву только при Лжедмитрии I.

Противники Годуновых и Романовых-Захарьиных попытались устроить переворот. Шуйские, Воротынские и Колычевы начинают уговаривать престарелого князя Ивана Федоровича Мстиславского принять участие в убийстве Бориса Годунова. Мстиславский поначалу отказывается, он слабоволен и нерешителен, да и Борис Годунов всегда хорошо к нему относился. Мало того, Борис публично назвал себя сыном Ивана Федоровича, разумеется, имея в виду покровительство, а не кровное родство.

Но через некоторое время Мстиславский дал себя уговорить. Бориса должны были убить на пиру у Мстиславского. Однако заговор был открыт. Но публичного суда не было. И. Ф. Мстиславский был очень популярен, а Годуновы и Романовы еще слишком слабы, чтобы устраивать показательные процессы без риска нежелательных последствий. В итоге состоялось тайное соглашение, по которому И. Ф. Мстиславский обязался постричься в монахи.

23 июня 1585 года князь Мстиславский приехал в Соловецкий монастырь, но ему там, видимо, не понравилось, и он отправился на Белоозеро. В Кирилло-Белозерском монастыре И. Ф. Мстиславский постригся и стал старцем Ионой. В обмен на пострижение Годуновы и

Романовы позволили его сыну Федору Ивановичу Мстиславскому занять в Боярской думе место отца и сохранить все родовые вотчины.

В 1585 году — начале 1586 года опалам подверглись князья А. П. Куракин, И. М. Воротынский и В. Ю. Голицын. Не пострадали только Шуйские, хотя их руководящая роль в борьбе с Годуновыми была очевидна.

В 1585 году положение в столице было крайне нестабильным. Об этом свидетельствует и передача Борисом Годуновым Троице-Сергиеву монастырю фантастической по тем временам суммы — тысячи рублей. Этот вклад должен был обеспечить будущее семьи Годуновых в случае победы их врагов.

Весной 1586 года Шуйские попытались прийти к власти с помощью мятежа. На подкуп московских купцов и «черных людей» были потрачены крупные суммы. Шуйские распускали самые нелепые слухи. Так, например, Борису Годунову приписывалось намерение свергнуть с престола Федора и посадить на царский трон католика — австрийского принца, женив его на царице Ирине.

Борис Годунов, в свою очередь, передал большие суммы командирам всех стрелецких полков.

В те времена в Московском государстве, как и через 500 лет при большевиках, тщательно скрывались все народные восстания. Поэтому о бунте московского населения в мае 1586 года никаких официальных документов не сохранилось. Мало того, в конце 1586 года русские послы в Польше и Австрии категорически опровергали слухи о том, что царь Федор в «Кремле-городе в осаде сидел». Они говорили: «Того не бывало, то некто сказывал негораздо, бездельник. От ково, от мужиков в осаде сидеть? А сторожи в городе и по воротам, то не ново, издавна так ведетца для всякого береженья».

Послы нагло ввали, как, впрочем, и положено дипломатам. Расходные книги Чудова монастыря засвидетельствовали факт осады Кремля с полной неопровержимостью. В середине мая 1586 года монастырь закупал боеприпасы «для осадного времени». Как видим, монастырские службы и холопы в дни осады охраняли кремлевские стены вместе с верными Годуновым стрельцами.

Поднимать население на восстание — дело крайне опасное, особенно когда зачинщики восстания стремятся не к радикальным переменам, а к простой смене правителей. Это еще раз показал московский бунт 1586 года — чернь вышла из-под контроля Шуйских. Уничтожение клана Годуновых и, возможно, Романовых, могло произойти только ценой большой крови и полного разгрома стрельцов. А что потом? Смогли бы в случае победы

Шуйские обуздать московскую чернь? Однозначных ответов на эти вопросы у Шуйских, видимо, не было, и они решили заключить мир с Борисом Годуновым. Роль посредника взял на себя митрополит Дионисий. В нашей исторической литературе его принято называть сторонником Шуйских. На самом же деле Дионисий был хитрым и чрезвычайно честолюбивым человеком. Его поведение свидетельствует о том, что он не желал полной победы ни Шуйским, ни Годуновым. А сторону тех и других Дионисий принимал исключительно из тактических соображений. Он вел свою борьбу за власть. Заметим, у него было много шансов на успех. Дионисий мечтал стать наставником и фактическим правителем при набожном царе Федоре. В средние века были десятки случаев, когда глава церкви становился главой светской власти при неспособном правителе.

С помощью Дионисия стороны быстро достигли компромисса. Князь Иван Петрович Шуйский вышел к восставшим и заявил, что Шуйские помирились с Годуновыми. Из толпы вышли два купца и сказали князю: «Помирились вы нашими головами: и вам от Бориса пропасть, и нам погибнуть». В ту же ночь эти два купца были схвачены.

Какое-то время условия соглашения между Годуновыми и Шуйскими более-менее выполнялись обеими сторонами. А тем временем Шуйские готовили страшный удар Борису — развод царя Федора с Ириной. (У Федора и Ирины не было детей, хотя царица неоднократно беременела, но каждый раз случались выкидыши.)

Вскоре представители земства вместе с митрополитом явились во дворец и подали царю Федору прошение, «чтобы он, государь, чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу отпустил во иноческий чин». Прощение это было равнозначно соборному приговору: его подписали князь Иван Шуйский и ряд членов Боярской думы, митрополит Дионисий, епископы и вожди посада — гости и торговые люди.

Шуйские недооценили характер Федора. Еще в последние годы жизни Иван Грозный пытался заставить развестись Федора, но каждый раз наталкивался на решительное сопротивление. Применить же крайние меры после убийства царевича Ивана Грозный не решался. Сейчас же развода требовал не свирепый царь-отец, а подданные. Заметим, что хотя Федор не любил лезть в государственные дела и доверял это ближним боярам, но при этом никогда не считал их равными себе.

Царь категорически отверг идею развода. Кроме того, красноречивому Борису удалось привлечь на свою сторону митрополита Дионисия. Вопрос о разводе царя был снят.

Настал черед и Годунову нанести ответный удар. Шуйских он решил

оставить напоследок, а пока надо было свергнуть церковную верхушку. 13 октября 1586 года по приказу царя митрополит Дионисий был лишен сана. Борис Годунов довольно мягко обошелся с честолюбивым митрополитом. Дионисия сослали в новгородский Хутынский монастырь, игуменом которого он был до своего назначения на митрополию. Его ближайшего сподвижника сарайского и крутицкого епископа Варлаама Пушкина отправили в Антониев монастырь в Новгороде. Опальные церковники получили возможность продолжать свои «беседы» в тиши и уединении. Место Дионисия на митрополичьей кафедре занял Иов.

Согласно «Истории патриарха Иова», в апреле 1569 года Иван Грозный посетил Успенский монастырь, стоявший на берегу Волги напротив города Старицы. Царь обратил внимание на молодого монаха Иова — воспитанника архимандрита Германа. Был он красив, имел приятный голос, проникновенно читал наизусть Писание и произносил слова молитв столь трогательно, что грозный царь со своими опричниками плакали в умилении... Царь повелел произвести Иова в архимандриты.

Родители Иова были простыми посадскими людьми, так что путь к светской карьере их сыну был закрыт. Но успехи в церковной карьере зависели гораздо больше от личных качеств человека, нежели от его происхождения. Вспомним, к примеру, что Никон и Аввакум были из одной деревни.

В 1571 году Иов становится архимандритом московского Симонова монастыря, а через четыре года — архимандритом более престижного Новоспасского монастыря. 16 апреля 1581 года Иов был рукоположен в сан епископа Коломенского.

По свидетельствам современников, Иов имел достаточно хорошее образование, но был человеком посредственным. Такие люди навсегда задерживаются на средних ступенях служебной лестницы, они являются хорошими исполнителями, но мало подходят на роль главных действующих лиц.

9 января 1586 года, в разгар борьбы с Шуйскими, по велению Годунова Иова перевели из Коломны в Ростов и назначили архиепископом Ростовским, Ярославским и Белозерским. Пробыв архиепископом менее года, Иов уже 11 декабря 1586 года занял митрополичью кафедру.

В середине декабря 1586 года Шуйские вновь организовали мятеж московских горожан. О подробностях мятежа официальные летописцы молчат. Но любопытно донесение витебского воеводы польскому королю, отправленное в конце декабря. Воевода писал, что мятеж горожан в Москве возглавил Андрей Иванович Шуйский. Восставшие якобы напали на двор

Годуновых и разгромили его. При штурме двора был убит сам Борис и 800 человек его сторонников. На самом деле штурм годуновского подворья не удался, и сам мятеж был подавлен.

Расправа над побежденными на сей раз была жестче. Купец Федор Нагай и шесть купцов — сторонников Шуйских — были публично казнены у Кремлевской стены. Десятки торговых людей разослали по разным городам «на житье».

Князя Шуйские были отправлены в ссылку в свои вотчины. Но в начале 1587 года Борис Годунов приказал взять под стражу Шуйских. Князя Ивана Петровича Шуйского схватили по дороге, когда он ехал в свою суздальскую вотчину. Иван Петрович под караулом был отправлен на Белоозеро. Там его постригли в монахи под именем Иова. 16 ноября 1588 года старец Иов преставился, причем недруги Годунова утверждали, что его удавили по приказу Бориса. Пока ни современникам, ни историкам не приходило в голову обвинить Бориса в глупости или патологической жестокости. Так зачем же ему понадобилось убивать весьма популярного в народе человека, героя обороны Пскова, который, став монахом, уже не мог участвовать в политической борьбе, даже если бы ему удалось бежать из монастыря?

Князь Андрей Иванович Шуйский был отправлен в Каргополь, где через полгода скончался при невыясненных обстоятельствах. Естественно, и его смерть приписали козням Бориса.

В города Галич и Шую были сосланы братья Василий, Дмитрий, Александр и Иван Ивановичи Шуйские. Опалы непосредственно не затронули В. Ф. Скопина-Шуйского, который находился «на жаловании в Каргополе» и не принимал участия в мятеже 1586 года.

По отдаленным городам были разосланы и сторонники Шуйских. Так, князя И. А. Татеева сослали в Астрахань, И. Ф. Крюк-Колычева — в Нижний Новгород и т. д. На время из столицы был удален и свояк Шуйских князь Д. А. Ногтев-Суздальский. Его ссылка была почетной — он стал воеводой в Свияжске.

Сторонник Шуйских боярин Ф. В. Шереметев не подвергся опале вместе с Шуйскими и сохранил боярский чин. Но в 1589–1590 годах, видимо, не без связи с делом Шуйских он был вынужден постричься в монахи.

Разгромив клан Шуйских, Борис дал ясно понять князьям Рюриковичам, что им и их сторонникам нечего и мечтать о престоле.

Управление Россией из коллегиального, как это было в 1584–1585 годах, постепенно переходит в единоличное правление Бориса Годунова.

Естественно, это сказывается и на богатстве рода Годуновых. В 1584–1586 годах царь Федор жалует Борису и его родне десять вотчин. Отметим лишь пожалование в 1586 году Бориса большой северной волостью Вага.

Англичанин Горсей писал в 1589 году, что годовой доход Годуновых составляет 175 тысяч рублей, и они могли выставить в поле сто тысяч воинов. Цифры эти несколько преувеличены, но они показывают, по крайней мере, порядок богатства Годуновых.

Еще в 1586 году Борису Годунову пришла в голову мысль учредить патриаршество на Руси. Не будем спорить, чего больше хотел достичь Борис — величия России или усиления своей власти. С началом царствования Федора Борис не разделяет свои интересы с интересами России. Позднейшие историки, в значительной своей части настроенные враждебно к Годунову, не найдут ни одного поступка боярина, а затем и царя Бориса, совершенного в личных целях и шедшего вразрез с интересами государства.

Как известно, Русь приняла крещение от Византии. Главой Православной церкви был константинопольский патриарх. Русская митрополия первые три века своего существования рассматривалась в Константинополе как второстепенная периферийная епархия. Флорентийская уния 1438 года (попытка объединения с католиками) и, взятие в 1453 году Константинополя турками необратимо подорвали авторитет константинопольского патриарха. Одновременно Московское княжество стало мощным государством. Греческая церковь превратилась в иждивенку Москвы. В такой ситуации вполне понятно желание Москвы иметь своего патриарха рядом с единственным тогда православным государем — Царем всея Руси.

С учреждением патриаршества в Москве надо было спешить, так как польский канцлер Ян Замойский уже поднимал вопрос с константинопольским патриархом о переносе патриаршеского престола в Киев. Вспомним, что к началу XVII века чуть ли не две трети бывшей Киевской Руси с православным населением находилось в составе Речи Посполитой. Учреждение патриархии в Москве было не только задумано, но и лично исполнено Борисом Годуновым. В «черновой» работе ему помогали дьяки братья Андрей и Василий Щелкановы. Боярская дума и московский клир в этой трагикомедии выполняли лишь роль статистов. В 1588 году константинопольский патриарх Иеремия прибыл в Москву по приглашению Бориса. Кстати, это был первый визит константинопольского патриарха на Русь. Переговоры с патриархом затянулись более чем на полгода и велись исключительно Борисом и Щелкановыми. Хитрый грек

приехал в Москву за щедрыми субсидиями, а о Московском патриаршестве поначалу и слышать не хотел. Казалось бы, ситуация безнадежная, так как учреждение патриаршества без согласия главы Православной церкви могло привести к расколу и смуте на Руси. Борис буквально шел по лезвию бритвы. Им был подкуплен один из спутников Иеремии архиепископ Элассонский Арсений. После очередных безрезультатных переговоров Иеремия в присутствии Арсения ляпнул, что патриарха в Москве он ни за что не поставит, а, в крайнем случае сам готов остаться в Москве патриархом. Арсений немедленно сообщил об этом Борису. Естественно, такой блестящий дипломат не упустил свой шанс. Московские приставы, охранявшие патриарха, начали просить его стать патриархом в Москве. Вроде бы по секрету передавали, что царь и бояре только и мечтают видеть Иеремию в Москве. Лесть вскружила голову Иеремии и он, не дожидаясь официального предложения, публично согласился учредить в Москве патриархию и самому стать во главе ее. Патриарх попал в ловушку Бориса. Царь Федор прислал официальную грамоту: «Будет похочет быти в нашем государстве цареградский патриарх Иеремия, и ему быти патриархом в начальном месте во Володимире, а на Москве бы митрополиту по-прежнему; а не похочет... быти в Володимире, ино на Москве учинити патриарха из Московского собору».

Грек быстро навел справки и выяснил, что к тому времени Владимир стал захолустным городком. Иеремия категорически отказался. Борис и Щелкановы поочередно вели задушевные беседы с патриархом. Борис обещал Иеремии несметные сокровища в обмен на грамоту о «постановлении митрополита Иова патриархом». Понятно, что никто другой Борису был не нужен. А Щелкановы пояснили патриарху, что из Москвы он не уедет, пока не уступит. В конце концов грекам пригрозили утоплением в Москве-реке. Аргументы были неотразимы, и Иеремия уступил. 26 января 1589 года константинопольский патриарх возвел Иова на московский патриарший престол. За это Иеремии из царской казны отвалили небывало большую сумму на построение новой патриаршей резиденции и нового собора в Константинополе.

Не забывал Борис заручиться и поддержкой среднего духовенства. Семейство Годуновых давало огромные вклады, по тысяче и более рублей, в Троице-Сергиев, Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский монастыри. Таким образом, церковь в целом безоговорочно поддерживала Бориса.

Глава 19

Смерть царевича Димитрия

15 мая 1591 года в Угличе погиб царевич Димитрий. Это событие стало прологом к Великой смуте начала XVII столетия. Уже много столетий историки спорят о причинах смерти Димитрия. Рассматриваются три основные версии.

Согласно первой версии царевич Димитрий был зарезан убийцами, нанятыми Борисом Годуновым. По второй версии он зарезался сам в припадке эпилепсии. По третьей версии семейство Нагих заранее узнало об опасности, грозящей Димитрию, и заменило царевича другим мальчиком.

Начнем с последней версии. В маленьком Угличе чуть ли не все горожане знали в лицо царевича. Читателю нет нужды напоминать, что представители знати всегда занимали привилегированное положение в церквах на службах, во всевозможных церковных и светских шествиях, праздниках и т. п. Наконец, как могли обознаться многочисленные мамки, няньки, мальчишки — товарищи по играм, дворяне, представители городской администрации, видевшие труп младенца? А следственная комиссия из Москвы? Она что, тоже не осматривала труп убитого?

Бредовость третьей версии очевидна. Мало того, что реализация ее была технически невозможна, даже идея подмены не могла прийти в головы Нагих. И дело не в том, что это семейство отличала скудность умственных способностей. Предположим, у Нагих нашлись умнейшие советники, так разве они не продумали бы последствий подмены? Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что после убийства подставного ребенка последует ссылка или заточение Нагих. А как потом доказать, что царевич истинный? Ведь тогда московские правители могли без проблем объявить его самозванцем и посадить на кол без лишних разговоров.

Оппоненты могут возразить, мол, в 1605 году вся Россия поверила в чудесное спасение царевича Димитрия. По сему поводу хорошо сказал современник польский канцлер Ян Замойский: «Зарезали и не посмотрели кого, это что, Плавтова комедия?» А через два века Пушкин напишет:

Ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет — что им за дело?

Но я предлог раздоров и войны.

К словам поэта можно добавить, что до «правды слов» самозванца не было дела ни московским боярам, ни обнищавшим дворянам южных городов, ни купцам и, само собой, ни холопам, мечтавшим избавиться от кабалы и вдоволь пограбить. Были, естественно, и люди, искренне верившие в чудесное избавление царевича, но и сейчас, в начале XXI века, имеется значительный контингент людей, готовых верить в плачущие иконы, в инопланетян, в оживление мамонтов, найденных в Сибири, и т. д.

Несколько более правдоподобна первая версия об убийстве царевича. Согласно ей злодей Годунов замыслил убить Дмитрия. Тут мы предоставим слово историку С. М. Соловьеву: «Сначала хотели отравить Дмитрия: давали ему яд в пищу и питье, но понапрасну. Тогда Борис призвал родственников своих, Годуновых, людей близких, окольного Клешнина и других, и объявил им, что отравой действовать нельзя, надобно употребить другие средства. Один из Годуновых, Григорий Васильевич, не хотел дать своего согласия на злое дело, и его больше не призывали на совет и чуждались. Другие советники Борисовы выбрали двух людей, по их мнению, способных на дело, — Владимира Загрязского и Никифора Чепчугова; но они отреклись. Борис был в большом горе, что дело не дается; его утешил Клешнин: „Не печалься, — говорил он ему, — у меня много родных и друзей, желание твое будет исполнено“. И точно, Клешнин отыскал человека, который взялся исполнить дело; то был дьяк Михайла Битяговский. С Битяговским отправили в Углич сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Дмитриевой, Осипа Волохова; этим людям поручено было заведывать всем в городе. Царица Мария заметила враждебные замыслы Битяговского с товарищами и стала беречь царевича, никуда от себя из хором не отпускала. Но 15 мая, в полдень, она почему-то осталась в хоромах, и мамка Волохова, бывшая в заговоре, повела ребенка на двор, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльце уже дожидались убийцы; Осип Волохов, взявши Дмитрия за руку, сказал: „Это у тебя, государь, новое ожерелье?“ Ребенок поднял голову и отвечал: „Нет, старое“. В эту минуту сверкнул нож; но убийца кольнул только в шею, не успев захватить гортани, и убежал; Дмитрий упал, кормилица пала на него, чтобы защитит, и начала кричать, тогда Данила Битяговский с Качаловым, избивши ее до полусмерти, отняли у нее ребенка и дорезали. Тут выбежала мать и начала кричать. На дворе не было никого, все

родственники ее разошлись по домам; но соборный пономарь, видевший с колокольни убийство, заперся и начал бить в колокол; народ сбежался на двор и, узнавши о преступлении, умертвил старого Битяговского и троих убийц; всего погибло 12 человек. Тело Дмитрия положили в гроб и вынесли в соборную церковь Преображения, а к царю послали гонца с вестью об убийстве брата. Гонца привели к Борису; тот велел взять у него грамоту, написал другую, что Дмитрий сам зарезался, по небрежению Нагих, и велел эту грамоту подать царю: Федор долго плакал. Для сыску про дело и для погребения Дмитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, окольный Андрей Клешнин, дьяк Елизар Вылузгин и крутицкий митрополит Геласий. Посланные осмотрели тело, погребли его и стали расспрашивать угличан, как, по небрежению Нагих, закололся царевич? Им отвечали, что царевич был убит своими рабами — Битяговским с товарищами — по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но, приехавши в Москву, Шуйский с товарищами сказали царю, что Дмитрий закололся сам. Нагих привезли в Москву и пытали крепко; у пытки был сам Годунов с боярами и Клешным; но с пытки Нагие говорили, что царевич убит. Царицу Марию постригли в монахини и заточили в Выксинскую пустынь за Белоозеро; Нагих всех разослали по городам, по тюрьмам; угличан — одних казнили смертью, иным резали языки, рассылали по тюрьмам, много людей свели в Сибирь и населили ими город Пелым, и с того времени Углич запустел». [\[34\]](#)

Итак, если верить этой версии, Борис Годунов вовлек в заговор не менее двадцати человек, причем заранее было ясно, что кто бы ни убил Дмитрия, то подозрение падет именно на них. Их допросят с пристрастием, и они расскажут все, что знают. То есть заранее было ясно, что скрыть преступление не удастся. Причем заметим, что Борис в 1591 году не был неограниченным диктатором. Он был правителем в государстве, главой которого все-таки оставался царь Федор. Сторонники Годуновых имели сильное влияние в Боярской думе, но не составляли и трети ее состава. Союзники Годуновых Романовы, равно как и другие бояре, рады были бы любому поводу, чтобы свалить Бориса. А тут организация убийства царевича!

Но тут Годунова спасают Нагие. Во все времена лиц, покушавшихся на владетельных особ, любой ценой старались взять живыми для допроса. А тут убивают безоружных, несопротивляющихся людей. А братья Нагие, которые вроде бы больше всех должны быть заинтересованы найти подлинных убийц, приказывают убить простых исполнителей, то есть спрятать концы в воду. XVI век — жестокий век, а Нагие не такие люди,

чтобы дать легко умереть своим врагам. Если бы у Нагих было хоть малейшее основание считать Битяговского с компанией убийцами, почему бы их не пытать — и компромат можно получить, и мучениями врагов насладиться. Итак, предположив, что Димитрий действительно убит Битяговским и компанией, мы неизбежно приходим к выводу, что братья Нагие искусно заметали следы, то есть к абсурду.

Примитивная версия убийства Димитрия по приказу Годунова уже 150 лет эксплуатируется драматургами и художниками. Тут и пушкинский «Борис Годунов»; «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис» А. К. Толстого, вплоть до современных картин Ильи Глазунова. Зарезанный царевич и терзаемый муками раскаяния убийца — тема, щекочущая нервы обывателя.

Если верить рассказам противников Годунова, в России с 1584 по 1603 год никто из знатных людей не умер своей смертью. Все они, от Ивана Грозного до Ирины, вдовы царя Федора, были убиты Борисом Годуновым.

Маститым ученым не приходит в голову, что в 1591 году Годунову не было необходимости идти на чрезвычайные меры. Ведь царю Федору было всего 34 года. Вспомним, что у деда Федора Василия III наследник родился в 55 лет, а второй сын — в 57 лет. В том же году царица Ирина забеременела. Но, увы, в 1592 году родилась девочка Федосья, да и та прожила всего два года. Любопытно, что в смерти племянницы враги также обвинили Годунова.

Но предположим, Борису приспичило покончить с Димитрием. Так надо ли было выдумывать опереточное убийство? Не проще было бы обратиться к традиционным методам Московского государства, которыми пользовались Василий II, Иван III, Василий III и Иван IV? Нагих обвинили бы в государственной измене, в колдовстве и т. п., отдалили бы от них Димитрия и поместили бы его в надежное место под опеку надежных людей. А там он через несколько месяцев тихо отдал бы Богу душу, как это делали многие десятки удельных князей, включая маленьких детей. Причем в каждом таком случае никаких народных возмущений не наблюдалось.

Отсюда наиболее правдоподобной представляется вторая версия о самоубийстве царевича. Дело в том, что Димитрий страдал эпилепсией. Как позже утверждали многочисленные свидетели, «и презже тово... на нем [царевиче] была ж та болезнь по месяцем беспрестанно». Сильный припадок был у Димитрия за месяц до его смерти. Как показала мамка Волохова, перед «великим днем» Димитрий в припадке «объел руки Ондрееве дочке Нагова, одва у него... отнели». Андрей Нагой также

подтвердил это, сказав, что царевич «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», и раньше «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». То же показала и вдова Битяговского: «...многожды бывало, как ево [Димитрия] станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилицы и боярони и он... им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Последний приступ эпилепсии у Димитрия продолжался уже несколько дней. Начался он во вторник, к четвергу царевичу «маленко стало полехче», и мать взяла его к обедне, а потом отпустила на двор погулять. По показаниям мамки в субботу Димитрий во второй раз вышел на прогулку, и тут у него начался новый приступ.

Отметим и еще одну важную деталь. Димитрий обожал играть ножами и игрушечными саблями. «Ну и что? — спросит читатель, — все мальчики любят оружие». Да, но наши дети играют пластмассовыми или деревянными сабельками, и даже взрослый человек, повесивший настоящую саблю на стену, по нашим совково-демократическим законам рискует угодить на несколько лет в тюрьму.

В средние же века дети феодалов с малых лет играли настоящим оружием. В европейских музеях имеются десятки или даже сотни образцов детских доспехов и детского по размеру и весу, но отлично заточенного оружия: ножей, стилетов, сабель, боевых топоров и т. п. Кстати, в X—XVII веках довольно часто проводились турниры и даже поединки детей в возрасте 8—12 лет, причем смертельные исходы таких поединков считались ординарным событием.

У Димитрия с малых лет было предрасположение к жестокости. Он очень любил смотреть, как резали быков или баранов. Однажды зимой, играя со своими сверстниками, царевич велел слепить двадцать «снежных баб» и, дав им имена московских бояр, с криком: «Вот что вам будет, когда я буду царствовать!» — разбил им головы саблей. Любимой забавой малыша было, ловко орудуя сабелькой или маленькой железной палицей, убивать кур и гусей.

15 мая царевич вместе с другими детьми играл в «тычку». Правила игры несложные: надо взять за острое лезвием вверх нож и метнуть в очерченный на земле круг. Внезапно с Димитрием, державшим нож, случился приступ эпилепсии — «падучей болезни». Мальчик упал на нож и уколол горло. На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и ярёмная вена. При повреждении любого из этих сосудов смертельный исход неизбежен. Не исключен был и другой вариант —

известно много случаев, когда больной во время приступов эпилепсии («эпилептических сумерек») кидался с ножом на близких или предпринимал попытку суицида. Произошла заурядная бытовая драма, подобные случаи сейчас не попадают на страницы даже «бульварной» прессы.

Естественно, что очевидцы не смогли определить, в какой момент царевич ранил себя — при падении или когда бился в конвульсиях на земле. Достоверно знали лишь одно — Димитрий ранил себя в горло. Отсюда и разнбой в показаниях. Мальчики говорили, что Димитрий «набросился на нож», а мамка Василиса Волохова утверждала, что «бросило его о землю, и тут царевич сам себя поколол в горло». Кроме них смерть царевича издали видел стряпчий Семейка Юдин. Он не разглядел деталей, но подтвердил, что царевич закололся сам.

На крик прибежала мать — царица Мария. Она не стала слушать объяснения Волоховой, а схватила полено и стала бить ее, приговаривая, что Димитрия зарезали Василисин сын Осип вместе с Данилой Битяговским и Никитой Качаловым. Потом царица велела своему брату Григорию Нагому бить Василису, и тот забил ее до полусмерти.

Забавно: царица Мария трапезничала, ничего не видела, а, увидев тело сына, сразу назвала имена трех убийц. Откуда такая информация? Тогда зачем она оставила сына под присмотром матери предполагаемого убийцы?

Увы, все дело обстоит гораздо проще. По прибытии в Углич семейство Нагих стало обирать город. Для пресечения злоупотреблениями Боярская дума направила в Углич свою администрацию, во главе которой стоял дьяк Михайла Битяговский. Семейство Нагих утратило право бесконтрольно распоряжаться доходами со своего удела и стало получать деньги «на обиход» из царской казны. Это, естественно, навлекло на дьяка ненависть семейства Нагих. Позже уцелевшие чины администрации заявили следственной комиссии, что Михаил Нагой постоянно «прашивал сверх государева указу денег ис казны», а Битяговский «ему отказывал», в результате чего между ними вспыхивали частые ссоры. Последняя стычка между Битяговским и Нагим произошла утром 15 мая. Понятно, что при виде окровавленного сына Мария инстинктивно произнесла имена ненавистного дьяка и его родни, добавив к ним мамку Волохову, не углядевшую за ребенком.

Мария Нагая приказала церковному сторожу Максиму Кузнецову ударить в колокола в церкви Спаса. Набат поднял на ноги весь город. Вокруг мертвого царевича собралась толпа. Через некоторое время появились и дядья царевича Михаил и Григорий Нагие. Оба братца были

навеселе, причем Михаил плохо закусил, ибо потом свидетели показывали, что он «мертв пьян был».

В момент гибели Димитрия его «убийцы» Битяговские всей семьей обедали у себя дома. Мало того, за столом с ними сидел поп Богдан, который был духовником Григория Нагого. На следствии Богдан из всех сил выгораживал царицу и ее братьев. Но он простосердечно подтвердил перед комиссией Шуйского, что когда ударили в набат, был в доме Битяговских и сидел за одним столом с дьяком и его сыном. Так что у Битяговских было стопроцентное алиби.

Услышав набат, Михайла Битяговский выскочил из-за стола, сел на коня и поскакал в кремль. Там он увидел толпу, избивавшую Василису Волохову и ее сына Осипа. Битяговский прикрикнул на толпу, а затем принялся уговаривать Нагого, чтобы «он, Михайла, унял шум и дурна которого не зделал».

Предположим на секунду, что Битяговский, пусть не участник убийства, но осведомлен о заговоре. Зачем тогда ему останавливать самосуд? Забьют до смерти Волоховых, и концы в воду. Я уж не говорю, что Михайла Битяговский мог бы в день убийства оказаться в отъезде — на охоте или на ревизии окрестных сел.

Битяговский с Качаловым не дали разъяренной толпе забить Волоховых до смерти, чем окончательно взбесили Марию Нагую и ее братьев. Нагие натравили толпу на Битяговских. Те вынуждены были бежать и укрылись в главном административном здании Углича — Дьячьей избе. Однако чернь взяла штурмом Дьячью избу, убила дьяка, его сына и несколько холопов Битяговских.

Но Нагим этого показалось мало, и они направили толпу на разгром подворья Битяговских. Подворье было разграблено, убийцы «питье из погреба в бочках выпив, и бочки кололи». Жену Михайлы Битяговского, «ободрав, нагу и простоволосу поволокли» с детьми к кремлю. Туда же привели и Осипа Волохова, которого отыскиали в доме Битяговских.

В самый разгар событий в кремль прибыли архимандрит Феодорит и игумен Савватий. В тот день они оба служили обедню в одном монастыре. Феодорит и Савватий попытались остановить самосуд. Они «ухватили» жену Битяговского с дочерьми «и отняли их и убить не дали».

Феодорит и Савватий видели в церкви рядом с телом царевича «за столпом» Осипа Волохова, сильно израненного. Но они не смогли, а скорее всего не захотели спасти Осипа. Зато Василиса Волохова отчаянно боролась за жизнь сына. Она просила Марию Нагую «дати ей сыск праведной». Но царица была неумолима. Едва только Савватий и Феодорит

вышли из церкви, она выдала Осипа на расправу толпе, сказав: «То деи убоица царевича». Обратим внимание, что убийство Осипа Волохова произошло через несколько часов после того, как Мария Нагая увидела труп сына. И за это время ни она, ни ее братья не задумались о том, чтобы учинить «сыск праведной». А ведь Осип по версии Нагих и был убийцей царевича. Если бы Осип убил Димитрия, то его ожидали бы жесточайшие пытки, а затем мучительная казнь. Это было прекрасно известно как Марии Нагой, так и Василисе Волоховой. Если бы Осип был убийцей, то мать обрекала бы на дикие муки не только его, но и самую себя. В Средние века известны десятки случаев, когда матери подкупали палачей и других людей, чтобы те быстро убили их сына и тем самым избавили его от квалифицированной казни. А тут все наоборот — концы в воду прячет Мария Нагая с братьями.

Позже противники Годунова будут утверждать, что Василису Волохову направил в Углич Борис Годунов. Это подхватят падкие до сенсаций писатели. Вспомним драму А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». На самом же деле Волохова много лет служила «постельницей» при Иване Грозном — ведала бельем в царской опочивальне. Она пользовалась полным доверием подозрительного царя. После смерти Грозного Василиса осталась при его вдове. Уже в Угличе Василиса выдала свою дочь замуж за Никиту Качалова, племянника ненавистного царице дьяка Михайлы Битяговского. Мария Нагая сочла это предательством, и Василиса из любимиц превратилась в предмет ненависти царицы.

Всего 15 мая по приказу Нагих толпа линчевала пятнадцать человек. Трупы их были брошены в ров у стен угличского кремля. На третий день в Углич должна была прибыть следственная комиссия из Москвы. Лишь теперь до Нагих дошло, что за убийства придется отвечать. Ночью накануне приезда комиссии Михаил Нагой и его сторонник в администрации приказчик Русин Раков решили сфабриковать улики, свидетельствовавшие о виновности убитых. В этом им помогали слуга Григория Нагого Борис Афанасьев и холоп Михаила Нагого Тимофей. В частности, Тимофей принес живую курицу и зарезал ее. Кровью курицы были измазаны несколько длинных ногайских ножей и железных палиц, которые Русин Раков отнес в ров и положил на трупы Битяговских и их сторонников.

Руководить следствием в Угличе Боярская дума, а не один Борис Годунов, назначила Василия Ивановича Шуйского. К этому времени он был возвращен из ссылки и занял свое место в Боярской думе. Позже ряд историков и особенно писателей будут утверждать, что-де Шуйский стал

зависимым клиентом, чуть ли не агентом Годунова. На самом деле Василий Иванович Шуйский был самым хитрым и изворотливым из бояр Шуйских. Ни о какой рабской зависимости Василия Шуйского от Годунова не могло быть и речи. Хотя с братьев Василия Шуйского и не была снята опала, они сохранили большинство своих вотчин. Богатейшими вотчинниками и членами думы оставались Скопины-Шуйские, которых опала вообще не коснулась. В такой ситуации расправа Годунова над руководителем следственной комиссии Василием Шуйским могла стоить Борису головы.

От церковных властей в состав комиссии вошел митрополит крутицкий Геласий. Заметим, что Годунова безоговорочно поддерживал патриарх Иов, но в церковных верхах была сильна оппозиция Годуновым. Мы увидим, что она сохранится, даже когда Борис станет царем. Никому из противников Годуновых не пришлось в голову обвинять Геласия в прислужничестве Борису Годунову.

Важную роль в комиссии играли окольничий Андрей Петрович Клешнин и думный дьяк Елизар Вылузгин. Клешнин действительно поддерживал хорошие отношения с Годуновым, но, что гораздо более важно, он был зятем Михаила Нагого. Елизар Вылузгин заведовал Поместным приказом и среди приказных чиновников занимал одно из первых мест. В Угличе он имел в своем распоряжении штат подъячих, на которых и лежала вся практическая организация следствия. Члены комиссии принадлежали к различным придворным группировкам. Все они шпионили друг за другом, пристально следили за всеми действиями своих «коллег», чтобы использовать в своих интересах любую малейшую их оплошность. Таким образом, утверждение, что-де все члены комиссии были приверженцами Годунова, является досужим вымыслом.

Ряд историков XIX века, пристрастно относившихся к Годунову, выступали с утверждением, что дошедшее до нас следственное дело о смерти царевича представляет собой подделку. Сразу же бросались в глаза следы поспешной обработки «углицкого дела». Кто-то разрезал и переклеивал листы, придавая им неправильный порядок. Начало вообще исчезло.

Реконструировать следственное дело взялся его издатель В. К. Клейн. Он обратил внимание на ржавые пятна, покрывавшие многие страницы. Пятна были различной величины, но имели одинаковую конфигурацию. Это дало основание Клейну предположить, что документ пострадал от влаги еще в то время, когда хранился в архиве свернутым в свиток. Больше всего пострадали наружные листы, ближе к центру размер пятен уменьшался, а внутренние листы были и вовсе чистыми, так как влага туда

не проникла. Учитывая размеры пятен, Клейн уложил разрезанные листы в нужном порядке, и сразу появился связный и полный текст. Отсутствовали лишь первые листы, которые, очевидно, намокли больше всего и затем просто отвалились. В Средние века на Руси принято было рукописи скатывать в свитки, и последние листы оказывались наружными. В «углицком деле» почему-то, наоборот, наружными были первые листы. Это и не удивительно. Ведь чтобы прочитать свиток, его надо было перемотать, чтобы начало оказалось снаружи. И в архивах рукописи всегда хранились уже подготовленными для чтения, то есть перемотанными. Это и объясняет, почему подмокли именно первые листы, а не последние. Во времена царствования Петра I архивы перешли на новую систему хранения документов. Большие и неудобные для чтения свитки архивариусы перекомпоновывали в тетради. Они-то и разрезали угличское дело на отдельные листы, которые потом оказались перепутанными.

Есть мнение, что сохранившееся угличское дело — это беловик, составленный в Москве канцелярией Бориса Годунова, а черновики допросов, написанные в Угличе, не дошли до наших дней. Палеографическое исследование рукописи опровергает эту версию. «Углицкое дело» написано многими писцами, можно выделить шесть основных почерков писцов. Кроме того, в тексте документа имеется не менее двадцати подписей свидетелей из Углича. Все подписи строго индивидуализированы и отражают степень грамотности писавших. Не могли же все эти свидетели приехать из Углича в Москву, чтобы подписать беловик.

По прибытии в Углич комиссия подробно опросила сотни людей. Первым делом члены комиссии тщательно осмотрели трупы царевича Димитрия и жертв самосуда Нагих. Естественно, ни у кого не возникло и тени сомнения, что погиб именно царевич Димитрий, а не какой-то другой мальчик. Отпевание царевича вел лично митрополит Геласий в присутствии других членов комиссии.

Окровавленные ножи и палицы на трупах Битяговских с товарищами, естественно, не смогли обмануть комиссию. Мало того, приказчик Русин Раков струсил и рассказал Василию Шуйскому о том, как в ночь перед приездом комиссии по приказу Нагих он отнес в ров и бросил на трупы измазанное куриной кровью оружие. Михаил Нагой не хотел в этом сознаваться, но был изобличен. На очной ставке с Раковым холоп Нагого Тимофей подтвердил показания приказчика и рассказал, что сам принес курицу и зарезал ее в чулане. Григорий Нагой не стал запираться, а сразу признался, что взял ногайский нож у себя дома, а также принимал участие

в изготовлении других «улик».

Допрос главных свидетелей окончательно разрушил версию о преднамеренном убийстве царевича Димитрия.

Трагедия произошла ясным солнечным днем на глазах у многих людей. Комиссии не составило труда установить все имена непосредственных свидетелей происшедшего. Василию Шуйскому давали показания мамка Волохова, кормилица Арина Тучкова, постельница Мария Колобова и четыре мальчика, игравшие с царевичем в тычку. Самое большое значение следователи придавали показаниям мальчиков, так как те ближе всего находились к царевичу. Следователи дважды сформулировали один и тот же вопрос, чтобы добиться точного ответа. Сперва они спросили: «Хто в те поры за царевичем были?» Мальчики ответили, что «были за царевичем в те поры только они четыре человека да кормилица да постельница». После этого члены комиссии спросили прямо в лоб: Осип Волохов и Данило Битяговский «в те поры за царевичем были ли?» Все четыре мальчика ответили отрицательно. Мальчики точно и живо описали, что произошло на их глазах: «Играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож».

Может быть, мальчики сочинили всю эту историю о припадке царевича в угоду Шуйскому, не испугавшись гнева своей государыни — Марии Нагой? Это опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое дворцовых служителей Марии Нагой — подключники Ларионов, Иванов и Гнидин дали следующие показания: когда царица села обедать, они стояли «в верху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь падучая, да в ту пору, как ево било, поколосся ножом, сам и оттого и умер».

Петрушка Колобов был старшим из четверых мальчиков, игравших с царевичем. Он повторил следственной комиссии то, что сказал подключникам через несколько минут после смерти царевича.

Показания Петрушки Колобова и остальных мальчиков подтвердили Мария Колобова, мамка Волохова и кормилица Арина Тучкова. Кормилица особенно убивалась о царевиче. В присутствии царицы Марии и Василия Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «Она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом поколосся...» Кормилица была любимицей царицы Марии. Не ее, а Василису Волохову царица била поленом над трупом сына, хотя обе были виноваты одинаково, обе недосмотрели за ребенком.

Смерть царевича своими глазами видели семь человек. Позже отыскался и восьмой свидетель.

На допросе приказного Протопопова следователи установили, что он впервые услышал о смерти царевича от ключника Тулубеева, причем ключник рассказал о происшествии со всеми подробностями. Вызвали Тулубеева. Он сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, и дело сразу прояснилось. В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел в окно, как мальчики играют в тычку. Трагедия произошла на его глазах. По словам Юдина царевич играл во дворе в тычку и накололся на нож, и Юдин сам это видел. Потом он рассказал все увиденное своим приятелям. Но он знал, что царица Мария настаивала на убийстве, и поэтому счел благоразумным уклониться от дачи показаний.

Показания всех главных свидетелей «углицкого дела» совпадают по существу, но индивидуальны по словесному выражению. Это доказывает их достоверность. Совсем другое впечатление вызывают показания второстепенных свидетелей, которых оказалось более сотни. Уж очень их показания стереотипны. Если несколько лиц пользуются одними и теми же оборотами, то сразу же возникает подозрение в ложности их показаний. Но появление штампов в следственном деле также можно объяснить. Допрос основных свидетелей, видевших трагедию собственными глазами, позволил нарисовать достаточно точную картину происшедшего. Остальные же свидетели знали о смерти царевича с чужих слов и не могли добавить ничего нового. Эти второстепенные свидетели в основном были дворовыми людьми — неграмотными, некультурными и косноязычными. Чтобы добиться от них вразумительных ответов, надо было потратить уйму времени. Но времени было мало, и поэтому члены комиссии фиксировали ответы второстепенных свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе. В те времена в приказной практике такой прием использовался очень часто.

Ряд историков утверждает, что все свидетельские показания были получены под действием угроз. Факт жестоких преследований жителей Углича засвидетельствован многими источниками. Но репрессии на самом деле имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а много месяцев спустя. Комиссия же не преследовала своих свидетелей. Исключение составил лишь один случай, зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Василием» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха и обвинил его в краже вещей дьяка Битяговского. Эти обвинения подтвердились, и конюха с сыном взяли под стражу. На том и закончились все репрессии против угличан в дни

следствия.

Нарисованная следствием картина гибели царевича Димитрия была на редкость полна и достоверна. Расследование практически не оставило места для неясных вопросов.

Результаты следствия в Угличе были рассмотрены 2 июня 1591 года на Церковном соборе в Москве. Собор единодушно утвердил приговор:

«И патриарх Иев со всем Освященным Собором, слушев Углетцкого дела, и сказу митрополита Галасеи, и челобитные городского приказщика Русина Ракова, говорил на Соборе.

В том во всем воля государя царя и великого князя Федора Иоанновича всея Руси: а прежде сего такова лихова дела и такие убойства стались и крови пролитье от Михаила от Нагово и от мужиков николи не было.

А перед государем царем и великим князем Федором Иоанновичем всея Руси Михаила и Григория Нагих и углетцких посадцких людей измена явная, что царицу Дмитрею смерть учинилась Божьим судом, а он, Михайло Нагой, государевых приказных людей: дьяка Махаила Битяговского с сыном, и Микиту Кочалова, и иных дворян, и жильцов, и посадских людей, которые стояли за Михаила Битяговского и за всех за тех, которые стояли за правду и разговаривали посадцким людям, что они такую измену зделали, — велел побити напрасно, умышленьем, за то, что Михайло Битяговской с ним, с Михаилом с Нагим, бранился почасту за государя, что он, Михайло Нагой, держал у себя ведуна Ондриюшу Мочалова и иных многих ведунов.

И за то великое изменное дело Махайло Нагой з братьею и мужики угличане по своим винам дошли до всякого наказанья. А то дело земское, градское, в том ведает Бог да государь царь и великий князь Федор Иоаннович всея Руси, все в его царской руке, и казнь, и опала, и милость, о том государю как Бог известит.

А наша должная молити Господа Бога, и Пречистую Богородицу, и великих русских чудотворцов Петра, и Алексея, и Иону, и всех святых о государе царе и великом князе Федоре Иоанновиче всея Руси и о государыне царице и великой княгине Ирине о их государьском многолетном здравии и о тишине межуособной брани».

На основании патриаршего приговора царь Федор приказал схватить Нагих и угличан, «которые в деле объявились», и доставить их в Москву.

Еще раз отметим: репрессии в Угличе начались только после вынесения соборного приговора, а до этого комиссия Шуйского никого и пальцем не тронула. Есть и еще любопытная деталь, которую почему-то игнорируют наши историки. Многие «активисты» Нагих, как, например,

тот же холоп Михаила Нагого Тимофей, по завершении следствия бежали из Углича. Угличане, оставшиеся в городе, были наказаны в соответствии со степенью участия в убийствах. Всего было наказано несколько десятков человек, одним отрубили голову, другим отрезали язык, а остальных сослали в Сибирь. Был «наказан» даже колокол в церкви у Спаса, в который бунтовщики ударили в набат. Колокол публично высекли плетью, отрубили ухо, вырвали язык и отправили в Сибирь, где он был записан «первоссылным неодоушевленным».

Братьям Нагим заодно с убийствами в Угличе навесили поджоги домов в Москве летом 1591 года. По совокупности преступлений их разослали «по городам». Марию Нагую «за недосмотрение за сыном» отправили в Николовыксинскую пустынь (монастырь), где она была пострижена под именем Марфы. Позже ее перевели в Горецкий Воскресенский женский монастырь на Шексне.

Собственно, на этом угличская история и закончилась. О смерти царевича Димитрия все забыли, тем более что в сентябре 1591 года царица Ирина вновь понесла. На сей раз ей удалось доносить ребенка. Если бы ей удалось родить здорового сына, то об инциденте в Угличе в многотомной «Истории России» Соловьева остался бы один абзац. Но, увы, 26 мая 1592 года у царя Федора родилась дочь, названная Федосьей. Она часто болела и умерла 25 января 1594 года. Через несколько лет и ее сделают жертвой «коварного» Бориса.

Глава 20

Борис вступает на трон

В начале 90-х годов XVI века власть Бориса Годунова значительно возрастает. Если в 1584–1586 годах он был «первым среди равных» бояр, то к 1593 году он становится неограниченным властителем. К 1595 году официальный титул Бориса Годунова приобрел следующий вид: «Царский шурин и правитель, слуга и конюший боярин и дворовый воевода и содержатель великих государств — царства Казанского и Астраханского». Такого титула никто и никогда не имел, и не будет иметь в Московском государстве.

Борис Годунов стал крупнейшим землевладельцем в России. В начале 1587 года царь Федор пожаловал Бориса богатейшей вотчиной Вагой, а затем Комарицкой и другими волостями. Борис, как конюший и правитель, бесконтрольно распоряжался всей казной Московского государства.

Усилению власти Бориса способствовали также его успехи во внешнеполитических делах. В 1590–1595 годах Россия вела войну со Швецией за обладание Эстляндией (современной Эстонией).^[35] Русским не удалось вернуть себе города, основанные в XI веке в Эстляндии Ярославом Мудрым и создать флот на Балтийском море. Но обвинять в этом Бориса нельзя. В XVI–XVII веках шведская армия была сильнейшей в Европе, что позже подтвердилось в ходе Тридцатилетней войны. Тем не менее по Тявзинскому «вечному миру» со Швецией Россия вернула себе крепость Корелу (Кексгольм). Для русских судов были открыты порты Швеции, Финляндии и Эстляндии.

Фактическое присоединение Сибири произошло не при Иване Грозном, а при царе Федоре в правление Годунова. В Сибири были основаны укрепленные города Березов, Обдорск, Сургут, Нарым, Тара и другие. Много сделал Годунов для укрепления западных и южных рубежей России.

В 90-х годах XVI века Романовы по-прежнему оставались верными союзниками Годунова, вопреки мнению ряда историков. Так, к примеру, В. Н. Балязин утверждал, что Борис «давно уже держит камень за пазухой, собираясь кинуть его в ненавистных Никитичей». При этом он ссылаясь на голландца Исаака Массу^[36], который описал поездку царя Федора на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Царская челядь и боярские

холопы были посланы в Троицу заранее, чтобы приготовить места для стоянок, ночлега и отдыха своих господ. Случилось так, что в село Воздвиженское, где находился царский путевой дворец, одновременно приехали холопы Александра Никитича Романова и Бориса Годунова, и им приглянулась одна и та же изба. Завязалась драка, в которой холопы Годунова одержали верх. Побитые романовские холопы нажаловались своему господину, а тот — царю Федору. Федор принял сторону Романовых и попенял Борису, сказав, что он часто своевольничает и что это негоже. По словам Массы, Борис Годунов поклялся отомстить за это Романовым.

По моему же мнению, столь мелкий эпизод вряд ли мог повлиять на взаимоотношения двух ведущих боярских кланов. Да и писал это Масса по чужим рассказам задним числом, уже в конце Смутного времени.

Можно допустить, что Романовы не испытывали особо нежных чувств к правителю Борису. Но при жизни царя Федора у них не было никаких шансов занять место Бориса хотя бы потому, что братья Никитичи были слишком молоды, а все старшие Романовы-Захарьины вымерли. Конфликт Никитичей с Годуновым при жизни Федора мог кончиться ссылкой Романовых, а в самом крайнем случае — потерей влияния обоими кланами и приходом к власти тех же Шуйских. Поэтому повторяю, до 1598 года никаких серьезных конфликтов между Годуновыми и Романовыми не было, и считать «ненавистными» Никитичей Борис просто не имел оснований.

Наоборот, в 1593–1598 годах Романовы и их родственники сделали быструю карьеру, вызвавшую зависть и злость у титулованной аристократии. Тот же Федор Никитич стал одним из трех руководителей Боярской думы. В 1596 году Федор Никитич был назначен царем Федором (читай Борисом Годуновым) вторым воеводой правой руки. С ним немедленно заместничал боярин Петр Никитич Шереметев, назначенный третьим воеводой в большом полку. Шереметевы, как и Романовы, вели свой род от Федора Кошки и Андрея Кобылы, но Петр Никитич Шереметев посчитал для себя унижительным служить с Федором Никитичем Романовым. Он не явился к царю («у царской руки не был») и на службу не поехал. Федор разгневался — вряд ли тут дело обошлось без Годунова — велел сковать Петра Шереметева и в таком виде на простой телеге отправить на службу. Шереметев еще несколько дней поломался, но в конце концов смирился с назначением.

В том же году на Федора Никитича Романова, его отца Никиту и дядю Данилу «бил челом в отечестве» (то есть заместничал) Рюрикович князь Ф. А. Ноготков. Царь Федор сделал Ноготкову выговор: «...и ты чево дядь моих Данила и Микиту мертвых бесчестишь?» За свое челобитье Ноготков

угодил в тюрьму на пять дней. Правда, по разрядам было сказано, что князю Ф. А. Ноготкову «не доведетца меньше быть боярина Федора Никитиче Романова», но в следующей росписи воевод «на берегу» Федор Никитич Романов уже отсутствует, то есть он не служил «ниже» князя Ноготкова.

Серьезным испытанием союза Годуновых и Романовых стала смерть царя Федора. 6 января 1598 года царь умер, не оставив письменного завещания. Зато существует не менее дюжины вариантов устного завещания Федора. К примеру, немецкий наемник Конрад Буссов^[37] писал, что царица Ирина убеждала мужа вручить скипетр ее брату, Борису Годунову, но царь предложил скипетр старшему из своих двоюродных братьев, Федору Никитичу Романову, имевшему на престол ближайшее право. Федор Никитич уступил скипетр своему брату Александру, Александр — третьему брату, Ивану, а Иван — Михаилу, Михаил — какому-то знаменитому князю, так что никто не брал скипетра, хотя каждому и хотелось взять его. Царь Федор, долго передавая жезл из рук в руки, потерял терпение и сказал: «Так возьми же его, кто хочет!» Тут сквозь толпу важных особ протянул руку Борис Годунов и схватил скипетр.

Этот эпизод прекрасно выглядел бы на сцене, но, увы, он не имеет ничего общего с действительностью. И писал это Буссов уже после воцарения Михаила Романова.

Куда ближе к истине версия русского летописца,^[38] где на вопрос патриарха: «Кому царство, нас, сирот и свою царицу приказываешь?» — Федор тихим голосом отвечал: «Во всем царстве и в вас волен Бог: как ему угодно, так и будет; и в царице моей Бог волен, как ей жить, и об этом у нас улажено». Патриарх Иов в житии Федора говорит, что царь вручил скипетр своей супруге. Но в других источниках, заслуживающих в этом отношении большего доверия, в избирательных грамотах Годунова и Михаила Романова сказано: «После себя великий государь оставил свою благоверную великую государыню Ирину Федоровну на всех своих великих государствах».

Не исключено, что Федор вообще ничего не сказал перед смертью. Боюсь, некоторым читателям уже надоело, что я часто излагаю две или более версии одного события. Но если мы точно не знаем, даже как умер Сталин, и о его смерти каждый пишет свою версию, то что делать с событиями 400-летней давности?

Доподлинно можно утверждать, что Федор умер внезапно и похоронили его быстро и в суматохе. Когда в 50-х годах XX века могила

Федора была вскрыта, то там оказались останки, одетые в простой мирской кафтан, перепоясанный ремнем. И даже сосуд для мирры был положен не по-царски простой, то есть «освятованный» царь, проведший жизнь в постах и молитвах, не сподобился обряда пострижения, в то время как в роду Ивана Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времен Василия III и Ивана Грозного.

Как только Федор испустил дух, всем стало не до него. У всех на устах был один вопрос — кто?

Читатель уже знает, что всех своих родственников московские правители, начиная с Василия II, с большим усердием вырезали под корень, не оставляя и малых детей. Поэтому к 1598 году в живых не было ни одного потомка Дмитрия Донского по мужской линии.

Тем не менее был жив великий князь всея Руси Симеон Бекбулатович. В октябре 1575 года царь Иван устроил очередной фарс — отрекся от престола, а на трон посадил крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, потомка касимовских ханов. Иван IV, юродствуя, затем писал челобитные новому «правителю»: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев с своими детишками с Ыванцом да с Федорцом челом бьют: что еси государь милость показал». Оперетта продолжалась 11 месяцев, после чего Иван «учинил» Симеона великим князем Тверским. После этого Симеон не играл никакой роли в жизни Московского государства, хотя и имел большое состояние. В 1580 году в тверских дворцовых землях великого князя Симеона проживало 2217 крестьян (разумеется, мужского пола). В правление Федора Симеона лишили титула великого князя Тверского и сослали в одно из его тверских имений — село Кушалино. Большая часть его вотчин была отобрана.

Естественно, что Симеон Бекбулатович мало подходил на роль Государя Всея Руси. Тем не менее он нашел поддержку среди ряда бояр и князей. Дело в том, что именно ничтожество Симеона было привлекательно для некоторых князей и выходцев из старомосковского боярства. Не следует забывать, что рядом была Речь Посполитая, где польские магнаты имели огромную власть и были почти независимы от короля.

В первые же дни после смерти царя Федора патриарх Иов проявил неожиданную для себя активность. Иов оперативно пишет «Повесть о честнем житии царя и великого князя Федора Иоанновича всея Руси». Это не обычное житие, а программный политический документ. В нем говорится: «Было время... когда благочестивая и православная христианская вера в Великой России паче солнца сияя и свои светозарные лучи во всю вселенную испуская... от моря до моря и от рек до концов

вселенной славу ее простирала, и благочестивых и крестоносных христианских царей Русские державы скипетродержавство великолепно цвело, и благородный царский корень многими летами непременно влекся от великого Августа кесаря Римского, обладавшего всей вселенной, как история поведает, и до самого святого сего царствия... Федора Иоанновича всея Руси...»

Патриарх восхваляет Федора: «...хотя и превысочайшего Российского царствия честный скипетр содержал, но Богу всегда ум свой вверял, и душевное око бодро и неусыпно хранил, и сердечную веру всегда благими делами исполнял, тело же свое повсегда удручал церковным пением, и дневными правилами, и всенощными бдениями, и воздержанием, и постом».

При этом Иов открыто заявил, что фактическим правителем при царе Федоре был Борис Годунов: «Был тот Борис Федорович зело преизрядной мудростью украшен, и саном более всех, и благим разумом превосходя. И пречестным его правительством благочестивая царская держава в мире и в тишине цвела. И многое тщание показал по благочестии, и великий подвиг совершил о исправлении богохранимой царской державы, яко и самому благочестивому царю... дивиться превысокой его мудрости, и храбрости, и мужеству.

И не только в своем царстве Русской державы изыде слух, но и по всем странам неверных язычников проиде слава о нем, якоже никто иной обретется в те лета во всем царстве Русской державы подобен ему храбростью, и разумом, и верой к Богу. И от многих стран языческих царей приходя по славе к царю и великому князю Федору Иоанновичу всея Руси с дарами многоценными, рабское поклонение и достойную честь царскому его величеству воздающе, и тому изрядному правителю царской богохранимой его державы, пресветлой красоте лица его и премудрости-разуму его чудящиеся, и возвращаясь в свои страны с удивлением добродетель поведаяще.

Сей же изрядный правитель Борис Федорович своим бодроопасным правительством и прилежным попечением по царскому изволению многие грады каменные создал, и в них превеликие храмы в славословие Божие возградил, и многие обители устроил, и самый царствующий богоспасаемый град Москву, как некую невесту, преизрядной лепотой украсил: многие в нем прекрасные церкви каменные создал и великие палаты устроил, так что и зрение их великому удивлению достойно; и стены градные окрест всей Москвы превеликие каменные создал, и величества ради и красоты переименовал его в Цареград; внутри же его и

палаты купеческие создал во упокоение и снабдение торжникам. И иное многое хвалы достойное в Русском государстве устроил».

Благоговейно описав кончину царя Федора, Иов уверяет паству, что род Ивана Калиты не пресекался: «...ныне же... грех ради всего народа православного христианства... царьского его корени благородных чад не остася, и по себе вручив скипетр благозаконной своей благоверной царице и великой княгине Ирине Федоровне всея Руси... Изрядный же правитель, прежереченный Борис Федорович, вскоре повеле своему царьскому синклиту животворящий крест целовати и обет свой благочестивой царице предавати, елико довлеет пречестному их царьскому величеству. Бе же у крестного целования сам святейший патриарх и весь Освященный Собор».

Таким образом, преемницей Рюриковичей на российском престоле стала царица Ирина.

Когда во время похорон царя Федора все архиереи, сановники и народ безутешно рыдали, «благочествая же царица от великия печали и сама близ смерти пребывала», тогда «изрядный правитель, прежереченный Борис Федорович сугубу печаль в сердце своем имущи, и об отшествии к Богу благочестивого царя сетовал, и о безмерной скорби благородной сестры своей благоверной царицы рыдал, и земного правления тишину и мир с опасением устраивал».

Как видим, патриарх довольно грамотно обосновал необходимость передачи престола Борису Годунову. Иова совершенно справедливо называли ставленником Бориса, но тут интересы клана Годуновых абсолютно совпадали с интересами церкви и всего государства Российского.

Под давлением Иова и чтобы не вызвать кризиса власти, Боярская дума присягнула царице Ирине. При жизни царя Федора Ирину Годунову титуловали «великой государыней». Как писал Р. Г. Скрынников: «...такое звание не равнозначно было реальному царскому титулу. До Лжедмитрия и после него цариц не только не короновали, но и не допускали к участию в торжественной церемонии. Ирина наблюдала за венчанием Федора из окошка светлицы. Не будучи коронованной особой, связанной с подданными присягой, Годунова не могла ни сама обладать царской властью, ни передать ее своему брату».^[39]

На это легко возразить примерами из русской истории, вспомнив правление Елены Глинской, вдовы Василия III, правление в Новгороде Марфы Борецкой, вдовы посадника Борецкого, я уж не говорю о княгине Ольге.

Сразу же после смерти мужа Ирина стала издавать от своего имени указы (в XIV–XVI веках московские правители сами не подписывали указов, а писец ставил их имена и государственную печать). Первым же указом Ирина провела всеобщую полную амнистию, повелев без промедления выпустить из тюрем всех опальных изменников, воров, разбойников и т. д.

Патриарх Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. В пространном тексте присяги содержалась клятва верности патриарху Иову, православной вере, царице Ирине, правителю Борису Годунову и его детям. Естественно, что такая формулировка вызвала недоумение у части населения. Значительная часть московской знати и простой народ в отдельных местах отказывались присягать.

Разумеется, и Иов, и Борис прекрасно понимали, что одной такой присяги недостаточно для воцарения новой династии. Поэтому они делают ряд умных политических ходов.

15 января, то есть через неделю после смерти мужа, царица Ирина покидает Кремль и отправляется из Москвы в Новодевичий монастырь, ^[40] где принимает постриг под именем Александры. Тем не менее новая монашка продолжала подписывать (скреплять печатью) все царские указы, изменив только подпись — вместо «царица Ирина» стало «царица инокиня Александра».

В те времена отъезд из столицы в период нестабильности был классическим ходом монарха. Вспомним отъезд Анны Австрийской с малолетним Людовиком XIV из Парижа во время фронды, отъезд царицы Софьи Алексеевны из Москвы в ходе стрелецких волнений и т. д.

В Новодевичьем монастыре было намного безопасней в случае бунта черни, с одной стороны, а с другой — там царица-инокиня практически не испытывала давления Боярской думы. Через несколько дней в Новодевичий монастырь приехал и Борис Годунов.

Здесь, чтобы более не возвращаться, обратим внимание на весьма важное обстоятельство — на позицию стрелецких полков, о чем обычно забывают наши историки. Ведь недаром мудрый Мао говорил: «Винтовка рождает власть». Так вот, московские бердыши и пищали были целиком на стороне Бориса. Тот еще при царе Федоре назначил главой стрелецких приказов своего троюродного брата Ивана Васильевича Годунова. Начальниками («головами») всех пяти московских стрелецких полков (всего около 7 тысяч ратников) были назначены верные Годуновым люди. Естественно, что стрельцы были надежной опорой Годуновых. Другой вопрос, что у него хватило ума и выдержки не только не применять силу, но

даже и не грозить ею. Тем не менее стрелецкие полки за спиной Годунова были, как любил говорить Нельсон, «Fleet in being», то есть «само существование флота является решающим фактором в конфликте».

Большинство служилого дворянства и гражданской администрации также было на стороне Годуновых. Последние много лет бесконтрольно управляли приказами и ведали, как сейчас говорят, кадровой политикой. От Годуновых зависело назначение дворянина на службу, присвоение очередного звания, пожалование поместьями и вотчинами и т. д.

Только благодаря позиции московских стрельцов и служилого дворянства борьба за власть после смерти Федора обошлась без крови.

Однако оппозиция Борису была достаточно сильной. Мы привыкли к марксистским догмам о классовой борьбе, роли народных масс и т. д. Увы, сии догмы абсолютно не применимы к событиям 1598 года. Социальные программы Бориса Годунова и его противников не имели различий, а точнее, ни та, ни другая сторона не предлагала народу никаких изменений в жизни. Соответственно, беднейшие слои населения сами по себе не были заинтересованы в борьбе за престол. А оппозиция Годунову состояла из титулованной и старомосковской знати, небольшого числа представителей администрации во главе с дьяками Щелкаловыми и части московского духовенства, недовольной Иовом. Соответственно, за представителями знатных родов стояли их дворяне, боевые холопы и различная челядь. Оппозиция привлекала в свои ряды простых граждан подкупом, а также распространением различных слухов, компрометирующих Годуновых. Об убийстве царевича Димитрия пока еще и речи не было, зато во всю муссировался слух об отравлении Борисом царя Федора.

Союз Годуновых и Романовых фактически распался. Часть Романовых сомкнулась с оппозицией Борису, но старательно держалась в тени. Сторонники Романовых распускали слухи о том, что-де Федор на смертном одре завещал престол Федору Никитичу Романову. Однако эта версия была столь далека от истины, что в 1598 году ни сами Романовы, ни кто-нибудь из оппозиции не рискнули высказать ее где-либо публично. Эта «липа» предназначалась лишь для недалеких и неинформированных людей, говоря языком того времени — для черни.

И дело не в том, что оппозиция боялась сказать о завещании царя Федора. На московских площадях в лицо Борису князья и бояре говорили и не такое. Просто тут было легко уличить оппонента во лжи. А вот спустя 15 лет, когда большинство ведущих политиков уже умерло, а у народа в голове все перемешалось, об этой «липе» заговорили публично.

Забыв старые обиды, Богдан Бельский вместе с Федором Ивановичем

Мстиславским, при поддержке Романовых, выступил с предложением посадить на трон «царя» Симеона Бекбулатовича. Кстати, сей «царь» был женат на Настасье Ивановне Мстиславской, родной сестре Федора Ивановича. Но, как уже говорилось, эта кандидатура была более чем спорной, и от нее пришлось отказаться. Себя же Федор Никитич Романов предложить не рискнул, а других кандидатов попросту не было.

Кто-то из оппозиции выдвинул идею о передаче всей полноты власти Боярской думе. Сразу же после отъезда царицы Ирины в монастырь дьяк Василий Щелкалов вышел к собравшемуся в Кремле народу и потребовал присяги Боярской думе, но услышал в ответ: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу». Когда же дьяк объявил, что царица в монастыре, то раздались голоса: «Да здравствует Борис Федорович!» Вот здесь мы в первый раз слышим глас народа. Население Москвы категорически против боярской власти, которая неизбежно приведет к анархии и междоусобице.

Историки могут сколько угодно долго спорить о деталях избрания Бориса царем, но ясно одно — его избрали по воле всей России. Пусть Годунов не был Рюриковичем, пускай у него не было таланта полководца, пусть он был суеверным и лживым, но ему не было альтернативы. Желать боярского правления или опереточного татарина могли только корыстные люди. А избрание Годунова обеспечивало еще и безударный переход власти. Ведь власть переходила не от одного правителя к другому, а просто менялся титул правителя с сохранением всех его функций.

Сразу после смерти царя Федора по городам Московского государства были разосланы грамоты от имени патриарха с требованием послать выборных людей в Москву на Земский собор. Первое заседание Собора состоялось 17 февраля 1598 года.^[41]

Документы Собора дошли до нас почти полностью. Однако как раз обилие документов привело историков к разночтениям и, соответственно, к разным их толкованиям. Нет даже единства в числе участников Собора. Н. М. Карамзин насчитал 500 избирателей, С. М. Соловьев — 474, Н. И. Костомаров — 476, В. О. Ключевский — 512, а современная исследовательница С. П. Мордовина — более 600.

По мнению автора, дело в том, что в разные дни заседаний присутствовало разное число членов Собора (посмотрите вечером по телевизору заседание Государственной думы — сколько там пустующих мест!). Видимо, были и споры, кого из приехавших представителей городов считать полноправными представителями, а кого — нет. Даже если предположить, что какие-то документы Собора были позже скорректированы, все равно Собор 1598 года был правомочным и

легитимным.

По данным С. М. Соловьева, на Соборе из 474 человек 99 были духовными лицами, 272 человека — бояре, дворяне и дьяке, 33 человека — выборные от горожан, 7 стрелецких голов, 22 купца, 5 старост гостиных сотен и 16 представителей черных сотен.

Согласно официальным документам. Собор открылся речью патриарха, который заявил, что после смерти царя Федора предложено было царство царице Ирине, но та не согласилась, и тогда просили ее благословить брата, просили и самого Годунова. Борис также отказался, и тогда отложили дело на 40 дней, до приезда выборных. «Теперь, — говорил Иов, — вы бы о том великом деле нам и всему Освященному Собору мысль свою объявили и совет дали: кому на великом преславном государстве государем быть?» И, не дождавшись ответа, продолжал: «А у меня, Иова патриарха, у митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего Освященного Вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых, у всяких людей, у гостей и всех православных христиан, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам, мимо государя Бориса Федоровича, иного государя никого не искать и не хотеть». На что советные люди громко ответили: «Наш совет и желание одинаково с твоими отца нашего всего Освященного Собора, бояр, дворян и всех православных христиан, что неотложно бить челом государю Борису Федоровичу и, кроме его, на государство никого не искать».

После этого на Соборе началось перечисление прав Бориса Годунова на престол: «Царь Иван Васильевич женил сына своего, царевича Федора, на Ирине Федоровне Годуновой, и взяли ее, государыню, в свои царские палаты семи лет, и воспитывалась она в царских палатах до брака. Борис Федорович также при светлых царских очах был безотступно еще с несовершеннолетнего возраста, и от премудрого царского разума царственным чинам и достоянию навыв. По смерти царевича Ивана Ивановича великий государь Борису Федоровичу говорил: Божиими судьбами, а по моему греху, царевича не стало, и я в своей кручине не чаю себе долгого живота; так полагаю сына своего царевича Феодора и Богом данную мне дочь царицу Ирину на Бога, Пречистую Богородицу, великих чудотворцев и на тебя, Бориса. Ты бы об их здоровье радел и ими промышлял. Какова мне дочь царица Ирина, таков мне ты, Борис, в нашей милости ты все равно, как сын. На смертном одре царь Иван Васильевич, представляя в свидетельство духовника своего, архимандрита Феодосия, говорил Борису Федоровичу: тебе приказываю сына своего Феодора и дочь Ирину, соблюди их от всяких зол. Когда царь Федор Иванович принял

державу Российского царства, тогда Борис Федорович, помня приказ царя Ивана Васильевича, государское здоровье хранил, как зеницу ока, о царе Феодоре и царице Ирине попечение великое имел, государство их отовсюду оберегал с великим радением и попечением многих, своим премудрым разумом и бодро-опасным содержательством учинил их царскому имени во всем великую честь и похвалу, а великим их государствам многое пространство и расширение, окрестных прегордых царей послушными сотворил, победил прегордого царя крымского и непослушника короля шведского под государеву высокую десницу привел, города, которые были за Шведским королевством, взял. К нему, царскому шурина, цесарь христианский, салтан турецкий, шах персидский и короли из многих государств послов своих присылали со многою честью. Все Российское царство он в тишине устроил, воинский чин в призрении и во многой милости, в строении учинил, все православное христианство в покое и тишине, бедных вдов и сирот в крепком заступлении, всем повинным пощада и неоскудные реки милосердия изливались, святая наша вера сияет во вселенной выше всех, как под небесем пресветлое солнце, и славно было государево и государынино имя от моря и до моря, от рек и до конец вселенной».

В субботу, 18 февраля, и в воскресенье, 19-го, в Успенском соборе в Кремле торжественно служили молебны, чтобы Бог даровал православному христианству по его прошению государя царя Бориса Федоровича.

20 февраля, в понедельник, после молебна патриарх с духовенством, боярами и множеством народа отправились в Новодевичий монастырь, где находились Борис и Ирина (инокиня Александра). Они со слезами молили Бориса принять престол, но получили отказ. Годунов отвечал: «Как прежде я говорил, так и теперь говорю: не думайте, чтоб я помыслил на превысочайшую царскую степень такого великого и праведного царя».

Патриарх Иов опять призвал всех православных христиан на следующий день, во вторник, устроить празднество Пречистой Богородице в Успенском соборе, а также по всем церквам и монастырям, после чего с иконами и крестами идти в Новодевичий монастырь. Иов призвал всех идти с женами и грудными младенцами и бить челом государыне Александре Федоровне и ее брату, Борису Федоровичу, чтоб они оказали милость. Тут же Иов тайно договорился с духовенством о том, что если царица благословит брата своего на царство и Борис будет царем, то простить его и забыть, что он клялся в нежелании своем быть государем. Если же опять царица и Борис откажут, то отлучить Бориса от церкви и

самим снять с себя святительские саны, сложить панагии, одеться в простые монашеские рясы и запретить службу по всем церквам.

21 февраля крестный ход двинулся к Новодевичьему монастырю. Навстречу ему, под звон колоколов, вынесли икону Смоленской Богоматери, за иконой вышел Борис Годунов. Он подошел к иконе Владимирской Богоматери и сказал громко со слезами: «О милосердая царица! Зачем такой подвиг сотворила, чудотворный свой образ воздвигла с честными крестами и со множеством иных образов? Пречистая Богородица, помолись о мне и помилуй меня!» Борис долго лежал возле иконы и плакал, потом приложился к другим иконам, подошел к патриарху и сказал ему: «Святейший отец и государь мой Иов патриарх! Зачем ты чудотворные иконы и честные кресты воздвигнул и такой многотрудный подвиг сотворил?» Иов отвечал ему: «Не я этот подвиг сотворил, то Пречистая Богородица с своим предвечным младенцем и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прийти и святую волю Сына своего на тебе исполнить. Устыдись пришествия ее, повинись воле Божией и послушанием не наведи на себя праведного гнева Господня». В ответ Годунов только плакал.

После этого Иов пошел в церковь, Годунов — к сестре в келью, а бояре и весь народ пошли в монастырь, а кому не хватило места в монастыре, стояли возле ограды. После обедни патриарх и все духовенство, в священных одеждах, с крестом и иконами, пошли в келью к царице и долго со слезами били ей челом, стоя на коленях. С духовенством пришли и бояре, а дворяне, приказные люди, гости и весь народ, стоя по всему монастырю и вокруг монастыря, упали на землю и долго с плачем и рыданием вопили: «Благочестива царица! Помилосердуй о нас, пощади, благослови и дай нам на царство брата своего Бориса Федоровича!» Наконец царица заплакала и сказала: «Ради Бога, Пречистой Богородицы и великих чудотворцев, ради воздвигнутия чудотворных образов, ради вашего подвига, многого вопля, рыдательного гласа и неутешного стенания даю вам своего единокровного брата, да будет вам государем царем».

Годунов с тяжелым вздохом и со слезами сказал: «Это ли угодно твоему человеколюбию, владыко? И тебе, моей великой государыне, что такое великое бремя на меня возложили и предаешь меня на такой превысочайший царский престол, о котором и на разуме у меня не было? Бог свидетель и ты, великая государыня, что в мыслях у меня того никогда не было, я всегда при тебе хочу быть и святое, пресветлое, равноангельское лицо твое видеть». Сестра отвечала ему: «Против воли Божией кто может стоять? И ты бы безо всякого прекословия, повинуйся воле Божие, был

всему православному государству государем». Тогда Борис сказал: «Буди святая Твоя воля, Господи». Патриарх и все присутствующие пали на землю, благодаря Бога, после чего отправились в церковь, где Иов благословил Бориса на все великие государства Российского царствия.

Естественно, что в этой официальной версии много натяжек, но предложить и серьезно обосновать иную версию событий пока еще никто не смог.

26 февраля 1598 года Борис Годунов покинул Новодевичий монастырь и возвратился в Москву. Толпы народа вышли из города, чтобы встретить Бориса. Те, кто победнее, несли хлеб и соль, бояре и купцы — золотые кубки, соболей и другие дорогие подарки, подходящие «царскому величеству». Борис отказался принять дары, кроме хлеба с солью, и всех милостиво позвал к царскому столу.

В Кремле Иов проводил Бориса в Успенский собор и там еще раз благословил на царство. Отслушав обедню в Успенском соборе, Борис пошел в Архангельский, где, припадая к гробам великих князей московских и царей, говорил со слезами: «Великие государи! Хотя телом от своих великих государств вы и отошли, но духом всегда пребываете неотступно и, предстоя перед Богом, молитву творите. Помолитесь и обо мне и помогите мне».

Из Архангельского собора Борис пошел в Благовещенский, оттуда — в царские палаты, а затем поехал обратно в Новодевичий монастырь к сестре. Потом Борис вернулся обратно в Кремль к патриарху Иову, долго разговаривал с ним наедине, после чего простился с ним и со знатным духовенством на время Великого поста и поехал жить в Новодевичий монастырь.

Великий пост и Пасху Борис провел с сестрой в монастыре, а 30 апреля, в праздник Жен-мироносиц, торжественно переехал в кремлевский дворец. Опять его встретили крестным ходом, в Успенском соборе патриарх надел на него крест митрополита Петра. Опять Борис обошел соборы, ведя за руку своих детей — сына Федора и дочь Ксению. Затем был дан большой обед для всех.

Однако торжественное венчание на царство было отложено. 1 апреля пришла весть, что на Москву собирается крымский хан. Такие походы крымцы производили периодически, с интервалом от одного до десяти лет. Борис приказал собрать большое войско. К началу мая русские войска заняли позиции на реке Оке. 2 мая Борис выехал из Москвы и отправился в Серпухов, где принял командование над войсками. Но татары не появлялись. Скрынников считает, что угроза татарского нашествия была

мистифицирована Годуновым. Однако следует заметить, что в течение трех с лишним веков татары всегда прекращали набег, если против них выходило большое русское войско.

Во время стояния на Оке Борис ежедневно устраивал пиры для дворян, стрельцов и других категорий ратных людей. В каждом таком пиру участвовали тысячи людей. Празднества продолжались почти два месяца.

Вместо войска татарский хан Бора-Газы Гирей прислал послов к Борису. Татары увидели на берегу Оки целый город из белостенных шатров с невиданными башнями и воротами. 29 июня татарские послы поехали представляться Борису. Как сказано в летописи, когда послы ехали к нему, то на протяжении семи верст от их стана до царского по обе стороны дороги стояли пешие ратники с пищалями и разъезжали повсюду конные. Послы, увидев огромное войско и слыша беспрестанную стрельбу, так перепугались, что, придя к царю, от страха с большим трудом выполнили свою миссию. Царь Борис пожаловал их большим жалованьем, отпустил с большой честью и послал с ними большие дары хану. В тот же день Борис устроил большой пир для всего войска и отправился в Москву.

В Москву Борис въехал с большим торжеством, как будто одержал великую победу или завоевал целое царство. Патриарх с духовенством и множество народу вышли ему навстречу. Иов благодарил Бориса за совершение великого подвига, за освобождение христиан от кровопролития и плена. «Радуйся и веселися, Богом избранный и Богом возлюбленный, и Богом почтенный, благочестивый и христоролюбивый, пастырь добрый, приводящий стадо свое именованное к начальнику Христу, Богу нашему», — говорил Иов. По окончании речи патриарх, духовенство и весь народ пали на землю, плакали и потом, встав, приветствовали Бориса «на его государеве вотчине и на царском престоле и на всех государствах Российской земли».

1 сентября 1598 года, на Новый год, Борис венчался на царство. В своей речи, произнесенной по этому случаю патриарху, Борис сказал, что покойный царь Федор приказал патриарху, духовенству, боярам и всему народу избрать кого Бог благословит на царство и что царица Ирина приказала то же самое, «и по Божиим неизреченным судьбам и по великой Его милости избрал ты, святой патриарх, и прочие, меня, Бориса».

Борис, принимая благословение от патриарха, громко сказал ему: «Отче великий патриарх Иов! Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека!» — и, тряся ворот своей рубашки, продолжал: «И эту последнюю рубашку разделю со всеми!»

Очень любопытен текст присяги новому царю. Присягнувший по ней,

между прочим, клялся: «Мне над государем своим царем и над царицею и над их детьми, в еде, питье и платье, и ни в чем другом лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихого и коренья не давать и не велеть никому давать, и мне такого человека не слушать, зелья лихого и коренья у него не брать. Людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и ведуней не добывать на государское лихо. Также государя царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не насылат и следу не вынимать никаким образом, никакою хитростию. А как государь царь, царица или дети их куда поедут или пойдут, то мне следу волшебством не вынимать. Кто такое ведовское дело захочет мыслить или делать, и я об этом узнаю, то мне про того человека сказать государю своему царю или его боярам, или ближним людям, не утаить мне про то никак, сказать вправду, без всякой хитрости. У кого узнаю или со стороны услышу, что кто-нибудь о таком злом деле думает, то мне этого человека поймать и привести к государю своему царю или к его боярам и ближним людям вправду, без всякой хитрости, не утаить мне этого никаким образом, никакою хитростию, а не смогу я этого человека поймать, то мне про него сказать государю царю, или боярам и ближним людям».

Присягнувший должен был также клясться: «Мне, мимо государя своего царя Бориса Федоровича, его царицы, их детей и тех детей, которых им вперед Бог даст, царя Симеона Бекбулатова и его детей и никого другого на Московское государство не хотеть, не думать, не мыслить, не семьиться, не дружитья, не ссылатся с царем Симеоном, ни грамотами, ни словом не приказывать на всякое лихо. А кто мне станет об этом говорить или кто с кем станет о том думать, чтоб царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я об этом узнаю, то мне такого человека схватить и привести к государю».

Над текстом присяги вдоволь поёрничали и, надо сказать, не без оснований, наши историки от Соловьева до Скрынникова. Малодушие, мелочность, подозрительность и суеверие Бориса буквально бросаются в глаза при чтении присяги. Даже шутовскому царю Симеону сколько места отведено. Но вот почему-то ни один наш историк, писавший о присяге, не обратил внимания на отсутствие в ней имени Федора Никитича или других братьев Романовых. В самом деле, Симеон оказывается претендентом на престол, а они — нет? Присяга является убедительным документом в пользу того, что в 1598 году не только не было никаких притязаний на престол со стороны Романовых, но и Борис Годунов не рассматривал всерьез возможности появления их. Иначе это было бы отражено в присяге.

В ходе междоусобицы 1598 года братья Романовы ни разу прямо не выступили ни на стороне Годунова, ни против него. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что Романовы стояли за спинами оппозиции, не давая ни одного повода Борису для обвинения во враждебных намерениях.

Глава 21

Начало правления Бориса

Подробное изложение царствования Бориса Годунова выходит за рамки нашего повествования. Поэтому я ограничусь несколькими фрагментами его, прямо или косвенно касающимися политической борьбы в Москве.

В начале царствования Годунова внешнеполитическая ситуация была благоприятна для России. На северо-западе шла война между Швецией и Польшей, а на юге турецкий султан и крымский хан были заняты войной на территории Венгрии.

Некоторые историки, в том числе и С. М. Соловьев, упрекают Бориса, что он не ввязался в шведско-польскую войну. На мой взгляд, эти упреки необоснованны. Шведская армия была слишком сильна, и дело кончилось бы поражением русских. Союз же со Швецией мог принести России в лучшем случае несколько городков на западной границе.

Годунов же пытается дипломатическими путями создать союзное России территориальное образование в Ливонии. В этом Годунов подражает Ивану Грозному. Как Грозный хотел сделать из Ливонии вассальное королевство и назначил королем датского принца Магнуса, так и Годунов для той же цели еще при царе Федоре вошел в контакт со шведским принцем Густавом, сыном Эрика IV,^[42] изгнанным из Швеции и жившим в Италии.

В начале своего царствования Борис пригласил Густава в Москву. Приглашение было подкреплено богатыми подарками. Принц же сидел в Италии без гроша и поспешил согласиться. Густава хорошо приняли в Москве и дали на «кормление» Калугу и три малых городка.

В 1601 году царь Борис велел показать польским послам принца Густава, дабы лишний раз напомнить заносчивым панам, что законный претендент на польский и шведский престол находится в Москве.

Борис не только хотел сделать Густава вассальным королем Ливонии, но и женить его на своей дочери Ксении. Но, увы, принц не годился ни для роли короля, ни для роли царского зятя. Ему была чужда политика, а увлекали его медицина и алхимия. Проезжая город Данциг, он увел у владельца трактира Христофора Кетера жену и привез ее в Россию. Само по себе это дело житейское, но вместо того чтобы жить тихо с любовницей,

как это делают все нормальные люди, он начал афишировать свою связь с трактирщицей. Густав катался по Москве в карете с любовницей и прижитым от нее ребенком.

В конце концов терпение Бориса лопнуло, и он сослал ловеласа в Углич, затем в Ярославль и, наконец, в Кашин, где тот и умер в 1607 году.

Борису пришлось срочно искать нового претендента на ливонский престол и жениха своей дочери. По обеим проблемам Борис нашел понимание у датского короля Кристиана IV. Дания в XVI–XVII веках была постоянным противником Швеции и желала видеть в России союзника. В августе 1602 года в устье реки Наровы был торжественно встречен принц Иоанн, родной брат Кристиана IV.

Иоанна торжественно приняли в Москве царь Борис и царевич Федор. Естественно, что, согласно московским обычаям, Иоанн не видел ни царицы Марии, ни царевны Ксении. В честь принца в Москве и царь, и бояре устраивали обильные пиршества. Двадцатилетний принц оказался любителем поесть и крепко выпить. В середине октября 1602 года царь Борис поехал к Троице помолиться, там он узнал, что принц в Москве сильно переел или перепил. В итоге Иоанн заболел и 28 октября умер. Борис был в отчаянии — второй раз рушились его политические и семейные планы. Однако враги Бориса поспешили в Москве и за рубежом распустить слух, что Иоанна приказал отравить Борис, узнав, что «московские люди всею землей зело полюбили Иоанна». Борис-де испугался переворота в пользу принца.

Попробуем проанализировать эту дезинформацию, чтобы найти ее источник. Историки XIX–XX веков создали штамп — «народ не любил Бориса». Вопрос — какой «народ» мог придумать такую «дезу»? Датский принц пробыл в Москве около месяца, русского языка не знал, кроме бояр и дьяков ни с кем не общался. И вот народ возлюбил немца-лютеранина, которого издали видел в карете. Можно ли сомневаться, что источник «дезы» был в боярской или высшей церковной среде?

Неудача не останавливает Бориса, и в 1604 году в Дании начинаются переговоры о браке царевны Ксении с одним из Шлезвиг-Голштейнских герцогов. Однако начало смуты положило им конец.

Враги Бориса распускали слухи о его невежестве. Эти сплетни подхватили многие позднейшие историки. На самом же деле Борис немедленно приступил к ряду реформ в России. Другой вопрос, что он вел их более мягкими методами и не столь быстро, как Петр I.

Наибольшие аналогии напрашиваются в отношениях с заграницей. Так, Борис начал активно принимать в России иностранцев. Еще при царе

Федоре он пригласил в Россию известного английского математика и астролога Джека Ли, предложив ему две тысячи фунтов ежегодного содержания. Тот отказался, но зато в 1598–1603 годах в Россию прибыли несколько тысяч европейцев, в основном немцев. Впервые в истории в Москве Борис разрешил построить лютеранский храм. Опять же впервые в России в 1600–1601 годах была сформирована часть из немецких и других наемников для охраны Кремля. Однажды знаменитый келарь Троице-Сергиевого монастыря Авраамий Палицын упрекал царя за то, что тот убеждает своих приближенных бояр остричь себе бороды.

Царевич Федор Борисович при помощи иностранцев сумел начертить первую карту России. Вплоть до Петра I она оставалась единственной картой, напечатанной в России.

Годунов первым из московских правителей отважился отправить русских детей на обучение за границу. Шесть мальчиков поехали учиться в Сорбонну, пятеро было послано в университет в Любек, четверо — в Лондон. Всего учиться за границу было послано восемнадцать человек.

Борис мечтал открыть в Москве университет и уже набрал несколько иностранных преподавателей. Однако смута покончила с его мечтами. Университет так открыт и не был, а из восемнадцати юношей, отправленных учиться за границу, вернулся в Россию лишь один. Не будем их винить. Кто захочет после Оксфорда или Сорбонны ехать в охваченную войной и мятежом страну, не имеющую законной власти?

При Годунове по всей стране закипело строительство. Именно при нем построили колокольню Ивана Великого. Были построены новые зубчатые стены Кремля. Мощные стены опоясали Китай-город. Впервые в России в Кремле был создан водопровод. По всей стране от Смоленска до Астрахани Годунов строил каменные цитадели.

В нашей истории давно утвердился штамп, что, взойдя на престол, Борис Годунов начал тотальную борьбу с «феодалной аристократией». На самом же деле Борис проводил по отношению к знати гибкую политику, индивидуально подходя к каждому клану и группировке. Чтобы не быть голословным, приведу перечень назначений за первые полтора года царствования Бориса. По случаю своего венчания на царство в сентябре 1598 года Борис щедро раздает думные чины. Боярами в это время становятся князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, Александр Никитич Романов (из кравчих), князь Андрей Васильевич Трубецкой, князь Василий Казы Карданукович Черкасский, князь Федор Андреевич Ноготков-Оболенский. Чином конюшего был пожалован боярин Д. И. Годунов. Чин окольничего получили Никита Васильевич, Семен

Никитич, Степан Степанович и Матвей Михайлович Годуновы, Б. Я. Бельский (из оружничих), Михаил Михайлович Кривой-Салтыков, Михаил Никитич Романов, князь Василий Дмитриевич Хилков-Стародубский, Фома Афанасьевич Бутурлин. В казначеи был произведен думный дворянин И. П. Татищев. Чин кравчего (на место А. Н. Романова) получил Иван Иванович Годунов. 25 декабря 1598 года в дворецкие был произведен боярин С. В. Годунов. В конце 1598 — начале 1599 года чин думного дворянина получил Евстафий Михайлович Пушкин. К январю 1599 года в думные дворяне был пожалован ясельничий Михаил Игнатьевич Татищев.

Внимательный читатель уже заметил, что среди пожалованных много Романовых и их родни, и даже Бельских — явных врагов Бориса. Из этого следует, что Борис сделал вид, что не заметил недружественной позиции Романовых во время кризиса 1598 года. Худородных Бельских он, видимо, вообще не считал опасными и протянул им руку.

Среди пожалованных довольно много Годуновых. Но пожалования они получили не как царские родственники, а за конкретные заслуги и в порядке очередности. Историк А. П. Павлов, специально занимавшийся составом и структурой государева двора XVII века, писал: «Никто из вновь пожалованных в Думу Годуновых не получил сразу высший боярский чин, минуя окольниковство. В бояре при царе Борисе было пожаловано только двое новых представителей этой фамилии (Семен Никитич и Матвей Михайлович), но одновременно сходят со сцены старые бояре Годуновы. К июню 1605 года умерли конюший Д. И. Годунов и И. В. Годунов и в боярах числилось только трое Годуновых».^[43]

Земельные пожалования Годуновых в царствование Бориса были достаточно скромны. Данная царем Федором во владение конюшему Борису Годунову богатая Важская земля не была передана «по наследству» конюшему Д. И. Годунову, а снова перешла в государственное владение. Не все родственники царя Бориса были крупными землевладельцами. Так, И. А. и И. Н. Годуновы выставили в 1604 году в поход против Лжедмитрия всего по пять всадников (то есть имели по 500 четвертей поместной и вотчинной земли), Ф. А. Годунов — четверых всадников, «оприч Вяземской земли» (то есть 400 четвертей). Годуновы редко назначались воеводами в полки, и по имеющимся данным видно, что и после 1598 года они уступали в местническом отношении первостепенным «княжатам» — Мстиславскому, Шуйским, Трубецким и Голицыным. Таким образом, Борис не старался выделять своих родственников из среды знати.

В годы своего царствования Борис не ввел в Боярскую думу ни одного

из своих сородичей — Сабуровых и Вельяминовых. К 1605 году в думе не осталось ни одного из представителей этих фамилий. Однако в целом Сабуровы и Вельяминовы успешно продвигались по службе. При царе Борисе в московских чинах — стольниках, стряпчих и московских дворянах — служили 13 Сабуровых и 23 Вельяминова. Интересно, что в XVII веке первым боярином из рода Сабуровых стал Михаил Богданович Сабуров, но произведен в бояре он был не Годуновым, а Лжедмитрием I.

Проанализировав деятельность Бориса Годунова в первые годы его царствования, нетрудно сделать однозначный вывод, что его политика полностью соответствовала интересам Российского государства. Знать была избавлена от репрессий прошлого. Ни один знатный род не был насильственно отстранен от власти. Князья Рюриковичи и Гедиминовичи могли быть уверены, что при Годунове их не вытеснят худородные выскочки. Тот же А. П. Павлов писал: «Дума конца царствования Бориса Годунова была не менее (а пожалуй, и более) аристократичной по составу, чем Дума 1598 г. Из 20 бояр 1605 г. 11 человек относились к первостепенной княжеской знати (Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Куракин, Трубецкие, Катырев-Ростовский, Воротынский, Черкасский)».^[44]

Глава 22

Заговор Никитичей

Казалось бы, разумная внешняя и внутренняя политика Годунова должна была обеспечить стабильность в обществе, но случилось совсем наоборот. Как титулованная знать, так и беспородные бояре — все рвались к власти. Перед Иваном Грозным все трепетали. Внуки удельных князей Рюриковичей и Гедеминичей вели себя перед царем как кролик перед удавом. Это было явление не политическое, а скорее медицинское — паралич воли сопровождался рядом других психических заболеваний. Ведь за долгое царствование Ивана никто даже не пытался убить кровавого тирана. Спасаясь от опричного террора, бежали буквально единицы. Верность присяге, крестному целованию? Нет, это чушь! Посадив на престол шутовского царя Симеона, Иван формально освободил всех подданных от присяги. Но паралич воли продолжался — потомки викингов и не шевельнулись. Жертвы покорно шли на плаху и садились на кол, «распевая каноны Иисусу».

А вот в условиях стабильности и безопасности многие князья и бояре распоясались. Кое-кто начал считать царя Бориса ровней и примерял на себя шапку Мономаха.

Борис, как правило, был в курсе происков своих врагов. Он создал разветвленную систему сыска. Позже московский летописец отметил, что дьявол «вложил Борису мысль все знать, что ни делается в Московском государстве; думал он об этом много, как бы и от кого все узнавать, и остановился на том, что, кроме холопей боярских, узнавать не от кого». Надо ли говорить, что доносы посыпались как из рога изобилия.

Царь Борис велел дать ход доносу дворян князя Ивана Ивановича Шуйского на своего господина. Яшка Иванов, сын Марков, и его брат Полуехтко обвиняли князя в колдовстве и сборе «кореньев» (видимо, ядов). Марков был награжден царем, но и Шуйские не были наказаны. Царь попросту их немного попугал. Как свидетельствуют разрядные книги, служебная карьера Василия Ивановича Шуйского и его братьев при Годунове шла достаточно хорошо. Некоторые историки утверждают, что Борис запретил Василию Ивановичу Шуйскому жениться, но это вымысел. Как и в остальных случаях, «злодей» Борис был не при чем. От первой жены, княжны Елены Михайловны Репниной, у Василия Шуйского были только две дочери. Еще до вступления Бориса Годунова на престол

Шуйскому каким-то образом удалось развестись с женой. Второй брак с Марьей Петровной Буйносовой-Ростовской был бездетным. Да и зачем награждать чинами и одновременно смертельно унижать ближнего боярина? А главное, что толку? У Шуйского были младшие братья (кстати, женаты и тоже бездетны), так что у Шуйских и так хватало претендентов на престол (и это еще без Скопиных-Шуйских).

Более круто Борис обошелся с Богданом Бельским. В июне 1599 года Бельский был назначен воеводой в войске, сосредоточенном в районе Северного Донца. Там по царскому указу было начато строительство цепи крепостей для защиты от крымских татар. Самую мощную крепость, Царев-Борисов, названную в честь царя, Бельский сделал своей резиденцией.

Гарнизон Царева-Борисова состоял из 46 выборных дворян, 214 детей боярских — рязанцев, тулян, каширян и белёвцев, 2600 русских и украинских казаков, стрельцов и «немцев». Бельский не только не пытался поживиться за счет больших средств, отпущенных на строительство крепостей и содержание войск, но даже доставлял для ратников припасы из своих имений. В своем кругу пьяный Богдан хвалился, что де Годунов — царь в Москве, а он (Бельский) — царь в Царева-Борисове и т. п. Естественно, доброжелатели донесли обо всем в Москву. В марте 1600 года Бельский был арестован, а главным воеводой в Царев-Борисов назначен окольный Андрей Иванович Хворостин.

Боярская дума признала Бельского виновным, но Борис не желал начинать казни. Поэтому Бельского наказали весьма оригинальным способом. «Государственный преступник» был привязан к «позорному» столбу, и царский медик шотландец Габриэль выщипал волос за волосом всю его длинную бороду. Потерять бороду тогда считалось большим бесчестьем. Бельский был лишен чина окольного и отправлен в ссылку в Нижний Новгород.

Враги Годунова использовали наказание Бельского, чтобы запустить очередную «утку». Бельский-де был наказан за то, что он покался духовнику в страшных преступлениях. Он-де по наущению Бориса Годунова умертвил в 1584 году царя Ивана, а в 1598 году — царя Федора. Испуганный духовник сообщил «тайну» патриарху, а Иов наступал царю.

Разумеется, вышесказанное — чушь собачья, но выдумали ее не бабки на базаре, а весьма умные люди, действовавшие по принципу Геббельса: «Чем чудовищнее ложь, тем больше ей верят». Ни до, ни после Бориса не было царя, против которого была развернута столь мощная пропагандистская кампания. Ее можно сравнить лишь с кампанией против

Николая II и Распутина в 1915–1916 годах.

Кто был рупором этой пропаганды, «доктором Геббельсом» начала XVII века, мы, видимо, никогда не узнаем. Автор принципиально не хочет фантазировать, но по логике вещей источник пропаганды находился среди московских церковников, возможно, монахов Чудова монастыря. Иов допек многих умных и честолюбивых духовных лиц. А избавиться от него без свержения Бориса было нельзя. Эти церковники не могли не вступить в связь с мощным боярским кланом, соперничающим с кланом Годуновых. И таким кланом стали Романовы.

Мог ли честолюбивый щеголь Федор Никитич смотреть на Бориса, как на Богом данного монарха, и быть ему преданным слугой? Борис был шурином царю Федору, а Федор Никитич — двоюродным братом, то есть более близким родственником, как по тогдашним, так и по современным представлениям. Ведь недаром в школьных учебниках до 1917 года, да и в современных генеалогическое древо рода Ивана Калиты соединено с родом Романовых.

Надо ли говорить, что братья Никитичи не вспоминали о заслугах Годунова перед государством, равно как не думали, что рядом с ними находятся десятки представителей рода Рюриковичей, предки которых были независимыми государями и которые по феодальному праву имели право на престол. С X по XVI век десятки владетельных князей Рюриковичей умирали без потомства, и во всех случаях на престол всходил государь Рюрикович, пусть даже из весьма удаленной ветви, но Рюрикович! При том что многие удельные князья Рюриковичи были женаты на простых дворянках. За родство с князем или царем дворянина могли произвести в бояре, но никогда — в князья.

Борис Годунов первым нарушил обычай. Причины для этого, как мы уже видели, были объективные, и иного выхода ни у Бориса, ни у страны не было. Федор Никитич же решил пойти по пути Годунова, не имея ни юридического права, ни исторических обстоятельств, сопутствовавших вступлению на престол Бориса.

Замыслом Никитичей благоприятствовало состояние здоровья царя. В 1599–1600 годах он непрерывно болел. В конце 1599 года царь не смог своевременно выехать на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Его сын Федор отправил монахам собственноручно написанное письмо, где говорилось, что отец его «недомогает». К осени 1600 года здоровье царя Бориса резко ухудшилось. Один из членов польского посольства писал, что властям не удалось скрыть от народа болезнь царя, и в Москве по этому поводу поднялась большая тревога. Тогда Борис распорядился отнести его

на носилках из дворца в церковь, чтобы народ увидел, что он еще жив.

Слухи о болезни царя и возможной его близкой смерти искусственно обострили династический кризис. Заговорщики, готовя почву для переворота, распространяли в России и за границей слухи о болезненности и слабоумии наследника престола — царевича Федора. Польские послы в Москве утверждали, что у царя очень много недоброжелателей среди подданных, строгости против них растут, но это не спасает положение. «Не приходится сомневаться, что в любой день там должен быть мятеж», — писали польские послы.

На сей раз Романовы решили открыто выступить против Годунова. Никитичи и их окружение не ограничились распространением слухов, порочащих царя, а тайно начали собирать из своих вотчин дворян и боевых холопов. Несколько сотен ратников было сосредоточено на подворье Федора Никитича на Варварке.

Заговор Никитичей не остался вне поля зрения агентов Годунова. Больной Борис в ночь на 26 октября 1600 года решает нанести превентивный удар по Романовым.

Польское посольство также находилось на Варварке, и этой ночью послы стали свидетелями нападения царских войск на подворье Романовых. Один из членов посольства записал: «Этой ночью его сиятельство канцлер сам слышал, а мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка (Кремля) с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало... Дом, в котором жили Романовы, был подожжен, некоторых он (царь Борис) убил, некоторых арестовал и забрал с собой...»

Братья Никитичи были арестованы и предстали перед судом Боярской думы. Заметим, что большинство членов думы было настроено к Романовым крайне агрессивно. Во время разбирательства в думе бояре, по словам близких к Романовым людей, «аки зверие пыхаху и кричаху». Впоследствии, уже в ссылке, Федор Романов с горечью говорил: «Бояре-де мне великие недруги, искали-де голов наших, а я-де сам видел то не однажды». Гнев боярский был вызван не столько желанием угодить царю, сколько ненавистью к безродным выскочкам, нахально лезущим к престолу, расталкивая князей Рюриковичей и Гедиминовичей. Вспомним, что те же Шуйские никогда не вступали и не вступят в союз с Романовыми.

Однако на Руси всегда предпочитали судить политических противников не за их проступки, а навешивать на них ярлыки. В начале XVII века был ярлык — колдун, а в XX веке — шпион. Вспомним, что Троцкий, Тухачевский, Ежов и Берия были агентами иностранных

разведок. И если с первых двух обвинения в шпионстве были позже сняты, то в 2000 году «демократическая» Фемида еще раз подтвердила, что Ежов и Берия были платными агентами иностранных разведок. Соответственно Романовым и их сторонникам в вину было поставлено колдовство и «коренья». Борису очень хотелось показать, что он борется не с большим боярским кланом, а с отдельными колдунами, посягнувшими на здоровье и жизнь членов царской семьи.

В летописи дело представлено так: дворовый человек и казначей боярина Александра Никитича Романова, Бартенев, пришел тайно к дворецкому Семену Годунову и объявил, что готов исполнить волю царскую над господином своим. По приказу царя Семен с Бартевым наложили в мешки разных корешков, и мешок этот Бартенев должен был подкинуть в кладовую Александра Никитича. Бартенев исполнил это и вернулся к Семену Годунову с доносом, что его господин припас отравленное зелье. Борис Годунов приказал окольному Салтыкову обыскать дом Александра Никитича. Тот нашел мешки с какими-то корешками и привез их прямо на подворье к патриарху Иову. Собрано было много народу, и при всех из мешков высыпали корешки. Привели братьев Никитичей. Многие бояре кричали на них, обвиняемые же не могли ничего ответить в свое оправдание из-за криков и шума. Романовых арестовали вместе с их родственниками и сторонниками — князьями Черкасскими, Шастуновыми, Репниными, Сицкими, Карповыми. Братьев Никитичей и их племянника князя Ивана Борисовича Черкасского не раз пытали. Дворовых людей Романовых, мужчин и женщин, пытали и подстрекали оговорить своих господ, но те не сказали ничего.

Обвиненные находились под стражей до июня 1601 года, когда Боярская дума вынесла приговор. Федора Никитича Романова постригли в монахи под именем Филарета и послали в Антониев-Сийский монастырь. Его жену Ксению Ивановну также постригли под именем Марфы и сослали в один из заонежских погостов. Ее мать сослали в монастырь в Чебоксары. Александра Никитича Романова сослали к Белому морю в Усолье-Луду, Михаила Никитича — в Пермь, Ивана Никитича — в Пелым, Василия Никитича — в Яренск, сестру их с мужем Борисом Черкасским и детьми Федора Никитича, пятилетним Михаилом и его сестрой Татьяной, с их теткой Настасьей Никитичной и с женой Александра Никитича сослали на Белоозеро. Князя Ивана Борисовича Черкасского — на Вятку в Малмыж, князя Ивана Сицкого — в Кожеозерский монастырь, других Сицких, Шастуновых, Репниных и Карповых разослали по разным дальним городам.

Итак, из-за «кореньев» десятки представителей знатных родов были отправлены в монастыри и в ссылку. Понятно, что корни или наговоры доносчиков тут явно не при чем.

Автору пришлось перелопатить всю дореволюционную литературу о предках Романовых. На девяносто процентов эти источники повторяют друг друга. Но вдруг в «Сборнике материалов по истории предков царя Михаила Федоровича», изданном в Петербурге в 1901 году, я натолкнулся на прелюбопытнейшую деталь. В XVIII веке по приказу Екатерины II в селе Коломенском был сломан деревянный дворец царя Алексея Михайловича. При этом обнаружили портрет монаха Филарета, в миру Федора Никитича Романова. Краска на картине начала облезать, и под ней было обнаружено совсем другое изображение — тот же Филарет, но уже в другом, царском, одеянии, со скипетром в руке. Внизу была подпись: «Царь Федор Никитич».

Комментарии в «Сборнике...» по сему поводу отсутствуют. Надо полагать, что честлюбивый Федор поторопился и заранее заказал себе этот портрет.^[45]

В царствование Михаила пребывание Романовых в ссылке стало обрастать сказочными подробностями. На Руси всегда любили дураков и мучеников. Поэтому официальная пропаганда тиражировала душераздирающие подробности мучений опальных Романовых.

Так, например, Михаил Никитич Романов был сослан в село Ныроба Пермской волости. В селе имелось всего лишь шесть дворов. Михаила посадили в яму («земляную темницу»). Сверху яма была закрыта настилом из брусьев, засыпанных землей. В яме была сложена небольшая печь. На Михаила надели тяжелые кандалы — цепь на шее весила 1 пуд 39 фунтов (32,4 кг), 19 фунтов (7,8 кг) весили ножные кандалы и 10 фунтов (4,1 кг) — замок к ним. Пристав держал узника на хлебе и воде, а местные крестьяне тайно приносили ему вкусную еду. Через несколько месяцев Михаил умер. По приказу Лжедмитрия I тело Михаила было перевезено в Москву и погребено 18 марта 1606 года в Новоспасском монастыре. Тело его оказалось «нетленным». В селе Ныроба был устроен «мемориальный музей» Михаила. Путешественники в XIX веке видели его знаменитые цепи.

Увы, многие историки с иронией относятся к преданию о мучениях Михаила. А С. М. Соловьев, подробно описавший ссылку остальных Романовых, принципиально не упоминает о Михаиле. Историки задают один и тот же вопрос: если Годунов решил погубить братьев Романовых, то почему он сурово расправился с младшими братьями и создал

сравнительно комфортные условия старшему брату Федору Никитичу? От себя добавлю — главному заводчику смуты и основному кандидату на престол.

Федор Никитич был насильственно пострижен в монахи под именем Филарета и отправлен в Антониев-Сийский монастырь в сопровождении пристава — стрелецкого головы Ратмана Дурова. Жена его Ксения была пострижена под именем Марфы и отправлена в Заонежье в Толвуйскую волость в Егорьевский погост. Позже мы вернемся к бедному иноку Филарету и увидим, что жилось ему совсем не худо.

Борису Годунову, пожалевшему Федора, было не резон убивать его младших братьев и родственников. Просто враги Годунова приписали ему еще несколько смертей. Ну, убил злодей двух царей, царевну, свою сестру-царицу и датского принца — жениха своей дочери, с помощью колдовства лишил зрения царя Симеона, так почему бы ему не замочить еще полдюжины ссыльных?

На самом же деле бытовые условия ссыльных были весьма приличными. По этому поводу Р. Г. Скрынников писал: «Подлинные документы по поводу ссылки, сохранившиеся в отрывках, позволяют установить, какими были условия содержания опальных в местах заточения. Даже те ссыльные, которые не имели думного чина, получили разрешение взять с собой по „детинке“ из числа своих дворовых холопов. Холоп прислуживал господину в пути, а затем в тюрьме. Тюрьмой для опального служил двор с рядом хозяйственных построек, предназначенных для обслуживания тюремного сидельца. Пристав, сопровождавший в ссылку младшего из братьев Романовых, получил приказ выстроить для него двор вдали от посада и проезжей дороги. Инструкция предписывала приставу провести все необходимые работы: „двор поставить... а на дворе велеть поставить хором две избы, да сени, да клеть, да погреб и около двора была (чтобы) городба“.

В клетки и погребе хранились продукты и снедь. Осужденные получали достаточно еды. Так, Василий Романов получал в день „по калачу да по два хлеба денежных; да в мясные дни по две части говядины да по части баранины; а в рыбные дни по два блюда рыбы, какова где случится, да квас житной“. В стране был голод, а казна выделяла деньги для опальных с учетом дороговизны. На содержание младшего Романова была израсходована крупная для того времени сумма в 100 руб. Несмотря на все это, некоторые ссыльные, включая Василия Романова, погибли в местах заточения. Современники подозревали, что их казнили по тайному приказу Бориса Годунова. Близкий к Романовым летописец рассказывал о гибели

ссылных, следуя одной и той же несложной схеме: стрелецкий голова Леонтий Лодыженский, будучи приставом у боярина Александра Романова, удушил своего пленника по воле Бориса, Тимоха Грязной „удавиша“ боярина Сицкого с женой, Роман Тушин „удавиша“ окольного Михаила Романова, приставы Смирной Мамотов и Иван Некрасов „удавиша“ Василия Романова и пр.».^[46]

Кстати, и Михаил Никитич должен был получать пайку, которой и на троих бы хватило. Другой вопрос, что, возможно, пристав попросту воровал продукты.

Обратим внимание, что опальный боярин князь Федор Дмитриевич Шастунов умер в Москве у себя во дворе, еще до отправки Никитичей в ссылку. Только из-за этого его смерть не была приписана Борису.

Боярин Борис Камбулатович Черкасский был стар и болен. Его вместе с женой Марфой сослали на Белоозеро. Вскоре там он умер от мочекаменной болезни («камчуга»). А его жена Марфа по указу Годунова от 2 сентября 1602 года была переведена в село Клин в вотчину Федора Никитича Романова. Там она жила вместе с женой Александра Никитича и малолетними детьми Федора Никитича Михаилом и Татьяной. Там же она и скончалась 28 февраля 1610 года.

Так называемый «новый летописец» именовал пристава Маматова не иначе как «окаянным» и приписывал ему тайную расправу с Василием Романовым. На самом же деле Маматов был приставом у Ивана Романова. Иван Никитич, несмотря на свою молодость, был тяжело болен — страдал «старой» болезнью: «рукой не владел и на ногу прихрамывал». Но Маматов доставил его в Сибирь живым. Василий же Никитича Маматов принял от другого пристава, Ивана Некрасова, в Пелыме «больна, тако чють жива».

Источники в подробностях описывают дорогу Василия Романова в Сибирь. Иван Некрасов получил наказ вести его «бережно, чтоб он с дороги не ушел и лиха никакого над собою не сделал». Некрасову были выданы железные кандалы и предоставлено право использовать их в случае необходимости. Василия везли по Волге в струге, и там он имел некоторые послабления. Но Василий, по словам пристава, однажды выкрал у него ключи от цепи и бросил их в реку. Опасаясь побега, Некрасов тотчас заковал своего поднадзорного в цепь. В мае 1601 года Василий Никитич благополучно добрался до Яранска, где пробыл шесть недель. Затем ссыльного отправили дальше в Сибирь. Две с половиной недели Некрасов и Василий Романов шли пешком, «только на подводах везли запасишко свое». Пленник, естественно, шел без цепей, и только на ночь пристав сковывал его. Тем временем наступила осень, ударили первые морозы.

Василий Никитич расхворался, и Некрасову пришлось везти его в санях «простого», то есть без цепей. Это трудное путешествие длилось четыре месяца.

Власти позволили Василию Никитичу жить в одних хоромах с братом Иваном. На всякий случай приставы приковали братьев на цепь в разных углах избы, тут же послав донесение в Москву. В ответ дьяки составили черновой наказ с повелением расковать Ивана и Василия и позволить им «в избе и во дворе ходить по своей воле». В беловом варианте последние слова были вычеркнуты и заменены приказом беречь Романовых крепко, чтобы они «з двора не ходили». Руководители сыскного ведомства в Москве явно хотели снять с себя ответственность за смерть ссыльных. Узнав о болезни Василия Никитича Романова, Семен Годунов заявил, что по государеву указу «ковать» ссыльных в цепи было не велено и что приставы «воровали», действуя «мимо государева наказа». 15 января 1602 года Борис Годунов приказал расковать ссыльных, но приказ этот дошел до Сибири с большим опозданием. Уже перед смертью с Василия Никитича сняли кандалы. Ивану Никитичу позволили сидеть у постели умирающего брата. Василий Никитич умер 15 февраля 1602 года.

В марте 1602 года Борис Годунов, получив известие о смерти Василия Романова, приказал перевезти Ивана Романова в Уфу. Но Иван Никитич был тяжело болен. 8 мая 1602 года Некрасов сообщил в Москву, что «изменник государев» разболелся «старою своею черною болезнью, рукою и ногою не владеет и язык ся отнялся, лежит при конце». Как только Ивану Никитичу стало легче, пристав повез его в Уфу. С дороги Некрасов писал в Москву, что Иван быстро поправляется: «...везучи, язык у него появился, рукою стал владеть... а сказывает сердце здорово, ест довольно». Иван Романов прибегнул к какой-то уловке, чтобы избавиться от оков. Позже он сам рассказывал монахам, что оковы сами спали с его рук и ног после усердной молитвы святому Сергию. Узнав об этом «чуде», приставы «ужаснулись» и сменили звериную лютость на «овечью кротость, и быв у них прочее время во ослабе».

К лету 1602 года состояние здоровья царя Бориса улучшилось. Положение в высших эшелонах власти было стабильным, и Борис решил облегчить участь ссыльных. 25 мая 1602 года Боярская дума распорядилась освободить Ивана Никитича Романова и князя Ивана Черкасского и перевезти их в Нижний Новгород «на государеву службу». 17 сентября 1602 года опальным объявили царскую милость — Борис велел вернуть их ко двору в Москву. Приставам указывалось везти Ивана Романова в Москву осторожно, по состоянию его здоровья.

Князья Сицкие также были освобождены и назначены на службу в понизовые города. Но не все они добрались до новых мест. Старший сын опального боярина Сицкого князь Василий Иванович умер в дороге, не добравшись до Москвы. Его смерть тут же приписали злему умыслу царя Бориса.

Летом 1602 года Боярская дума объявила о прощении вдов и детей опальных бояр. Борис приказал вдову Бориса Черкасского с дочерью и вдову Александра Романова освободить и перевезти в бывшую вотчину Романовых село Клин под Юрьевом-Польским, куда они благополучно добрались.

Приставам было приказано содержать опальные семьи в полном довольствии. Царь Борис сложил свою ответственность за притеснения опальных на приставов, якобы действовавших не по его указу, а «своим воровством и хитростью».

В ноябре 1602 года Федор Никитич (Филарет) сказал своему приставу: «Государь-де меня пожаловал, велел мне повольность дать». Филарет и впрямь получил послабления. Ему позволено было часто покидать келью и стоять «на крылосе». Борис велел выдать Филарету новую одежду и «покой всякий к нему держати».

Глава 23

Голод, мор и разбои

Борис Годунов был самым разумным московским правителем со времен Ивана Калиты, но ему катастрофически не везло. В его царствование Россия пережила самый сильный голод за три столетия. Самое большое похолодание в Европе за последнюю тысячу лет произошло в начале XVII века.^[47] В странах с более благоприятными почвенно-климатическими условиями и высоким для своего времени уровнем агрокультуры это похолодание не привело к серьезным экономическим последствиям. Но во многих странах северной и восточной Европы похолодание вызвало настоящую аграрную катастрофу.

Как сказано в летописи, в 1601 году по всей России лили дожди все лето. Хлеб не созрел и стоял, налившись, зеленый, как трава. На праздник Успения Пресвятой Богородицы^[48] ударили морозы, и урожай окончательно погиб. В этот год народ еще кое-как кормился прошлогодним хлебом и тем, что удалось собрать. Весной 1602 года поля засеяли невызревшим зерном, собранным в прошлом году, и семена не взошли. Вот тогда-то настал настоящий голод. Купить хлеба было негде, люди умирали от голода, как не умирали во время эпидемий. Люди щипали траву, подобно скоту, зимой ели сено. У мертвых находили во рту вместе с навозом человеческий кал. Отцы и матери ели детей, дети — родителей, хозяева — гостей. Человеческое мясо продавалось на рынках за говяжье в пирогах. Путешественники боялись останавливаться в гостиницах. Лишившись семенных фондов, крестьяне вынуждены были засеять поля «зяблыми» семенами, что привело к недороду в 1603 году.

Сведения о ценах на хлеб можно почерпнуть в воспоминаниях царских наемников Я. Маржарета и К. Буссова, владевших поместьями в центральных уездах и осведомленных насчет хлебной торговли. По словам Маржарета, мера ржи, стоившая 15 солей (около 6 копеек), в годы голода продавалась почти за 20 ливров (почти 3 рубля). Буссов писал, что хлебные цены держались на высоком уровне до 1604 года, когда кадь ржи продавали в 25 раз дороже, чем в обычное время. Таким образом, и Маржарет, и Буссов одинаково считали, что хлеб подорожал примерно в 25 раз.

В первые месяцы своего царствования Борис попытался исполнить обещания, данные народу при коронации. Податное население было на год

освобождено от налогов. Финансовые меры Годунова клонились к тому, чтобы облегчить участь беднейших слоев населения, сделать обложение более равномерным и справедливым, чтобы народу «впредь платить без нужи, чтоб впредь (всем) состоятельно и прочно и без нужи было». Эта доктрина всеобщего благоденствия нашла отражение и в дипломатической документации. Характеризуя деятельность царя Бориса, Посольский приказ подчеркивал, что новый царь «всероссийской земле облегчение и радость и веселие показал... всю Русскую землю в покое, и в тишине, и во благоденственном житии устроил».

Накануне голода Борис организовал систему общественного призрения, учредив богадельни в Москве. Чтобы обеспечить заработок нуждающимся, царь приказал расширить строительные работы в Москве.

Естественно, что, Борис принял энергичные меры по спасению подданных от голода. Однако царь не имел опыта в подобных мероприятиях да и не представлял масштабов разразившейся катастрофы. Поэтому принятые им меры лишь усугубили ситуацию.

По царскому указу в Москве ежедневно на четырех площадях раздавали нищим деньги: в будний день — по полушке, а в воскресенье — по деньге, то есть вдвое больше. Как отмечали очевидцы, казна расходовала на нищих по 300–400 рублей и более в день. Помощь ежедневно получали 60–80 тысяч голодающих.

Подобные мероприятия проводились и в других городах — Смоленске, Новгороде, Пскове и т. д. Я. Маржарет писал: «Мне известно, что он (Борис) послал в Смоленск с одним моим знакомым 20000 рублей».

Однако преобладающее сельское население осталось без помощи. Услышав, что в Москве царь раздает всем желающим деньги, причем сумма эта в слухах была сильно преувеличена, тысячи людей двинулись в Москву. Среди них были как умирающие от голода, так и те, кто мог прокормиться до следующего урожая и у себя в деревне, но кинулся «на халяву». Зло увеличивалось за счет воровства чиновников, ведавших раздачей. Кто просто присваивал деньги, а кто в первую очередь раздавал деньги своим родным и знакомым, представлявшимися нищими. Вспомним Сашу Альхена и «сирот Яковлевичей».

Узнав о злоупотреблениях, царь Борис приказал прекратить в Москве выплаты голодающим. Это, разумеется, увеличило число умерших. К голоду присоединилось еще и «моровое поветрие» (холера). По приказу Бориса специально выделили людей, которые ежедневно подбирали трупы на московских улицах и хоронили их в братских могилах. Царь Борис велел обряжать людей в казенные саваны и вести счет холсту, отпущенному из

казны. А Палицын писал: «И за два лета и четыре месяца счисляюще по повелению цареву погребоша в трех скудельницах 127 000, толико во единой Москве». Я. Маржарет называет близкую цифру — 120 тысяч.

Одновременно Борис послал детей боярских по отдаленным областям государства. Там они отыскивали запасы хлеба с прежних лет, привезли хлеб в Москву и другие города и продавали за полцены. Бедным, вдовам, сиротам и особенно «немцам» было отпущено большое количество хлеба вообще даром. В некоторых областях, например в Курской, был большой урожай. Туда стеклось много народу, и Курск пополнился жителями. Чтобы дать работу людям, скопившимся в Москве, в Кремле, на месте прежних хором Ивана Грозного, Годунов велел выстроить большие каменные палаты.

Таким образом, царь Борис впервые в русской истории предпринял попытку ввести государственное регулирование цен на продовольствие. Вот, к примеру, осенью 1601 года посадские люди Соль-Вычегодска обратились в Москву с жалобой на то, что местные торговцы подняли цены на хлеб до рубля за четверть и выше. 3 ноября 1601 года царь Борис указал ввести в Соль-Вычегодске единую цену на хлеб, обязательную для всех. Государственная цена была вдвое меньше рыночной. Чтобы покончить со спекуляциями, указом вводилась нормированная продажа хлеба. Запрещалось продавать в одни руки более двух — четырех четвертей хлеба. Посадский «мир» получил право отбирать излишки хлеба у торговцев и пускать их в розничную продажу. Торговцы, отказавшиеся продавать хлеб по государственной цене, арестовывались и штрафовались на пять рублей.

Тем не менее можно сказать, что в борьбе с голодом царь Борис действовал полумерами. С мелкими спекулянтами власти обходились круто — товар конфисковывался и тут же продавался по госцене, а спекулянт тут же на площади подвергался торговой казни, то есть получал несколько ударов кнутом.

Однако большая часть хлеба и других съестных продуктов хранилась в боярских и монастырских закромах, владельцы которых не желали продавать их по госцене и боялись царских указов, чтобы торговать по спекулятивным ценам. В результате сотни тысяч людей мерли от голода и параллельно гнили тысячи тонн зерна. Увы, Борис не желал ссориться ни со знатью, ни с духовенством. Забегая вперед, скажем, что практически все иностранные авторы, начиная от современников типа Буссова и Маржарета и кончая историками XIX века, такими как Казимир Валишевский, едины в том, что династию Годуновых погубила мягкость и нерешительность Бориса, чуравшегося кардинальных и жестоких решений.

Голоду положил конец лишь богатый урожай 1604 года, но порожденные голодом разбои остались. Советские историки традиционно представляли любых разбойников как крестьян, восставших против власти феодалов, а конкретно разбои 1601–1603 годов — как начало крестьянской войны. На самом же деле шайки разбойников состояли в основном из холопов, которые ранее служили при дворах богатых дворян и князей. Для читателей, мало сведущих в истории, поясним, что княжеский или боярский холоп был не крестьянин и даже не повар или лакей, а слуга, выполняющий защитные и административные обязанности при своем господине. Часть этих холопов отправлялась в ополчение вместе со своими господами, таких называли «боевыми холопами». По социальному происхождению холопы были детьми крестьян, таких же холопов или даже дворян. Надо ли говорить, что боевые холопы были первоклассными воинами, да и остальные холопы умели владеть оружием. В голодные годы господам было обременительно кормить толпу холопов, и их прогоняли, кого-то с отпусковыми, а в основном так, в надежде, что когда голод прекратится, их опять можно будет взять к себе, а тех, кто даст им кров и пропитание, обвинить в укрывательстве беглых холопов и получить с них деньги. Поэтому никто не хотел принимать выгнанных без отпусковых холопов. Только в августе 1603 года царь Борис издал указ, по которому господа обязаны были, отсылая холопов для прокормления, выдавать им отпусковые. Холопам, выгнанным без отпусковых, выдавать их должен был Холопий приказ.

Тем не менее тысячи холопов оказались выброшенными на все четыре стороны. Значительная часть их бежала на окраины государства, особенно на Северскую Украину, а остальные занялись разбоем в Центральной России. Распространению разбоев способствовала и мягкотелая политика правительства. Исаак Масса писал, что царь Борис в течение первых пяти лет своего правления (то есть до 1603 года) выполнял обет не проливать крови и «делал это явно по отношению к татям, вора, разбойникам и прочим людям». Другой вопрос, что на местах отдельные начальники воздавали разбойникам по заслугам, игнорируя Борисовы указы.

Советские историки раздули действия одной из бандитских шайк, возглавляемой неким Хлопко Косолапым, до размеров большого крестьянского восстания. Как писал Р. Г. Скрынников: «Источники официального происхождения старались дискредитировать выступления низов, называя их „разбойными“». На самом деле в России назревала крестьянская война. Царь Борис поручил борьбу с повстанцами окольничему Ивану Бутурлину, одному из лучших воевод периода

Ливонской войны. Как глава Разбойного приказа Бутурлин посылал дворянские отряды против „разбоев“ в Коломну, Волоколамск, Можайск, Вязьму, Медынь, Ржев, Белую и другие уезды. Охваченные восстанием территории окружали Москву со всех сторон. Наконец „разбои“ появились в непосредственной близости от столицы.

С мая 1603 года москвичи стали свидетелями военных приготовлений неслыханных масштабов. Можно было подумать, что городу вновь угрожают татары. Борис разбил столицу на множество секторов и поручил их оборону пяти боярам и семи окольным. Осенью окольный Иван Басманов, охранявший порядок на Арбате, „в деревянном городе“, выступил в поход против „разбоев“. Воеводы прочих секторов оставались на месте. Власти опасались, очевидно, не столько повстанцев, сколько волнений в столице. В бою с правительственными войсками „разбои“ проявили много упорства и смелости. Воевода Басманов погиб. Но мятежники понесли поражение, их вождь Хлопко был взят в плен и повешен».^[49]

На самом же деле Хлопко был обыкновенным разбойником, а шайка его была невелика. Проблемой же стало большое число шаек. Боролись с ними не московские роты, а местные дворяне и стрельцы. Для этого создавались специальные мобильные отряды, в которые входили конные дворяне и боевые холопы, а также стрельцы, посаженные на телеги, реквизируемые у местных крестьян.

В России во время обычных крестьянских восстаний, как в середине XVII века, так и в 1902–1907 годах, крестьяне первым делом начинали громить помещичьи усадьбы и делить дворянское добро. Соответственно, каратели приходили в села и начинали там вести суд и расправу. Борьба же с разбоями в 1602–1604 годах велась в основном вдоль больших дорог. Крестьяне же страдали от разбойников не меньше, чем помещики. В приходных книгах Новодевичьего монастыря сохранился перечень жалоб крестьян из оболенских сел летом 1604 года. Крестьяне жаловались, что у них был «хлебный недород по три года», что много людей в их селах умерло, жены и дети их нищенствовали, а многие из крестьян «сошли кормитца в укранные города, а дворы тех крестьян пусты, а которые крестьяне остались, и те от разбойников разорены, а иные вразбойных вытех по язычным молкам на правеже замучены».

К 1605 году число разбоев явно пошло на убыль. Однако голод, мор и разбои нанесли экономике страны огромный вред. Царю Борису не удалось выполнить обещания и улучшить жизнь людей. Наоборот, жизненный уровень понизился, а в обществе возникла напряженность. Противники

Годунова распускали дичайшие слухи и винили во всех бедах России царя.

Глава 24

Явление самозванца

Первые слухи о том, что царевичу Димитрию удалось спастись от смерти, появились в 1600 году. Правда, некоторые историки ссылаются на сведения иностранцев, почерпнутые из источников, датированных 1610 годом и позже, то есть задним числом. В русских же летописях и в других дошедших до нас документах нет ни намека о таких слухах. Если бы хоть где-то породился слух о живом царевиче, то последовала бы немедленная реакция властей — розыск, допросы с дыбой и наказание виноватых. Естественно, это было бы зафиксировано в официальных документах. Вспомним еще раз текст присяги Борису Годунову. Новый царь боится всего и в присяге перечисляет возможные прегрешения подданных, поминается даже татарин Симеон Бекбулатович, а вот о Димитрии нет ни слова. А, собственно, зачем? О нем давно все забыли.

Итак, первые слухи о живом царевиче появляются одновременно с опалой Романовых. Допустим пока, что это простое совпадение, и подумаем, кто мог быть инициатором этой затеи. Простые крестьяне, задавленные гнетом господ и лишенные права ухода от них в Юрьев день стали мечтать о царе-освободителе и выдумали воскресение царевича Димитрия? Нет, это слишком хорошая сказка, она вполне подходит для историка-народника XIX века, но не для крестьянина начала XVII века. На Руси с IX по XVI век и слыхом не слыхивали о самозванцах. И приписывать самозванческую интригу неграмотным крестьянам просто смешно.

А теперь обратимся на Запад. Молодой португальский король Себастьян Сокровенный отправился в 1578 году завоевывать Северную Африку и без вести пропал в сражении. Король не успел оставить потомства, зато после его исчезновения в Португалии появилась масса самозванцев Лжесебастьянов. Кстати, папа Климент VIII на полях донесения от 1 ноября 1603 года, извещавшего его о появлении Димитрия, написал: «Португальские штучки». Одновременно в Молдавии прекратилась династия Богданников и тоже появилось немало самозванцев. То, что для Руси было в диковинку, в Европе давно стало нормой.

Мы можем только гадать об имени сценариста Великой смуты, но достоверно можно сказать, что это был не крестьянин или посадский человек, а интеллектурал XVII века. Он мог быть боярином или дворянином,

выполнявшим роль советника при большом боярине, а скорее всего это было лицо духовное. В любом случае это был москвич, близкий ко двору и хорошо знавший тайные механизмы власти. Можно предположить, что через иностранцев и чиновников Посольского приказа сей «интеллектуал» знал о событиях в Португалии и Молдавии.

Заметим, что слух в конце 1600 года — начале 1601 года ходил не по низам, а по верхам. О нем уже знали иностранцы, но ничего не знали в провинциальных городках, не говоря уже о селах. Таким образом, пропаганда велась крайне грамотно. Синхронно пошел и «девятый вал» дезинформации о Борисе Годунове, что тот-де всех поизбивал, кого мог — поубивал, а царя Симеона колдовством зрения лишил. Столь же синхронно появились различные байки о хороших боярах Романовых, «сродниках» царя Федора. Не буду утомлять читателя их пересказом, а интересующихся отправлю к исследованиям по средневековой русской литературе и эпосу. Замечу лишь одно: сей народный фольклор касался только Романовых. Нет ни песен, ни сказок про Шуйских, Мстиславских, Оболенских и про другие древние княжеские рода. Неужели нужно пояснять, что режиссер у этого спектакля был один и тот же, как, впрочем, и заказчики. Итак, царь — изверг на троне, хорошие бояре в опале, а где-то скитается восемнадцатилетний сын Ивана Грозного. Естественно, спасенный Димитрий не мог не явиться, даром, что ли, велась вся кампания.

И вот в 1602 году в Польше объявился долгожданный царевич Димитрий.

О личности самозванца спор идет уже 400 лет. Версий на сей счет имеется три: самозванец был настоящим царевичем, самозванец был Юрием Отрепьевым и самозванец не был ни тем, ни другим. Любопытно, что сторонники последней версии не могут даже предположительно указать на конкретное историческое лицо, ставшее самозванцем. Их аргументы сводятся к критике первых двух версий, после чего методом исключения делается вывод — «откуда следует, что Лжедмитрием был кто-то другой».

Версия же о чудесном спасении царевича очень нравится сентиментальным дамам и мужчинам-образованцам. Этой версии посвящено уже не менее двух десятков душещипательных романов, и нет сомнения, что появятся и новые шедевры. Версии спасения Димитрия одна фантастичнее другой. Некоторым же «историкам» мало традиционной сказки о чудесном спасении, и они идут дальше. Так, Лжедмитрий действительно оказывается царевичем Димитрием, но не сыном Ивана Грозного, а его племянником. Далее следует драматический рассказ, как

Соломея Сабурова родила в монастыре сына от Василия III. А вот внук Соломеи и Василия Димитрий и стал самозванцем.

Были и попытки комбинировать первую и вторую версию. В этом варианте в 1602 году в Польшу, а затем в Италию бежал-де настоящий сын Грозного, но затем он умер на чужбине, а его имя принял Григорий (Юрий Отрепьев).

Я умышленно не привожу названий этих «исторических трудов», не желая делать им рекламу. Полемизировать же с ними просто смешно. Любой нормальный человек до самой смерти помнит события, происходившие с ним в возрасте четырех — восьми лет, причем часто запоминает мелкие детали, забытые его взрослыми родственниками. Самозванец же о своей жизни в Угличе рассказывал хуже, чем сын лейтенанта Шмидта Шура Балаганов о восстании на «Очакове». О том же, что происходило с ним с 8 до 19 лет, он отделялся общими фразами, что его-де приютили и воспитали какие-то хорошие люди. Ну, допустим, в Польше он мог опасаться за жизнь своих покровителей, оставшихся в России под властью Годунова. Зато, взойдя на московский трон, его первым желанием стало бы найти этих «благодетелей», показать их народу и примерно наградить. Причем дело тут не в благодарности, доказательство чудесного спасения в Москве было вопросом жизни или смерти Лжедмитрия. Наконец, неопровержимый довод дает медицина — эпилепсия никогда не проходит сама по себе и не лечится даже современными средствами. А Лжедмитрий никогда не страдал припадками эпилепсии, и у него не хватило ума их имитировать.

Практически все серьезные историки приняли вторую версию и отождествляют Лжедмитрия с иноком Григорием, в миру Юрием Богдановичем Отрепьевым. Он происходил из дворянского рода Нелидовых. Род был в общем-то захудалым. Автору удалось найти в летописях лишь одно упоминание о Нелидовых. В 1472 году великий князь Иван III послал воеводу князя Федора Пестрого наказать жителей Пермского края «за их неисправление». Одним из отрядов в этой войне и командовал Нелидов.

Часть Нелидовых поселилась в Галиче, а часть — в Угличе. Один из представителей рода Нелидовых Данила Борисович в 1497 году получил прозвище Отрепьев. Его потомки и стали носить эту фамилию.

Согласно «Тысячной книге» 1550 года на царской службе состояли пять Отрепьевых. Из них в Боровске сыновья боярские «Третьяк, да Игнатий, да Иван Ивановы дети Отрепьева. Третьяков сын Замятня». В Переславле-Залесском стрелецкий сотник Смирной-Отрепьев.

В 1577 году дети сотника Смирнова-Отрепьева «неслужильный новик» Смирной-Отрепьев и его младший брат Богдан получили поместье в Коломне. Богдану тогда было 15 лет. Интересно, что при поступлении на службу братья Смирной и Богдан Отрепьевы поручились за своего родственника Андрея Игнатьевича Отрепьева, против имени которого в дворянском списке было помечено: «служит с Углича». Таким образом, Богдан и его сын Юрий имели тесные связи с Отрепьевыми, служившими в Угличе. Эти угличские родственники не могли не поделиться с ними рассказами о гибели царевича.

Богдан Отрепьев дослужился до чина стрелецкого сотника. Но его погубил буйный нрав. Он напился в Немецкой слободе в Москве, где иноземцы свободно торговали вином, и в пьяной драке был зарезан каким-то литовцем. Так Юшка остался сиротой, воспитала его мать.

Едва оперившийся Юрий поступил на службу к Михаилу Никитичу Романову. Выбор Юшки не был случайным — детство он провел в имении дворян Отрепьевых на берегах реки Монзы, притоке Костромы. Рядом, менее чем в 10 верстах, была знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича — село Домнино. Вскоре Отрепьев поселился в Москве на подворье Романовых на Варварке. Позже патриарх Иов говорил, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, спасаясь от смертной казни, постригся в чернецы». «Вор» в те времена было более широким понятием, включавшим в себя и государственную измену. Так против кого «заворовался» Юшка? Против своих благодетелей Романовых — так ему нужно было идти не в монастырь, а во дворец к Борису в дублеры к Бартеневу. Значит, «заворовался» он все-таки против царя. Или он был посвящен в заговор Романовых, или, как минимум, активно участвовал в бою с царскими стрельцами. В любом случае ему грозила смертная казнь. Борис по конъюнктурным соображениям был снисходителен к боярам, но беспощадно казнил провинившуюся челядь. Спасая свою жизнь, Юшка принял постриг и стал смиренным чернецом Григорием. Некоторое время Григорий скитался по монастырям. Так, известно, о его пребывании в суздальском Спасо-Ефимьевском монастыре и монастыре Иоанна Предтечи в Галичском уезде.

Через некоторое время чернец Григорий оказывается в привилегированном Чудовом монастыре. Монастырь находился на территории московского Кремля, и поступление в него обычно сопровождалось крупными денежными вкладами. О приеме Григория просил архимандрита Пафнутия протопоп кремлевского царского Успенского собора^[50] Ефимий. Как видим, влиятельные церковные деятели

просят за монашка, бегящего из одного монастыря в другой, бывшего государственного преступника.

Первое время Григорий жил в келье своего родственника Григория Елизария Замятни (внука Третьяка Отрепьева). Всего до побега Григорий провел в Чудовом монастыре около года. В келье деда он пробыл совсем недолго. Архимандрит вскоре отличил его и перевел в свою келью. По представлению архимандрита Пафнутия Григорий был рукоположен патриархом в дьяконы. Вскоре Иов приближает к себе Григория. В покоях патриарха Отрепьев «сотворил святым» каноны. Григорий даже сопровождал патриарха на заседаниях Боярской думы. Такой фантастический взлет всего за год! И время было не Ивана Грозного или Петра Великого. При Годунове головокружительные карьеры не делались. И при такой карьере вдруг удариться в бега?! А главное — как двадцатилетний парень без чьей-либо поддержки вдруг объявил себя царевичем? До этого на Руси со времен Рюрика не было ни одного самозванца. Престиж царя был очень высок. Менталитет того времени не мог и мысли такой допустить у простого чернеца.

Отрепьев бежал в Литву с двумя монахами — Варлаамом и Мисаилом. Варлаам был чернецом Пафнутьева Боровского монастыря. Варлаам Яцкий происходил из провинциальных детей боярских.^[51] Позже, при царе Василии Шуйском, Варлаам напишет подробный рассказ о побеге в Польшу, получивший название «Извет». Вторым чернец, Мисаил, бежал, как и Отрепьев, из Чудова монастыря. В миру он был Михаилом Трофимовичем Повадьиным, сыном боярским из города Серпейска. В московской летописи о нем сказано: «...прост сей и в разуме не утвержден». Полную противоположность Мисаилу представлял собой Варлаам. Его искусно составленный «Извет» говорит об изощренном уме.

Согласно версии Варлаама, дело обстояло так. В 1601 году, в понедельник второй недели Великого поста, в Москве Варварским крестцом шел монах Пафнутьева Боровского монастыря Варлаам. Его нагнал другой монах, молодой, и вступил с ним в разговор. После обыкновенных приветствий и вопросов — кто и откуда — Варлаам спросил своего нового знакомого, назвавшегося Григорием Отрепьевым, какое ему до него дело? Григорий отвечал, что, живя в Чудовом монастыре, сложил он похвалу московским чудотворцам и патриарх, видя такое усердие, взял его к себе, а потом стал брать с собой и в Боярскую думу, оттого и вошел Григорий в великую славу. Но ему не хочется не только видеть, но и слышать про земную славу и богатство, и потому он решил уехать из Москвы в дальний монастырь. Слышал он, что есть монастырь в

Чернигове, и туда-то он хочет позвать с собой Варлаама. Варлаам отвечал, что если Григорий жил в Чудовом монастыре у патриарха, то к Черниговскому монастырю ему не привыкнуть: по слухам этот монастырь — место неважное. На это Григорий отвечал: «Хочу в Киев, в Печерский монастырь, там старцы многие души свои спасли. А потом, поживя в Киеве, пойдем во святой город Иерусалим ко Гробу Господню». Варлаам возразил, что Печерский монастырь за рубежом, в Литве, а за рубеж теперь идти трудно. «Вовсе не трудно, — отвечал Григорий, — государь наш взял мир с королем на двадцать два года, и теперь везде просто, застав нет». Тогда Варлаам согласился идти вместе с Отрепьевым. Оба монаха поклялись друг другу, что не обманут, и договорились на завтра встретиться в Иконном ряду и отправиться в путь. На другой день в условленном месте Варлаам нашел Отрепьева, а с ним был третий их спутник — чернец Мисаил.

В своем «Извете» Варлаам старательно путает правду с вымыслом, стремясь обелить себя. Трудно поверить, что умный и тертый монах в столь солидном возрасте встретил случайно какого-то мальчишку и решил бежать с ним за рубеж. Вместе с тем интеллектуальный уровень Варлаама явно не соответствует роли организатора заговора. То же можно сказать и о Мисаиле. Версию же о том, что до самозванства Отрепьев дошел сам, мы вынуждены отбросить как абсурдную. Отсюда единственный вариант — инока Григория наставили на «путь истинный» в Чудовом монастыре. Кремлевский Чудов монастырь давно был источником различных политических интриг. Там постриглись многие представители знати, и не по доброй воле. Само расположение монастыря под окнами царских теремов и государственных Приказов делало неизбежным вмешательство монахов в большую политику. Царь Иван Грозный желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все, как миряне. Значительная часть монахов была настроена оппозиционно к царю и патриарху.

Вполне возможно, что наставником Григория в этом деле был архимандрит Пафнутий, умный и честлюбивый интриган. Об его участии в политических заговорах будет сказано позже. Другой вопрос: действовали ли чудовские «кукловоды» в инициативном порядке, выставя самозванца, или были в сговоре со светскими лицами?

Но вернемся к нашим беглецам. Им удалось благополучно добраться до Новгорода-Северского, где они прожили несколько дней в Преображенском монастыре. Затем они нашли провожатого — какого-то бродячего монаха, который тайно провел их через границу в Литву. В

начале 1602 года троица прибыла в Киев в Печерский монастырь. Там инок Григорий «разболелся до умертвия» и решил причаститься у печерского игумена. Далее все было, как в мексиканских сериалах. Умиравший Григорий признался игумену, что царевич Димитрий «а ходит будто в ыскусе, не пострижен, избегаючи, укрываяся от царя Бориса...». Но игумен сериалов не любил и велел немедленно выкинуть умирающего и обоих его спутников за пределы монастыря. За воротами монастыря инок Григорий чудесным способом излечился от болезней, и вся троица отправилась в город Острог во владения князя Константина Острожского. Потомок Гедемина Константин был практически независимым правителем. При его дворе служило более двух тысяч шляхтичей и челяди. Несмотря на Брестскую унию, князь оставался ревностным поборником православия.

Князь Острожский радушно принял беглецов. Рассказ Варлаама о пребывании в Остроге летом 1602 года подтверждается неоспоримыми доказательствами. В свое время А. Добротворский обнаружил в книгохранилище Загоровского монастыря на Волыни книгу, отпечатанную в Остроге в 1594 году, с надписью: «Лета от сотворения миру 7110-го (1602 год), месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам Григорию з братею, с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный со светом крещении Василей, Божиею милостию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский». Любопытно, что кто-то из современников сделал на книге дополнение к дарственной надписи. Над словом «Григорию» кто-то вывел слова «царевичу московскому». То есть Отрепьев сделал признание Острожскому о своем «царском происхождении». Но, увы, тот немедленно велел гайдукам вытолкать самозванца взашей из замка. Тут пути нашей троицы разошлись. Варлаам и Мисаил были отправлены Острожским в православный Троицкий Дерманский монастырь, а Отрепьев скинул монашеское одеяние, облачился в светское платье и отправился в город Гощу. Гоща в то время был центром еретиков-ариан. Отрепьев поселился там у пана Габриэля Хойского и, по некоторым сведениям, стал отправлять обряды ариан. В Гоще Отрепьев получил возможность брать уроки в арианской школе. По словам Варлаама, Отрепьева учили «по латынски и по польски». Одним из учителей Отрепьева был русский монах Матвей Твердохлеб — известный проповедник арианства. Отрепьеву не понадобилось много времени, чтобы понять, что от ариан особой помощи ему ждать не приходится, а сама его связь с еретиками поставит крест на самозванческой карьере. В начале апреля 1603 года Григорий бежал из Гощи.

Возможно, что Отрепьев какое-то время провел у запорожских казаков. По некоторым данным, Григорий будто бы бежал к запорожцам в кош старшины Герасима Евангелика и был там с честью принят.

Из Сичи Гришка отправляется в город Брачин к православному владетельному князю Адаму Вишневецкому. Надо ли говорить, что Отрепьев вскоре открылся князю. По одним сведениям, он повторил трюк со смертельной болезнью и исповедью на смертном одре. По другой версии Отрепьев помогал князю мыться в бане и получил плюху за небрежность. Тогда оскорбленный «царевич» воскликнул: «Князь, вы не знаете, кого бьете!» — и показал дорогой крест, якобы возложенный на него при крещении крестным отцом князем Мстиславским.

Адам Вишневецкий признал Отрепьева царевичем. Причем главную роль сыграла не доверчивость князя, а его территориальные споры с Московским государством. В конце XVI века семейство Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в Заднепровье. В 1590 году польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими. Между Польшей и Россией был «вечный» мир, но Вишневецкий плевал равно как на Краков, так и на Москву, продолжая захват спорных земель. Самые крупные инциденты случились на Северщине, из-за городков Прилуки и Сиетино. Московское правительство утверждало, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господарстве в Северной земли Прилуцкое и Сиетино городище осваивают». В конце концов в 1603 году Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Вооруженные стычки из-за спорных земель могли привести и к более крупному военному столкновению. Именно эта перспектива и привела Отрепьева в Брачин. По планам Гришки Вишневецкий должен помочь ему втянуть в военные действия против Московского государства татар и запорожцев.

Царь Борис обещал князю Вишневецкому щедрую награду за выдачу «вора», но получил отказ. Тогда Вишневецкий, опасаясь того, что Борис применит силу, отвез Отрепьева подальше от границы в городок Вишневец.

7 октября 1603 года Адам Вишневецкий пишет коронному гетману и великому канцлеру Польши Яну Замойскому о появлении царевича Димитрия, и бродяга становится для панов законным претендентом на престол.

Глава 25

Подготовка к походу на Москву

Для Отрепьева самой трудной частью авантюры было признание его польскими магнатами. Вторая же фаза — сбор войска для вторжения в Россию — особой сложности не представляла. К началу XVII века Речь Посполитая (буквально «Польская республика») формально оставалась унитарным государством, а фактически представляла собой нечто типа федерации с очень слабой центральной властью.

В 1505 году была принята так называемая Радомская конституция «*Nihil novi*» («Никаких нововведений»), поставившая короля в полную зависимость от сейма. Согласно «Пактам конвента» от 1573 года, польские короли были лишены права передавать власть по наследству. Выборы нового короля осуществлял сейм. Король не мог объявлять войну или заключать мир без санкции сейма. Не будем приводить длинный список ограничений королевской власти. Заметим лишь, что в случае неисполнения королем какого-либо из этих обязательств шляхта освобождалась от повиновения королю. Так было узаконено вооруженное сопротивление королевской власти, так называемый «рокош».

Принципиальным отличием польского сейма от парламентов XV–XVII веков в европейских странах (Англии, Франции и т. п.) было отсутствие в нем городского населения, то есть «третьего сословия». Сеймом заправляли богатые магнаты, а простые шляхтичи вынуждены были становиться сторонниками («клиентами») того или иного владетельного господина.

Польские магнаты являлись неограниченными правителями на своих территориях. Использовать управу короля на большинство магнатов было бесполезно. Магнаты содержали большие частные армии. Причем армии наиболее богатых феодалов были соизмеримы с королевским войском, а иногда и превосходили его. Частные армии магнатов периодически воевали между собой, с королевским войском и с соседями Речи Посполитой. К примеру, те же Вишневецкие в XVI — начале XVII веков постоянно вели «частные» войны с Московским государством, с Крымским ханством и с Турцией. Так, Дмитрий Вишневецкий, родной дядя уже известного нам Адама Вишневецкого, двинулся с войском в Молдавию, чтобы стать там правителем («господарем»), но потерпел поражение и был казнен в Стамбуле.

Соответственно, мир любого соседнего государства с Речью

Посполитой мог означать лишь то, что королевское войско не будет нападать на данного соседа в период действия данного договора. А магнаты смотрели на мирные договоры исключительно с точки зрения своей выгоды.

Отметим еще один важнейший для феодального общества аспект — кичливая и переполненная сословными предрассудками польская знать была... беспородна, если не считать небольшого числа дворян, в жилах которых текла кровь Рюриковичей и Гедиминовичей. Как писал крупный специалист в области генеалогии П. Н. Петров:^[52] «А о польских не литовского происхождения (рода Гедиминова) князьях природных мы можем одно сказать, что они все перемерли еще при царствовании династии Пястов» (то есть в XIII–XV веках). Большинство магнатов были безродными выскочками, захватившими силой владения соседей.

В XVI–XIX веках в Польше был самый высокий в мире процент дворян по отношению ко всему населению страны. Попастъ в дворяне было сравнительно просто. В Польше существовали еврейские конторы, специализировавшиеся на подделке различных документов, свидетельствовавших о дворянском происхождении и иных заслугах заказчиков. Позднейшие исследователи отмечали высокий уровень качества таких подделок.

Естественно, что подавляющее большинство таких дворян не имело крепостных, работать они не хотели, а умели лишь пить, плясать, драться на саблях и горлопанить о «вольностях шляхетских». Кормились они в основном за счет разбоя и подачек магнатов. Надо ли говорить, что для большинства буйных панов появление в Польше царевича Димитрия было просто подарком.

Узнав от Адама Вишневецкого о появлении самозванца, канцлер Замойский посоветовал Вишневецкому известить обо всем короля, а затем отправить и самого москвитянина либо к королю, либо к нему гетмана.

1 ноября 1603 года польский король Сигизмунд III пригласил папского нунция Рангони и уведомил его о появлении в имении Адама Вишневецкого москвитянина, который называет себя царевичем Димитрием и намеревается вернуть себе престол с помощью казаков и татар. Король приказал Вишневецкому привезти Отрепьева в Краков и представить подробное донесение о его личности.

Адам Вишневецкий исполнил приказ царя относительно доклада и переслал в Краков подробную запись рассказов Отрепьева. Но переписка с Замойским убедила его в том, что король не склонен поддерживать самозванческую интригу, и поэтому Вишневецкий не спешил передавать

самозванца короллю.

Дело в том, что и король Сигизмунд III, и канцлер Замоиский оказались в крайне сложном положении. С одной стороны, им не хотелось нарушать мир и затевать большую войну с Москвой. (Не надо забывать о шведской угрозе с севера и личных счетах Сигизмунда со шведским королем.). С другой стороны, король и канцлер были не прочь устроить смуту в России и серьезно ослабить ее. С третьей стороны, король боялся, что в случае успеха похода самозванца за счет ограбления России и присоединения русских земель укрепит свою позицию магнатов и, соответственно, ослабнет королевская власть. Наконец, была вероятность и провала вторжения на Русь, после чего буйные паны, запорожские казаки и всякий сброд могли начать «рокош» в самой Польше или на Украинских землях.

Адам Вишневецкий предпочел бы действовать с согласия короля и канцлера, но был готов затеять войну и без них. Адам публично в присутствии послов крымского хана заявил, что он в отличие от короля не связан присягой о мире с царем Борисом и может действовать, не считаясь с мирным договором с Россией. В январе 1604 года Вишневецкий начал собирать войска в своей вотчине в Лубнах на реке Суле.

Но вскоре между Лжедмитрием и Вишневецким возникли серьезные разногласия. Вишневецкий не собирался идти на Москву, да и сил для этого у него было мало. Он собирался вести «частную» войну с московскими воеводами на украинских землях. Целью «частной» войны Вишневецкого был захват нескольких городков, контролируемых Москвой, а затем — заключение выгодного мира с царем Борисом. Не исключено, что на мирных переговорах голова Отрепьева стала бы разменной монетой. Самозванца, естественно, такие планы князя Адама не устраивали, к тому же у него к началу 1604 года появились и другие покровители.

Где-то в конце 1603 года брат Адама Вишневецкого Константин свозил Лжедмитрия в город Самбор к своему тестю Юрию Мнишку. Здесь, в завязавшихся таким образом отношениях с этой семьей, Отрепьев мог многое выиграть, но также кое-что и потерять. Мнишки были довольно влиятельными при дворе, но с этим привилегированным положением соединяли равную ему и вполне заслуженную неприязнь в народе. Мнишки, чехи по происхождению, недавно поселились в Польшу. Отец Юрия Николай Мнишек переехал в Польшу из Моравии где-то в 1540 году. Родовое имя Мнишков нашло сомнительную славу в летописях Священной Римской империи, но носитель его принес с собой надежное состояние, нажитое им на службе у чешского короля Фердинанда. Николай Мнишек

выгодно женился на дочери саксонского кастеляна Каменецкого и тем самым породнился с одной из аристократических фамилий Польши. Это открыло ему доступ к самым высшим должностям в государстве. Вскоре он получил звание великого коронного подкормия.

Подобно своим предкам, потомки Николая Мнишка никогда не блистали военными доблестями. Оба его сына, Николай и Юрий, служили при дворе Сигизмунда II и ничем не проявили себя до тех пор, пока смерть супруги короля Варвары Радзивилл не изменила кардинально его характер. Король предался разврату и суеверию, и Мнишки проявили тогда свои таланты. Проворные маклеры и искусные сводники, они доставляли своему безутешному государю колдунов, вызывателей духов, любовниц и разные зелья и средства для возбуждения потехи. В одном монастыре бернардинок воспитывалась юная красавица по имени Варвара. Она была удивительно похожа на покойную королеву. Юрий Мнишек пробрался туда, переодевшись в женское платье, и Варвара согласилась еще более реальным образом напомнить королю о прелестях столь горячо оплакиваемой супруги. Варвара была дочерью простого мещанина Гижи. Ее поселили во дворце, и два раза в день Юрий Мнишек отводил ее к королю.

Это «ремесло» возвело его в должность коронного кравчего и управляющего королевским дворцом. В его обязанности входило также наблюдение и за другими любовницами короля, жившими во дворце. В то же время, действуя заодно с братом, Юрий Мнишек приобрел большое влияние на большинство государственных дел и прибрал к своим рукам распоряжение королевской казной. Но оба брата Мнишка больше всего обогатились в день смерти Сигизмунда II. Король, изнуренный всякими излишествами и уже смертельно больной, отправился с несколькими приближенными в Книшинский замок в Литву. Разумеется, братья Мнишки и красавица Варвара сопровождали короля в этом путешествии. В ночь после кончины Сигизмунда они отправили из замка несколько плотно набитых сундуков. В результате этого в замке не нашлось даже одежды, чтобы достойно облачить державного покойника.

Этот скандал наделал такого шума, что на ближайшем сейме были возбуждены публичные прения по этому вопросу. По-видимому, обвиняемым не удалось оправдаться, однако при помощи могущественных покровителей им удалось избежать судебного преследования, которого требовали на сейме, и обязательства вернуть украденное. Краковский воевода Ян Фирлей, великий коронный маршал и зять братьев Мнишков, успешно замял это дело. Мнишки остались по-прежнему богаты, важны и

также презираемы.

Король Стефан Баторий терпеть не мог Юрия Мнишка, и тот должен был удовлетвориться незначительной должностью радомского кастеляна. Сигизмунд III снял опалу с Мнишка.

В 1603 году Юрию было около пятидесяти лет. На тучном туловище и короткой толстой шее склонного к апоплексии человека сидела продолговатая голова с выпячивающимся подбородком и лукавым взглядом голубых глаз. Юрий обладал превосходными качествами царедворца. Его почтительные манеры и красноречие снова сослужили ему хорошую службу. Еще больше Мнишек набил себе цену, выставя напоказ глубокую набожность. Получив Самборскую королевскую экономию, Сандомирское воеводство и Львовское староство, он построил два монастыря — доминиканский в Самборе и бернардинский во Львове и в то же время пожертвовал десять тысяч флоринов для строительства во Львове иезуитского коллегиума. Он умело делил свои дары между этими тремя влиятельными орденами и не упускал из-за этого возможности укрепить свое положение брачными союзами преимущественно с протестантскими семьями. Католический мир избегал их как зачумленных, поэтому они были доступнее и представляли весьма выгодные партии. Муж одной из сестер воеводы — Фирлей — был кальвинист. Другая сестра Мнишка вышла замуж за арианина Стадницкого. Сам Юрий Мнишек женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой были также ариане.

Юрий Мнишек буквально выжимал все соки из Самборского воеводства, но постоянно нуждался в деньгах и не вылезал из долгов. Чтобы выйти из затруднительного положения, Мнишек нашел одно лишь средство — выгодно выдать замуж своих дочерей. Он не давал за ними приданого, но тем не менее находил им богатых и покладистых мужей. Его старшая дочь Урсула вышла замуж за Константина Вишневецкого, вполне способного поддержать своего бедствующего тестя. Младшая дочь Мария, или Марина, поджидала еще жениха. В то время ей исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет.

Появление самозванца в Самборском замке вызвало у Мнишка очередной приступ алчности. Оставим сентиментальным романистам описание первой встречи Отрепьева и Марины Мнишек. То ли самозванец действительно влюбился в красавицу Марину, то ли он заключил деловой союз с ее отцом. Я не исключаю, что имело место и то, и другое. В конце концов Лжедмитрий сделал предложение Марине. Оно было с удовольствием принято, но дело ограничилось помолвкой. Брак же был отложен до утверждения жениха на московском престоле.

Был и религиозный аспект этого брака. Мнишки, как уже говорилось, отличались крайней веротерпимостью. То же самое можно сказать и о самозванце. С. М. Соловьев утверждает, что «Лжедмитрий позволил францисканским монахам обратить себя в католицизм». Однако достоверные доказательства перехода его в католицизм отсутствуют. Хотя в Самборе Отрепьев действительно вел долгие беседы с ксендзом Помаским и богословом Анзеришу.

В ноябре 1603 года король Сигизмунд изъявил желание видеть Димитрия в Кракове. В это время в польских верхах шла борьба двух партий. Против поддержки самозванца решительно выступали наиболее умные политики и военачальники. Среди них были Ян Замоиский, Константин Острожский, Карл Ходкевич, браславский воевода Збаражский и другие. Хотя согласно конституции, король должен был принять мнение Замоиского и Ходкевича, у него были и другие, менее официальные, но более желанные ему советчики. Они принадлежали к второстепенным личностям в стране. Это были царедворцы, шедшие по следам братьев Мнишков, такие прижившиеся в Польше выходцы, как Андрей Бобола, Бернард Мацейовский и Сигизмунд Мышковский, или наемные иностранцы, как немец ВрADER и итальянец де ля Кола, и, наконец, главная придворная дама королевства Урсула Гингер. Этот маленький мирок, легко доступный всяким интригам, находился вместе с самим королем под сильным влиянием иезуитов и, в частности, под влиянием духовника короля отца Барча. А между тем отцов-иезуитов уже насторожили известия, приходившие из Самбора.

Настоящий или самозванный, но обращенный в католичество царевич мог сесть на московский престол, а следом за ним в Россию смогли бы проникнуть и члены Общества иезуитов. Чисто личные соображения побуждали к тому же и короля Сигизмунда. Будучи ревностным католиком, он готов был, кажется, пожертвовать Польшей, чтобы только ввести в католицизм Московское государство. Недавно он потерял свое наследие в Швеции, и эта страна в равной мере волновала его как своими политическими, так и близкими его сердцу религиозными интересами.

В феврале 1604 года король официально обратился к сейму, прося его высказаться по поводу претендента на русский престол. По двум наиболее существенным вопросам — о подлинности Димитрия и о предполагаемом участии Польши в его предприятии — король почти единогласно получил отрицательный ответ. «За» были только краковский воевода Николай Зебжидовский и гнезенский архиепископ прелат Ян Тарковский.

Тем не менее в первых числах марта 1604 года Мнишек и Лжедмитрий

объявились в Кракове. С самого начала Мнишек показал себя отличным политиком. Он начал с того, что устроил большой пир, куда пригласил и членов сейма. Естественно, что центральное место на пиру занимал Лжедмитрий. Претендент появился со свитой из нескольких «знатных московитов». На деле это были бродяги, бежавшие из России, или казаки. Но пьяные паны не особенно разбирались в этом, главное, что свита оказывала почти царские почести претенденту.

Вскоре самозванцу представили пятерых братьев Хрипуновых, бежавших из России. Хрипуновы были дворянами из города Зубцова. Все пятеро дружно признали в претенденте царевича Димитрия. Вопрос, откуда они могли знать царевича раньше, поляков, естественно, не интересовал. Интересно, что показания Хрипуновых Отрепьев и Мнишек широко разрекламировали среди поляков. Но с собой в Москву Лжедмитрий Хрипуновых не взял и впоследствии, когда Лжедмитрий уже царствовал, они вынуждены были просить покровительство короля, чтобы получить разрешение вернуться в Россию, и при его поддержке получили там земельные наделы.

Вскоре Сигизмунд III сделал решительный шаг — 15 марта претенденту была назначена аудиенция. Представ перед королем, Лжедмитрий произнес напыщенную речь, пестрящую многочисленными латинскими изречениями, риторическими фигурами и сравнениями, в которых более или менее удачно приводились подобные случаи из истории и преданий. В своем ответе Сигизмунд, связанный мнением сейма, дал понять, что он не признает Димитрия, не даст ему ни одного солдата и не нарушит перемирия, заключенного с царем Борисом, но он все это позволит Мнишку и даже будет тайно поддерживать это предприятие.

Для начала, сразу же после аудиенции, Лжедмитрия осыпали подарками, назначили ему ежегодное содержание в четыре тысячи флоринов, правда, из доходов Самборской экономии, что вряд ли понравилось Мнишку. Кроме того, король взял на себя некоторую долю расходов для дальнейшего пребывания претендента в Кракове. Ходили также слухи, что Сигизмунд заказал для будущего царя великолепный столовый сервиз с русскими гербами и что он сам ежедневно видится с претендентом.

Разумеется, король делал все это не ради красивых глаз беглого монаха. Прежде чем попасть в королевскую резиденцию Вавель, Лжедмитрий был вынужден дать польской короне клятвенное обещание — отдать Польше половину Смоленской земли и часть Северской; заключить вечный союз между обоими государствами; разрешить свободный въезд

иезуитов в Московию; позволить строить католические церкви и, наконец, обещал помочь королю вернуть шведский престол.

По сему поводу польский историк Казимир Валишевский писал: «Приходится сознаться, что, отдавая больше, чем он получал, Димитрий заключал невыгодную сделку. Ведь в этой стране Речи Посполитой попустительство, на которое дал свое согласие Сигизмунд, столь же мало значило, как и королевская власть. Он избавлял Мнишка от личных тревог, он мог подстрекнуть и еще нескольких искателей приключений, но, в сущности, вопреки желанию и первоначальному чаянию воеводы, дело не пошло дальше авантюры... Да, Димитрий давал слишком много. Но обещания ничего не стоят тому, кто не намерен их сдержать; и, здраво рассуждая, невозможно приписать такой невероятной наивности Сигизмунду и его советчикам, уверенности, что он сдержит свое обещание, когда у него явится желание и он получит власть исполнить то, что теперь обещал. Для московского царя это равнялось бы самоуничтожению! Весьма вероятно, что этот необычайный договор, тотчас же спрятанный королем в шкатулку, ключ от которой хранился у него, был в глазах Сигизмунда только залогом, бумажкой, которую можно будет использовать впоследствии, при более серьезных сношениях, как средство прижать».^[53]

Еще до встречи с королем Лжедмитрию пришлось познакомиться и с папским нунцием Клавдием Рангони. В длительной беседе нунций дал понять, что если претендент желает получить помощь от Сигизмунда, то должен отказаться от греческой веры и вступить в лоно римской церкви. Лжедмитрий немедленно согласился и за невозможностью поцеловать папскую туфлю облобызал башмак Рангони. Последний причастил претендента и миропомазал. Затем Лжедмитрию пришлось побывать на исповеди у монаха-иезуита.

24 апреля 1604 года Лжедмитрий написал письмо папе Клименту VIII. В нем Отрепьев именовал себя «самой жалкой овечкой», «покорным слугою» его святейшества. Он отрекался от «заблуждения греков», признавал непорочность догматов веры «истинной Церкви» и, наконец, целовал ноги его святейшества, как «ноги самого Христа», и исповедовал полную покорность и подчинение «верховному пастырю и отцу всего христианства». В то же время хотя он и рад был, что нашел вечное царство, более прекрасное, чем то, которое у него так несправедливо похитили, и выражал готовность, если на то будет воля Провидения, отказаться от престола своих предков, он допускал также, что Всевышний мог избрать его проповедником истинной веры, дабы обратить заблудшие души и возвратить в лоно католической церкви великую и набожную нацию.

Получив сие послание, Климент VIII сделал то же, что сделал Сигизмунд. Обещания претендента были приняты в Риме с радостью, и папа написал на полях письма: «Возблагодарим премного Бога за это...» Иезуиты получили полномочия использовать таким образом достигнутый в религиозном отношении успех. Что же касается политической стороны дела, то тут папа, наоборот, оказался крайне осторожным. Он соглашался не видеть более в Димитрии нового португальского короля-самозванца, но в ответе на его послание называл его «дорогим сыном» и «благородным господином» — и всё!

Известив папу о своем обращении в католичество, Лжедмитрий в тот же день покинул Краков и вместе с Юрием Мнишком направился в Самбор. В самборском замке Лжедмитрия ожидал серьезный разговор с будущим тестем. Ведь самозванец обещал отдать королю значительную часть земель, обещанных Мнишку еще в феврале 1604 года. Поэтому Лжедмитрию пришлось заключить новый договор с Мнишком. В этом договоре, подписанном 24 мая 1604 года, самозванец торжественно клялся под страхом анафемы и обещал: 1) Тотчас по вступлении на престол выдать Мнишку один миллион польских золотых для подъема в Москву и уплаты долгов, а Марине прислать бриллианты и столовое серебро из царской казны. 2) Отдать Марине Великий Новгород и Псков со всеми жителями, местами, доходами в полное владение, как владели прежние цари. Города эти оставались за Мариной, хоть бы она не имела потомства от Димитрия, и вольна она в них судить и рядить, постановлять законы, раздавать волости, продавать их, также строить католические церкви и монастыри, в которых основывать латинские школы. При дворе своем Марина также вольна держать латинских духовных и беспрепятственно отправлять свое богослужение, потому что он, Димитрий, соединился уже с римской церковью и будет всеми силами стараться привести и народ свой к этому соединению. В случае если дело пойдет плохо, и он, Димитрий, не достигнет престола в течение одного года, то Марина имеет право взять назад свое обещание или, если захочет, то ждать еще год.

Не прошло и месяца, как Лжедмитрий вынужден был заключить другой договор. В этом договоре, подписанном 12 июня 1604 года, Лжедмитрий обязывался уступить Юрию Мнишку княжества Смоленское и Северское в потомственное владение, и так как половина Смоленского княжества и шесть городов из Северского княжества отойдут королю, то Мнишек получал еще из близлежащих областей столько городов и земель, чтобы доходы с них равнялись доходам с городов и земель, уступленных Сигизмунду.

Как писал Соловьев, «Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и украинах...».^[54] Цитата приведена умышленно, дабы автора не заподозрили в предвзятости. Первоначально местом сбора частной армии Мнишка был Самбор, но затем ее передислоцировали в окрестности Львова. Естественно, что это «рыцарство» начало грабить львовских обывателей, несколько горожан было убито. В Краков из Львова посыпались жалобы на бесчинства «рыцарства». Но король Сигизмунд вел двойную игру, и пока воинство Мнишка оставалось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Любопытно, что польские историки оправдывают поход этого сброда на Москву. Тот же Казимир Валишевский писал: «В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот исконный обычай сохранился еще в европейских нравах, и частный почин если и не получал более или менее официальной поддержки заинтересованных правительств, всегда пользовался широкой снисходительностью».^[55]

Таким образом, с польской точки зрения сей поход был лишь экспедицией в страну диких туземцев.

Между тем король не только смотрел сквозь пальцы на сборы частной армии, но и осуществлял дипломатическую поддержку самозванца. В начале лета 1604 года король дал аудиенцию крымскому послу Джану Черкашенуку и пообещал «уплатить Крыму казну за два года»,^[56] если хан согласится помочь самозванцу. По возвращении в Крым Джан доложил о предложении короля хану Бора-Газы Гирею. Тем не менее помощи от крымцев Лжедмитрий не получил. Зато к нему присоединилось около двух тысяч запорожских и малороссийских казаков.

Армия Мнишка медленно приближалась к русским границам. Войско делало в день по две-три мили, иногда останавливалось в одном месте на несколько дней. К концу первых двух недель похода Лжедмитрий все еще оставался в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября был проведен смотр. «Рыцарство» собралось в коло^[57] и произвело выборы командиров. Мнишек, по его же желанию, был выбран

главнокомандующим, а Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий — полковниками. Сын Мнишка Станислав стал командиром гусарской роты. Таким образом, Мнишек, его друзья и родственники сосредоточили в своих руках все командование армией самозванца.

К моменту перехода русской границы в армии Мнишка было 1000–1100 польских гусар, сведенных в роты по 200 сабель в каждой, 400–500 человек польской пехоты, от 2000 до 3000 казаков и до 200 «москалей», то есть беглых русских.

Надо сказать, что не все русские эмигранты в Польше поддержали самозванца. Так, в Краков к королю явился беглый сын боярский Яков Пыхачев и заявил, что царевич Димитрий на самом деле самозванец. Вслед за Пыхачевым явился более страшный обличитель — монах Варлаам, который рассказал королю и панам о своем путешествии из Москвы в Польшу с царевичем Димитрием и что Димитрий на самом деле является беглым монахом Григорием. Обличители появились совсем некстати. Король и не думал о правде слов самозванца, ему нужен был «предлог раздора и войны». А посему Пыхачев и Варлаам под конвоем были направлены в Самбор к Мнишку. Там самозванец приказал немедленно казнить Пыхачева, а Варлаам был заточен в темницу. Некоторые историки удивляются, почему безвестный Пыхачев был казнен, а куда более опасный для расстриги Варлаам всего лишь заточен в темницу. Дело в том, что со времен Брестской унии (1596 год) в Польше царила атмосфера религиозной нетерпимости, и любое насилие католиков над православными или наоборот приводила к серьезному конфликту конфессий. Казнь православного монаха католиками могла привести к непредвиденным последствиям.

Как уже говорилось, армия Мнишка, двигаясь по польской территории, безнаказанно грабила местное население. В связи с этим князь Константин Острожский и черкасский староста Ян Острожский отобилизовали свои частные армии и разместили на границах собственных владений, чтобы не допустить туда «рыцарство». Ян Острожский приказал угнать все лодки и паромы с днепровских переправ в районе Киева. И в течение нескольких дней армия Мнишка стояла на берегу Днепра, не имея средств для переправы. Самозванца выручили киевские мещане, предоставившие средства для переправы. Дело тут, разумеется, не в любви киевлян к «спасенному царевичу», как писали наши историки, а в страстном желании мещан оградить свое имущество от храброго «рыцарства».

Глава 26

Нашествие

13 октября 1604 года войско самозванца переправилось за Днепр и стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Монастырскому острогу.

Пока мы говорили лишь о действиях самозванца и поляков. А как реагировал на это царь Борис? Начнем с того, что царь при первых же известиях о самозванце сразу установил личность самозванца и инициаторов авантюры. Немедленно к русским воеводам в пограничные городки и на сопредельные территории польским магнатам были посланы грамоты, извещающие о побеге инока Григория (в миру Юшки Отрепьева) и его самозванстве. Другой вопрос, что грамоты были составлены безграмотно и давали возможность сторонникам Лжедмитрия оспаривать их содержание.

На Боярской думе царь прямо объявил, что подставка самозванца — это дело рук бояр. Эта фраза стала хрестоматийной и кочует из одной книги в другую, но, увы, пока никто из историков не попытался выяснить, кого конкретно имел в виду Борис. В целях пропаганды царю было выгодно объявить Лжедмитрия ставленником польских панов или иезуитов. Ведь и те, и другие ему помогали, и действовал самозванец в их интересах. «Внешнее» происхождение самозванца было на руку московским властям, с учетом неприязни русского народа к полякам и иностранцам вообще.

Однако Борис выбирает самый невыгодный в пропагандистском плане вариант — своим недругам внутри и вне страны он показывает, что измена проникла в высшие эшелоны власти. Значит, Борис знает, о чем говорит, и знает поименно устроителей смуты. Во все времена и во всех странах за такими обвинениями следовали репрессии. Но никаких репрессий против бояр и князей не последовало. Ни жестоких — с виселицами, колесами и колами, ни мягких — ссылок в деревню, отстранения от должности или лишения чинов.

Как же так? Знать тех, кто предал царя, предал государство, навел на страну ляхов, и оставлять их на руководящих постах? Тут могло быть лишь два варианта: или царь Борис сошел с ума, или бояре — организаторы самозванческой интриги — уже не играли никакой роли в управлении государством. Тогда ими могли быть только Романовы с родственниками. Они и так были наказаны. Большинство братьев Никитичей умерло в

ссылке, а старший брат уже давно не был Федором Никитичем, а был иноком Филаретом. Правда, Иван Грозный вытаскивал из монастырей и казнил многих вельмож, принявших постриг. Но Борис был умнее и прекрасно понимал, что, скажем, четвертование Филарета ничего уже не исправит, но сильно повредит престижу царя в глазах народа. Поэтому Борис и не стал уточнять, кто именно затеял дело с самозванцем. Бояре же, надо думать, правильно поняли Годунова и не стали задавать глупых вопросов. Расставим точки над «i»: в конце 1604 года большинство бояр не любило Бориса, но, с другой стороны, в Москве не было бояр, любивших Романовых и желавших их возвращения.

Наши историки до сих пор не могут толком ответить на вопрос: почему беглый монах с четырьмя-пятью тысячами разношерстного войска мог успешно воевать с лучшими воеводами и огромными ратями Московского государства? Болтовня о том, что народ-де не любил царя Бориса, не мог простить ему отмены Юрьева дня, надеялся на доброго царя Дмитрия и т. д., право, несерьезна. Она годна лишь для сентиментальных девиц да интеллигентов-образованцев, охотно распевающих: «... кавалергарда век недолог...», но не представляющих, чем кавалергард отличается, к примеру, от гусара. На самом деле никого из народа, то есть крестьян, посадских и т. п., кого современные историки понимают под народом, ни в войске самозванца, ни у царских воевод не было. И там, и там воевали профессионалы — дворяне, боевые холопы, стрельцы, гусары, казаки и др.

Династию Годуновых погубила недооценка противника и полнейшая безграмотность в стратегии войны как царя, так и его воевод.

Посмотрим на карту. Кратчайший путь из Польши в Москву лежит через Смоленск, Вязьму и Можайск. Ареной всех предшествующих русско-польских войн традиционно была Смоленская земля. По этому маршруту в 1609 году двинулся на Русь король Сигизмунд, в 1610 году — Жолкевский, в 1611 году — Ходкевич, в 1618 году — королевич Владислав, а в 1812 году — Наполеон.

Однако в 1604 году Лжедмитрий и Мнишек пошли кружным путем через Чернигов и Новгород-Северский, то есть на 300–350 километров южнее, чем это обычно делали завоеватели, шедшие с запада на Москву. Сделано это было не случайно. На берегах Десны и Сейма еще со времен Ивана III строились многочисленные крепости и остроги, предназначенные для защиты южного «подбрюшья» России как от поляков, так и от крымских татар. Естественно, что сидеть в маленьких гарнизонах было скучно, шансов на чины и награды было мало. Туда отправляли опальных и

проштрафившихся дворян и стрельцов. Дисциплина в крепостях и острогах была низкая, жалованья на жизнь не хватало, и служилые люди часто промышляли разбоем. Появление царевича Димитрия для большей части служилых было манной небесной. А серьезно, каким другим способом они могли получить богатство, чины, покинуть остроги, вокруг которых постоянно рыщут злые татары и не менее злые ляхи, и переселиться в хоромы в Москве?

Находясь в четырехугольнике Чернигов — Стародуб — Кромы — Рыльск, самозванец мог спокойно проигрывать сражения, нести сколь угодно большие потери и... продолжать войну до бесконечности. Ведь оружие и порох Лжедмитрий свободно получал из Польши, оттуда же шли толпы грабителей-шляхтичей. С Дона и Днепра к Лжедмитрию шли казаки. Наконец, в упомянутом четырехугольнике хватало и русских служилых.

Русскому командованию вести борьбу с самозванцем в четырехугольнике было бесперспективно. Но не будем корить Бориса Годунова за невежество в военной стратегии, когда подобные глупости совершали и наши маршалы в Афганистане и Чечне. Российские политики и военные, видимо, физически не способны понять, что не всегда ответный удар целесообразно наносить в том же месте и теми же средствами, что и агрессор. Во многих случаях куда эффективней нанесение асимметричного контрудара. Наша армия не смогла победить в Афганистане и никогда не сможет победить в Чечне. Принести нам победу в Афганистане могла только... индийская армия, которая за месяц разобралась бы с Пакистаном. А для этого СССР нужно было только предоставить Индии современное вооружение и гарантировать ядерный зонтик на случай вмешательства США. Равно как и сейчас, войну в Чечне можно выиграть только в Москве, Баку и Тбилиси, для чего наше правительство может жестко надавить на чеченскую диаспору в Центральной России, а также на господ Шеварднадзе и Алиева, дабы те по-настоящему перекрыли все краны снабжения боевиков.

Аналогичные возможности были и у Годунова. В феврале 1605 года герцог Карл Зюдерманландский (правитель Швеции, с марта 1607 года — король Карл IX) предложил царю Борису наступательный союз против Польши. Годунову надо было опередить герцога Зюдерманландского и заключить со Швецией союз еще в 1604 году. При этом ни под каким видом не следовало пускать шведские войска в Россию, как это сделал позже Василий Шуйский. Шведы давно зарились на Лифляндию, Курляндию и другие земли, принадлежавшие Речи Посполитой. И для наступления туда у шведов был превосходный плацдарм в Эстляндии. Кроме того, шведы

имели сильный флот, который мог произвести десант в любой точке польского побережья. Царь Борис же, выставив небольшой заслон против Лжедмитрия, мог бы с основными силами идти из Смоленска на Оршу, Минск, Гродно и далее... Разгром Польши был бы неизбежен. Минусом этого предприятия было бы серьезное усиление шведского королевства, что было бы нежелательно, но вполне терпимо, так как шведы никогда не собирались идти на Москву, да и Швеция, став протестантской страной, из орудия папской экспансии на Восток давно уже превратилась в непримиримого врага католицизма. Плюсом было бы приобретение пограничных земель Речи Посполитой, заселенных русскими православными людьми. А голова Отрепьева стала бы мелкой разменной монетой в переговорах победителей и побежденных.

И это не фантазии автора, а объективная реальность. Вторжение поляков в Россию и глупость Бориса отсрочили польско-шведскую войну до 1621 года. В 1621 году шведский король Густав появился с флотом в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант. Война продлилась до 1629 года, после чего Сигизмунду пришлось признать Густава королем Швеции, владетелем Лифляндии, Эльбинга, Мемеля и Пиллау. Таким образом, Польша понесла значительные территориальные потери. А ведь все это могло начаться еще в 1603 году.

Увы, Годунов не нанес ответного удара Польше, а пытался усовестить короля и панов, отправляя к ним послов всех рангов. Так, к примеру, русский посол Постник Огарев вручил королю Сигизмунду грамоту: «В нашем государстве объявился вор расстрига, а прежде он был дьяконом в Чудове монастыре и у тамошнего архимандрита в келейниках, из Чудова был взят к патриарху для письма, а когда он был в миру, то отца своего не слушался, впал в ересь, разбивал, крал, играл в кости, пил, несколько раз убегал от отца своего и наконец постригся в монахи, не оставши от своего прежнего воровства, от чернокнижества и вызывания духов нечистых. Когда это воровство в нем было найдено, то патриарх с Освященным собором осудили его на вечное заточение в Кириллов Белозерский монастырь; но он с товарищами своими, попом Варлаамом и клирошанином Мисаилом Повадиным, ушел в Литву. И мы дивимся, каким обычаем такого вора в ваших государствах приняли и поверили ему, не пославши к нам за верными вестями. Хотя бы тот вор и подлинно был князь Димитрий Углицкий, из мертвых воскрешенный, то он не от законной, от седьмой жены».

Годунов требовал, чтобы король велел казнить Отрепьева и его советников. Огареву от имени короля объявили, что Димитрий не получает

никакой помощи от польского правительства и помощники его будут наказаны. Поляки ответили вежливо, но сами смеялись над дуростью московитов.

А между тем войска самозванца углубились в пределы России. Отряд казачьего атамана Белешко скрытно через дремучий лес подошел к пограничной малой крепости Моравск (Монастырский острог) и выслал парламентаря. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он передал, что идет сам Дмитрий с огромными силами. Застигнутый врасплох воевода Б. Лодыгин попытался организовать сопротивление. Однако служилые взбунтовались, связали воеводу Лодыгина и стрелецкого голову Толочанова. Трофеями казаков стали семь пушек и двадцать пищалей. Сам же «Дмитрий» с основными силами прибыл к Моравску лишь 21 октября.

Под стенами Чернигова самозванца поначалу встретили пушечной пальбой. Но вскоре и там произошел бунт, воевода князь И. А. Татев был схвачен и передан самозванцу. В Чернигове было захвачено 27 крепостных орудий. Бытует мнение, что и в Чернигове, и в Моравске бунтовали простые жители, так писали все, начиная от Пушкина и кончая Скрынниковым. Их, видимо, смутила фраза из «Сказания о Гришке Отрепьеве» (XVII век): «...смутишася черные люди и перевязаша воевод...». Так там «черные люди» — это не пахотные крестьяне или посадские, а негодяи. Население этих пограничных городков было невелико по сравнению с их гарнизонами, состоявшими из профессионалов. Еще раз повторим, эти гарнизоны чуть ли не каждый год отбивали набеги татар и частных польских армий. Так что маловероятно, что простым жителям удалось обезоружить гарнизоны Моравска и Чернигова.

Поляки и казаки, войдя в Чернигов, разграбили его. Лжедмитрий публично стыдил грабителей и грозил им смертью, но дальше ругани дело не пошло. Знатный дворянин Н. С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать самозванца своим государем. Отрепьев приказал убить его. Эта казнь запугала взятых в плен дворян. Воевода Татев, Шаховский и другие поспешно присягнули Лжедмитрию.

На помощь Чернигову поспешил отряд русских войск под командованием воеводы Петра Федоровича Басманова. В 15 верстах от Чернигова Басманов узнал о его сдаче и отступил в Новгород-Северский. В течение недели Басманов готовил крепость к обороне. Местных служилых людей в городе было немного: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. У Басманова тоже был небольшой отряд, и он запросил

подкрепления из близлежащих крепостей. Прибыли еще 59 дворян из Брянска, 363 стрельца из Москвы и 237 казаков из Кром, Белёва и Трубчевска. Всего в Новгороде-Северском было собрано около полутора тысяч человек, умевших пользоваться оружием. Эта цифра хорошо иллюстрирует беспечность царя и его воевод, проворонивших вторжение самозванца.

11 ноября войско Лжедмитрия подошло к Новгороду-Северскому. Самозванец послал поляков-парламентеров с предложением сдаться. На это со стен закричали: «А, блядские дети! Приехали на наши деньги с вором!» Как видим, русские ратники имели хорошее представление о качественном составе и о целях польского «рыцарства».

13 ноября поляки попытались захватить крепость, но были отбиты, потеряв 50 человек. В ночь с 17 на 18 ноября последовал новый штурм. Поляки безуспешно пытались поджечь деревянные стены крепости, но это им не удалось. Штурм был отбит с большими потерями. Любопытно, что Казимир Валишевский пишет по сему поводу: «Польские гусары не могли справиться с защищенными артиллерией фортами». Видимо, деревянный тын показался доблестным гусарам мощным каменным фортом.

После неудачного приступа «рыцарство» взбунтовалось, собрало коло и потребовало для объяснений царевича. Разгневанный Лжедмитрий начал укорять поляков: «Я думал больше о поляках, а теперь вижу, что они такие же люди, как и другие». «Рыцарство» отвечало ему: «Мы не имеем обязанности брать городов приступом, однако не отказываемся и от этого, пробей только отверстие в стене».

Польские отряды уже собрались покинуть Лжедмитрия, как пришла весть о сдаче самозванцу Путивля. Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным из северских городов, имевшим каменную крепость. Однако гарнизон Путивля не захотел воевать. Воевода князь Василий Рубец-Мосальский был связан и приведен к царевичу. По дороге князь оценил ситуацию, при встрече «узнал» царевича и присягнул ему. Впоследствии Рубец-Мосальский стал одним из приближенных самозванца. В Путивле сторонники самозванца захватили большие денежные суммы (казну), отпущенные Москвой на строительство крепостей и жалованье служилых людей всей Черниговской земли.

За Путивлем последовал Рыльск. 23 ноября служилые люди взбунтовались и арестовали воеводу А. Загряжского. Одновременно взбунтовался Курск, где были арестованы воевода князь Г. В. Роща-Долгоруков и стрелецкий голова Я. Змеев. Оба были доставлены к самозванцу, признали его и вскоре были назначены воеводами в Рыльск.

Советские историки старательно подгоняли действия служилых людей в этих городах, то есть чисто военные бунты, под классовую борьбу. Так, историк И. М. Складар писал, что «уже осенью 1604 г. лозунг борьбы „за царя Дмитрия“ оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян».^[58] Но факты не подтверждают этот вывод. Бунтовщики нападали на воевод, московских стрельцов и всех тех, кто выступал против «добротого» царя, но как только конкретные бояре и дворяне переходили на сторону Лжедмитрия, бунтовщики не только прекращали враждебное к ним отношение, но и безропотно поступали под их начало.

1 декабря на сторону самозванца перешла маленькая, но имевшая большое стратегическое значение крепостца Кромы, расположенная на московской дороге в 40 верстах от Орла. В Орле находился небольшой гарнизон под началом осадного головы Петра Крюкова. По его просьбе в Орел были присланы дворяне и дети боярские из Козельска, Белёва и Мещёвска, несшие годовую службу в Белгороде. Командование над отрядом, собравшимся в Орле, принял стрелецкий голова Г. Микулин. (Кстати, личность довольно известная, в 1600 году он ездил послом в Лондон.) Отряд сторонников самозванца приблизился к Орлу, но высланная оттуда дворянская сотня наголову разгромила «воров».

28 ноября в Новгороде-Северском часть служилых людей, прельщенных посулами самозванца, пыталась поднять мятеж. Но воевода Басманов сумел подавить его, после чего 80 человек перебежало из крепости к осаждающим.

Между тем поляки привезли к Новгороду-Северскому несколько крепостных пушек, захваченных в Путивле, и начали бомбардировку крепости, не прекращавшуюся ни днем, ни ночью, и после недельного обстрела «разбиша град до обвалу земного».

Чтобы выиграть время, Басманов начал переговоры с Лжедмитрием и попросил заключить двухнедельное перемирие, будто бы необходимое для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и Отрепьев согласились на это.

Басманов использовал перемирие, чтобы исправить повреждения крепости. 14 декабря в крепость прорвалось небольшое подкрепление — сотня стрельцов.

Лишь когда пришли первые известия о вторжении войска самозванца, царь Борис приказал собрать в течение двух недель, к 28 октября, дворянское ополчение. Приказ был повторен трижды, но выполнить его не удалось. Основными причинами этого стали осенняя распутица и нежелание дворян ехать на службу. Борису пришлось применить строгие

меры к дворянам, уклонявшимся от службы. Некоторых доставили под стражей, у других описали поместья, третьих наказали батогами. Наконец, к 12 ноября дворянское ополчение собралось в Москве. Заметим, что из этого факта нельзя сделать однозначный вывод об оппозиционности русского дворянства к царю Борису. Спору нет, Борис был не самый популярный правитель в России. Но при сборах дворянского ополчения и до, и после 1604 года дворян-«отказчиков» всегда хватало. В качестве примера скажем, что последний представитель рода Годуновых, сведения о котором найдены в архивах, Дмитрий Иванович Годунов, уже в начале царствования Петра I был за неявку в полк лишен чина и переписан в звенигородские помещики.

Массовая же неявка в призыв 1604 года была обусловлена и спецификой похода. Нет, конечно, не тем, что дворяне не хотели биться против «истинного царевича», да большинству было плевать на него. А вот сражаться с голозадным воинством, что с «рыцарством», что с казаками, что со служилыми из пограничных городков, — извольте! Заведомо не будет ни славы, ни добычи. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что в случае похода на Польшу, да еще в союзе со Швецией, явка дворян была бы по крайней мере выше средней, поскольку и в Гродно, и в Минске, да и в любой панской усадьбе «контрибуции» было более чем достаточно.

Командование армией было доверено Дмитрию Ивановичу Шуйскому, одному из самых бездарных московских воевод. Войско двинулось к Брянску, где простояло около трех недель. Брянское стояние надоело Борису, и Шуйский был заменен на князя Федора Ивановича Мстиславского, столь же знатного и бестолкового воеводу.

18 декабря армия Мстиславского подошла к Новгороду-Северскому и простояла в полном бездействии три дня. Воспользовавшись этим, солдаты Мнишка напали на татарский отряд из состава сторожевого полка и разгромили его.

20 декабря противники выстроились на поле друг против друга, но до сражения дело не дошло, обошлось все мелкими стычками. Лжедмитрий старался оттянуть начало решительной битвы переговорами, и это ему удавалось, так как Мстиславский тоже не торопился, он ждал подкреплений, хотя у Мстиславского было от 40 до 50 тысяч человек, а у самозванца — не более 15 тысяч.

21 декабря Лжедмитрий атаковал царское войско. Сражение началось стремительной атакой польских гусар на правом фланге войск Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил. Одна из польских гусарских рот, следуя за

отступающими, неожиданно оказалась в расположении большого полка около ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко, захватили стяг, сбросили с коня Мстиславского, ранив его при этом в голову. На выручку воеводе кинулись русские дворяне и стрельцы. Часть гусар была убита, остальные, во главе с капитаном Домарацким, взяты в плен. После ранения Мстиславского командование русским войском взяли на себя воеводы В. В. Голицын и А. А. Телятевский. Но они не сумели использовать свое численное преимущество и отдали приказ войску отойти.

Лжедмитрий мог праздновать победу. По польским источникам поляки потеряли убитыми около 120 человек, а русские — до 4 тысяч человек. Хвастливые поляки приписали успех исключительно себе. Они, видимо, в число убитых не включили казаков и русских сторонников самозванца.

После сражения «рыцарство» потребовало у Лжедмитрия денег. Царское войско отступило в полном порядке, и трофеев практически не было. В Северской земле все, что можно было разграбить, ляхи давно уже разграбили. Пуще всего бесчинствовала рота капитана Фредрова. Выборные из этой роты пришли к самозванцу и заявили: «Дай только нам, а другим не давай: другие смотрят на нас и останутся, если мы останемся». Лжедмитрий поверил и дал денег одной роте. Но другие, узнав об этом, еще больше взволновались.

1 января 1605 года в лагере самозванца вспыхнул открытый мятеж. «Рыцарство» бросилось грабить обозы. Они хватали все, что попадало под руку, — продовольствие, снаряжение, различный скарб. Мнишек попытался остановить грабеж, но следующей ночью мятеж вспыхнул с новой силой. Поляки решили покинуть самозванца. Лжедмитрий ездил по всем ротам, уговаривал «рыцарство» остаться, но в ответ слышал только оскорбления. Один поляк сказал ему: «Дай бог, чтоб посадили тебя на кол». Лжедмитрий дал ему за это в зубы, но этим только распалил поляков, которые стащили с него шубу. Шубу эту потом русские приверженцы самозванца вынуждены были выкупить у поляков.

4 января главнокомандующий Юрий Мнишек покинул лагерь самозванца с большей частью поляков. Формально Мнишек заявил, что едет на сейм в Краков. С Лжедмитрием осталось только полторы тысячи поляков, которые вместо Мнишка выбрали гетманом Дворжицкого. Но вскоре в войско самозванца прибыло большое пополнение — 12 тысяч малороссийских казаков.

Лжедмитрий был вынужден снять осаду с Новгорода-Северского и

двинулся к Севску, который он занял без боя.

Несмотря на бездарные действия русских воевод под Новгородом-Северским, царь Борис не только не наложил на них опалу, а, наоборот, щедро наградил.

Защитник Новгорода-Северского Басманов был вызван в Москву, где его торжественно встретил сам царь. Басманов получил боярство, большое поместье, две тысячи рублей и много ценных подарков.

На помощь страдавшему от ран Мстиславскому царь послал князя Василия Ивановича Шуйского. Кстати, по получении вестей о появлении самозванца в русских пределах он вышел на Лобное место в Москве и торжественно свидетельствовал, что истинный царевич закололся и был погребен им, Шуйским, в Угличе.

20 января 1605 года русское войско стало лагерем в большом комарицком селе Добрыничи недалеко от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о подходе русских, самозванец решил немедленно атаковать их. На рассвете 21 января польская кавалерия начала сражение. Дворжицкому удалось потеснить полк правой руки, которым командовал князь Шуйский. Затем польская конница повернула к центру русского войска, где нарвалась на пушки, московских стрельцов и немцев-наемников, которыми командовали капитаны Маржарет и Розен. Позже поляки утверждали, что по ним был дан залп из 12 тысяч пищалей. Так или иначе, но польская конница и казаки обратились в паническое бегство. Лишь пассивность русских воевод, не сумевших организовать преследование врага, предотвратила полное уничтожение всего войска самозванца.

Тем не менее, согласно разрядной записи, на поле боя было найдено и захоронено 11,5 тысячи трупов. Большинство из них (около семи тысяч) были «черкасы», то есть малороссийские казаки. Победителям досталось двенадцать знамен и штандартов и вся артиллерия — 30 пушек. Русским воеводам удалось захватить несколько тысяч пленных. Всех пленных поляков увезли в Москву, зато казаки всех мастей и русские изменники были повешены.

После сражения Лжедмитрий ускакал с небольшой свитой в Рыльск. Оттуда Отрепьев намеревался бежать в Польшу. Но теперь он оказался во власти своих русских сторонников, которых никто не ждал «за бугром» и которым уже нечего было терять. Тем не менее Отрепьеву удалось покинуть Рыльск. Для защиты города он оставил местному воеводе князю Г. В. Долгорукову несколько казачьих и стрелецких сотен.

У правительственных войск был многократный перевес над

защитниками Рыльска, но взять город они не смогли. Две недели царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Но пушкари на городских стенах не давали осаждающим подойти близко к крепости. Штурм также не удался, и на следующий день Мстиславский велел отступать к Севску.

Как только русское войско отошло от Рыльска, жители города сделали вылазку и разгромили арьергард, отступавший в последнюю очередь. Им досталось большое количество имущества, которое Мстиславский не успел вывезти из лагеря.

Эта война зимой, среди заснеженных лесов и полей, была непривычна для дворянского ополчения. Русская армия действовала в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения, которое отбивало обозы с продовольствием, создавало трудности с заготовкой провианта и фуража. Все это усугубляло и без того трудное положение армии, которая после трехмесячной кампании стала быстро таять. Дворяне дезертировали, разъезжаясь по своим поместьям.

В окрестностях Рыльска русская армия, лишенная надежных коммуникаций, оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. На севере сторонники самозванца удерживали Кромы, на юге — Путивль, на западе — Чернигов. В таких условиях воеводы Мстиславский, Шуйские и Голицын решили вывести армию из охваченной восстанием местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Царь Борис, разгневанный отступлением армии от Рыльска, послал к войскам окольничего П. Н. Шереметева и главного дьяка А. Власьева с наказом: «...пенять и спрашивать, для чего от Рыльска отошли». Царь строжайше запретил воеводам распускать армию на отдых, что вызвало недовольство в полках.

В такой ситуации особое значение приобрела маленькая крепость Кромы, оказавшаяся в тылу правительственной армии. Городок Кромы был построен московскими воеводами в 1595 году. Крепость господствовала над левым берегом реки Кромы. Город окружали болота, через которые проходила всего одна дорога. Сам город с посадом был укреплен по образцу московских крепостей: снаружи высокий и широкий земляной вал, а внутри такая же бревенчатая стена с башнями и бойницами. Гарнизон состоял из двухсот стрельцов и небольшого отряда казаков. Командовал крепостью Григорий Ананфиев. Однако перед началом осады в крепость прибыл атаман Корела с четырьмя сотнями донских казаков.

Правительственные войска Шереметева в течение нескольких месяцев безуспешно осаждали Кромы. Не помогли и несколько осадных орудий,

доставленных под Кромы в конце февраля. С некоторой долей упрощения можно сказать, что с февраля 1605 года война с самозванцем из маневренной перешла в позиционную. Царские войска оказались в положении мужика, поймавшего медведя, но не имевшего сил его вытащить из берлоги.

Глава 27

Смерть царя Бориса

13 апреля 1605 года в три часа пополудни царь Борис закончил трапезу и поднялся из-за стола. Внезапно у него хлынула кровь изо рта, ушей и носа. После двухчасовой агонии царь скончался. По обычаю его постригли в монахи под именем Боголена.

Судя по всему, царь умер от апоплексического удара. Но среди современников распространились слухи об убийстве или самоубийстве Годунова. Исключить вероятность отравления царя нельзя, хотя тут напрашивается естественный вопрос — кто это сделал? Если бы умер кто-нибудь другой, то тогда, разумеется, отравителем объявили бы царя Бориса. Тут же никто из современников и позднейших историков не приводит имен подозреваемых. Версию самоубийства следует исключить. Борис всю жизнь трогательно заботился о своей семье. Неужели он мог решить оставить ее на произвол судьбы в столь сложный момент? Заметим, момент был сложный, но не критический. Если бы Борис выздоровел, то война с самозванцем затянулась бы на неопределенный срок.

О смерти царя Бориса бояре объявили народу лишь на следующий день и немедленно начали приводить жителей к присяге. Текст присяги достаточно любопытен: «Государыне своей царице и великой княгине Марье Григорьевне всея Руси, и ее детям, государю царю Федору Борисовичу и государыне царевне Ксении Борисовне». Форма присяги была та же самая, что и царю Борису: повторено обязательство не хотеть на Московское государство Симеона Бекбулатовича, но прибавлено: «И к вору, который называется князем Димитрием Углицким, не приставать, с ним и его советниками не ссылатся ни на какое лихо, не изменять, не отъезжать, лиха никакого не сделать, государства не подыскивать, не по свое мере ничего не искать, и того вора, что называется царевичем Димитрием Углицким, на Московском государстве видеть не хотеть».

Из самого текста присяги видно, насколько непрочным было положение новой династии. На всякий случай первой помянута царица Марья Григорьевна, хотя царевичу Федору было уже 18 лет. Современники писали о Федоре, что он хотя «был молод, но смыслом и разумом превосходил многих стариков седовласых, потому что был научен премудрости и всякому философскому естественнословию». Однако царю Федору Борисовичу явно не хватало решительности. Корону и жизнь можно было

спасти, окажись на его месте восемнадцатилетний Александр Невский или Петр I.

Присяга новому царю в Москве прошла спокойно. Также без затруднений присягнули в Новгороде, Пскове, северных городах, Поволжье и Сибири, то есть везде, кроме района театра военных действий. Однако чувствовалось, что московская знать не намерена поддерживать Федора.

К началу 1605 года все наиболее значительные деятели из рода Годуновых — Дмитрий Иванович, Григорий и Иван Васильевичи и другие — умерли, а молодые Годуновы не имели авторитета ни у знати, ни у народа. Царица Марья Григорьевна также не пользовалась популярностью, все помнили ее отца палача Малюту (Григория) Скуратова.

Одним из первых шагов нового царя был вызов из армии больших бояр Мстиславского и братьев Шуйских. Приехав в Москву, Василий Шуйский в очередной раз выступил перед толпой народа, призывая его верой и правдой служить династии Годуновых. Шуйский поклялся самыми страшными клятвами, что царевич Димитрий давно умер, что он сам своими руками положил его в гроб в Угличе, а путивльский вор — беглый монах и расстрига Гришка Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи.

Новым главнокомандующим в армию царь назначил князя Михаила Петровича Катырева-Ростовского, а его помощником — боярина Петра Федоровича Басманова. Катырев-Ростовский получил боярство одним из первых сразу после коронации Бориса. Он ничем еще не успел себя проявить на военном поприще, и назначение это было продиктовано чисто местническими интересами. До опричнины Катыревы-Ростовские занимали высокое положение в Боярской думе. Поэтому Катырев, получив боярство, начал местничать с главой думы Мстиславским. По тогдашнему табелю о рангах Катырев стал первым воеводой большого полка, а Басманов — вторым воеводой большого полка.

Главной надеждой царя Федора стал талантливый воевода Басманов. Назначение его в большой полк вызвало негодование родовой знати. Второй воевода полка правой руки князь М. Ф. Кашин-Оболенский отказался подчиняться приказу царя Федора, он «бил чалом на Петра Басманова в отечестве и на съезд не ездил и списков не взял».

Поначалу войско дружно присягнуло царю Федору Борисовичу, но вскоре Катырев и Басманов потеряли управление над армией. Воеводы Василий и Иван Васильевичи Голицыны отказались подчиняться им и начали агитацию в пользу самозванца.

Правительственные войска перехватили гонца Лжедмитрия,

посланного в осажденные Кромь. В письме говорилось, что польский король послал в помощь Димитрию воеводу Жолкевского с сорокатысячным войском. Естественно, это была спецоперация самозванца. На самом деле польский сейм, открывшийся 10 января 1605 года, решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замойский осудил авантюру Отрепьева. Он говорил, что этот враждебный набег на Московию губителен для Речи Посполитой. Самого самозванца канцлер осыпал язвительными насмешками: «...тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили кого-то другого. Помилуй Бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело, велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана».

Немалую роль в организации заговора сыграл талантливый авантюрист Прокопий Федорович Ляпунов. У него были свои счета с Годуновыми. В 1603 году царь Борис велел бить кнутом его брата Захара за торговлю запрещенными товарами с донскими казаками. Прокопий Ляпунов, его родные братья Григорий, Захар, Александр и Степан, а также двоюродные братья Семен и Василий принадлежали к очень влиятельному в Рязани дворянскому роду.

Много споров среди историков вызывает и поведение Петра Басманова. С одной стороны, он был обласкан Борисом и Федором Годуновыми и получил назначение, намного превышающее положенное ему по знатности рода. С другой стороны, князя Голицыны по матери приходились ему двоюродными братьями. А отец царицы Малюта Скуратов был инициатором расправы над несколькими Басмановыми. В конце концов и Петр Басманов перешел на сторону заговорщиков. По одной версии, Басманов лично возглавил мятеж, а по другой — не принял должных мер для его подавления и позволил для вида связать себя.

7 мая в лагере правительственных войск под Кромами вспыхнул мятеж. На помощь мятежникам подошли войска самозванца. Некоторое число дворян и простых ратников бежали в Москву, остальные присягнули самозванцу.

Первым делом Лжедмитрий распустил царское войско. Значительная часть дворян и простых ратников колебалась в своем выборе, а может, они попросту испугались. Иметь такое войско было слишком опасно. Да и сами дворяне и ратники давно мечтали разойтись по домам. Из самых ревностных сторонников самозванца, бывших в царском войске, сформировали особый отряд. Командовать отрядом Лжедмитрий поручил Борису Михайловичу Лыкову.

В середине мая 1605 года Лжедмитрий прибыл в Орел. Там он учинил суд над теми воеводами, которые, попав в плен, отказались ему присягать, «...приидоша ж под Орел и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститься, оне же ему оклеветанны быша, тех же повеле переимати и разослати по темницам». В тюрьму был отправлен и боярин И. И. Годунов.

Затем самозванец двинулся к Москве. Его сопровождали около тысячи поляков и около двух тысяч запорожских казаков и конных русских ратников. По дороге из Орла в Москву население радостно встречало Отрепьева. Лишь гарнизоны Калуги и Серпухова оказали некоторое сопротивление. Тем не менее самозванец двигался к Москве крайне медленно.

По приказу царя Федора Москва стала готовиться к обороне. На стенах Белого и Земляного города устанавливались пушки.

31 мая отряд казачьего атамана Корелы обошел заслоны правительственных войск на Оке в районе Серпухова и разбил лагерь в десяти верстах к северу от столицы, на Ярославской дороге. На следующий день посланцы самозванца дворяне Гаврила Пушкин и Наум Плещеев в сопровождении казаков проникли в Москву и собрали на Красной площади большую толпу. С Лобного места Пушкин зачитал грамоту самозванца, написанную на имя бояр Мстиславского, Василия и Дмитрия Шуйских и других, окольничих и граждан московских. Лжедмитрий напоминал в ней о присяге, данной его отцу, Ивану IV, о притеснениях, причиненных ему в молодости Борисом Годуновым, о своем чудесном спасении (в общих, неопределенных выражениях), прощал бояр, войско и народ за то, что они присягнули Годунову, «не ведая злокозненного нрава его и боясь того, что он при брате нашем царе Феодоре владел всем Московским государством, жаловал и казнил, кого хотел, а про нас, прирожденного государя своего, не знали, думали, что мы от изменников наших убиты». Самозванец напомнил о притеснениях, какие были при царе Борисе «боярам нашим и воеводам, и родству нашему укор и поношение, и бесчестие, и всем вам, чего и от прирожденного государя терпеть было невозможно». В заключении Лжедмитрий обещал награды всем, кто его признает, и гнев Божий и свой царский в случае сопротивления.

Народ взволновался. Бояре сообщили патриарху о мятеже, тот умолял бояр выйти к народу и образумить его. Бояре вышли на Лобное место, но ничего не могли поделать. Толпа потребовала от князя Василия Шуйского сказать правду: точно ли он похоронил царевича Димитрия в Угличе? Шуйский ответил, что царевич спасся, а вместо него убит и похоронен

попов сын. Ворота в Кремль не были заперты, толпа ворвалась туда и захватила царя Федора с матерью и сестрой. Их отправили в старый дом Бориса Годунова, где он жил, будучи боярином. К дому был приставлен крепкий караул.

Другие толпы москвичей кинулись грабить дома Годуновых и их родственников, заодно были разбиты винные подвалы и кабаки. Началось повальное пьянство.

Получив известие о перевороте в Москве, Лжедмитрий 5 июня 1605 года прибыл в Тулу. Там его встретили как царя. Лжедмитрий отправил обращение к Боярской думе с приказом выслать в Тулу князя Мстиславского и прочих главных бояр. По постановлению думы 3 июня в Тулу отправились князья Н. Р. Трубецкой, А. А. Телятевский и Н. П. Шереметев, а также думный дьяк А. Власьев. Туда же отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение Лжедмитрия. Петр Басманов, расположившийся в Серпухове, именем государя не пропустил родню Годунова в Тулу. И хоть Сабуровы и Вельяминовы целовали крест Лжедмитрию, их недруг Басманов велел взять их под стражу.

Басманов повсюду искал изменников своего нового государя и беспощадно карал их. По его навету все Сабуровы и Вельяминовы (37 человек) были ограблены донага и брошены в тюрьму.

Лжедмитрия привело в бешенство неподчинение главных бояр его приказу явиться в Тулу лично.

В начале июня к Лжедмитрию на поклон приехал с Дона казачий атаман Смага Чертенский. Чтобы унижить посланцев Боярской думы, самозванец допустил к руке казаков раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали и срамили их. Самозванец милостиво разговаривал со Смагой. Затем к руке были допущены бояре, и Лжедмитрий «наказываше и лаяше, яко же прямой царский сын».

Боярина Телятевского практически выдали казакам на расправу. Казаки избили его до полусмерти и бросили в темницу.

Из Тулы Отрепьев отправился в Серпухов. Дворовыми воеводами при нем состояли князь И. В. Голицын и М. Г. Салтыков, ближними людьми — боярин князь В. М. Мосальский и окольничий князь Г. Б. Долгоруков, главными боярами в полках — князь В. В. Голицын, его родственники князь И. Г. Куракин, Ф. И. Шереметев, князь Б. П. Татев, князь Б. М. Лыков. Из Серпухова на встречу Лжедмитрия выехали князья Ф. И. Мстиславский и Д. И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы — гости.

В Серпухове самозванец организовал несколько пышных пиров для своих приближенных и московских бояр. В промежутках между пирами Лжедмитрий вел напряженные переговоры с боярами.

Еще в Туле самозванец издал манифест о своем восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомленность большинства жителей Московского государства, Отрепьев врал, что он-де был узнан патриархом Иовом, всем Священным собором, Боярской думой и прочими чинами, как «прирожденный государь». 11 июня Лжедмитрий, будучи еще в Туле, на своей грамоте пометил: «Писана в Москве». Вместе с этим манифестом самозванец разослал по городам текст присяги. Это был сокращенный вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и его сына Федора. Лжедмитрий использовал тот же прием, к которому прибегли Борис и его сын. Борис, сразу же после смерти царя Федора Ивановича, велел принести присягу на имя вдовы его царицы Ирины и на свое имя. Федор Борисович в своей присяге тоже поставил на первое место вдовую царицу — свою мать.

Во время пребывания в Польше и северских городах России Лжедмитрий ни разу не упомянул о своей матери Марии Нагой, заточенной в Горицком Воскресенском женском монастыре под именем инокини Марфы. Теперь ситуация изменилась. Отрепьев знал о ненависти инокини Марфы к Годуновым и поэтому рассчитывал на ее признание.

Самозванец велел разыскать Нагих или их родственников. Нашли лишь отдаленного родственника Марии Нагой дворянина Семена Ивановича Шапкина. В Туле Отрепьев торжественно произвел Шапкина в постельничие, заявив, что «он Нагим племя». Затем Шапкин с эскортом был экстренно направлен в Горицкий монастырь.

После беседы с Шапкиным с глазу на глаз инокиня Марфа признала сына. Трудно сейчас установить, что больше повлияло на ее выбор — ненависть к Годуновым или нежелание быть отравленной или утопленной по дороге. В Горицком монастыре хорошо помнили судьбу княгини Ефросиньи Старицкой и великой княгини Юлиании, жены Юрия, родного брата Ивана Грозного.

Присяга на имя вдовы Грозного была рассчитана на эмоции малограмотных людей. Как могла царствовать монахиня, даже если она и была 20 лет назад седьмой женой царя Ивана?

Из текста присяги самозванцу, по сравнению с присягой Годунову, были исключены запреты добывать ведунов и колдунов, портить его «на следу всяким ведовским мечтанием», насылать лихо «ведовством по ветру» и т. д. Подданные только кратко обещали не «испортить» царя и не давать

ему «зелье и коренье лихое». Вместо пункта о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», называющем себя Димитрием Углицким, в текст присяги вводился новый пункт о «Федьке Годунове». Подданные обещали не подыскивать царство под государями «и с изменники их, с Федкой Борисовым сыном Годуновым и с его матерью и с их родством, и с советники не ссылатся письмом никакими мерами».

Самозванцу было неудобно являться в Москву, пока там находились члены семьи Годуновых. Будь жив царь Борис, Лжедмитрий мог рассчитывать на какие-то политические дивиденды, устроив над ним судилище и приписав ему чудовищные преступления. Однако ни царица, ни царевич не успели совершить ничего ни хорошего, ни плохого, так за что же их казнить?

Однако время поджимало, и самозванцу пришлось пойти на мерзкое с точки зрения морали и глупое в политическом отношении убийство. В Москву была послана специальная карательная комиссия в составе князя В. В. Голицына, члена путивльской «воровской» думы В. М. Мосальского и дьяка Б. Сутупова. Вместе с комиссией в Москву был направлен П. Ф. Басманов.

Прибыв в столицу, комиссия немедленно начала чинить расправу над противниками самозванца. Начали с патриарха Иова. Патриарх в Успенском соборе Кремля готовился к совершению литургии, когда в храм ворвались вооруженные люди. Иова выволокли из алтаря и потащили на Лобное место. Там сторонники самозванца пытались линчевать патриарха за то, что он-де «наияснейшего царевича расстригой называет». Однако из Кремля сбежали попы и церковные служки, которые подняли крик в защиту патриарха. На помощь Иову кинулась и часть горожан. Стало ясно, что убийство патриарха приведет к побоищу с непредсказуемыми последствиями. Тогда кто-то из агентов Отрепьева крикнул: «Богат, богат, богат Иов патриарх, идем и разграбим имения его!» Довод был неотразим, и толпа кинулась грабить патриаршие палаты.

Тем временем агенты Отрепьева отвели Иова обратно в Успенский собор. Туда прибыл вскоре и боярин П. Ф. Басманов. Вооруженные люди в спешке и без особых формальностей произвели низложение патриарха. С Иова сняли панагию и святительское платье и надели простую черную ризу. Басманов спросил, куда хотел бы Иов отправиться на монастырское житие. Тот выбрал Старицкий Успенский монастырь, где он принимал постриг и стал игуменом. Затем Иова вывели из собора, посадили на простую телегу и под конвоем отправили в Старицу.

Разобравшись с патриархом, комиссия занялась царем Федором и его

семьей. На старое подворье Бориса Годунова, полученное им в приданое от Малюты Скуратова, явились члены комиссии во главе с В. В. Голицыным и отряд стрельцов. Голицын, Мосальский, дворяне Молчанов и Шереметевы и несколько стрельцов вошли внутрь дома. Там раздались отчаянные крики. Через несколько минут на крыльцо вышел Голицын и объявил, что «царица и царевич со страстей испиша зелья и пороша, царевна же едва оживе». Естественно, что Голицыну никто из москвичей не поверил. Но утверждать, что народ оцепенел от ужаса, узнав о преступлении, и впал в безмолвие, нет никаких оснований. История — не драматический театр. Большинство населения восприняло убийство царской семьи как должное или отнеслось к нему безразлично.

Что касается дочери Годунова Ксении, то ее, видимо, не додушили. Князь Мосальский взял ее к себе в дом и некоторое время держал взаперти, а затем отдал самозванцу «для потехи».

Желая угодить самозванцу, московские бояре надругались и над прахом семьи Годуновых. Царь Борис был по обычаю похоронен в Архангельском соборе Кремля рядом с другими московскими правителями. По боярскому приговору тело царя было выкопано, положено в простой гроб и перезахоронено в ограде бедного Варсонофьева монастыря на Сретенке. Следуя версии о самоубийстве, бояре запретили совершить традиционный погребальный обряд над телами царицы Марьи и царя Федора. Их отвезли в Варсонофьев монастырь и без всяких почестей и церемоний зарыли недалеко от Бориса Годунова.

Уцелевшие Годуновы, а также их отдаленные родственники Сабуровы и Вельяминовы были по указу самозванца разосланы под стражей по отдаленным городам. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя боярина С. М. Годунова. Его отправили в Переславль-Залесский с приставом князем Ю. Приимковым-Ростовским. Везти боярина в отдаленный город не имело смысла. Пристав получил приказ умертвить его в тюрьме. Вотчины, дома и прочее имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну.

Глава 28

Торжество Отрепьева и его недавних хозяев

20 июня 1605 года по Коломенской дороге в Москву двигалась торжественная процессия. Впереди нее скакали взад и вперед польские гусары в раззолоченных шлемах и кирасах. В Москву возвращался сын Ивана Грозного. Вокруг него ехали московские бояре. Сзади шла польская пехота и русские стрельцы. Торжественно звонил колокол. Московские улицы были забиты людьми, люди облепили крыши домов и колокольни — всем хотелось посмотреть на чудесно спасшегося царевича.

При приближении процессии народ падал на колени перед новым царем и кричал: «Дай, Господи, тебе, государь, здоровья! Ты наше солнышко праведное!» Димитрий отвечал на эти крики: «Дай Бог и вам здоровья! Встаньте и молитесь за меня Богу!»

День был солнечный и тихий, но когда новый царь, переехавший наплывной мост через Московские ворота, вступил на площадь, поднялась сильная буря. Народ заволновался, начал креститься и приговаривать: «Помилуй нас Бог! Помилуй нас Бог!» Духовенство встретило царя на Лобном месте с крестами. Отъехав несколько шагов от Лобного места, Димитрий остановил свою лошадь около церкви Василия Блаженного, снял шапку, взглянул на Кремль, на бесчисленные толпы народа и со слезами стал благодарить Бога, что сподобил его увидеть родную Москву. Народ, видя слезы царя, тоже стал рыдать.

В Кремле по старинному обычаю Лжедмитрий пошел по соборам, слушал молебны. Во время молебнов поляки сидели на лошадях, трубили в трубы и били в бубны, и это не понравилось москвичам.

Вопреки легендам никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и сказал несколько слов, которых от него все ждали. Обливаясь слезами, Лжедмитрий припал к гробу Ивана Грозного и громко объявил, что «отец его — царь Иоанн, а брат его — царь Федор».

Обойдя соборы, Лжедмитрий направился в тронный зал и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли строем с развернутыми знаменами под окнами дворца.

Опасаясь за свою безопасность, самозванец велел заменить всю кремлевскую стражу. Как записал Масса, «казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищалями, и они даже вельможам

отвечали грубо, так как были дерзки и ничего не боялись».

Новому царю потребовался и новый патриарх. Царь Димитрий постановил собрать Священный собор. Собравшись в Успенском соборе Кремля, иерархи православной церкви провозгласили: «Пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов». Восстановление Иова в сане патриарха потребовалось Собору, чтобы придать процедуре вид законности. Следуя воле царя, иерархи постановили затем отставить от патриаршества Иова, потому что он «великий старец и слепец, и не в силах пасти многочисленную паству». Патриархом же был единогласно избран рязанский архиепископ Игнатий, грек, бывший раньше архиепископом на Кипре и пришедший в Россию в царствование Федора Иоанновича. Игнатий был первым русским иерархом, признавшим самозванца. Игнатий был также единственным архиепископом, прибывшим в Тулу встречать «истинного царя».

24 июня Игнатия возвели в патриархи. Обратим внимание на даты. Царь повелел собрать Собор 21 июня, а через три дня патриарх был избран. Надо ли говорить, что этот «собор» представлял не Русскую православную церковь, а иерархов Москвы и ее окрестностей.

Новый патриарх разослал по всем областям грамоты с известием о восшествии Димитрия на престол и возведении его, Игнатия, в патриаршеское достоинство по царскому изволению, причем предписывал молиться за царя и за царицу-мать и чтобы «возвысил Господь Бог их царскую десницу над латинством и бусурманством».

Грамоты Игнатия могли успокоить народ, но среди церковной верхушки сразу же пошли слухи, что Игнатий является сторонником унии с римско-католической церковью. Кстати, после гибели Лжедмитрия I Игнатий бежал в Польшу, получил солидную пенсию от короля Сигизмунда и официально принял унию.

Говоря о церковной политике царя Димитрия, стоит заметить, что он вернул в Москву сосланного Борисом архимандрита Чудова монастыря Пафнутия и сделал его митрополитом Крутицким. Так Гришка отблагодарил своего чудовского покровителя. Зато поставленный Борисом архимандрит Чудова монастыря был отправлен в ссылку. Бесследно исчезли также несколько иноков Чудова монастыря.

23 июня по приказу Лжедмитрия был арестован Василий Шуйский и его два брата. К П. Ф. Басманову, которого самозванец поставил ведать политическим сыском, пришло несколько доносов на Василия Ивановича Шуйского. Шуйский якобы говорил: «Черт это, а не настоящий царевич! Не царевич это, а расстрига и изменник!» По другой версии, Шуйский даже

пытался устроить государственный переворот. Во всяком случае, никаких конкретных обвинений В. И. Шуйского до нас не дошло.

Подойдем к «заговору» Шуйских с точки зрения здравого смысла. Какая-то вероятность успеха у Шуйских могла быть, когда самозванец находился еще в Туле. Но сейчас, когда он торжественно встречен в Москве народом, в самый разгар эйфории, охватившей столицу, поднимать мятеж? Это было бы равносильно самоубийству, а Шуйских за дураков никто и не считал. Вполне логично было бы им подождать, пока пройдут торжества, уляжется эйфория, народ не только не почувствует облегчения, а, наоборот, ощутит новые тяготы. Самозванцу же придется платить по счетам польским наемникам, Мнишку, купцам, польскому королю и т. д. Уплата же даже части этих долгов неизбежно должна была вызвать народное возмущение и, соответственно, падение самозванца. Так был ли резон Шуйскому спешить с организацией переворота, а тем более заниматься пустой болтовней о расстриге?

Отсюда явствует, что Дмитрий устроил провокацию против клана Шуйских. Тогда возникает вопрос — а зачем? Пока народ считает Отрепьева царем, никакие Шуйские не конкуренты сыну Ивана Грозного, а если выяснится, что на престоле беглый монах, то на престол может претендовать любой князь Рюрикович, а их в Московском государстве были десятки. Скорее всего Дмитрия на расправу с Шуйскими подтолкнули бояре, видевшие в них конкурентов.

Риторический вопрос — кому мог встать на дороге клан Шуйских? Годуновы были мертвы или находились под стражей в отдаленных городах. Остаются Романовы.

Дмитрий предал Василия Шуйского суду специально созванного Собора, на котором присутствовали бояре, думные дворяне и духовенство. Собор был собран 24 июня, то есть на следующий день после ареста Шуйских. На Соборе сам царь выступил с обвинением Шуйских. Он напомнил, что в роду князей Шуйских всегда были крамольники и что «отец» его Иван Грозный семь раз приказывал казнить изменников Шуйских, а «брат» Федор казнил брата Василия Шуйского также за измену. Фактически Лжедмитрий отказался от версии большого заговора. Трое братьев Шуйских лично хотели совершить террористический акт, «... подстерегали, как бы нас заставши врасплох, в покое убить, на что имеются несомненные доводы». Лжедмитрий уверял, что имеет неоспоримые доказательства вины Шуйских, и поэтому никакого разбирательства, допроса свидетелей и других формальностей на соборном суде не было.

Однако Дмитрию пришлось встретиться с сильной оппозицией в

Боярской думе. Формально бояре «кричаху» на братьев Шуйских, но все они были категорически против смертной казни. Дмитрию пришлось уступить, и процесс о покушении на царя превратился в фарс. На Соборе Василий Шуйский покаялся во всех приписанных ему преступлениях. «Виноват я тебе... царь-государь: все это я говорил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!» — говорил Шуйский. Он просил патриарха и бояр сжалиться над ним и просить за него царя. Собор осудил Василия Шуйского на смерть, а его братьев приговорил к пожизненному заключению. Казнь боярина была назначена на следующий день.

Утром 25 июня Василий Шуйский был выведен на Красную площадь, где собралась многотысячная толпа горожан. Боярин был взведен на эшафот, где ему зачитали приговор и перечислили его преступления. По одним сведениям, Василий, стоя у плахи, плакал и молил о пощаде: «От глупости выступил против пресветлейшего великого князя, истинного наследника и прирожденного государя своего», взывал к народу: «... помилуйте меня от казни, которую заслужил». По другой версии, он просто простился с народом, объявив, что умирает за правду, за веру и народ христианский.

Шуйский уже положил голову на плаху, как из Кремля выехал гонец, объявивший, что царь Дмитрий помиловал осужденного.

Василий Шуйский вместе с братьями Дмитрием и Иваном были отправлены в ссылку в пригород Галича, а их имения отобраны в казну. Забегая вперед, скажем, что 30 июля царь объявил полное прощение Шуйским, которые к тому времени еще не доехали даже до места ссылки. Всех троих братьев отправили в Москву, где им вернули боярство и все вотчины.

Тем временем к Москве приближалась карета с «матерью» самозванца. В присяге и других официальных документах ее именовали царицей, хотя инокиня Марфа, как, впрочем, любая другая монахиня (или монах), не могла быть светским правителем. Хотя два сапога — пара. Беглый монах нетерпеливо ждал из монастыря беглую монахиню.

Для пущего фарса сопровождал монашку князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, которому специально для сего спектакля был присвоен титул «великого мечника». На Руси такого титула отродясь не было, но Гришке понравилось одеяние великого мечника при дворе короля Сигизмунда, и он решил собезьянничать.

«Царица» Марфа остановилась в селе Тайнинском в 10 верстах от Москвы в путевом дворце, построенном для царей, отправлявшихся на богомолье в Троицу.

17 июля к ней приехал «царь» Димитрий. Встреча двух расстриг была очень хорошо отрежиссирована. Она состоялась на поле, где собралось несколько тысяч людей. Обливаясь слезами на большой дороге (Ярославском шоссе), «мать» и «сын» бросились в объятия друг друга. Затем сладкая парочка отправилась в шатер, где некоторое время они беседовали наедине. Выйдя из шатра, «царица» села в карету и медленно поехала к Москве. Ее «сын» шел пешком рядом с каретой. Ночь они провели в путевом дворце у самых стен столицы.

На следующий день состоялся торжественный въезд в Москву. Теперь царь ехал верхом рядом с каретой матери. Над Москвой непрерывно гудели колокола. Прибыв в Кремль, мать и сын отправились на службу в Успенский собор.

Местожительством царицы был определен Воскресенский монастырь, куда нежный «сын» каждый день наносил визит. В день приезда «матери» Лжедмитрий назначил срок коронации — 30 июля.

Говоря о явлениях, которые расчищали путь к трону Михаилу Романову, мы забыли о самих Романовых. Как уже говорилось, условия ссылки для них были сравнительно тяжелыми лишь в первые месяцы. К 1604 году все Романовы, за исключением Филарета, оказались на свободе. Кто состоял на царской службе, а кто вольготно жил в своих поместьях. В частности, восьмилетний Михаил Федорович жил в селе Клин в вотчине отца. Его опекали тетки — Марфа Никитична, вдова Бориса Камбулатовича Черкасского и вдова Александра Никитича Романова. Вместе с Михаилом жила и его сестра Татьяна. Надо ли говорить, что эта дамская компания тряслась над мальчиком и воспитала из него не рыцаря, а слабовольного и капризного барчука.

Сам же монах Филарет, в миру Федор Никитич Романов, тихо поживал в Антониево-Сийском монастыре. Этот монастырь был основан в 1520 году преподобным Антонием на реке Сие, притоке Северной Двины, в 90 верстах от города Холмогоры. Это был один из самых богатых северных монастырей России. В 1589 году в монастыре был построен каменный соборный храм Святой Троицы. Десятки окрестных сел принадлежали монастырю. Кстати, через 60 лет, при царе Алексее Михайловиче, крестьяне подняли восстание против монастырских властей.

В монастыре за Филаретом наблюдал пристав Богдан Воейков, который регулярно слал в Москву отчеты о поведении опального инок.

Филарет вел себя довольно тихо, конфликты с приставом Воейковым носили мелкий, чисто бытовой характер. Так, Филарет говорил приставу: «Не годится со мною в келье жить малому. Чтобы государь меня,

богомольца своего, пожаловал, велел у меня в келье старцу жить, а бельцу с чернецом в одной келье жить непригоже». На что Воейков писал в своем донесении царю Борису: «Это он говорил для того, чтоб от него из кельи малого не взяли, а он малого очень любит, хочет душу свою за него выронить. Я малого расспрашивал: что с тобою старец о каких-нибудь делах разговаривал ли или про кого-нибудь рассуждает ли? И друзей своих кого по имени поминает ли? Малый отвечал: „Отнюдь со мною старец ничего не говорит“. Если малому вперед жить в келье у твоего государева изменника, то нам от него ничего не слыхать. А малый с твоим государевым изменником душа в душу. Да твой же государев изменник мне про твоих государевых бояр в разговоре говорил: „Бояре мне великие недруги. Они искали голов наших, а иные научали нас говорить людей наших, я сам видал это не однажды“. Да он же про твоих бояр про всех говорил: „Не станет их ни с какое дело, нет у них разумного. Один у них разумен Богдан Бельский, к посольским и ко всяким делам очень досуж“. Велел я сыну боярскому Болтину расспрашивать малого, который живет в келье у твоего государева изменника, и малый сказывал: „Со мною ничего не разговаривает. Только когда жену вспоминает и детей, то говорит: „Малые мои детки! Маленьки бедные остались. Кому их кормить и поить? Так ли им будет теперь, как им при мне было? А жена моя бедная! Жива ли уже? Чай, она туда завезена, куда и слух никакой не зайдет! Мне уж что надобно? Беда на меня жена да дети: как их вспомнишь, так точно рогатиной в сердце толкает. Много они мне мешают: дай, Господи, слышать, чтобы их ранее Бог прибрал, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтоб им Бог дал смерть, а мне бы уже не мешали, я бы стал промышлять одною своею душою. А братья уже все, дал Бог, на своих ногах“».

На это донесение царь Борис отвечал приставу: «Ты б старцу Филарету платье давал из монастырской казны и покой всякий к нему держал, чтоб ему нужды ни в чем не было. Если он захочет стоять на крылосе, то позволь, только б с ним никто из тутошних и прихожих людей ни о чем не разговаривал. Малому у него в келье быть не вели, вели с ним жить в келье старцу, в котором бы воровства никакого не чаять. А которые люди станут в монастырь приходить молиться, прохожие или тутошные крестьяне и вкладчики, то вели их пускать, только смотри накрепко, чтобы к старцу Филарету к келье никто не подходил, с ним не говорил и письма не подносил и с ним не сослался».

В итоге из кельи Филарета «малого» вытурили, а вместо него поселили старца Иринарха, чтобы тот приглядывал за ссыльным. Надо ли говорить,

что новый сосед-старец не понравился Филарету, и, видимо, от некоторых утех с «малым» пришлось отказаться. Тем не менее вел себя Филарет тихо и богобоязненно.

Но вот до Антониево-Сийского монастыря дошли слухи о походе Лжедмитрия на Москву, и смиренный инок Филарет буквально начинает скакать от радости.

В начале 1605 года пристав Воейков шлет несколько доносов в Москву о бесчинствах Филарета и жалобы на игумена монастыря Иону, который смотрит на них сквозь пальцы.

В марте 1605 года царь Борис делает игумену Ионе строгое внушение: «Писал к нам Богдан Воейков, что рассказывали ему старец Иринарх и старец Леонид: 3 февраля ночью старец Филарет старца Иринарха бранил, с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел. А живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил, и к старцам жесток, старцы приходят к Воейкову на старца Филарета всегда с жалобою, бранит он их и бить хочет, и говорит им: „Увидите, каков я вперед буду!“ Нынешним Великим постом у отца духовного старец Филарет не был, в церковь и на прощанье не приходил и на крылосе не стоит. И ты бы старцу Филарету велел жить с собою в келье, да у него велел жить старцу Леониду, и к церкви старцу Филарету велел ходить вместе с собою да за ним старцу, от дурна его унимал...»

Далее Борис требовал, чтобы Иона укрепил ограду вокруг монастыря и ни под каким видом не допускал контактов Филарета с посторонними людьми.

Обратим внимание на фразу Филарета: «Увидите, каков я вперед буду!» Кем же видит себя смиренный монах — царем или патриархом? Да и откуда такая спесь взялась? Ну, допустим, услышал он об успехах самозванца, так что же из того? Ну, придет Лжедмитрий, какой-нибудь Стенька или Емелька и станет бояр вешать да топить, не вникая в их свары и обиды. Тут Филарет выдает себя с головой. Он прекрасно знает, что идет на Москву не просто его бывший холоп Юшка, а его «изделие». Другой вопрос, что он недооценивает польское влияние. У его «изделия» теперь совсем другие кукловоды.

Фразу «Увидите, каков я вперед буду» цитируют в своих трудах все наши историки от Соловьева до Скрынникова и... оставляют ее без комментариев. Один Валишевский (поляк, не боится задеть гордость великороссов) заметил по сему поводу: «В этом заключаются важные

указания, которым не хватает, может быть, только подтверждения некоторых уничтоженных или слишком хорошо спрятанных документов. И, если они не подверглись уничтожению, без сомнения, уже недалек тот день, когда не побоятся их обнародовать».

Увы, большевики, придя к власти, начали за здоровье — приступили к опубликованию секретных царских договоров времен Николая II, предали гласности довольно много документов, касавшихся революционного движения и репрессий властей. Но позже курс сменился, и до сих пор масса документов XVI–XVII веков лежит в секретных хранилищах.

В начале июля 1605 года в Антониево-Сийский монастырь прибыли посланцы самозванца и с торжеством повезли Филарета в Москву.

30 июля Димитрий короновался. По обычаю русских царей царский дворец был разукрашен, а путь через площадь в Успенский собор устлан золототканым бархатом. В соборе возле алтаря Отрепьев повторил заученную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на голову самозванца венец Ивана Грозного, бояре поднесли скипетр и державу. Чтобы еще раз подчеркнуть свое родство, Отрепьев приказал короновать себя еще один раз у гроба «предков» в Архангельском соборе. Облобызав надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана Грозного и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову самозванца шапку Мономаха. При выходе из собора бояре осыпали нового царя золотыми монетами.

По обычаю после коронации приближенных царя ожидали награды. Естественно, прежде всего были награждены поляки и верные самозванцу русские худародные дворяне типа Басманова. Кое-что получили и бояре. Федор Мстиславский получил вотчину в Венева, прощенный Василий Шуйский — волость Чаронду, Богдану Бельскому вернули все его старые вотчины, конфискованные Борисом Годуновым.

Особое внимание самозванец уделил своим «родственникам». Так, Михаил Нагой получил боярство, чин конюшего и большие подмосковные вотчины Годуновых. Но больше всех получили Романовы. Скромный инок Филарет возведен в сан ростовского митрополита. А прежний ростовский митрополит Кирилл Завидов был без объяснения причин попросту согнан с кафедры. Причем нет никаких сведений, что Кирилл мог чем-то прогневать самозванца. За что же такая милость простому монаху? За то, что он с начала 1605 года перестал вообще ходить на службы? Неужто за познания в ловчих птицах и собаках?

Димитрий дал самую высшую церковную должность Филарету.

Сделать монаха сразу патриархом было бы слишком, да и на том месте уже сидел послушный Игнатий. А крутицким митрополитом был, как мы уже знаем, старый знакомый Гришки Пафнутий.

Младший брат Филарета Иван Никитич Романов получил боярство. Не был обойден и единственный сын Филарета — девятилетний Миша Романов стал стольником. Заметим, что возведение даже двадцатилетнего князя Рюриковича в чин стольника на Руси было событием экстраординарным.

Даже тела умерших в ссылке Никитичей по царскому указу были выкопаны, доставлены в Москву и торжественно перезахоронены в Новоспасском монастыре.

Многие наши историки утверждают, что Лжедмитрий пожаловал Романовых как своих родственников, чтобы таким образом подтвердить свою легитимность. Такой взгляд не выдерживает критики. Ну, во-первых, настоящему Димитрию Романовы и родственниками не были. Попробуйте в русском языке найти степень родства Федора Никитича и Димитрия Ивановича! Мало того, именно царь Федор, сын Анастасии Романовой, упрятал Димитрия со всей родней в ссылку в Углич, а бояре Романовы во главе с Федором Никитичем с большим усердием помогали царю. Да и не в этом дело. Зачем самозванцу лишний раз напоминать народу, что есть живые родственники царя Федора, которые за неимением лучшего могут стать претендентами на престол? Увы, на этот вопрос ни один наш историк дать ответа не может.

Мало того. Зачем давать Романовым власть и вотчины? Неужели самозванец так глуп, что думает, что гордый и честолюбивый Федор Никитич станет его верным холопом? А ведь чины и вотчины могли так пригодиться польским и русским сторонникам Лжедмитрия. Вот они бы и стали навсегда преданными холопами царя Димитрия I.

Наконец, чем черт не шутит, ведь Романовы могли и опознать Юшку Отрепьева, который пять лет назад жил у них на подворье.

Из всего этого можно сделать лишь один логичный вывод — бояре Романовы были в сговоре с заговорщиками церковными, главой которых предположительно был Пафнутий. Теперь Отрепьеву пришлось платить по счетам. Был ли удовлетворен наградами честолюбец Федор Никитич? Конечно, нет, но качать права было рано. Пока Романовы рассматривали полученные чины, вотчины и другие блага как промежуточную ступеньку для дальнейшего подъема вверх. Теперь Федору и Ивану Никитичам казалось, что еще чуть-чуть — и московский трон станет собственностью их семейства.

Глава 29

Падение Отрепьева

После коронации самозванцу настал черед платить самым большим кредиторам — польскому королю и Юрию Мнишку. Но самоуверенный авантюрист не терял присутствия духа. Мало того, он первым из русских правителей принял императорский титул. Теперь в официальных обращениях Отрепьев именовал себя так: «Мы, наияснейший и непобедимый самодержец, великий государь Цесарь» или «Мы, непобедимейший монарх Божьей милостью император и великий князь всея России и многих земель государь и царь самодержец и прочая, и прочая, и прочая». Увы, самозванный император не мог по-латыни написать свой титул без грамматических ошибок.

Узнав о воцарении Дмитрия, польский король Сигизмунд поспешил отправить в Москву велижского старосту Александра Гонсевского. Официально акция Гонсевского представлялась визитом вежливости. Сигизмунд приветствовал Дмитрия по случаю его воцарения и приглашал его на свою свадьбу с эрцгерцогиней Констанцией. Но, очевидно, для такого заурядного поручения король не избрал бы одного из своих лучших воевод. Гонсевский должен был поднять вопрос о передаче обещанных королю русских земель и о совместной войне со Швецией. В королевской канцелярии даже подготовили текст письма «шведскому узурпатору Карлу» от великого князя Московского Дмитрия. (Сигизмунд явно не был лишен чувства юмора!)

Принять требования короля для самозванца означало подписать самому себе смертный приговор. Передача Польше русских земель неизбежно привела бы к перевороту в Москве. К войне со Швецией Россия была не готова. Шведские войска отличались хорошим вооружением и прекрасной выучкой, поэтому шансы на победу были невелики. И, наконец, целью войны для Сигизмунда было свержение с престола короля Карла IX и объединение двух государств под властью короля Сигизмунда. Понятно, что появление польско-шведского государства, «от можа до можа» (от Черного моря до Северного Ледовитого океана), эдакой сверхдержавы XVIII века, стало бы величайшей опасностью для России.

Но поляки явно не на того напали. Гришка решил обыграть всех: и Сигизмунда, и польских панов, и даже римского папу.

Для начала Дмитрий придрался к титулу в королевской грамоте.

Гришке принципиально не хотелось числиться великим князем Московским, а хотелось писаться не менее чем «императором» и «непобедимым Цесарем». Гонсевский от такого поворота буквально обалдел и демонстративно раскланялся.

Я воздержусь от дипломатических нюансов польско-русских отношений. Скажу лишь, что Сигизмунд и Дмитрий пытались надуть друг друга на уровне мошенников-рецидивистов. Так, Сигизмунд начал шантажировать Дмитрия, что-де Борис Годунов жив и скрывается в Англии, и обещал помощь в борьбе с «Годуновым». Хитрый Гришка отвечал королю: «Хотя мы нимало не сомневаемся в смерти Бориса Годунова и потому не боимся с этой стороны никакой опасности, однако с благодарностию принимаем предостережение королевское, потому что всякий знак его расположения для нас приятен».

В свою очередь, Дмитрий вступил в связь с панами, учинившими очередной рокош в Речи Посполитой. Возглавил движение пан Зебржидовский, который покровительствовал Гришке во время пребывания его в Польше. Бунтовщики распространяли слухи, что царь Дмитрий шлет им на помощь большое войско под командованием Василия Шуйского. До посылки войска дело не дошло, но Гришка получил сильный козырь в переговорах с Сигизмундом III.

16 мая 1605 года папой стал Павел V, Камилл Боргезе. Его предшественник, Климент VIII, предусмотрительно оставил без ответа второе письмо Дмитрия от 30 июля 1604 года, где претендент по-прежнему настаивал на своей преданности папскому престолу, точнее, указывал на вознаграждение, которое ожидал получить. Читая депешу Рангони от 2 июля 1605 года о событиях в Москве, Павел V вдруг воспрянул духом. С 4 августа папские грамоты летели в Польшу к польскому королю, к кардиналу Мацейовскому, к самому Мнишку, заклиная их воспользоваться ниспосылаемым свыше случаем. Римскому папе казалось, что уния уже торжественно провозглашена в Москве, и он готовился к отправлению своего легата. А пока, в ожидании, он с таким нетерпением торопил отъезд графа Рангони, что нунций, не имея возможности так скоро снарядить племянника в дальний путь, решил послать вперед одного из его секретарей, Луиджи Пратиссоли, который при случае должен был просить посредничества Дмитрия для доставки польскому нунцию кардинальской шапки, давно ожидаемой им. Рим не мог бы отказать новообращенному, который вел за собой в лоно церкви миллионы людей!

Но Пратиссоли не удалось в Москве даже начать разговор об унии. 15

ноября 1605 года ему пришлось отправиться обратно в Краков с письмом Димитрия к нунцию, в котором царь просил представителя папы исходатайствовать для него в Кракове и Риме разрешение Марине в день ее коронования причаститься по православному обряду и соблюдать воздержание по средам и пятницам, и признание королем Польским императорского титула, принятого царем. Об унии не говорилось ни слова. Кроме того, Димитрий отправил состоявшего при нем патера Андрея Лавицкого с личным посланием к папе. Это послание было целиком посвящено политике, и об унии опять не было сказано ни слова. Димитрий предлагал план грандиозного крестового похода против Турции с участием России, Польши, Австрийской империи и других государств. В конце послания стояла подпись: «Император Димитрий».

Папе ничего не оставалось делать, как поверить в искренность Гришки. Теперь ставкой в борьбе за унию стала Марина Мнишек. Кардинал Боргезе написал нунцию, что его святейшество ожидает и духовных плодов от этого брака для блага всего христианства. Сам Папа писал Димитрию, что брак его с Мариной есть дело, в высокой степени достойное его великодушия и благочестия, что этим поступком Димитрий удовлетворил всеобщему ожиданию: «Мы не сомневаемся, — писал Папа, — что так как ты хочешь иметь сыновей от этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной в благочестивом католическом доме, то хочешь также привести в лоно римской церкви и народ московский, потому что народы необходимо должны подражать своим государям и вождям. Верь, что ты предназначен от Бога к совершению этого спасительного дела, причем большим вспоможением будет для тебя твой благороднейший брак». То же самое Папа написал Марине и ее отцу. Павел V счел нужным напомнить Димитрию о письме, которое тот писал к Клименту VIII 30 июля 1604 года. Напомнив о письме, Папа повторил свои увещевания просветить светом католического учения народ, до сих пор сидевший во мраке и сени смертной, причем снова обещался прислать благочестивых людей и даже епископов на помощь великому делу, если царь признает это нужным.

Папа так спешил с браком самозванца и Марины, что уполномочил патера Савицкого обвенчать их тайно в Великий пост. Зная, что Лжедмитрий добивается императорского титула, Папа через кардинала Боргезе наказал нунцию удовлетворить это желание царя, и поэтому Рангони дал Димитрию требуемый титул.

Между тем король и паны в Кракове получили первый сигнал из Москвы о том, что положение Димитрия более чем шатко. Отрепьева до

побега в Москве знали слишком многие. Царь Димитрий не любил сидеть во дворце, он часто появлялся на различных праздниках и потехах. Установить тождественность царя и расстриги было нетрудно. Димитрий велел доставить в Москву старца Леонида, которого он, будучи в Путивле, с успехом выдал за «истинного» Отрепьева. Однако в Путивле никто ранее не видел в глаза Отрепьева, в Москве же появление Леонида, выдававшего себя за Гришку, наоборот, разоблачало самозванца. Старца Леонида поспешно убрали с глаз долой. Некоторое время его держали в Ярославле, затем он исчез без следа.

Лжедмитрий удалил из столицы свою подлинную родню, чтобы рассеять всякие подозрения насчет родства с Отрепьевыми. Так что воцарение Отрепьева обернулось большой бедой для всех его родных и близких. Родного дядю Юшка упек в Сибирь. Царь осыпал милостями свою якобы мать Марию Нагую, в то время как его родная мать жила в бедности в Галиче.

Храбрый поначалу Димитрий начал всего бояться. Так, для большей помпы Отрепьев вызвал из ссылки бывшего «царя» и «великого князя Тверского» Симеона Бекбулатовича. «Царя» хорошо наградили, но 25 марта 1606 года внезапно схватили и отправили в Кирилло-Белозерский монастырь, где и постригли в монахи.

Признание и благословение царицы Марии самозванца произвело огромный пропагандистский эффект. После коронации Отрепьев захотел устроить еще одно такое шоу — торжественно разорить могилу царевича Димитрия в Угличе. Действительно, возникла комичная ситуация: в Москве царствует царь Димитрий Иванович, сын Ивана Грозного, а в 300 верстах от Москвы в Угличе в Спасо-Преображенском соборе толпы горожан молятся над могилой того же самого Димитрия Ивановича. Это наводило людей на опасные размышления — где же находится настоящий Димитрий? Посему вполне логично было перезахоронить труп мальчика, лежавшего в Спасо-Преображенском соборе, на какое-нибудь захудалое кладбище, соответствующее статусу поповского сына, который якобы был зарезан в Угличе, и тем самым избавить людей от соблазна.

Однако государственная целесообразность и женская логика оказались несовместимыми. Царица Мария устроила бешеную истерику. Она не захотела допустить надругательства над прахом единственного сына. Не знаю, как у кого, но у меня эта дамочка жалости не вызывает. Порядочная женщина, для которой свята память о своем единственном сыне, никогда не допустит спекуляций с его именем.

Еще в 1604 году царь Борис приказал привезти из монастыря в Москву

инокиню Марфу и попросил ее еще раз рассказать о событиях в Угличе. Марфа-Мария могла выйти на Лобное место и публично заявить, что ее сын мертв, и тем самым защитить отечество от разорения, а имя сына от поругания. Но вздорная бабенка припомнила Годунову старые обиды и нахально заявила, что не знает, жив ли ее сын или нет. Смиренная инокиня Марфа заварила кашу, и ей придется расхлебывать эту кашу до конца, сколько бы она ни брыкалась.

Марфа-Мария кинулась за помощью к боярам. Естественно, что бояре для начала сделали вид, что им непонятны причитания царицы по поводу костей какого-то поповича. Пришлось бабоньке популярно все объяснить. Шуйские и Голицыны обещали ей помочь и уговорить самозванца не разорять могилу в Угличе. Но за это царице пришлось повторить свои объяснения шведскому наемнику Петру Петрею, состоявшему на русской службе еще со времен Годунова. В декабре 1605 года Петрей отправился в Польшу, где был тайно принят королем Сигизмундом. Петрей прямо заявил королю, что Димитрий «не тот, за кого себя выдает», и рассказал о признании царицы Марии и о мнении на этот счет московских бояр.

Несколько позже оппозиционные бояре попытались связаться с королем Сигизмундом через царского посла Ивана Безобразова, который прямо заявил, что Димитрий будет свергнут в самое ближайшее время.

К концу 1605 года царь Димитрий буквально сидит на пороховой бочке. И в такой ситуации он идет на необъяснимый шаг — форсирует сватовство к Марине Мнишек. Царь отправил дьяка Афанасия Власьева в Краков уговорить Сигизмунда начать войну с турками и испросить его согласия на отъезд Марины в Москву. Своего же личного секретаря поляка Яна Бучинского Димитрий отправил к самому Юрию Мнишку.

Мотивировать как-либо это сватовство Отрепьева невозможно. Польский король не только не настаивал на браке Димитрия и Марии, а наоборот, Сигизмунд сказал Власьеву, что государь его может вступить в брак, более сообразный с его величием, и что он, король, не преминет помочь ему в этом деле. Но Власьев ответил, что царь никогда не изменит своему обещанию. Сигизмунд же хотел женить Лжедмитрия на своей сестре или на княжне Трансильванской.

В самом деле, если Юрий Мнишек станет зятем московского царя и правителем огромных земель, власть короля в Польше неизбежно еще более ослабнет.

Любовь — не последняя карта в политических играх. Но реальный самозванец, в отличие от пушкинского, совсем не подходит на роль влюбленного Ромео. Как писал Скрынников: «В компании с Басмановым и

М. Молчановым он предавался безудержному разврату. Царь не щадил ни замужних женщин, ни пригожих девиц и монахинь, приглянувшихся ему. Его клеветы не жалели денег. Когда же деньги не помогали, они пускали в ход угрозы и насилие. Женщин приводили под покровом ночи, и они исчезали в неведомых лабиринтах дворца. Описывая тайную жизнь дворца, голландец Исаак Масса утверждал, будто Лжедмитрий оставил после себя несколько десятков внебрачных детей, якобы появившихся на свет после его смерти».^[59] Добавим, что Димитрий еще держал у себя постоянной наложницей царевну Ксению Годунову. Так что о безумной страсти Отрепьева говорить не приходится.

В частной армии Мнишка необходимости у самозванца также не было. Мало того, недисциплинированное и нахальное рыцарство могло само по себе спровоцировать бунт москвичей. Тут вполне уместно вспомнить изречение Наполеона: «На штыках можно прийти к власти, но сидеть на штыках нельзя».

Тем не менее 2 марта 1606 года из Сандомира отправился в Москву свадебный кортеж в составе двух тысяч человек. 18 апреля у города Орши кортеж вступил на русскую землю. Через два дня в Лубно Михаил Нагой и князь В. М. Мосальский приветствовали Марину от имени царя, уверяя ее, что их повелитель ничего не пожалеет для удобства и приятности ее путешествия. И в самом деле, на пути к Москве построили 540 мостов. В Смоленске Марине устроили великолепный въезд в обитых драгоценными соболями санях, запряженных двенадцатью лошадьми. Для переправы через Днепр понадобились паромы. Один из них, слишком перегруженный, потонул, и погибло 15 человек. Перепуганные спутницы Марины приписали свое спасение присутствию патера Анзеринуса.

Еще в декабре 1605 года Юрий Мнишек писал Димитрию: «Поелику известная царевна Борисова дочь близко вас находится, благоволите, вняв совету благоразумных людей, от себя ее отдалить». Самозванец тянул с этим деликатным вопросом до последнего, но когда Марина оказалась уже в Вязьме, был вынужден отправить Ксению Годунову в Горицкий монастырь на Белоозеро. Там ее постригли в монахини под именем Ольги.

В Вязьме Мнишек оставил дочь, а сам поспешил в Москву, куда прибыл 24 апреля. Торжественный въезд Марины в Москву состоялся 2 мая. Она остановилась в Воскресенском монастыре в Кремле. Жених по обычаю не должен был видеть невесту, но поскольку в Воскресенском монастыре жила «мать» Димитрия инокиня Марфа, которую регулярно посещал «сын», то встречи, видимо, состоялись. Лишь 6 мая, за два дня до коронации и свадьбы, Марина смогла занять приготовленное для нее

помещение в царском дворце.

Перед свадьбой у царя возник конфликт с частью высшего духовенства. Митрополит Казанский Гермоген и епископ Коломенский Иосиф потребовали вторичного крещения невесты-католички. Однако Димитрий нашел возможность избавить свою невесту от троекратного погружения по православному обряду, отправив в ссылку чересчур строгих архиереев. Остальные же довольствовались миропомазанием, составлявшим необходимую принадлежность коронационного обряда. Сохранившийся обрывок церемониала свидетельствует о причащении Марины, и это двукратное подчинение греческому обряду признали равносильным отречению.

8 мая состоялась свадьба. Рано утром молодых привели в столовую избу, где придворный протопоп торжественно их обручил. В Грановитой палате князь Шуйский кратко приветствовал невесту, и обрученных проводили в Успенский собор. Патриарх совершил обряд миропомазания и торжественно короновал Марину. К большому смущению русских, царица не приняла причастия, как того требовала утвержденная думой процедура. Многие присутствующие не скрывали своего негодования по этому поводу. Среди гостей прошел ропот. Коронация Марины в Успенском соборе была неслыханным нарушением всех норм и приличий. Православным царицам даже многолетие стали петь лишь со времен Годунова. И это, казалось бы, безобидное новшество современники восприняли как бесстыдство. Отказ Марины принять причастие возмутил православных. Зато послы и польские гости были удовлетворены. Как только закончилась коронация, дьяки под разными предлогами выставили послов и иноземцев из церкви и заперли двери. Как только нежелательные свидетели удалились, патриарх обвенчал царя с Мариной по православному обряду. Польские дамы, оставшиеся подле невесты, со смехом описывали своим мужьям, как молодые приняли от патриарха вместе с благословением по кусочку хлеба и глотку вина. Они потешались над чашей, из которой брачующиеся пили по очереди. А потом чашу бросили на пол, и самый проворный должен был раздавить ее — знак его будущего главенства. Чтобы избежать предзнаменования, способного встревожить зрителей, патриарх поспешил сам наступить на хрупкий хрусталь.

Заметим, что в коронации и свадьбе принимали участие, соответственно своему чину, ростовский митрополит Филарет, боярин Иван Никитич Романов и юный стольник Миша Романов. Впоследствии сей факт старательно замалчивался царскими историками. Мало того, на Соборе 1620 года патриарх Филарет публично клеймил патриарха Игнатия

за отступление от православных обрядов при причащении и коронации католички, но ни словом не обмолвился об участии в этих процедурах митрополита Филарета.

Последующие дни царь и царица провели в пирах и увеселениях. Причем на ряд пиров были приглашены только поляки, а из русских присутствовали лишь Димитрий, дьяк Власьев и князь Мосальский. На одном из пиров, проведя три часа за едой и питьем, всю ночь протанцевали. К утру, переменяя множество кавалеров, «восхитительно танцевавшая Марина завоевала все сердца». Но Гонсевский и Олесницкий, танцуя с ней в одной кадрили, не сняли шляп, и Димитрий велел им сказать, чтобы берегли головы, иначе их снимут вместе со шляпами.

По странному совпадению в русском народном эпосе героиня с именем Марина, Маринушка, Маринка представляет собой явно отрицательный персонаж. Она — чародейка и вещунья, еретичка и безбожница, даже распутная девка. Она соблазнила девятих князей или богатырей, своих женихов, которых обратила в животных. Змея, обвивающая ее руку, — первый ее друг. Теперь народ мог лицезреть сей эпический персонаж. Нахальная девица во французском платье с непокрытыми волосами, к тому же еретичка, разве она не могла заколдовать сына Ивана Грозного?

По приказу царя для размещения родных невесты и других свадебных гостей из кремлевского дворца выселили не только купцов и духовных, но даже бояр. Арбатские и Чертольские священники также были выгнаны из домов, в которых поместили иностранных наемников.

Чуть ли не ежедневно в городе происходили стычки между поляками и москвичами. (Вспомним 1604 год и жалобы львовских горожан на бесчинства Мнишка и его компании.) Вот пьяные польские гайдуки остановили на московской улице колымагу и вытащили оттуда боярыню. Народ немедленно бросился отбивать женщину. В городе ударили в набат. 16 мая бояре вручили царю жалобу на поляков, напавших на боярыню. Димитрий положил эту жалобу «под сукно». Мало того, царь запретил принимать у москвичей жалобы на рыцарство.

Вот теперь и настал «день X» для бояр Шуйских! Сразу после приезда Марины Василий Шуйский организывает настоящий заговор. Во главе заговора становятся он сам, Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин. Для сохранения единства, необходимого в таком деле, бояре решили первым делом убить расстригу, «а кто после него будет из них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским царством». К заговорщикам примкнуло

несколько десятков московских дворян и купцов.

Готовясь к войне с Турцией,^[60] самозванец выслал на южную границу войско под началом Шереметева. Одновременно в Москву были вызваны новгородские дворяне, расположившиеся лагерем в миле от города. Их численность по Соловьеву составляла семнадцать тысяч, по Скрынникову — одну-две тысячи человек. Особого значения это не имеет, поскольку и тысячи ратников хватило бы для государственного переворота. Заговорщикам удалось привлечь новгородцев на свою сторону. На совещании заговорщиков Василий Шуйский объявил о страшной опасности, которая грозит Москве от царя, преданного полякам, признался, что самозванца признали истинным Димитрием только для того, чтобы освободиться от Годунова. Думали, что такой умный и храбрый молодой человек будет защитником православной веры и старых обычаев. Но оказалось, что царь жалует только иностранцев, презирает святую веру, оскверняет храмы Божьи, выгоняет священников из домов, которые отдает неверным, наконец, женится на польке поганой. «Если мы заранее о себе не помыслим, то еще хуже будет. Я для спасения православной веры опять готов на все, лишь бы вы помогли мне усердно: каждый сотник должен объявить своей сотне, что царь самозванец и умышляет зло с поляками. Пусть ратные люди советуются с гражданами, как промышлять делом в такой беде. Если будут все заодно, то бояться нечего: за нас будет несколько сот тысяч, за него — пять тысяч поляков, которые живут не в сборе, а в разных местах», — говорил Шуйский.

Но заговорщики все же не верили, что большинство будет за них, и поэтому условились по первому набату броситься во дворец с криком: «Поляки бьют государя!», окружить Лжедмитрия как будто для защиты и убить его. Решено было одновременно ворваться в дома к полякам, отмеченные накануне русскими буквами, и перебить ненавистных гостей. Немцев решили не трогать, потому что знали равнодушие этих наемников, которые храбро сражались за Годунова, верны Димитрию до его смерти, а потом будут так же верны новому царю из бояр.

Димитрий получил несколько доносов о готовящемся заговоре. Так, 16 мая немецкий наемник предупредил Димитрия о заговоре. Другой донос поступил от Юрия Мнишка. Димитрий постарался убедить тестя в отсутствии повода для беспокойства и даже намекнул на трусость. Однако затем царь приказал Басманову усилить стрелецкие караулы в Кремле и Белом городе. В ночь на 16 мая стрельцы перехватили шестерых неизвестных, проникших в Кремль. Трое были убиты на месте, а других допросили с пристрастием, но те ничего не сказали и умерли под пытками.

Поляки заподозрили неладное. На ночь они собирались в нескольких домах (в доме послов Олесницкого и Гонсевского, в доме Юрия Мнишка и др.), где устроили как бы небольшие гарнизоны.

На 18 мая Димитрий наметил большую военную игру. Для этого за Сретенскими воротами Москвы был построен деревянный городок, который царь собирался брать приступом. Заговорщики воспользовались этим и распустили слух, что царь во время потехи хочет истребить всех бояр, а потом уже без проблем поделить с Польшей московскими землями и ввести «латынство».

В светлую ночь с 17 на 18 мая бояре-заговорщики впустили в город около тысячи новгородских дворян и боевых холопов. На подворье Шуйских собралось около 200 вооруженных москвичей, в большинстве своем дворян. С подворья они направились на Красную площадь. Около четырех часов утра ударили в колокол на Ильинке, у Ильи Пророка, на Новгородском дворе, и разом заговорили все московские колокола. Толпы народа, вооруженные чем попало, хлынули на Красную площадь. Там уже сидели на конях около двухсот бояр и дворян в полном вооружении.

Дворяне-заговорщики объявили народу, что «литва бьет бояр, хочет убить и царя». Толпа бросилась громить дворы, где жили поляки. Между тем Шуйский во главе двух сотен всадников въехал в Кремль через Спасские ворота, держа в одной руке крест, в другой — меч. Подъехав к Успенскому собору, он сошел с лошади, приложился к образу Владимирской Богоматери и сказал людям, его окружившим: «Во имя Божие идите на злого еретика». Толпы двинулись ко дворцу.

Шум разбудил Димитрия, спавшего во дворце вместе с Мариной. В соседней комнате царские покои охранял Басманов. Димитрий крикнул Федору: «Что там случилось?» Кто-то из дворцовых служителей заорал: «Пожар!» Димитрий на время успокоился. Но крики все усиливались. Басманов вышел на крыльцо и увидел разъяренную толпу. Царского любимца встретили нецензурными ругательствами и криком: «Выдай самозванца!» Басманов бросился во дворец, приказал страже не впускать ни одного человека, а сам в отчаянии прибежал к царю, крича: «Ахти мне! Ты сам виноват, государь! Все не верил, вся Москва собралась на тебя».

Немецкие наемники, охранявшие дворец, растерялись, что позволило одному из нападавших, дьяку Тимофею Осипову, ворваться в царскую спальню. Согласно позднейшим летописям, Осипов, известный своей праведной жизнью, пришел обличать самозванца. На самом деле он явно хотел покончить с расстригой. Но Басманов опередил дьяка и разрубил ему саблей голову. Труп в спальне, естественно, не импонировал Марине, и она

приказала выкинуть его из окна. Осипова хорошо знали и любили в городе. Вид его окровавленного тела разгневал толпу, и она пошла на штурм дворца.

Басманов и Димитрий с саблями наголо встали в дверях. Царь истерично кричал: «Я вам не Годунов!» Тут думный дворянин Михаил Татищев изловчился и длинным ножом пырнул Басманова. Отрепьев, стоявший за спиной Басманова, обратился в бегство. Дело происходило в новом деревянном дворце, и Отрепьев решил укрыться в большом каменном дворце. Между обоими дворцами находились подмости, устроенные для театральных представлений по случаю царской свадьбы. Перепрыгивая через подмости, Отрепьев оступился, упал с высоты нескольких метров и вывихнул ногу. Стрельцы, стоявшие недалеко на карауле, услышали стоны раненого, узнали царя, облили его водой и перенесли на каменный фундамент сломанного годуновского дома. Придя в себя, Отрепьев стал уговаривать стрельцов встать на его сторону, обещая им в награду жен и имения изменников-бояр. Стрельцам понравилось это обещание, они внесли Отрепьева обратно во дворец, уже опустошенный и разграбленный. В передней Димитрий увидел своих верных алебардчиков, стоявших без оружия и с поникшими головами, и заплакал. Когда заговорщики захотели приблизиться к Отрепьеву, то стрельцы открыли огонь из пищалей.

Наступил критический момент восстания. Однако Василий Шуйский нашел выход. Он предложил напугать стрельцов расправой над их семьями. Ведь московские стрельцы в отличие от веселых мушкетеров Людовика XIII не были сорви-головами и искателями приключений, а превратились в благополучных мещан, обросших семьями, огородами, многие занимались ремеслами и торговлей. Заговорщики закричали: «Пойдем в Стрелецкую слободу, истребим их жен и детей, если они не хотят нам выдать изменника, плута, обманщика». Понятно, что для стрельцов это была страшная угроза, и они вступили в переговоры с нападавшими. Сошлись на компромиссе: «Спросим царицу: если она скажет, что это прямой ее сын, то мы все за него помрем. Если же скажет, что он ей не сын, то Бог в нем волен».

В ожидании ответа от Марфы заговорщики с ругательствами и рукоприкладством спрашивали Лжедмитрия: «Кто ты? Кто твой отец? Откуда ты родом?» Он отвечал: «Вы все знаете, что я царь ваш, сын Ивана Васильевича. Спросите обо мне мать мою или выведите меня на Лобное место и дайте объясниться».

Тут явился князь Иван Васильевич Голицын и сказал, что он был у

царицы Марфы и она ответили, что сын ее убит в Угличе, а это самозванец. Народу эти слова передали, добавив, что сам Димитрий признался в своем самозванстве и что Нагие подтверждают показания Марфы. Тогда отовсюду слышались крики: «Бей его! Руби его!» Из толпы выскочил боярский сын Григорий Валуев и выстрелил в Димитрия, приговаривая: «Что толковать с еретиком? Вот я благословлю польского свистуна!» Остальные дорубили труп и бросили его на тело Басманова со словами: «Ты любил его живого, не расставайся и с мертвым». Затем трупы раздели и поволокли через Спасские ворота на Красную площадь. Поравнявшись с Воскресенским монастырем, толпа остановилась, чтобы спросить у Марфы: «Твой ли это сын?» Та ответила: «Вы бы спрашивали меня об этом, когда он был еще жив, теперь он уже, разумеется, не мой».

Покинутая своим супругом Марина Мнишек металась по дворцу и в конце концов укрылась в комнате своих фрейлин. Говорят, что маленькая и худая Марина спряталась под юбку своей толстой гофмейстерины. Когда в помещение фрейлин ворвались заговорщики, их встретил с палашом слуга Марины Ян Осмульский. Несколько секунд ему удавалось сдерживать нападавших, а затем он упал, изрубленный саблями. Первым делом заговорщики стали спрашивать фрейлин, где Марина. Те ответили, что не знают. Заговорщики начали с угроз и оскорблений, а закончили изнасилованием. Если верить немцу Буссову, то были изнасилованы все женщины. А Марина якобы все время сидела под юбкой гофмейстерины. В последнее трудно поверить. Скорее всего ее вытащили и сделали с ней то же, что и с фрейлинами. Тут появился кто-то из бояр и прекратил безобразие. Марину вывели и заперли в другой комнате, поставив у дверей караул.

По всей Москве горожане громили дома, где жили поляки. Позже поляки распустили слухи, что их было убито свыше двух тысяч человек. На самом деле было убито 20 знатных шляхтичей, около 400 их слуг и оруженосцев, а также аббат Помаский. В ходе схваток с поляками было убито свыше 300 русских. Бояре — руководители мятежа — не желали истребления всех поляков и сразу после убийства самозванца направили отряды стрельцов для защиты домов поляков, в первую очередь, разумеется, посла Гонсевского.

Избиения поляков продолжались около семи часов и закончились за час до полудня.

Глава 30

Царь Василий Шуйский

После убийства самозванца в Москве наступило безвластие. Теперь на престол могли претендовать десятки князей Рюриковичей и Гедиминовичей. Главными претендентами были бояре Василий Шуйский, Федор Мстиславский и Василий Голицын. Последние двое были потомками литовского князя Гедимина. Дед Федора Ивановича Мстиславского князь Федор Михайлович Мстиславский переселился в Москву из Литвы в 1526 году и стал боярином Василия III.

Предки Василия Васильевича Голицына служили еще Дмитрию Донскому. Фамилию роду дал Михаил Иванович Булгаков-Голица, боярин Василия III. Любопытный момент — все три претендента на престол не имели мужского потомства или их дети умерли в младенчестве.

Романовы, естественно, тоже рвались к власти, но их положение было сложным.

Во-первых, героями восстания против самозванца были Василий Шуйский и Василий Голицын, а не Романовы. Ни Романовых, ни их родственников не было среди тех, кто ворвался в Кремль вместе с Василием Шуйским. Этот переворот был им явно невыгоден. Лишь через два часа после убийства Отрепьева к Кремлю подъехал Иван Никитич Романов с несколькими десятками дворян и боевых холопов и присоединился к победителям. Митрополит Ростовский Филарет 17 мая находился в Москве, но весь день из дома не выходил и никого не принимал.

Во-вторых, Федор Никитич Романов был монахом Филаретом и по церковным и светским законам не мог занять престол. Конечно, можно было объявить акт пострижения насильственным и фиктивным, но народ бы этого не понял и вряд ли захотел менять расстригу Гришку на расстригу Филарета. Михаилу же Федоровичу, хоть он и числился стольником, было только 10 лет от роду.

Наиболее подходящим кандидатом на московский престол из всего клана Романовых был Иван Никитич, произведенный в 1605 году в бояре Отрепьевым. Однако Иван Никитич не пользовался особой популярностью ни в среде знати, ни среди простых людей. Мало того, сам Филарет был против передачи престола брату Ивану. Так что в мае 1606 года у клана Романовых шансов на престол было очень мало.

В России при возникновении проблем с наследованием престола после смерти Ивана Грозного или Федора Ивановича созывался Земской собор, который и избирал царя. Но теперь Шуйские решили обойтись без Собора. Предыдущие Соборы собирались в присутствии патриарха и в спокойное время. Сейчас же в стране царил смут. На юго-западе России ходили слухи, что Димитрий спасся, что где-то на Дону гулял казак Илейка, принявший имя царевича Петра, сына царя Федора Ивановича. Патриарха русская церковь не имела, а точнее имела сразу двух незаконно свергнутых патриархов — Иова и Игнатия. Последний через несколько часов после убийства Отрепьева был лишен сана и заточен в Чудов монастырь.

Был и субъективный момент — еще до созыва Соборов Федор Иванович и Борис Годунов имели твердое большинство делегатов. А в мае 1606 года Василий Шуйский был заметно сильнее других претендентов, но все вместе остальные претенденты могли составить подавляющее большинство на Соборе и еще неизвестно кого выбрать.

Посему сторонники Шуйского уговорили Василия Ивановича занять престол, так сказать, явочным порядком. Просто пойти и сесть на пустующий трон.

18 мая Голицын, Куракин, Мстиславский и другие конкуренты Шуйского решили собрать на следующий день рано утром народ на Красной площади и выбрать патриарха, а затем провести Земский собор под его руководством. Нетрудно предположить, что патриархом должен был стать Филарет.

В ночь с 18 на 19 мая на подворье у Шуйских собрались их сторонники. Из бояр были только трое Шуйских, а также М. В. Скопин-Шуйский. Присутствовали несколько окольных, думных дворян и купцов, а также хорошо нам знакомый профессиональный заговорщик крутицкий митрополит Пафнутий. Современники утверждают, что подлинным руководителем заговора был Михаил Татищев. Важную роль играл Пафнутий. Видимо, мы никогда не узнаем, что заставило Пафнутия порвать с Отрепьевым и Романовыми и перейти на сторону Шуйского.

Ночью были составлены два документа: крестоцеловальная запись князя Василия Шуйского и другая, «по которой записи целовали бояре и вся земля». Интересно, что в отличие от всех других претендентов на царский престол — Годунова, Отрепьева и Романова — составители записи посчитали излишним доказывать родство Василия Шуйского с родом Ивана Калиты. После ста лет холопства у московского трона Шуйские вспомнили о своем происхождении. В крестоцеловальной грамоте гордо говорилось: «Божиею милостию мы, Великий государь, царь и Великий

князь Василий Иванович всея Руси, щедротами и человеколюбием славимого Бога и за молением всего освященного Собора, по челобитью и прошению всего православного христианства учинились на отчине прародителей наших, на Российском государстве царем и великим князем. Государство это даровал бог прародителю нашему Рюрику, бывшему от римского кесаря, и потом, в продолжение многих лет, до самого прародителя нашего Великого князя Александра Ярославича Невского, на сем Российском государстве были прародители мои, а потом удалились на суздальский удел, не отнятием или неволею, но по родству, как обыкли большие братья на больших местах садиться. И ныне мы, Великий государь, будучи на престоле Российского царства, хотим того, чтобы православное христианство было нашим доброопасным правительством в тишине, и в покое, и в благоденстве, и поволил я, царь и Великий князь всея Руси, целовать крест на том: что мне, Великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом с боярами своими, смерти не предать, вотчин, дворов и животов у братьи его, у жен и детей не отнимать, если они с ним в мысли не были; также у гостей и торговых людей, хотя который по суду и по сыску дойдет и до смертной вины, и после их у жен и детей дворов, лавок и животов не отнимать, если они с ними в этой вине невинны. Да и доводов ложных мне, Великому государю, не слушать, а сыскивать всякими сысками накрепко и ставить с очей на очи, чтобы в том православное христианство невинно не гибло; а кто на кого солжет, то, сыскав, казнить его, смотря по вине, которую взвел напрасно. На том на всем, что в сей записи писано, я, царь и Великий князь Василий Иванович всея Руси, целую крест всем православным христианам, что мне, их жалуя, судить истинным, праведным судом и без вины ни на кого опалы своей не класть, и недругам никого в неправде не подавать, и от всякого насильства оберегать».

Позже некоторые историки будут утверждать, что в этой грамоте будущий царь ограничил самодержавие и усилил власть бояр. Валишевский даже пишет, что: «...весьма возможно, что на пороге XVII века в истории старой Московии был составлен конституционный договор». На самом же деле в записи нет ни слова об ограничении самодержавия, да еще в пользу бояр. Наоборот, царь указывает, что он целовал крест на том, чтобы править, как правили его полновластные прародители, цари XVI века, и целовал он крест не боярам, а «всем людям».

В 6 часов утра 19 мая на Красной площади собралась огромная толпа народу. Бояре — конкуренты Шуйского — вышли на площадь и

предложили избрать патриарха, который должен был стоять во главе временного правления и разослать грамоты для созыва советных людей из городов. Однако Шуйские успели подготовить свою команду. Сотни людей одновременно закричали, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский, не хотим никаких советов, где Москва, там и все государство, Шуйский — страдалец за православную веру и т. д.

Толпа, ведомая сторонниками Шуйских, вошла в Кремль. Откуда-то появился и сам князь Василий. Шуйского ввели в Успенский собор, где митрополит Пафнутий нарек его на царство. После этого Шуйский выдал боярам индульгенцию, заявив: «Целую крест на том, что мне ни над кем не делать ничего дурного без Собору, и если отец виновен, то над сыном ничего не делать, а если сын виновен, то отцу ничего дурного не делать, а которая была мне грубость при царе Борисе, то никому за нее мстить не буду».

Пафнутий отслужил молебен, и князь Василий Иванович стал считаться царем. Злые боярские языки говорили, что Василий Шуйский был не избран, а выкликнут царем.

Целуя крест в соборе, Василий Шуйский говорил правду. После его воцарения репрессий не последовало, если не считать ссылок нескольких наиболее рьяных сторонников самозванца. Так, князь Рубец-Мосальский был сослан воеводой в Корелу, Афанасий Власьев — в Уфу, Салтыков — в Иван-город, Богдан Бельский — в Казань. Других стольников и дворян также разослали по отдаленным городам, у некоторых отобрали поместья и вотчины. Надо ли говорить, что репрессии и назначения на воеводские должности — это «две большие разницы».

По всем областям государства Российского была разослана грамота от имени бояр, окольничих, дворян и всяких людей московских с извещением о гибели Лжедмитрия и возведении на престол Шуйского: «Мы узнали про то подлинно, что он прямой вор Гришка Отрепьев, да и мать царевича Дмитрия, царица инока Марфа, и брат ее Михайла Нагой с братьею всем людям Московского государства подлинно сказывали, что сын ее, царевич Дмитрий, умер подлинно и погребен в Угличе, а тот вор называется царевичем Димитрием ложно; а как его поймали, то он и сам сказал, что он Гришка Отрепьев и на государстве учинился бесовскую помощь, и людей всех прельстил чернокнижеством; и тот Гришка, за свое злодейственное дело, принял от Бога возмездие, скончал свой живот злою смертию. И после того, прося у Бога милости, митрополиты, архиепископы, епископы и весь освященный Собор, также и мы, бояре, окольничие, дворяне, дети боярские и всякие люди Московского государства, избирали всем

Московским государством, кому Бог изволит быть на Московском государстве государем; и всесильный, в троице славимый Бог наш на нас и на вас милость свою показал, объявил государя на Московское государство, Великого государя царя и Великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца, государя благочестивого, по Божией церкви и по православной христианской вере поборателя, от корени великих государей российских, от Великого государя князя Александра Ярославича Невского; многое смертное изгнание за православную веру с братиею своею во многие лета он претерпел и больше всех от того вора, богоотступника и еретика смертью пострадал».

Вслед за этой грамотой Василий Шуйский разослал другую, уже от своего имени, в которой также объявлял о гибели Лжедмитрия, с подробным объяснением причин, а именно объявлял о бумагах, найденных в комнатах самозванца: «Взяты в хоромах его грамоты многие ссыльные воровские с Польшею и Литвою о разорении Московского государства». Но Шуйский ничего не говорил о содержании этих воровских грамот, хотя вслед за этим упоминал о содержании писем римского папы. Затем Шуйский пишет о показании Бучинских, будто царь был намерен перебить всех бояр во время воинской потехи и потом, отдавши все главные места в управление полякам, ввести католицизм. Шуйский приводит так же свидетельство о записях, действительно данных в Польше Мнишку и королю об уступке русских областей и заключает: «Слыша и видя то, мы всесильному Богу хвалу воздаем, что от такого злодейства избавил».

Шуйский заставил монахиню Марфу написать грамоту с объяснением своего поведения. Бедная вдовушка выкручивалась, как могла. По ее словам, «...он [Лжедмитрий] ведовством и чернокнижеством назвал себя сыном царя Ивана Васильевича, омрачением бесовским прельстил в Польше и Литве многих людей и нас самих и родственников наших устрасил смертью. Я боярам, дворянам и всем людям объявила об этом прежде тайно, а теперь всем явно, что он не наш сын, царевич Димитрий, вор, богоотступник, еретик. А как он своим ведовством и чернокнижеством приехал из Путивля в Москву, то, ведая свое воровство, по нас не посылал долгое время, а прислал к нам своих советников и велел им беречь накрепко, чтобы к нам никто не приходил и с нами об нем никто не разговаривал. А как велел нас к Москве привезти, и он на встрече был у нас один, а бояр и других никаких людей с собой пускать к нам не велел и говорил нам с великим запретом, чтобы мне его не обличать, претя нам и всему нашему роду смертным убийством, чтобы нам тем на себя и на весь род свой злой смерти не навести, и посадил меня в монастырь, и приставил

ко мне также своих советников, и остерегать того велел накрепко, чтоб его воровство было не явно, а я для его угрозы объявить в народе его воровство явно не смела».

Как видим, и Шуйский, и Марфа ввали не меньше Отрепьева, при этом даже не пытаясь придать собственной лжи какой-то правдоподобный вид. Каждая такая грамота порождала больше вопросов, чем ответов. Естественно, что им верили лишь те, кому было выгодно верить Шуйскому.

Новому царю срочно потребовался и новый патриарх. Вполне логично было вернуть в патриархи Иова, находившегося в Старице. Но против кандидатуры Иова решительно выступили Шуйские, которые имели с ним давние счёты. Первоначально Шуйские хотели пропихнуть в патриархи Пафнутия, но это была столь одиозная личность, что против него ополчилось большинство бояр и высшее духовенство. Недовольные Шуйским бояре и иерархи церкви решили возвести в сан патриарха митрополита Филарета. Почему-то никого не смущало, что всего лишь год назад он был простым монахом и в делах религии себя вообще никак не проявил. В вопросе с патриархом царю Василию пришлось уступить. Филарет был объявлен патриархом, об этом даже сообщили польским послам.

Но тут хитроумный Василий Иванович разыграл блестящую комбинацию. Он предложил канонизировать царевича Димитрия. За что можно канонизировать больного и озлобленного ребенка? — спросит читатель. А за что канонизировали первых русских святых — князей Бориса и Глеба? Те тоже ничего ни плохого, ни хорошего в своей жизни не успели сделать. Но, видимо, кому-то помешали, и их тоже зарезали при таинственных обстоятельствах. По одной версии это сделал их брат Святополк, а по другой — опять же их братец Ярослав. А потом внуку Ярослава потребовались святые, чтобы сделать одного деда Мудрым, а другого — Окаянным.

Предложив канонизировать Димитрия и перенести его останки из Углича в Москву, царь Василий одним выстрелом убивал трех зайцев. Во-первых, согласно христианским верованиям самоубийцу, даже невольного, нельзя сделать святым, поэтому всем придется признать, что Димитрий был зарезан, и этим скомпрометировать Годунова. Во-вторых, торжественное перезахоронение останков царевича, по мнению Шуйского, должно было покончить со слухами, что Димитрий жив. В-третьих, такое важное мероприятие было поручено патриарху Филарету. Филарет должен был привезти прах царевича в Москву. Затем у гроба произойдут великие чудеса, и церковь объявит Димитрия святым. И вот тогда произойдет

официальное возведение Филарета в патриархи и венчание на царство Шуйского.

Итак, царь Василий решил на время убрать Филарета из Москвы. Как ни странно, это совпадало и с желанием самого Филарета, поскольку тот хотел иметь алиби. Шуйский и Романов стояли друг друга. Шуйский хотел возвести на патриарший престол архиепископа Гермогена, за которым в Казань был послан гонец еще 19 мая. Филарет же со своей стороны вкупе с Ф. И. Мстиславским готовил государственный переворот в Москве, имевший целью свержение царя Василия.

В заговоре против Шуйского участвовали многие представители знати. Естественно, что никаких протоколов заседаний они не вели, и конечная цель переворота — возведение на престол своего царя — вызывает у современных историков споры. По одной версии на престол должен был взойти кто-то из клана Романовых, по другой — Ф. И. Мстиславский, а третья версия была компромиссной — на престол должен был вернуться шутовской царь Симеон Бекбулатович, жена которого была родной сестрой Ф. И. Мстиславского.

Итак, Филарет отправился в Углич. Его сопровождали астраханский архиепископ Феодосий, бояре Иван Воротынский и Петр Шереметев, брат инокини Марфы Григорий и племянник Андрей Нагие. А в воскресенье, 25 мая, в Москве начался бунт. По официальной версии, царь шел к обедне и внезапно увидел большую толпу, идущую ко дворцу. Толпа была настроена агрессивно, слышались оскорбительные выкрики по адресу Шуйского. Как писал очевидец Ж. Маржарет, если бы Шуйский продолжал идти к храму, то его ждала бы та же участь, что и Дмитрия. Но царь Василий быстро ретировался во дворец. Там он с плачем обратился к окружившим его боярам, что нет нужды затевать бунт, что если хотят от него избавиться, то, избрав его царем, могут и низложить его, если он им негоден, и что он оставит престол без сопротивления. Потом, отдав боярам царский посох и шапку Мономаха, Шуйский продолжал: «Если так, выбирайте, кого хотите». Бояре растерялись, и никто не решился дотронуться до царских регалий. Растерянность можно объяснить и тем, что среди присутствующих бояр не было кандидата на престол, который в тот момент занимался гробокопательством в Угличе.

Так или иначе, но бояре безмолвствовали. Тогда царь Василий поднял посох, одел шапку и приказал наказать виновных. Возражать ему никто не посмел. Стрельцы разогнали толпу, схватив пятерых крикунов. Их объявили зачинщиками и подвергли казни на торговой площади — нещадно выдрали кнутом. Учинить расправу над самими заговорщиками

царю помешала Боярская дума, и Шуйскому пришлось ограничиться полумерами. Было официально объявлено, что князь Ф. И. Мстиславский ни в чем не виноват, а виноваты его родные, которые хотели воспользоваться его именем. Одним из главных виновников был назван боярин Петр Никитич Шереметев, хотя он в день бунта находился в Угличе вместе с Филаретом. Шереметеву было запрещено возвращаться в Москву, его послали в Псков воеводой. М. Ф. Нагой был лишен звания конюшего, но оставлен в Москве. Племянник Филарета (по сестре Марфе) князь Иван Черкасский был лишен звания кравчего. Досталось даже бедняге Симеону Бекбулатовичу. В Кириллов монастырь, где содержался Симеон (монах Стефан), приехал царский пристав Федор Супонев с грамотой царя Василия от 29 мая, в которой приказывалось игумену выдать «старца Стефана» приставу, который должен был отвезти старца «где ему велено». Супонев увез бедолагу татарина в Соловецкий монастырь.

Попытка переворота заставила Шуйского поспешить с венчанием на царство. 1 июня 1606 года Василий Шуйский венчался на царство в Архангельском соборе. С. М. Соловьев так характеризует Шуйского: «Новый царь был маленький старик лет за 50 с лишком, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любил только тех, которые шептали ему в уши доносы, и сильно верил чародейству».

За неимением патриарха (Филарет был в Угличе, а Гермоген еще не приехал из Казани) в соборе священнодействовал новгородский митрополит Исидор, а помогал ему Пафнутий. Исидор надел на царя крест святого Петра, возложил на него бармы и царский венец, вручил скипетр и державу. При выходе из собора царя Василия по традиции осыпали золотыми монетами.

А между тем патриарх Филарет обрел мощи царевича Димитрия. При вскрытии могилы Димитрия по собору распространилось «необычайное благовоние». Мощи царевича оказались нетленными — в гробу лежал свежий труп ребенка. В руке его была зажата горсть орехов, что должно было показать, что никакого приступа эпилепсии во время игры с ножом не было. Ребенок тихо и мирно грыз орехи, и в этот момент на него напали злодеи.

Шоу в Преображенском соборе убедило далеко не всех. Пошли слухи, что Филарет купил у стрельца сына, которого зарезали, а затем положили в гроб вместо останков царевича. Стрельцова сына звали Романом.

Торжественная процессия с нетленными мощами Димитрия медленно двинулась к Москве. 3 июля вблизи села Тайнинского состоялась встреча

процессии с царем Василием и боярами, которые шли пешком, чтобы встретить за городом мощи настоящего сына Ивана Грозного. За царем и боярами следовало духовенство и толпы горожан. Затем произошла сцена, достойная кисти самого великого художника. Гроб был открыт, и инокиня Марфа увидела... свежий труп. Бывшая царица должна была опознать своего сына, как она год назад «опознала» живого Дмитрия на том же самом месте. Марфа, выдавая виды, тут от ужаса не сумела произнести ни слова. Теперь ей придется плакать над гробом чужого ребенка, а прах ее единственного сына выброшен и уничтожен.

Спасая положение, царь сам подошел к гробу, опознал царевича и повелел гроб закрыть. Процессия торжественно проследовала к Москве. Гроб с телом «царевича» несколько часов стоял на Лобном месте на Красной площади, а затем был перенесен в Архангельский собор, причем царь Василий поддерживал носилки с гробом.

За это время инокиня Марфа пришла в себя, а кроме того, ей наметнулись на серьезные неприятности, если она будет упрямиться. Поэтому в Архангельском соборе она нашла силы громогласно объявить, что в гробу находится ее сын. Гроб был помещен в склеп рядом с могилой Грозного. Через несколько часов монахи подвели к гробу Дмитрия слепого. Слепой помолился у гроба и вдруг прозрел. Всего в день захоронения в Архангельском соборе у гроба излечилось 13 человек. Смертельно больные люди вскакивали с носилок, хромы бросали костыли, горбатые выпрямлялись и т. д. На следующий день исцелились 12 человек и т. д. При каждом новом «чуде» звонили все московские колокола. Толпы народа осаждали двери Архангельского собора. По приказу царя составили грамоту с описанием чудес Дмитрия Угличского и разослали ее по городам. Однако противники Шуйского постарались испортить красивый спектакль. В собор был доставлен настоящий больной при последнем издыхании, он дотронулся до гроба и умер. После инцидента доступ к мощам был прекращен. Московские колокола смолкли.

В 1812 году французы, а более вероятно, что их союзники немцы и поляки, которые отличились при грабеже Москвы куда более, чем французы, вытащили из склепа драгоценную раку с мощами Святого Дмитрия. Драгоценности были похищены, а мощи после изгнания французов нашли и установили на прежнем месте в новой раке. А может, и не нашли, и произошла очередная подмена, но это ни тогда, ни сейчас никого не интересует.

Но мы забыли о Филарете, и это не удивительно — о нем забыли все. «Мавр сделал свое дело» — привез мощи — «мавр должен уйти». При

встрече в Тайнинском Филарет остолбенел не менее Марфы. Та увидела чужой труп, а он... патриарха. Да, да! Вместе с царем шел и патриарх Гермоген.

Происхождение Гермогена неизвестно. В 1611 году поляки, затевавшие суд над Гермогеном, получили письменное свидетельство одного московского священника о «житии» Гермогена. Священник показал, что в начале жизни Гермоген пребывал «в казаках донских, а после — попом в Казани». По другим данным, Гермоген происходил из рода Шуйских. Так или иначе, поп Гермоген в 1579 году служил в казанской церкви Святого Николая в Гостином дворе. Он заслужил упоминание в летописи в связи с обретением иконы Богородицы Казанской. В 1588 году Гермоген стал игуменом казанского Спасо-Преображенского монастыря. 13 мая 1589 года Гермоген был возведен в сан епископа и поставлен митрополитом Казанским и Астраханским — первым в новоучрежденной митрополии.

Гермоген отличился при обращении в православие инородцев — татар, мордвы, мари, чувашей и других народов. По настоянию Гермогена в Синодик, читаемый в неделю православия, были внесены «православные благочестивые воеводы и воины, пострадавшие за Христа под Казанью и в пределах казанских в разные времена», а также мученики, убитые татарами за веру, — Иван Новый, Стефан и Петр.

На такого патриарха, твердого в вере и большого патриота земли Русской, царь Василий вполне мог положиться, а Филарету предложил малой скоростью ехать в свою Ростовскую митрополию — он ведь по-прежнему митрополит Ростовский.

Итак, ценой больших усилий царю Василию удалось укрепить свою власть в столице. Совсем иначе дела складывались в провинции. Жители юго-западных городов — Путивля, Чернигова, Кром и других — наотрез отказались присягать новому царю. Там правили воеводы — сторонники Лжедмитрия.

По всей стране распространялись слухи, что Димитрий не был убит в Москве, а скрылся и вот-вот объявится. В какой-то мере распространению таких слухов способствовали действия царя Василия.

Так, глупости и противоречия царской грамоты, разосланной по всей стране с объяснением причин переворота 17 мая 1605 года и мотивировками воцарения Шуйского, вызывали серьезные подозрения как у воевод, так и у простых горожан.

В день переворота трупы Отрепьева и Басманова сторонники Шуйского отволокли на Лобное место, раздели донага, да еще на Отрепьева надели страшную маску, в которой тот собирался быть на маскараде. Никто

не подумал, что народ, привыкший видеть царя в роскошных одеяниях, не будет ассоциировать его с изуродованным трупом, да еще с закрытым маской лицом. Сразу же начались разговоры, что убитый совсем не похож на царя Димитрия. Через три дня Басманова похоронили в церкви Николы Мокрого, а Отрепьева — в убогом доме за Серпуховскими воротами. Но по Москве поползли разные слухи: говорили, что сильные морозы стоят благодаря волшебству расстриги, что над его могилой творятся чудеса. Тогда труп самозванца вырыли, сожгли на Котлах и, смешав пепел с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда он пришел.

В начале 1606 года, еще в царствование Димитрия, на Тереке появился новый самозванец — царевич Петр. На самом деле это был бродяга Илья, сын муромской проститутки Ульяны, которая ушла от мужа и прижила Илью от посадского человека Ивана Коровина. Подросший Илья поначалу торговал яблоками у нижегородского купца Грозильникова. Позже это занятие Илье надоело, и он подался в Казань на Волгу, а затем на Терек. На Тереке Илейке-Петру удалось собрать большой отряд гулящих казаков. Самозванец рассказал им фантастическую историю, будто Ирина Годунова, жена царя Федора Иоановича, была беременна, но очень боялась своего брата, Бориса Годунова, который уже метил на царство. И вот, родив в 1592 году сына, она подменила его девочкой, чтобы коварный Борис не извел младенца. Сына же она отдала на воспитание дьяку Андрею Щелкалову и князю Мстиславскому. Царевич рос у жены Щелкалова полтора года, затем его отдали Григорию Васильевичу Годунову, тоже посвященному в тайну. У него царевич прожил два года, а потом его перевезли в монастырь под Владимиром, где игумен научил его грамоте. Когда царевич освоил грамоту, игумен написал о его успехах Григорию Васильевичу Годунову, считая его отцом мальчика. Но Григорий Годунов к тому времени уже умер, а его родные отписали, что «у родича нашего не было сына, не знаем, откуда взялся этот мальчик». Заинтригованные родные обратились за разъяснениями к Борису Годунову, и Борис написал игумену, чтобы тот прислал мальчика к нему. Царевича повезли в Москву, но по дороге он, почувствовав недоброе, сбежал, какое-то время жил у князя Барятинского, а затем ушел к казакам, где и объявил о себе.

О появлении самозванца донесли царю Димитрию. Реакция его была совершенно необъяснима. В конце апреля 1606 года царь послал к казакам дворянина Третьяка Юрлова с грамотой, где говорилось, что если называющий себя Петром и в самом деле царевич, то царь ждет его у себя в Москве, а если «он чувствует за собой, что он не царевич», то пусть лучше быстрее убирается из Московского государства. К грамоте прилагалась

подорожная, где предписывалось выдавать «царевичу Петру» корм на всем пути до Москвы.

«Царевич Петр» встретил Юрлова с грамотой в Самаре и двинулся дальше, говоря всем, что он едет в Москву к своему дяде-царю. В Свияжске «царевич Петр» узнал о смерти Димитрия и воцарении Василия Шуйского. Теперь Петра в Москве однозначно ждала плаха, а то и кол. Поэтому «царевич» со своей ватагой повернул обратно. Обманом казаки проскочили Казань и отправились вниз по Волге-матушке, грабя встреченные суда и прибрежные городки.

В это время в Путивле князь Г. П. Шаховский, сторонник убитого Лжедмитрия и один из активистов самозванческой интриги, объявил жителям, что царь Димитрий жив и находится в Польше. Шаховский во время переворота выкрал в Кремле государственную печать и, используя ее, рассылал грамоты по городам, поднимая народ за «царя Димитрия». И на эту роль Шаховскому сгодился бы любой другой самозванец. Он начал переписку с польскими панами, которые также искали кандидата на роль царя Димитрия.

Тут всплывает довольно любопытный персонаж — Иван Исаевич Болотников. В советское время его объявили «предводителем крестьянской войны» и «защитником угнетенных». Именно им открывали пантеон народных вождей, за ним следовали Кондрат Булавин, Степан Разин и Емельян Пугачев.

Болотников происходил из бедной дворянской семьи, предположительно из Подмосковья. В 80-х годах XVI века Болотников разорился и поступил на службу к князю А. А. Телятевскому боевым холопом. Позже он бежал к казакам. В ходе одного из казацких походов на Крым Болотников попал в плен к татарам, которые продали его туркам. Так Болотников стал гребцом на турецкой галере. Условия жизни гребцов были невыносимыми. Недаром слово «каторга» пошло от названия одного из типов турецких галер — каторги. В Средиземном море турецкую галеру захватывают австрийские корабли, и Болотников оказывается в Венеции. Из Венеции Болотников перебирается в Польшу. В Самборе родственники Мнишка сводят его с Михаилом Молчановым,^[61] которого паны готовили на роль царевича Димитрия. Молчанов жил на содержании жены Юрия Мнишка. Один из друзей Мнишка, Вилевский, участник похода на Москву, заявил, что у Димитрия было два двойника — некто Барковский и племянник князя Мосальского. Они были похожи на царя как две капли воды, исключая разве что знаменитую бородавку. В день переворота убит был не Димитрий, а Барковский, а царю удалось убежать из Москвы. С

письмом от «царя Димитрия» Болотников направился в Путивль к князю Г. П. Шаховскому.

Шаховский назначил Болотникова командиром 12-тысячного отряда «воров» и отправил «именем царя Димитрия» разорять Комарицкую волость. К Болотникову присоединились два брата князя Мосальские, князь Телятевский, князь Михаил Долгоруков, отряд польско-литовских интервентов под началом пана Хмелевского, дворянское ополчение из южных городов во главе с елецким сыном боярским Истомой Пашковым. К Болотникову присоединился и отряд «царевича Петра». Сам Болотников называл себя гетманом царя Димитрия.

В течение лета 1606 года к восстанию присоединились десятки городов. Исаак Масса пишет, что это были города Северской земли и Комарицкой волости, а именно: Путивль, Елец, Тула, Кромы, Рыльск и многие другие. Все города «вплоть до самой Москвы вновь присягнули Димитрию».

Для начала царь Василий начал действовать против повстанцев пропагандистскими методами. Для этого он послал в Северскую землю духовенство с увещеваниями. В Елец был послан боярин Михаил Нагой с грамотой своей сестры царицы Марфы и с образом царевича Димитрия. Но эти действия успеха не имели, так как большинству бунтовщиков было наплевать, жив ли Димитрий, их интересовал лишь грабеж. Сколько ни тужились советские историки, им не удалось найти хоть намек на то, что Болотников и царевич Петр хотели освободить крестьян.

Наконец князь Иван Михайлович Воротынский осадил Елец, стольник князь Юрий Трубецкой — Кромы. Но на выручку Кром явился Болотников. Он во главе отряда в 1300 человек напал на пятитысячное царское войско и наголову разбил его. Казаки-победители насмехались над побежденными, называли их царя Шуйского «шубником».

В августе 1606 года под Ельцом Болотникову удалось разбить царское войско под началом князя И. М. Воротынского.

К концу октября войска «гетмана» Болотникова и «царевича Петра» подошли к Москве. К ним присоединился отряд рязанских дворян во главе с Прокопием Ляпуновым. Пала Коломна. 25 октября у села Троицкого в 40 верстах от Москвы войска Шуйского вновь были разбиты. Вскоре передовые отряды бунтовщиков закрепились в деревне Заборье недалеко от Серпуховских ворот, а главные силы стали лагерем в районе деревни Котлы и южнее — в селе Коломенском.

15 ноября 1606 года бунтовщики попытались штурмовать Замоскворечье. Им удалось прорваться внутрь укреплений, выстроенных

Скопиным напротив Серпуховских ворот. Но в этот момент Ляпунов с пятью сотнями рязанцев переметнулся на сторону неприятеля, и бунтовщики отступили.

1 декабря 1606 года молодой воевода — ему было чуть более 20 лет — Михаил Васильевич Скопин-Шуйский собрал полки у Данилова монастыря и двинулся к селу Коломенскому. Болотников выступил ему навстречу, и у деревни Котлы начался встречный бой. Перед сражением около пятисот дворян во главе с елецким сотником Истомой Пашковым перешли на сторону царских войск.^[62]

Болотников был наголову разбит и бежал в Калугу. Там собралось до десяти тысяч сторонников самозванца или «воров», как их называли царские воеводы.^[63] Брат царя князь Иван Иванович Шуйский осадил Калугу, но взять ее не смог. Вскоре И. И. Шуйский был заменен воеводой Федором Ивановичем Мстиславским.

Тем временем Василий Шуйский предпринял новую серию пропагандистских акций. Он решил реабилитировать династию Годуновых. Шуйский приказал вынуть гробы Годуновых из Варсонофьевского монастыря. Ксения Борисовна (инокиня Ольга) провожала гробы своих родных и по обычаю громко рыдала о своих несчастьях.

В начале 1607 года Шуйский придумал еще одну душещипательную церемонию. 3 февраля царь вызвал к себе патриарха Гермогена и других высших духовных лиц, чтобы обсудить с ними государственные дела, а также велел привезти в Москву из Старицы бывшего патриарха Иова. Иов должен был простить всех православных христиан в их клятвопреступлениях.

В Старицу за Иовом отправился крутицкий митрополит Пафнутий с грамотой от Гермогена, где говорилось: «Государю отцу нашему, святейшему Иову патриарху, сын твой и богомolecь Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси, Бога молю и челом бью. Благородный и благоверный, благочестивый и христоролюбивый Великий государь царь и Великий князь Василий Иванович, всея Руси самодержец, советовавшись со мною и со всем Освященным собором, с боярами, окольными, дворянами, с приказными людьми и со всем своим царским синклитом, с гостями, торговыми людьми и со всеми православными христианами паствы твоей, послал молить твое святительство, чтоб ты учинил подвиг и ехал в царствующий град Москву для его государева и земского великого дела; да и мы молим с усердием твое святительство и колено преклоняем, сподоби нас видеть благолепное лице твое и слышать пресладкий голос

твой».

14 февраля Иова привезли в Москву в роскошной царской карете, подбитой соболями, и отвели ему покои на подворье Троицкого монастыря. 16 февраля Иов с Гермогеном и архиереями написали следующую грамоту: «Царь Иван Васильевич повелел царствовать на Российском государстве сыну своему Феодору Ивановичу; а второму сыну своему, царевичу Димитрию Ивановичу, дал в удел город Углич, и царевича Димитрия в Угличе не стало, принял заклятие неповинное от рук изменников своих. По отшествии к Богу царя Феодора Ивановича мы и всякие люди всего Московского государства целовали крест царю Борису Федоровичу. Во времена царства его огнедыхательный дьявол, лукавый змей, поядатель душ человеческих воздвиг на нас чернеца Гришку Отрепьева. Когда царя Бориса Федоровича не стало, все православные христиане целовали крест сыну его Федору Борисовичу; но грех ради наших расстрига прельстил всех людей Божиих именем царевича Димитрия Ивановича; православные христиане, не зная о нем подлинно, приняли этого вора на Российское государство, царицу Марью и царевича Федора злою смертью уморили... Потом этот враг расстрига, приехавши в Москву с люторами, жидами, ляхами и римлянами и с прочими оскверненными языками и назвавши себя царем, владел мало не год и каких злых дьявольских бед не сделал и какого насилия не учинил — и писать неудобно. Люторами и жидами христианские церкви осквернил и, не будучи сыт таким бесовским ядом, привез себе из Литовской земли невесту, люторской веры девку, ввел ее в соборную церковь, венчал царским венцом, в царских дверях святым миром помазал. Видя достояние свое в такой гибели, воздвиг на него Бог обличителя, Великого государя нашего, воистину святого и православного царя, Василия Ивановича: его промыслом тот враг до конца сокрушен был, а на Российское государство избран был Великий государь Василий Иванович, потому что он от корени прежде бывших государей, от благоверного великого князя Александра Ярославича Невского... Но прегордый сатана восставил плевелы зол, хочет поглотить пшениценосные класы. Собрались той же преждепогибшей Северной Украины севрюки и других рязанских и украинских городов стрельцы и казаки, разбойники, воры, беглые холопы, прельстили преждеомраченную безумием Северскую Украину, и от той Украины многие и другие города прельстились и кровь православных христиан, как вода, проливается, называют мертвого злодея расстригу живым, а нам и вам всем православным христианам смерть его подлинно известна...»

Таким образом, выяснилось, что во всех бедах государства

Московского виноват сам Сатана. Соответственно, нечего друг в друга пальцем тыкать, кто и кому сколько раз крест целовал и сколько раз клятву нарушал. Сразу два патриарха дали всем желающим отпущение грехов. В той же грамоте говорилось: «А что вы целовали крест царю Борису и потом царевичу Федору и крестное целование преступили, в тех в всех прежних и нынешних клятвах я, Гермоген, и я, смиренный Иов, по данной нам благодати вас прощаем и разрешаем...»

Положение осажденного в Калуге Болотникова стало затруднительным как в военном, так и в психологическом отношении. Ведь война шла ради спасения царевича Димитрия, а о нем не было ни слуху, ни духу. «Гетман» Болотников писал в Польшу, предлагал за помощь значительную часть русских земель: «От границы до Москвы все ваше: придите и возьмите, только избавьте нас от Шуйского».

Тщетно Шаховский умолял Молчанова явиться в Путивль под именем Димитрия — тот не соглашался. Тогда Шаховский велел звать к себе казацкого самозванца «царевича Петра».

«Царевич Петр» и Шаховский двинулись из Путивля к Калуге. К ним присоединилось три тысячи запорожских казаков. Кроме того, из Тулы к Калуге двинулся отряд «воров» под командованием князя Андрея Андреевича Телятевского, (того самого, у которого когда-то служил Болотников боевым холопом). Под селом Пчельна Телятевский разбил отряд Б. П. Татева, высланный против него Шуйским. Весть об этом поражении посеяла панику в войске Мстиславского, и Мстиславский поспешно отступил от Калуги. Причем 15 тысяч человек из армии Мстиславского перешли на сторону Болотникова, который, воспользовавшись этим, покинул Калугу и соединился в Туле с «царевичем Петром», чтобы дальше действовать совместно.

Тогда Шуйский принял решительные меры: разослал строгие приказы собирать служилых людей. Монастыри и церкви также должны были выставить ратников. Собралось около ста тысяч человек, и этим войском царь Василий решил предводительствовать сам.

21 мая 1607 года Шуйский повел свою рать в поход. Однако царь дошел лишь до Серпухова и там застрял на две недели. Передовые силы царской армии под командованием боярина Андрея Васильевича Голицына стояли у Каширы. Болотников и Телятевский решили внезапным ударом разгромить полки Голицына, а затем идти на Серпухов. Рано утром 5 июня 1607 года казачьи отряды переправились через реку Восму и атаковали царские войска. Сражение с переменным успехом длилось целый день. Наконец Голицын форсировал Восму и контратаковал противника. Лихая

фланговая атака рязанской конницы под началом Прокопия Ляпунова решила дело. «Воры» бежали в Тулу. Голицыну удалось взять 1700 пленных, а 4000 «воров» перешли на сторону правительственных войск.

12 июня войска А. В. Голицына и М. В. Скопина-Шуйского осадили Тулу. С давних пор Тула была ключевым пунктом обороны южных границ России от кочевников. Ее мощный каменный кремль был сооружен на реке Упе в начале XVI века. Город также имел внешний пояс укреплений в виде дубового острога, стены которого упирались в реку Упу. Как крепость Тула имела много преимуществ по сравнению с Калугой, но в одном отношении ее положение было уязвимым. Город находился в низине и при определенных условиях мог быть затоплен.

Муромский дворянин Иван Кровков разработал план затопления Тулы. Работы начались одновременно на обоих берегах Упы. На правом болотистом и пологом берегу надо было соорудить дамбу («заплот») длиной в полверсты, чтобы вода не ушла мимо города по заболоченной стороне. Лишь после постройки дамбы перекрыли реку и стали ждать осеннего паводка.

Ни Болотников, ни «царевич Петр» не удосужились собрать в Туле достаточные запасы продовольствия. В городе начался голод, а наводнение еще более усугубило положение осажденных. По словам современников, после постройки плотины «помалу накопится вода... и яже во граде из бысть пища, все потопа и размы. А людие ж града того ужасни быша о семь... и бысть на них глад велик зело, даже и до того дойде, якоже уже всяко скверно и нечисто ядаху: кошки и мыши и иная, подобная сим». По словам другого современника, голодные горожане «стали есть вонючую падаль и лошадей, источенных червями».

Тула оказалась посреди обширного озера. Из города началось повальное бегство, в день к Шуйскому перебежало от 100 до 300 человек.

10 октября 1607 года гарнизон Тулы капитулировал. По версии историков С. М. Соловьева и Н. М. Костомарова, Болотников вступил в переговоры с Шуйским и сдал город в обмен на обещание помилования. С. Ф. Платонов же считает, что «тульские сидельцы» выдали Шуйскому как этих лиц, так и Григория Шаховского с Андреем Телятевским, сами же были приведены ко кресту «за царя Василия».

Царь Василий действительно помиловал «тульских сидельцев» и отпустил из «восвояси», надеясь их «смирением управити и в разум истинный привести». Но это касалось лишь рядовых «воров».

В феврале 1608 года Болотников был отправлен в ссылку в Каргополь. Его везли через Ярославль, где находились пленные поляки. Слуга Мнишка

Роднятовский дал интересные сведения о поведении Болотникова, а другой пленный, С. Немоевский, повторил этот рассказ слово в слово. Ярославские дети боярские были поражены тем, что главного «воровского» воеводу везли несвязанным и без оков. По этой причине они стали допытываться у приставов, почему мятежник содержится так свободно, почему не закован в колодки. Отвечая им, Болотников разразился угрозами: «Я скоро вас самих буду ковать (в кандалы) и в медвежьи шкуры зашивать». В Каргополе Болотников и умер, по некоторым данным он был утоплен.

Шаховского, по выражению летописцев, «всей крови заводчика», сослали на Кубенское озеро в пустынь, где постригли в монахи.

А вот «вора Петрушку» закованным в цепи доставили в Москву. На допросе, вися на дыбе, «царевич» подробно рассказал свою биографию, после чего его публично повесили у Серпуховской заставы, близ Данилова монастыря.

Глава 31

Царь и патриарх из деревни Тушино

Как уже говорилось, десяткам тысяч дворян, холопов, посадских людей и казаков, стремившимся, как минимум, пограбить, а в перспективе — скакнуть на высшую ступеньку сословной лестницы, требовался хоть какой-нибудь царь Димитрий. В таких условиях самозванец не мог не появиться. Первые сведения о Лжедмитрии II относятся к маю 1607 года. В отличие от «царевича Петра» Лжедмитрий II не попал на дыбу, и историки до сих пор спорят о его происхождении. Одни считают его поповичем, другие утверждают, что он был шкловским евреем.

Новый самозванец мало походил на Отрепьева: «...волосы имел кудрявые, черные, глаза большие, брови густые, навислые, нос покляпый, бородавку среди щеки, ус и бороду стриженую».

Поначалу самозванец выдавал себя за боярина Нагого — дядю царя. Но в Стародубе он был схвачен жителями, которые потребовали немедленно сказать, где находится царь Димитрий. Товарищ «боярина», именовавший себя московским подьячим Александром Рукиным, испугался пытки и заявил, что «Нагой» и есть подлинный царь Димитрий Иванович. Тот сначала отпирался, говорил, что не знает ничего о Димитрии, но когда стародубцы пригрозили ему пыткой, «Нагой» схватил палку и закричал: «Ах вы, блядские дети, еще вы меня не знаете: я государь!» Тогда стародубцы упали ему в ноги и закричали: «Виноваты, государь, перед тобою!»

Стародубцы собрали деньги «государю» и начали рассылать по городам грамоты, чтобы выслали к ним ратных людей. В грамотах риторика о происхождении государя перемешивалась с откровенными призывами к грабежу: «Чтобы вы прислужились государям нашим прирожденным Димитрию и Петру, прислали бы служилых всяких людей на государевых изменников, а там будет добра много. Если государь царь и государь царевич будут на прародительском престоле на Москве, то вас всех служилых людей пожалуют своим великим жалованьем, чего у вас на разуме нет». Итак, вперед, на Москву, «а там будет добра много».

Во главе своих войск Лжедмитрий II поставил гетмана Меховецкого. В августе 1607 года к самозванцу перешел из Литвы отряд мозырьского хорунжего Будзило. Из-под Тулы прибыл в Стародуб с письмом от Болотникова казацкий атаман Заруцкий, сподвижник Болотникова.

Заруцкий, увидев «царя», сразу понял, что перед ним самозванец, но стародубцев уверил, что это «настоящий царь». Лжедмитрий II поспешил ввести Заруцкого в «Боярскую думу», заседавшую в Стародубе.

В сентябре 1607 года Лжедмитрий II двинулся в поход. В Брянске его встретили колокольным звоном, а все население вышло навстречу. Трехтысячное войско самозванца с боем захватило Козельск. В Козельске поляки взяли большую добычу и решили отправиться домой. Лжедмитрий II испугался мятежа и бежал в Орел. Однако большая часть войска сумела убедить поляков, что уходить рано, и впереди «будет добра много». Послали за Лжедмитрием, которого насилу уговорили вернуться к собственному воинству.

Узнав о первых успехах самозванца, к нему за поживой потянулись сотни польских панов от самых именитых до голозадых «рыцарей». 2 октября подошла тысяча человек пана Валавского, который был послан Романом Рожинским. Затем подошли отряды пана Тышкевича, пана Лисовского, князя Адама Вишневецкого и другие. Заметим, что, к примеру, пан Лисовский был отпетый бандит, приговоренный королевским судом к смертной казни.

По совету Лисовского Лжедмитрий II пошел осаждать Брянск. На помощь к городу поспешили царские воеводы князя Куракин и Литвин-Мосальский. Войско Мосальского подошло к Десне 15 декабря. Но река еще не стала, лед шел по ней большими глыбами. Жители Брянска, увидев, что войско встало за рекой, кричали им: «Помогите! Погибаем!» Ратники, видя это, говорили: «Лучше нам всем помереть, нежели видеть свою братию в конечной гибели. Если помрем за православную веру, то получим у Христа венцы мученические» — и, попрощавшись друг с другом, бросились в ледяную воду и поплыли на другой берег. Ни лед, ни стрельба с другого берега не остановили ратников, и они благополучно добрались до другого берега. Ни один человек, ни одна лошадь не погибли.

Вслед за Мосальским подошел и отряд Куракина. Куракин ввел в Брянск обоз с продовольствием, а сам отошел к городу Карачеву. Самозванцу пришлось отойти от Брянска и уйти зимовать в Орел.

Тем временем в Польше князь Рожинский закончил сбор искателей поживы. Их набралось до четырех тысяч. Поляки перешли русскую границу и заняли город Кромы, откуда Рожинский направил послов в Орел к Лжедмитрию II, чтобы сообщить ему о своем приходе, предложить условия службы и потребовать денег. Однако у командующего войсками самозванца пана Меховецкого были какие-то свои счета с Рожинским, и он потребовал от Лжедмитрия отказаться от его услуг. Посему самозванец

ответил послам: «Я рад был, когда услышал, что Рожинский идет ко мне. Но дали мне знать, что он хочет изменить мне. Так пусть лучше воротится. Посадил меня прежде Бог на столице моей без Рожинского, и теперь посадит. Вы уже требуете денег, но у меня здесь много поляков не хуже вас, а я еще ничего им не дал. Сбежал я из Москвы от милой жены моей, от милых приятелей моих, ничего не захвативши. Когда у вас было коло под Новгородом, то вы допытывались, настоящий ли я царь Димитрий или нет?» Послы отвечали на это: «Видим теперь, что ты не настоящий царь Димитрий, потому что тот умел людей рыцарских уважать и принимать, а ты не умеешь. Расскажем братья нашей, которые нас послали, о твоей неблагодарности, будут знать, что делать». С этими словами послы вышли, а Лжедмитрий II послал потом звать их обедать и просить, чтобы не сердились на него.

Послы вернулись в Кромь и рассказали о приеме, оказанном им. Тем не менее в апреле 1608 года Рожинский с войском прибыл в Орел. Новоприбывшие паны устроили переворот. Они созвали коло, на котором постановили лишить Меховского гетманства и изгнать его из войска. Гетманом же выкрикнули Рожинского и послали посольство к царю с требованием выдать тех, кто донес ему об измене Рожинского. Лжедмитрий II отказался передать это через послов, но обещал сам приехать в коло, и действительно приехал на богато убранном коне, в золотом платье, в окружении бояр и пехоты.

Въехав в коло и услышав шум, Лжедмитрий прикрикнул матерно, чтобы все успокоились. Когда стало тихо, один из войска от имени кола повторил царю просьбу назвать возводивших поклеп на Рожинского. Самозванец велел отвечать за себя одному из окружавших его русских, но тот отвечал не так, и тогда Лжедмитрий сказал: «Молчи, ты не умеешь по их говорить, я сам буду», — и начал: «Вы посылали ко мне, чтобы я выдал вам верных слуг моих, которые меня предостерегают от беды. Никогда этого не повелось, чтобы государи Московские верных слуг своих выдавали, и я этого не сделаю, не только для вас, но если бы даже и сам Бог сошел с неба и велел мне это сделать». Ему отвечали: «Чего ты хочешь? Оставаться только с теми, которые тебе по углам языком прислуживают, или с войском, которое пришло здоровьем и саблех служить?» «Как себе хотите, хоть ступайте прочь», — отвечал самозванец. Тут поднялся страшный шум и гвалт. Одни кричали: «Убить негодяя, рассечь!», другие: «Схватись его, негодяя: привел нас, а теперь вот чем кормишь?»

Самозванец нисколько не смутился, а развернулся и спокойно поехал в город к своему двору, но поляки Рожинского приставили к нему стражу,

чтобы не убежал. Тогда Лжедмитрий испугался и, будучи малопьющим, выпил с горя столько горилки, чтобы наверняка умереть, но проспался и остался жив. А в это время весь день и всю ночь придворные самозванца — «канцлер» Валавский, «маршалок» Харлинский и «конюший» князь Адам Вишневецкий — бегали между самозванцем и войском Рожинского, хлопоча о примирении. Наконец примирение состоялось, но Лжедмитрию пришлось опять приехать в коло и извиниться перед поляками.

Отряд донских казаков привел к Лжедмитрию II вместо казненного в Москве «царевича Петра» другого племянника, тоже «сына» царя Федора. «Дядя» велел убить его. Однако казакам понравились самозванцы: в Астрахани объявился царевич Август, потом князь Иван, называвший себя сыном Ивана Грозного от Колтовской, там же явился и третий царевич Лаврентий, объявивший себя внуком Ивана Грозного от царевича Ивана. В степях объявились: царевич Федор, царевич Клементий, царевич Савелий, царевич Семен, царевич Василий, царевич Ерошка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка — и все сыновья царя Федора!

В апреле 1608 года армия самозванца под командованием гетмана Рожинского двинулась к городу Болхову. Царь Василий послал навстречу «вору» своего брата Дмитрия Шуйского и Василия Голицына с тридцатитысячной ратью. Двухдневное сражение под Болховом закончилось поражением правительственного войска. Князя Дмитрия погубила его собственная трусость. В самый разгар боя он приказал отвезти пушки в тыл. Этот приказ привел к общему отступлению, перешедшему в паническое бегство. «Воровские» отряды захватили много пушек и большой обоз с продовольствием.

После сражения Болхов без боя сдался победителям. Но вскоре буйные паны опять собрали коло и потребовали от самозванца пообещать им, что как только он будет в Москве, то сразу выплатит им все жалованье и сразу же отпустит домой. Лжедмитрий обещался деньги выплатить, но умолял со слезами не уезжать из Москвы, не бросать его: «Я без вас не могу быть паном на Москве. Я бы хотел, чтобы всегда поляки при мне были, чтоб один город держал поляк, а другой — москвитянин. Хочу, чтобы все золото и серебро было ваше, а я буду доволен одною славою. Если же вы уже непременно захотите отъехать домой, то меня так не оставляйте, подождите, пока я других людей на ваше место призову из Польши».

После Болхова поход Лжедмитрия II на Москву напоминал триумфальное шествие — Козельск, Калуга, Можайск и Звенигород встречали его хлебом-солью и колокольным звоном.

Царь Василий выслал из Москвы новое войско под началом Михаила

Васильевича Скопина-Шуйского и Ивана Никитича Романова. В царствование Шуйского Иван Никитич получил должность воеводы в Козельске. Там он разбил князя Василия Рубец-Мосальского, шедшего на выручку Болотникова. Так он попал в доверие к царю. Возможно, свою роль сыграло и его некоторое соперничество с братом Федором-Филаретом.

Царские полки заняли позицию на речке Незнани между городами Подольском и Звенигородом. На поиск переправы были направлены разъезды, которые донесли, что «вор поиде под Москву не тою дорогою». Рожинский обходил их справа, идя из Звенигорода на Вязьмы в направлении Москвы. Одновременно в войске была обнаружена измена. Как говорится в летописи, в полках «нача быти шатость: хотяху царю Василью изменити князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Обратим внимание — во главе заговора стояли в основном родственники Романовых. Иван Федорович Троекуров был женат на Анне Никитичне Романовой, а Иван Михайлович Катырев-Ростовский — на Татьяне Федоровне Романовой. Надо ли говорить, что в случае успеха заговора Иван Никитич Романов не остался бы в стороне.

Из-за «шатости» царь Василий приказал войску срочно возвращаться в Москву. Войско же самозванца беспрепятственно подошло к столице 1 июля. Однако для захвата Москвы у «вора» сил явно не хватало. Польские «стратеги» предложили обойти столицу с севера и оседлать Ярославскую дорогу, чтобы воспрепятствовать подходу войск и обозов с продовольствием из северных земель России. Армия самозванца расположилась в селе Тайнинском. Но вскоре выяснилось, что отряды Шуйского отрезали «воров» от Польши и юго-западных русских городов. Поэтому было решено перебазировать войско на запад от Москвы. Гетману Рожинскому удалось отбросить отряды Шуйского, стоявшие на Тверской дороге. Затем «воры» перешли на Волоколамскую дорогу, где нашли удобное место для стоянки — в селе Тушино, между двумя реками, Москвой и Восточной. Там и был построен лагерь, который через несколько месяцев превратится в большой деревянный город. По местонахождению этого города московские власти и население окрестили войско самозванца «тушинцами», а самого Лжедмитрия II — «тушинским вором».

А теперь нам придется вернуться на несколько месяцев назад. Мы оставили Марину Мнишек 17 мая 1606 года, после того как бояре изыали ее из рук горожан и стрельцов, насильствовавших ее фрейлин. Марина была отправлена под арест вместе со своим отцом в дом дьяка Власьева. Бояре заставили Марину и Юрия Мнишка вернуть все деньги и драгоценности,

подаренные им Отрепьевым. Марина без особого сожаления отдала драгоценности, но очень просила вернуть ей маленького арапа, ранее бывшего у нее в услужении. Просьба эта была исполнена. Старого мошенника Юрия Мнишка неудача лишь подхлестнула на новые авантюры, и он предложил боярам выдать дочь замуж за... Василия Шуйского! Заметим, что Шуйский был в этот момент не женат, хотя и помолвлен с княжной Марьей Петровной Буйносовой. Мнишек даже намекнул, что в случае победы «рокошан» и свержения польского короля Сигизмунда у супруга Марины появится шанс стать еще и королем Польши. Когда о mariaжном предложении Мнишка доложили Василию Ивановичу, царь, не мудрствуя лукаво, велел послать его к ... матери, и Юрий с Мариной были сосланы в Ярославль.

13 июня 1606 года царь Василий отправил к польскому королю Сигизмунду послов — князя Григория Волконского и дьяка Андрея Иванова. В Кракове послы подали королю письменное объявление, в котором раскрывалось происхождение самозванца, его похождения, как он с польскими и литовскими людьми пришел в Московское государство, как он потом призвал в Москву самборского воеводу Мнишка с его приятелями и как они Божьи церкви и святые иконы обругали, москвичам поляки и литовцы много насилия учинили, жен знатных горожан бесчестили, из возков вытаскивали и такое насилие чинили, какого вовек на Москве не видели. Далее говорилось о появлении в Польше нового самозванца, который есть не кто иной, как Михаил Молчанов, ничуть не похожий на первого Лжедмитрия. Послы требовали удовлетворения за кровопролитие и расхищение царской казны, ставшие следствием посылки из Польши Лжедмитрия, но вместе с тем говорили, что царь Василий не намерен нарушать мира с Польшей.

Радные паны отвечали на это: «Государь наш ни в чем не виноват. Вы говорите, что Димитрий, который был у вас государем, убит, а из Северной страны приехали многие люди, ищут этого Димитрия по нашему государству, сказывают, что он жив, ушел. Так нашему государю ваших людей унять ли? А в Северной стране теперь государем какой-то Петр, но этого ведь не наш государь подставил? Сами люди Московского государства между собою разруху сделают, а на нас пеняют. Если государь ваш отпустит сендомирского (самборского. — А. III.) воеводу с товарищами и всех польских и литовских людей, которые теперь на Москве, то ни Дмитрияшки, ни Петрушки не будет. А если государь ваш их не отпустит, то и Димитрий, и Петр настоящие будут и наши за своих с ними заодно станут».

Московские послы грозили панам, что если они будут по-прежнему поддерживать «воров» в России, то царь Василий вступит в союз со шведами против Польши.

Заметим, что в тот момент король Сигизмунд был крайне озадачен «рокошем» буйных панов и охотно пошел на соглашение с царем Василием. Король пообещал Волконскому в ближайшее время отправить своих послов в Москву. И действительно, в октябре 1607 года от Сигизмунда в Москву приехали пан Витовский и князь Друцкой-Соколинский поздравить царя Василия с восшествием на престол и требованием отпустить прежних польских послов и всех поляков домой.

Переговоры длились до 25 мая 1608 года. Результатом переговоров стало перемирие на три года и одиннадцать месяцев на следующих условиях: оба государства остаются в прежних границах; Россия и Польша не должны помогать врагам друг друга; царь обязывается отпустить в Польшу самборского воеводу Мнишка с дочерью и сыном и всех задержанных поляков; король обязывается сделать то же самое в отношении задержанных в Польше русских; король и республика должны отозвать всех поляков, поддерживающих самозванца, и впредь никаким самозванцам не верить и за них не вступаться, Юрию Мнишку не признавать зятем второго Лжедмитрия, дочь свою за него не выдавать, и Марине не называться московской государыней.

Польские послы обязались послать грамоты в войско Лжедмитрия II к полякам с требованием оставить самозванца, вернуться в Польшу и на всем пути отсылать домой всех польских ратных людей, которые им встретятся на территории Московского государства. Также послы обещали послать во все приграничные города грамоты, чтобы никто не смел идти воевать в Московское государство. Сами послы обязались ехать из Москвы прямо в Польшу, избегая любых контактов с поляками Лжедмитрия, но не хотели обещать, что король выведет войско Лисовского из России, потому что Лисовский в Польше был объявлен вне закона.

Еще до заключения договора польские паны отправили в стан к Лжедмитрию в Звенигород пана Борзковского, который потребовал от поляков, служивших самозванцу, покинуть Россию. Однако гетман Рожинский ответил послам категорическим отказом.

По наущению поляков Лжедмитрий II вступил в переписку с Юрием Мнишком, находившемся в Ярославле. Мнишку было все равно, в чью постель ляжет его дочь. Он уже отдал ее беглому монаху, предлагал старику Шуйскому, так почему она должна была отказать шкловскому еврею?

Согласно условиям договора Мнишек и другие поляки под сильным

конвоем (Соловьев пишет о трех тысячах человек) были отправлены в Польшу. Мнишки предупредили «тушинского вора», и тот направил на перехват польский отряд пана Зборовского.

Разведывательные дозоры конвоя обнаружили преследователей и предложили изменить маршрут и уйти от погони. Большинство поляков во главе с бывшими послами Гонсевским и Осеницким согласились, но Мнишки категорически отказались ехать. В конце концов охрана не решилась применить к Мнишкам силу, и они с несколькими поляками остались. Гонсевский с большинством поляков и царским конвоем изменили маршрут и благополучно добрались до Польши. Мнишки же со спутниками были перехвачены Зборовским и доставлены в Тушино.

Марина еще в Ярославле узнала, что ее ждет новый самозванец. Она хорошо знала почерк Отрепьева, а «тушинский вор» даже и не попытался подделать свой почерк. Тем не менее она сразу не захотела ехать в Тушино. Вместо этого Марина отправилась на «богомолье» в православный Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде в пятидесяти верстах от Тушина. А пока дочка замаливала грехи, папа три дня торговался с самозванцем. В конце концов «вор» дал Юрию записку, что сразу же по овладении Москвой выдаст ему триста тысяч рублей и отдаст во владение Северское княжество с четырнадцатью городами.

Через неделю Марина торжественно въехала в Тушино. При виде Лжедмитрия II она изобразила радость и изумление. Верная жена склонилась перед спасенным супругом, а тот поднял ее и нежно обнял. По польской версии, 5 сентября, за день до торжественной встречи, в лагере Петра Сапеги состоялось тайное венчание Марины и «тушинского вора» по католическому обряду, совершенное монахом-иезуитом. (Ян (Петр Петрович) Сапега — двоюродный племянник польского канцлера, в августе 1607 года прибыл к самозванцу с отрядом поляков.)

Состоялось ли это венчание или нет — вопрос спорный, но теперь в тушинском стане был не только царь, но и царица. Тушино стало как бы второй столицей России. Была тут и «воровская» Боярская дума, которую возглавили Михаил Салтыков и Дмитрий Трубецкой, то есть светская власть была в полном составе. Не хватало только патриарха.

В сентябре 1608 года Петр Сапега с большим отрядом тушинцев двинулся к Переславлю. Город сдался без боя, а жители присягнули Лжедмитрию II. Далее Сапега пошел к Ростову. Местный воевода Третьяк Сеитов вышел навстречу противнику, но был разбит. А в самом Ростове навстречу «ворам» с хлебом и солью вышел митрополит Филарет. Позже русские историки будут утверждать, что поляки насильно посадили

бедного Филарета в простые сани и отвезли в Тушино. И ехал он в простой меховой татарской шапке и в казацких сапогах. Ну, это вполне можно допустить. У Сапеги не было шикарных колымаг, да и время поджимало. Но что обычно делают с пленными? Казнят, заключают под стражу, меняют, отдают за выкуп. А кто и когда делал пленника главой церкви?! Нет, не был никогда Филарет пленником. С пленными Лжедмитрий II обращался круто. Так, к примеру, архиепископ тверской Феоктист, не пожелавший сотрудничать с «вором», был зверски убит.

Митрополиту Ростовскому устроили торжественную встречу в Тушино. Лжедмитрий произвел Филарета в патриархи. Тот стал вершить богослужения в Тушино и рассылать по всей России грамоты с призывами покориться царю Димитрию, а под грамотами подписывался: «Великий Господин, преосвященный Филарет, митрополит Ростовский и Ярославский, нареченный патриарх Московский и всея Руси».

Вслед за Филаретом в Тушино перебежала и его родня по женской линии — Сицкие и Черкасские. В Тушино оказался даже Иван Иванович Годунов. Родственник убийцы едет к спасенному царевичу? Ни в коем разе! И. И. Годунов — муж Ирины Никитичны Романовой — едет к ее брату Федору Никитичу. Заодно И. И. Годунов уговорил присягнуть самозванцу и жителей Владимира, где царь Василий поставил его воеводой.

Наиболее влиятельной силой при самозванце были поляки — Сапега, Рожинский и К°, ведь за ними стояло 15–20 тысяч польских солдат. Но самым сильным русским кланом в Тушино, без сомнения, стали Романовы.

Взятие Ростова повлекло за собой сдачу соседних городов: Ярославля, Вологды и Тотьмы. На юге на сторону Лжедмитрия II перешла Астрахань, а на северо-западе — Псков. Однако никакой системы управления на присягнувших ему землях «тушинскому вору» создать не удалось. Там фактически царила анархия. С одного и того же села могли взять контрибуцию и тушинские казаки, и поляки Сапеги, а затем прийти поляки Лисовского, который не хотел подчиняться Сапеге. Во Владимирской области какой-то Наливайко, тезка знаменитого казацкого атамана, пойманного и казненного поляками несколько лет назад, отметил свой путь ужасными оргиями, сажая на кол мужчин, насилая женщин. По свидетельству Сапеги, который ему покровительствовал, он зарезал собственноручно девяносто три жертвы обоего пола. Кончилось дело тем, что Рожинский, конкурент Сапеги, велел схватить и повесить Наливайко. По приказу Рожинского был убит и пан Меховецкий, вновь заявившийся в армию самозванца.

В подлинность царя Димитрия никто не верил. Как писал

С. М. Соловьев: «Крестьяне, например, собирались вовсе не побуждаемые сословным интересом, не для того, чтоб, оставаясь крестьянами, получить большие права: крестьянин шел к самозванцу для того, чтобы не быть больше крестьянином, чтобы получить выгоднейшее положение, стать помещиком вместо прежнего своего помещика; но подобное движение произошло во всех сословиях: торговый человек шел в Тушино, чтобы сделаться приказным человеком, дьяком, подьячий — чтобы сделаться думным дворянином, наконец, люди родовитые, князья, но молодые, не надеявшиеся по разным отношениям когда-либо или скоро подвинуться к боярству в Москве, шли в Тушино, где образовался особый двор в противоположность двору московскому».

Соловьев не хотел или не мог сказать о церкви. За него договорил Казимир Валишевский: «Вслед за Филаретом, этой пародией на патриарха, вся церковь ринулась, очертя голову, в тину: священники, архимандриты и епископы оспаривали друг у друга милости Тушинского вора, перебивая друг у друга должности, почести и доходы ценою подкупа и клеветнических изветов. Вследствие этих публичных торгов епископы и священники сменялись чуть ли не каждый месяц. Во всем царила анархия: в политике, в обществе, в религии и в семейной жизни. Смута была в полном разгаре».

Как показывает история, русский народ обладает достаточно большой инерцией, но, как гласит пословица, «очень долго запрягает, зато потом очень быстро едет». С начала 1608 года в ряде мест «тушинские воры» начинают получать отпор. Причем народ уже держится не за царя Василия, а за свое имущество, дома и семьи.

Так, к примеру, 5 января 1609 года конный отряд поляков напал на окрестности маленького городка Устюжны-Железнопольской. Обычно в Устюжны-Железнопольской гарнизона не было, но из Москвы для защиты города прислали воеводу Андрея Петровича Ртищева, а с Белоозера подошли четыреста ополченцев. У деревни Батневки Ртищев сразился с поляками. Устюжане и белоозерцы мало смыслили в ратном деле, и, как гласит летопись, поляки «покосили их как траву». Однако жители Устюжны-Железнопольской не пали духом. Стар и млад строили укрепления. В 60 верстах от Устюжны находились залежи железной руды, а в городе было свыше тридцати кузнечных мастерских. За четыре недели было изготовлено вновь и доделано свыше ста пушек и крепостных пищалей. 3 февраля 1609 года к Устюжне подошел польский отряд пана Козаковского. Ляхи полезли на деревянные стены городка, но были встречены шквалом огня. Понеся большие потери, поляки отступили.

Трофеем горожан стала польская пушка. 8 февраля, получив подкрепление, поляки снова приступили к Устюжне с двух сторон и снова вынуждены были отступить с большими потерями и после этого уже не возвращались. До 1917 года устюжане 10 февраля праздновали спасение своего города от поляков крестным ходом, в котором носили чудотворную икону Богородицы.

23 сентября 1608 года около 30 тысяч поляков и русских «воров» под началом Петра Сапеги подступили к стенам Троице-Сергиева монастыря. В монастыре находилось около полутора тысяч ратных людей и несколько сот крестьян из окольных сел, нашедших там защиту. Многие монахи приняли активное участие в обороне монастыря. Кстати, в осажденном монастыре была и дочь Бориса Годунова монахиня Ольга, в миру Ксения.

Троице-Сергиев монастырь окружали мощные каменные стены высотой от 4,3 до 5,3 м и толщиной 3,2–4,3 м, и взять его с ходу приступом полякам не удалось. Тогда Сапега приказал подтянуть к монастырю осадную артиллерию. В течение тридцати дней и ночей 63 пушки и несколько мортир вели огонь по монастырю, но разрушить стены монастыря так и не смогли. Поляки сделали несколько подкопов под стены, но осажденным удалось уничтожить эти подкопы и не дать полякам взорвать мины.

17 ноября 1608 года в монастыре началась эпидемия («мор») из-за большого скопления народа: всего с мирными жителями там находилось несколько тысяч человек. Тем не менее монастырь не сдавался.

На северо-западе страны, говоря современным языком, шла позиционная война. У Лжедмитрия II не было сил штурмовать столицу, а у Шуйского — сжечь «воровскую» столицу Тушино.

Воспользовавшись двоевластием, многие бояре, дворяне, приказные люди и купцы, целовавшие крест в Москве Шуйскому, уходили в Тушино, целовали там крест самозванцу и, получив у него жалованье, возвращались назад в Москву. Шуйский принимал таких ласково, так как раскаявшийся изменник был для него дорог: своим возвращением он свидетельствовал перед другими о ложности тушинского царя или невыгоде службы у него. Возвратившийся получал награду и от Шуйского, но вскоре отправлялся опять в Тушино требовать жалованье у Лжедмитрия. К примеру, собирались родные и знакомые за одним столом, вместе обедали, а после обеда одни отправлялись ко двору к царю Василию, а другие ехали в Тушино. Оставшиеся в Москве были спокойны: если одолеет тушинский царек, думали они, то у них есть родные и друзья, служившие Лжедмитрию II, которые их защитят, если же одолеет царь Василий, то они

за свою родню заступятся. На улицах и площадях громко обсуждали события, не боясь, превозносили тушинского царя, радовались его успехам. Многие знали людей, которые, оставаясь в Москве, поддерживают самозванца, но не доносили о них Шуйскому, а тех, которые доносили, называли клеветниками и шепотниками. На сильного боялись доносить, ибо у него найдется много заступников, без воли которых Шуйский не мог казнить изменника. Но на слабого, не имеющего покровительства, доносы к царю шли постоянно. И виноватые наказывались, вместе с виноватыми наказывались иногда и невинные.

Хотя Шуйского и не любили в Москве, земские люди не хотели менять его на какого-нибудь другого боярина, тем более на «тушинского вора», и догадывались, чем грозит его победа. Вот почему попытки свергнуть Шуйского не удавались.

Первая попытка переворота была предпринята 17 февраля 1609 года воеводой Григорием Сумбуловым, князем Романом Гагариным и Тимофеем Грязным, заговорщиков собралось около 300 человек. Они предложили боярам свергнуть Шуйского, но бояре отступились и разбежались по своим домам ждать, чем дело кончится. Один только боярин Василий Васильевич Голицын примкнул к заговорщикам. Тогда заговорщики пошли за патриархом в Успенский собор и потребовали, чтобы он шел на Лобное место. Гермоген не хотел идти, его потащили силой, подталкивали сзади, обсыпали песком и мусором, хватали за грудь и трясли. Заговорщики поставили Гермогена на Лобное место и стали кричать, что Шуйский избран незаконно, одними своими приспешниками, без согласия Земского собора, что кровь христианская льется за человека недостойного, глупого, нечестивого, пьяницу и блудника. Но вместо одобрения заговорщики услышали из толпы слова: «Сел он, государь, на царство не сам собою, выбрали его большие бояре и вы, дворяне и служивые люди, пьянства и никакого неистовства мы в нем не знаем. Да если бы он, царь, вам и неугоден был, то нельзя его без больших бояр и всенародного собрания с царства свести».

Кончилась сия попытка мятежа анекдотично. Заговорщики спокойно уехали в Тушино, князь Голицын спокойно отправился на свое московское подворье, а Шуйский продолжал править державой.

У Лжедмитрия II в Тушине тоже хватало проблем. Польские паны вели себя более чем нагло. Так, гетман Рожинский мог публично закричать на «царя»: «Молчи, а не то я тебе башку сорву!» Впрочем, удивляться этому особенно не приходится, поскольку и в Польше магнаты позволяли себе подобное с королем.

Допекали самозванца и конкуренты-царевичи. По сему поводу Лжедмитрий II издал далее специальный указ, где говорилось: «За наши грехи в Московском государстве объявилось еретичество великое: вражьим советом, злокозненным умыслом, многие называются царевичами московскими, природными царскими семенами!». И самозванец приказывал этих «царевичей» хватать, бить кнутом и сажать в тюрьму.

«Царевич» Петр Федорович, «сын» царя Федора Иоановича, сдуру решил заехать в Тушино к «дяде». Видимо, мелкий жулик помнил, что Отрепьев в свое время пригласил царевича Петра в Москву. Но Дмитрий оказался не тот и велел казнить незадачливого племянника. По мнению Скрынникова, Лжедмитрий II сделал это по настоянию патриарха Филарета. Кроме того, Лжедмитрий приказал саратовскому воеводе Замятне Сабурову повесить захваченных «царевичей» Ивана-Августа и Лаврушку.

Глава 32

В игру вступают короли

Оказавшись в безвыходном положении, царь Василий решил обратиться за помощью к Швеции. Как уже говорилось, наиболее выгодным для России было бы вторжение Швеции в Лифляндию и дальнейшее продвижение внутрь Польши. Кстати, после окончания русской смуты, в 1621 году, шведы так и поступили. Но Шуйский думал не о государственных интересах, а о своей собственной шкуре. Ему нужны были шведские наемники в Москве, и немедленно.

Начало века ознаменовалось династическим кризисом в Швеции. Карлу IX (герцогу Зюдерманландскому) удалось короноваться лишь в марте 1607 года. Естественно, что шведам поначалу было совершенно не до российских смут. Но как только обстановка стабилизировалась, шведское правительство обратило свои взоры на Россию. Проанализировав ситуацию, шведы пришли к выводу, что русская смута может иметь два основных сценария.

В первом в России будет восстановлена твердая власть, но к Польше отойдут обширные территории — Смоленск, Псков, Новгород и др. Не будем забывать, что в то время Польше принадлежала и вся Прибалтика, исключая побережье Финского залива. Во втором случае вся Русь подлежала ополячиванию.

Таким образом, в любом случае Швеции стала бы угрожать серьезная опасность со стороны усилившегося Польского королевства. А ведь весь XVII век Польша для всех шведов, начиная от короля и кончая простолюдинами, была куда более грозным и ненавистным противником, нежели Россия.

Карл IX решает помочь царю Василию. Еще в феврале 1607 года выборгский наместник писал карельскому воеводе князю Мосальскому, что король его готов помогать царю и шведские послы давно уже стоят на границе, дожидаясь московских послов для переговоров. Но в это время Шуйский, успев отогнать Болотникова от Москвы, думал, что быстро покончит со своими противниками внутри страны и заключит мир с Польшей.

Недальновидный Василий приказал князю Мосальскому написать в Выборг: «А что пишете о помощи, и я даю вам знать, что великому государю нашему помощи никакой ни от кого не надобно, против всех

своих недругов стоять может без вас, и просить помощи ни у кого не станет, кроме Бога». Шведам было даже запрещено посылать гонцов с письмами в Москву и Новгород, поскольку «во всем Новгородском уезде моровое поветрие».

Но шведы не унялись, и в течение 1607 года Карл IX послал четыре грамоты царю Василию с предложением о помощи. На все грамоты царь отвечал вежливым отказом.

Однако к концу 1608 года ситуация изменилась. Царь Василий был заперт в Москве, как в клетке, и надеяться ему было не на кого. 1 сентября 1608 года население Пскова открыло ворота тушинскому воеводе Плещееву. Иван-город и Орешек также присягнули Лжедмитрию II. В Новгороде начались волнения черни, стоявшей за «тушинского вора». Пришлось хвататься за шведскую соломинку. В Новгород для переговоров был послан царский племянник Скопин-Шуйский, где он встретился с королевским секретарем Моисом Мартензоном.

Договор со Швецией был заключен в Выборге 23 февраля 1609 года стольником Семеном Головиным и членом ригсдага Ераном Бойе. Обе стороны обещали воевать с Польшей до окончательной победы и не заключать сепаратного мира. Шведам должны были послать в Россию наемное войско в составе двух тысяч конницы и трех тысяч пехоты.

Россия оплачивала услуги шведского войска по следующей росписи:

Коннице — по 50 тысяч рублей в месяц.

Пехоте — по 35 тысяч рублей в месяц.

Главнокомандующему — 5 тысяч рублей.

Начальнику кавалерии — 4 тысячи рублей.

Начальнику пехоты — 4 тысячи рублей.

Офицерам на всех вместе — 5 тысяч рублей ежемесячно.

По договору наемники подчинялись только своему командованию, а оно в свою очередь — Михаилу Скопину-Шуйскому.

За шведскую помощь царь Василий Шуйский отказался за себя и детей своих и наследников от прав на Ливонию.

В тот же день (23 февраля 1609 года) в Выборге был подписан и секретный протокол к договору «Запись об отдаче Швеции в вечное владение российского города Корелы с уездом». Передача должна быть осуществлена только спустя три недели после того, как шведский вспомогательный корпус наемников под командованием Делагарди вступит в Россию и будет на пути к Москве или по крайней мере достигнет Новгорода. Согласие на передачу Корелы шведам будет лично подписано царем и главнокомандующим русскими войсками, то есть Василием

Шуйским и М. В. Скопиным-Шуйским.

Шведы разослали грамоты по пограничным русским городам с требованием быть верными царю Василию. Не могу удержаться и процитирую полностью грамоту каянбургского (улеаборгского) шведского воеводы Исаака Баема к игумену Соловецкого монастыря: «Вы так часто меняете великих князей, что литовские люди вам всем головы разобьют. Они хотят искоренить греческую веру, перебить всех русаков и покорить себе всю Русскую землю. Как вам не стыдно, что вы слушаете всякий бред и берете себе в государи всякого негодяя, какого вам приведут литовцы!»

Весной 1609 года шведское войско подошло к Новгороду. Отряд шведов под командованием Горна и отряд русских под командованием Чоглокова 25 апреля наголову разбил большой отряд тушинского воеводы Кернозицкого, состоявший из запорожцев. В течение нескольких дней от тушинцев были очищены Торопец, Торжок, Порхов и Орешек. Скопин-Шуйский направил большой отряд под начальством Мещерского под Псков, но тот не смог взять город и отступил.

10 мая 1609 года Скопин-Шуйский с русско-шведским войском двинулся из Новгорода к Москве. В Торжке Скопин соединился со смоленским ополчением.

Под Тверью произошла битва между войском Скопина и польско-тушинским войском пана Заборовского. В ходе сражения поляки на обоих флангах смяли русских, но центр польского войска обратился в бегство, и лишь «пробежавши несколько миль, войско возвратилось обратно». В центре боя шведская пехота не отступила ни на шаг до наступления темноты, а затем в полном порядке отошла к обозу. На рассвете следующего дня русские и шведы атаковали противника и нанесли ему сокрушительное поражение.

Скопин двинулся вперед, но вдруг в 130 верстах от Москвы шведские наемники отказались идти далее под предлогом, что вместо платы за четыре месяца им дали только за два, что русские не очищают Корелы, хотя уже прошло одиннадцать условных недель после вступления шведов в Россию. Скопин, послав уговаривать Делагарди вернуться, сам перешел Волгу под Городнею, чтобы соединиться с ополчениями северных городов, и по левому берегу достиг Калязина, где и остановился.

Соловецкий монастырь прислал царю 17 тысяч серебряных рублей, еще большую сумму прислали с Урала Строгановы, небольшие взносы поступили из Перми и других городов. Царь Василий вынужден был поспешить выполнить статьи Выборгского договора и послал в Корелу приказ очистить этот город для шведов.

Русские отряды из войска Скопина заняли Переславль-Залесский. Другие войска, верные Шуйскому, без боя вошли в Муром и штурмом взяли Касимов.

Вступление шведских войск в русские пределы дало повод Сигизмунду III начать войну против России.

В письме испанскому королю Сигизмунд заявил, что предпринял он московскую войну, во-первых, для отмщения за недавние обиды, за нарушение народного права, потом, чтобы дать силу своим наследственным правам на московский престол, ибо предок его Ягайло был сыном русской княжны и женат также на русской княжне, наконец, чтоб возвратить области, отнятые у его предков московскими князьями. Таким образом, с самого начала Сигизмунд и не думал делать московским царем королевича Владислава, а сам хотел занять московский престол.

19 сентября 1609 года коронное войско Льва Сапеги подошло к Смоленску. Через несколько дней туда прибыл и сам король. Всего под Смоленском собралось регулярных польских войск 5 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы. Кроме того, было около 10 тысяч малороссийских казаков и неопределенное число литовских татар. Читатель помнит, что с 1605 года русские воевали только с частными армиями польских феодалов.

Перейдя границу, Сигизмунд отправил в Москву складную грамоту, а в Смоленск — универсал, в котором говорилось, что Сигизмунд идет навести порядок в русском государстве по просьбе «многих из больших, маленьких и средних людей Московского государства» и что он, Сигизмунд, больше всех радеет о сохранении «православной русской веры». Разумеется, королю не поверили ни в Смоленске, ни в Москве.

Смоленская крепость была построена в 1597–1602 годах городовым мастером Федором Конем. Она являлась одной из сильнейших крепостей в России. Стены крепости достигали высоты 14 м и ширины до 2,3 м, а длина стены превышала 5 километров. Крепость имела 38 башен. Крепостная артиллерия, насчитывавшая около 300 орудий, была в три яруса размещена в крепостных башнях. Гарнизон Смоленска не превышал 5 тысяч человек. Смоленский воевода Иван Михайлович Шеин был смелым и решительным человеком и отлично знал дело.

Осада с самого начала пошла неудачно. Шесть смоленских смельчаков на лодке среди бела дня переплыли Днепр и пробрались к королевскому лагерю, схватили королевское знамя и благополучно уплыли с ним к крепости.

12 октября 1609 года король приказал войскам идти на приступ. Полякам удалось взорвать мину у крепостных ворот и разрушить их. В

пролом ворвалась королевская пехота. Но уйти обратно удалось лишь немногим. Штурм был отбит с большими потерями. Польское командование поняло, что крепость можно взять только правильной осадой. Но Сигизмунд рассчитывал на легкую наживу и даже не взял в поход тяжелую артиллерию. Теперь пришлось посылать за осадной артиллерией в Ригу. С учетом состояния дорог, времени года и большого веса орудий осадная артиллерия была доставлена под Смоленск лишь летом 1610 года.

Вторжение королевских войск в Россию вызвало панику не в Москве, а в Тушино. Когда до «воровской» столицы дошла весть о походе короля, поляки создали коло и начали кричать, что Сигизмунд пришел за тем, чтобы отнять у них заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они приобрели своей кровью и трудами. Гетман Рожинский был первым против короля, потому что в Тушино он был полновластным хозяином, а в королевском войске стал бы в лучшем случае младшим офицером. В конце концов тушинские поляки поклялись друг другу не вступать в переговоры с королем и не оставлять Димитрия. Если же ему удастся сесть на престол, то требовать всем вместе от нового царя награды. Если же Димитрий станет медлить с выплатой, то захватить Северскую и Рязанскую области и кормиться доходами с них до тех пор, пока все не получат полного вознаграждения. Все поляки охотно подписали конфедерационный акт и отправили к Сигизмунду под Смоленск посла пана Мархоцкого с товарищами с просьбой покинуть Московское государство и не мешать их предприятию. Рожинский хотел уговорить Петра Сапегу присоединиться к конфедерации и даже сам поехал к нему в стан под Троице-Сергиев монастырь, но Петр Сапега не захотел ссориться ни со своим родичем Львом Сапегой, ни с королем Сигизмундом и занял нейтральную позицию.

В то время как тушинские поляки отправили послов к королю под Смоленск, Сигизмунд отправил своих послов, пана Станислава Стадницкого с товарищами, в Тушино. Они должны были внушить тушинским полякам, что им гораздо приличнее служить своему законному государю и что они прежде всего должны заботиться о выгодах Польши и Литвы. Король обещал им выплатить вознаграждение из московской казны в том случае, если Москва совместными усилиями будет взята, причем обещал, что тушинские поляки начнут получать жалованье с того момента, как соединятся с королевскими войсками. Военачальникам король сулил награды не только в России, но и в Польше. Что же касается русских тушинцев, то Сигизмунд уполномочил послов обещать им сохранение

веры, обычаев, законов, имущества и богатые награды, если они перейдут к нему.

12 ноября 1609 года Сигизмунд отправил грамоту в Москву к Василию Шуйскому, где упрекал царя за насилие над поляками 17 мая 1606 года и за сношения со шведским королем Карлом IX. Грамота начиналась предложением вступить в переговоры: «Мы, однако, хотим Московское государство успокоить и для того отправляем к людям нашим, которые стоят под Москвою таборами, послов наших великих, пана Станислава Стадницкого с товарищами, и тебе об этом объявляем, чтобы ты боярам своим и думным велел с нашими послами съехаться на безопасном месте под Москвою и о добрых делах договор постановить для унятия этой войны в Московском государстве».

Послы, отправленные из Тушино к королю, и королевские, отправленные в Тушино, встретились в Дорогобуже. Королевские послы стали допытываться у тушинских, зачем они едут к Смоленску, но те не сказали им ничего. Приехав под Смоленск, тушинские послы сперва пошли к королю, а затем — к рыцарству. Речь, произнесенная перед королем, при почтительных формах была самого непочтительного содержания: тушинцы объявили, что король не имеет никакого права вступать в Московское государство и лишать их награды, которую они заслужили у царя Димитрия своими трудами и кровью.

Получив от Сигизмунда суровый ответ, тушинские послы немедленно отправились в Тушино и явились туда раньше послов королевских. Выслушав их, Рожинский созвал совет «полевых командиров» польских отрядов, чтобы решить вопрос о приеме королевских послов. Рожинский, Зборовский и большинство командиров были против приема послов. Но рядовые поляки придерживались иного мнения. По тушинскому табору пронесся слух, что у короля много денег и он хорошо заплатит всем тушинцам, пожелавшим присоединиться к его войску.

В это время явился посланец от Петра Сапеги и от всего войска, стоявшего под Троицким монастырем, и потребовал, чтобы тушинцы немедленно вступили в переговоры с королевскими послами, в противном случае Сапега перейдет на службу к Сигизмунду. В такой ситуации Рожинскому пришлось вступить в переговоры с королевскими послами.

А что же делал все это время Лжедмитрий II? Его время прошло, и никто не обращал на него внимания. Мало того, вожди тушинских поляков срывали на нем зло с тех пор, как королевские войска вступили в пределы Московского государства, что поставило тушинцев в затруднительное положение. Так, пан Тышкевич ругал самозванца прямо в глаза, называл

обманщиком и мошенником.

Фактически «тушинский вор» стал пленником поляков. Царские конюшни круглосуточно охраняли польские жолнеры. Лошади могли быть выданы самозванцу лишь с санкции Рожинского. На карту была поставлена жизнь «царя». Ведь в случае присоединения Рожинского к королю «тушинский вор» стал бы всем помехой.

Лжедмитрий делает попытку побега. Ночью он ускакал из Тушина с четырьмя сотнями донских казаков, но поляки догнали его и вернули. С тех пор он жил в Тушино под строгим надзором.

27 декабря Лжедмитрий спросил Рожинского, о чем идут переговоры с королевскими послами. Гетман, будучи нетрезв, отвечал ему: «А тебе что за дело, зачем комиссары приехали ко мне? Черт знает, кто ты таков? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим». Пьяный Рожинский пригрозил даже побить «царя». Тогда Лжедмитрий решил во что бы то ни стало бежать из Тушино и в тот же день, вечером, переодевшись в крестьянскую одежду, сел в навозные сани и уехал в Калугу вдвоем со своим шутом Кошелевым.

После бегства самозванца Рожинскому с поляками больше ничего не оставалось, как вступить в соглашение с королем. Куда больше проблем возникло у русских тушинцев. Двинуться вслед за Лжедмитрием они не могли — поляки не пускали, да и шансов на успех у «тушинского вора» почти не было. Бежать к Шуйскому тоже было не резон. Царь охотно принимал перебежчиков, когда «тушинский вор» был в силе, а сейчас он мог и наказать беглецов. Русским тушинцам, как и польским, оставался один выход — вступить в соглашение с королевскими послами.

Послы предложили русским собраться по польскому обычаю в коло. Туда явились патриарх Филарет с духовенством, Заруцкий с ратными людьми, Салтыков с думными людьми и придворными. Пришел и касимовский хан Ураз Махмет со своими татарами. Посол Стадницкий рассказал «о добрых намерениях короля относительно Московского государства». Русские тушинцы согласились отдаться под покровительство польского короля и направили ему грамоту: «Мы, Филарет Патриарх Московский и всея Руси, и архиепископы, и епископы и весь Освященный собор, слыша его королевского величества о святой нашей православной вере раденье и о христианском освобождении подвиг, Бога молим и челом бьем. А мы, бояре, окольные и т. д., его королевской милости челом бьем и на преславном Московском государстве его королевское величество и его потомство милостивыми господами видеть хотим».

Из этой грамоты следовало, что Филарет по-прежнему считает себя

«патриархом московским». Будь он пленником «тушинского вора», вынужденным ради спасения жизни формально выполнять обязанности патриарха, как позже писали царские историки, то вот она, сладкая свобода! Полякам не до него. Можно поехать в Москву к законно избранному патриарху Гермогену, за которого он несколько месяцев возносил молитвы в Ростове, и покаяться за грехи, хотя бы и невольные. Нет, Филарет считает себя законным патриархом и призывает короля стать правителем Московского государства.

Обратим внимание читателя на принципиальную разницу между приглашением на престол королевича Владислава и короля Сигизмунда. В первом случае государство Московское получало нового государя, а во втором — оно в том или ином виде объединялось с Польшей. Объединение с Польшей под властью короля-католика неизбежно привело бы к полонизации страны, католическая или по крайней мере униатская церковь стала бы главенствующей. С Московской Русью произошло бы то, что поляки сделали с Малой и Белой Русью. Владислав же мог принять православную веру и стать независимым от Польши и отца монархом. Так, за 12 лет до этого Генрих Наваррский, заявив, что «Париж стоит мессы», перешел в католичество и стал королем Франции Генрихом IV.

Грамоту польскому королю повезла делегация русских тушинцев. Среди них были боярин Михаил Глебович Салтыков с сыном Иваном, князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский, князь Юрий Хворостинин, дворяне Лев Плещеев, Никита Вельминов, дьяки Грамотин, Чичерин, Соловецкий, Витоватов, Апраксин и Юрьев, также поехали Михаил Молчанов, Тимофей Грязный и бывший московский кожевник Федор Андронов.

31 января 1610 года делегация торжественно была представлена королю Сигизмунду в лагере под Смоленском. После хвалы королю «за старание водворить мир в Московском государстве» дьяк Грамотин от имени думы, двора и всех людей объяснил, что в Московском государстве желают иметь царем королевича Владислава, если только Сигизмунд сохранит греческую веру и не коснется древних прав и вольностей московского народа.

Сигизмунд сам желал вступить на московский престол, но решил обмануть русских и вступил в переговоры о Владиславе.

После нескольких дней споров 4 февраля король и послы согласились подписать кондиции (условия), при которых Владислав мог стать русским царем. Наиболее важными были два первых пункта:

- 1) Владислав должен был венчаться на царство в Москве от русского

патриарха, по старому обычаю.

Король прибавил сюда, что это условие будет исполнено, когда водворится совершенное спокойствие в государстве. Из этой прибавки видно намерение Сигизмунда не посылать сына в Москву, но под предлогом неустановившегося спокойствия добиваться государства для себя.

2) Чтобы святая вера греческого закона оставалась неприкосновенной, чтоб учителя римские, люторские и других вер раскола церковного не чинили. Если люди римской веры захотят приходить в церкви греческие, то должны приходить со страхом, как прилично православным христианам, а не с гордостью, не в шапках, псов с собой в церковь не водили бы и не сидели бы в церкви не в положенное время.

Сюда король прибавил, чтобы для поляков в Москве был построен костел, в который русские должны входить с благоговением. Король и сын его обещались не отводить никого от греческой веры, потому что вера есть дар Божий и силой отводить от нее и притеснять за нее не годится. Жидам запрещался въезд в Московское государство.

Сигизмунду удалось добиться своей цели. Гарантом исполнения договора становился польский король. К договору было приписано: «Чего в этих артиклах не доложено, и даст Бог его королевская милость будет под Москвою и на Москве, и будут ему бить челом патриарх и весь Освященный собор, и бояре, и дворяне, и всех станов люди: тогда об этих артикулах его господарская милость станет говорить и урывать, по обычаю Московского государства, с патриархом, со всем Освященным собором, с боярами и со всею землею».

Сигизмунд поспешил сделать и следующий шаг для исполнения своих замыслов. Он потребовал от послов повиноваться ему до прибытия Владислава, и послы согласились, в чем и присягнули: «Пока Бог нам даст государя Владислава на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотеть его государеву отцу, нынешнему наияснейшему королю Польскому и великому князю Литовскому Жигимонту Ивановичу».

Между тем «тушинский вор», добравшись до Калуги, остановился в монастыре недалеко от города и послал монахов в город с извещением, что он приехал из Тушина, спасаясь от польского короля, который грозил ему гибелью, озлобившись за отказ уступить Польше Смоленск и Северскую землю. Самозванец обещал положить голову за православие и отечество. Воззвание оканчивалось словами: «Не дадим торжествовать ереси, не уступим королю ни кола, ни двора».

Калужане поспешили в монастырь с хлебом-солью, торжественно

проводили Лжедмитрия до города, где окружили его царской роскошью.

Вскоре в Калугу прибыл князь Шаховский с отрядом казаков, с которым он ранее стоял в Цареве-Займище. В Калугу разными путями приехало несколько сотен поляков и русских из Тушина. Среди них были Ян Тышкевич и Иван Иванович Годунов. В конце января 1610 года «вору» донесли, что несколько поляков и русских хотят его убить. Лжедмитрий без суда и следствия велел утопить в Оке поляка Стонинского и Ивана Ивановича Годунова.

В ночь на 11 февраля 1610 года из Тушина бежала Марина Мнишек. Она была беременна от «тушинского вора», но это не помешало ей скакать на коне, переодетой казак. С ней бежали только горничная Варвара Казаковская и паж Иван Плещеев-Глазун. Утром нашли письмо Марины, обращенное к полякам Рожинского, где она писала: «Я принуждена удалиться, избывая последней беды и поругания. Не пощажена была и добрая моя слава и достоинство, от Бога мне данное! В беседах равняли меня с бесчестными женщинами, глумились над мною... Оставаясь без родных, без приятелей, без подданных и без защиты, в скорби моей поручивши себя Богу, должна я ехать поневоле к моему мужу. Свидетельствую Богом, что не отступлю от прав моих как для защиты собственной славы и достоинства, потому что, будучи государыней народов, царицею московскою, не могу сделаться снова польскою шляхтянкою, снова быть подданною, так и для блага того рыцарства, которое, любя доблесть и славу, помнит присягу».

Говоря об этом письме, Казимир Валишевский иронизировал по поводу женской логики: «Я знаю, что я могу рассчитывать на вас, итак я покидаю вас!»

Интересно, что Марина поначалу побежала не в Калугу, а в противоположную сторону — в Дмитров, где с польским войском стоял Петр Сапега. Последний 12 января 1610 года вынужден был снять осаду Троицкого монастыря и занял Дмитров.

С Сапегой Марине не удалось договориться, тот упорно не хотел соединяться с Лжедмитрием II. Кроме того, в феврале к Дмитрову подошло русско-шведское войско. Самозванной царице пришлось бежать в Калугу, где ее с помпой встретил «любимый муж».

Бегство «царицы» Марины стало катализатором развала «воровской столицы». Казаки разбежались кто куда, часть ушла в Калугу, а остальные рассеялись по стране шайками грабителей. Последними в начале марта 1610 года ушли поляки Рожинского. Покидая Тушино, Рожинский велел сжечь «воровскую столицу». Из именитых русских тушинцев часть поехала

каяться к царю Василию, а другая часть во главе с патриархом Филаретом в обозе Рожинского двинулась под Смоленск к королю.

Поляки Рожинского ехали к королю скрепя сердце, за неимением лучшего. Характерный пример: тушинский поляк Вильчек, начальствовавший в Можайске, продал этот город царю Василию за 100 рублей и тоже отправился к королю.

Распутица заставила Рожинского на несколько недель остановиться в Иосифовом монастыре в городе Волоколамске. Там он подрался с взбунтовавшимися панами и был сброшен ими на каменные ступени. Рожинский упал на тот бок, который был у него прострелен под Москвой. Гетман разболелся и умер 4 апреля 1610 года тридцати пяти лет от роду. После его смерти Заборовский с большей частью войска пошел дальше к Смоленску, а остальные поляки во главе с Руцким и Мархоцким остались в Иосифовом монастыре.

21 мая к Волоколамску подошло русско-шведское войско под началом Валуева и Горна. Поляки были выбиты из монастыря. Из полутора тысяч поляков и казаков спаслись только триста человек. В числе трофеев русских войск оказался и самозванный патриарх Филарет.

В июне 1610 года Филарет был доставлен в Москву. Но вместо застенка он попал в родовые хоромы в Китай-городе. Царю Василию не до Романовых — его власть висит на волоске.

12 марта 1609 года Михаил Скопин-Шуйский с Делагарди торжественно въехал в Москву. По приказу царя вельможи встретили Скопина-Шуйского у городских ворот с хлебом-солью, но простые горожане опередили вельмож, они со слезами падали ниц и били челом, просили очистить Московское государство. Современники сравнивали прием Скопина-Шуйского с торжеством Давида, которого израильтяне чтили больше, чем Саула. Царь Василий, однако, не показал своего недовольствия, а, напротив, встретил племянника со слезами радости на глазах. Брат царя, князь Дмитрий Иванович Шуйский, повел себя иначе. Царь Василий имел одну или двух дочерей, которые умерли в младенчестве, и, следовательно, брат его считал себя наследником престола. В Скопине-Шуйском Дмитрий Иванович увидел своего конкурента, которого любил народ, и при неустоявшемся еще порядке престолонаследия Скопин-Шуйский вполне мог стать царем. Тогда Дмитрий Иванович, затевавший одну за другой интриги, наябедничал на племянника царю. Василию однажды пришлось даже пустить в ход палку, чтобы образумить брата.

По случаю победы Скопина-Шуйского почти каждый день

устраивались пиры. 23 апреля на крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского у Скопина-Шуйского пошла кровь носом, и после двухнедельной болезни он умер. Пошел общий слух об отравлении. Некоторые современники утверждают, что чашу с отравой поднесла князю сама Екатерина, жена Дмитрия Шуйского.

Смерть Скопина-Шуйского стала катастрофой для царя Василия. Ему пришлось вместо племянника назначить воеводой своего бездарного брата Дмитрия. 32 тысячи русских и 8 тысяч шведов двинулись к Смоленску. Как уже говорилось, московский воевода Валуев с шеститысячным отрядом занял Можайск, Волоколамск и прошел по Большой Смоленской дороге до Царева-Займища.

Сигизмунд отправил навстречу русским часть войска под командованием гетмана Жолкевского, а остальные силы поляков продолжали осаждать Смоленск. Станислав Жолкевский слыл самым талантливым польским военачальником. Ему исполнилось уже 63 года, на его счету были победы над шведами в Лифляндии, разгром казацкого восстания Наливайко, в битве под Гузовом в 1607 году он разгромил «рокошан» и т. д.

14 июня Жолкевский осадил Царев-Займище. Воевода Валуев послал за помощью к Дмитрию Шуйскому, который с войском находился в Можайске. Русское войско медленно двинулось вперед и стало лагерем у деревни Клушино, поскольку-де стояла сильная жара.

Жолкевский разделил свое войско. Небольшой отряд (700 человек) блокировал Валуева в Цареве-Займище, а основные силы (6483 человека) пошли к Клушину, находившемуся в 30 верстах от Царева-Займища.

Ночь с 22 на 23 июня Дмитрий Шуйский и Делагарди пропьянствовали и только собрались почивать, как услышали дикие крики. На союзников обрушились польские крылатые гусары. Русская конница бежала. Пехота же засела в Клушине и встретила ляхов сильным ружейным и артиллерийским огнем. В войске Жолкевского было всего лишь два фальконета, да и те застряли в лесу и в бой вступили только в конце сражения.

Дмитрия Шуйского погубила беспримерная глупость и столь же беспримерная жадность. Накануне сражения шотландцы, французы и немцы, служившие наемниками в шведском войске, потребовали своевременной выплаты жалованья. У Шуйского в войсковой казне были огромные деньги, но жадный князь решил повременить с платежом в надежде, что после битвы ему придется платить меньше. Два немецких наемника перебежали к Жолкевскому еще до битвы и объяснили ситуацию.

В разгаре битвы Жолкевский предложил крупную сумму наемникам. Отряд из шотландцев, французов и немцев перешел на сторону поляков.

Узнав об этом, Дмитрий Шуйский вскочил на лошадь и бросился бежать. За ним последовали и другие воеводы, а за теми, естественно, и простые ратники. Шведские командиры Делагарди и Горн собрали меньшую часть наемников (этнических шведов) и ушли на север к своей границе.

Победа поляков была полная, им досталась вся русская артиллерия, сабля и бурка Дмитрия Шуйского и та самая казна, которую хотел присвоить жадный «шубник». Увы, у нас до сих пор забывают аксиому Наполеона: «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую».

Из-под Клушина Жолкевский возвратился под Царев-Займище и сообщил Валуеву о своей победе. Воевода долго не верил, пока гетман не показал ему знатных пленников, взятых под Клушиным. В конце концов Валуев сдался и целовал крест царевичу Владиславу, но для очистки совести заставил Жолкевского дать обещание от имени будущего царя чтить православную веру, действовать заодно с русскими против «вора» и очистить Смоленскую область.

По примеру Царева-Займища Владиславу присягнули Можайск, Борисов, Боровск, Иосифо-Волоколамский монастырь, Погорелое Городище и Ржев. К войску гетмана присоединились около 10 тысяч русских. Тем не менее сил для захвата Москвы у Жолкевского не хватало, и он был вынужден остановиться в 100 верстах от столицы.

Наибольшую же выгоду от сражения при Клушине получил... «тушинский вор». Ему удалось прельстить деньгами большую часть воинства Петра Сапеги. С помощью последних «вор» овладел Пафнутьево-Боровским монастырем. Разорив монастырь, самозванец пошел на Серпухов, который сдался без боя. Сдались Лжедмитрию также Коломна и Кашира.

Однако под Зарайском «вор» потерпел поражение. Там сидел воеводой Дмитрий Михайлович Пожарский. Он отстоял Зарайск, а затем выбил «воров» из Коломны.

Царь Василий, цепляясь за власть, обратился за помощью к крымскому хану. По его просьбе к Туле подошли 10 тысяч татар во главе с Кантемиром, мурзой по прозвищу Кровавый Меч. Кантемир взял деньги у царских воевод, а затем, вместо того чтобы сражаться с поляками Петра Сапеги, занялся грабежом и угнал в Крым несколько тысяч мирных жителей.

Главные силы Лжедмитрия двинулись на Москву. Их было всего 3–4

тысячи, а у Шуйского под Москвой имелось 30 тысяч ратников. Однако моральный дух царского войска был невысок, за Шуйского драться никто не хотел. Самозванец стал у села Коломенского.

В Москве против царя был составлен заговор, во главе которого стояли князья Федор Иванович Мстиславский и Василий Васильевич Голицын. Разумеется, дело не обошлось без Романовых Филарета и Ивана Никитича и их множественной родни. Тушинские самозванные бояре во главе с Дмитрием Трубецким вошли в контакт с заговорщиками. Они прекрасно понимали, что московская знать не собирается менять Василия Шуйского на «тушинского вора», и предложили «нулевой» вариант, по которому тушинцы устраняют Лжедмитрия II, а московские бояре — царя Василия. А далее совместно будут выбирать нового царя. Москвичи согласились. Начать мятеж бояре поручили довольно скандальной личности — Захару Ляпунову.

17 июля 1610 года Захар Ляпунов с большой толпой подошел к царскому дворцу и начал обличать Шуйского: «Долго ль за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твоё правление, сжался над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь промыслим». Не видя в толпе знатных людей, Шуйский закричал на Ляпунова: «Смел ты мне вымолвить это, когда бояре мне ничего такого не говорят». Толпа отхлынула и направилась на Красную площадь, где уже толпилось множество народа. Люди уже не помещались на Красной площади, и Ляпунов предложил двинуться за Москву-реку к Серпуховским воротам и устроить на большом пустыре нечто вроде веча. Там, естественно, оказались и бояре-заговорщики.

Несмотря на протесты патриарха Гермогена, бояре приговорили бить челом царю Василию Ивановичу, чтоб он царство оставил, так как кровь большая льется, а в народе говорят, что он, государь, несчастлив и украинские города, которые присягнули «вору», его, Василия Ивановича, на царство не хотят. Подавляющее большинство народа поддержало бояр. К Шуйскому поехал его свояк князь Иван Михайлович Воротынский с поручением просить царя оставить московский престол и взять себе в удел Нижний Новгород. Шуйский вынужден был согласиться и переехал с женой из дворца на свое боярское подворье.

Но Василий Иванович не успокоился, он надеялся вернуть себе утраченную власть, собирал своих приверженцев, подкупал стрельцов. Да и обстоятельства благоприятствовали Шуйскому: тушинцы обманули москвичей. Москвичи свергли Шуйского, тушинцы же только посмеялись над москвичами: «Вы не помните государева крестного целования, потому

что царя своего с царства ссадили, а мы за своего помереть рады». Тогда Гермоген стал требовать возвести Шуйского опять на престол. Настроение горожан постепенно менялось в пользу Шуйского. Это заставило заговорщиков пойти на крайние меры. 19 июля Ляпунов с князьями Засекиным, Тюфякиным, Мерином-Волконским и с Михаилом Аксеновым и другими, позвав с собой монахов Чудова монастыря, пошли к Василию Шуйскому и велели ему принять монашеский сан. Но для бывшего царя одна мысль отказаться навсегда от престола была невыносима, особенно теперь, когда обстоятельства складывались в его пользу. Шуйский отчаянно сопротивлялся, поэтому Ляпунов и еще несколько человек держали его во время пострига, а князь Тюфякин произносил за Шуйского монашеские обеты, бывший царь же все твердил, что не хочет пострижения. Это насильственное пострижение патриарх не признал, а называл монахом князя Тюфякина. Тут же насильно была пострижена и жена Шуйского Мария. Бывшего царя, а ныне «инока Варлаама» в крытой повозке отвезли в Чудов монастырь. Братья Шуйские были заключены под стражу.

Еще 17 июля Захар Ляпунов и группа дворян стали требовать «князя Василия Васильевича Голицына на государстве поставить». Тут впервые всплыли Романовы и предложили возвести на престол четырнадцатилетнего Михаила Федоровича, сына Филарета. Однако большинство бояр не устраивал ни тот, ни другой. В конце концов Боярская дума постановила отменить выборы царя до сбора в Москве представителей «всей земли».

По старой традиции Боярская дума создала нечто типа политбюро для управления страной. В его состав вошли Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. В народе это правительство прозвали «семибоярщиной». От населения потребовали даже принести особую присягу «семибоярщине». В крестоприводной записи говорилось: «Все люди били челом князю Мстиславскому с товарищи, чтобы пожаловали, приняли Московское государство, пока нам Бог даст государя». Присягнувший клялся: «Слушать бояр и суд их любить, что они кому за службу и за вину приготовят; за Московское государство и за них, бояр, стоять и с изменниками биться до смерти; вора, кто называется царевичем Димитрием, не хотеть; друг на друга зла не мыслить и не делать, а выбрать государя на Московское государство боярам и всяким людям всею землею».

Города, подчинявшиеся царю Василию, без особых проблем целовали крест «семибоярщине». В Москве же продолжались интриги. Захар Ляпунов с несколькими дворянами вел агитацию в пользу «тушинского

вора». Боярин Мстиславский заявил, что сам он не хочет быть царем, но не хочет видеть царем и кого-либо из бояр, и что надо избрать государя из царского рода. Узнав, что Ляпунов намерен тайно впустить в Москву войско самозванца, Мстиславский передал Жолкевскому, чтобы тот немедленно шел к столице. Гетман 20 июля вышел из Можайска, а в Москву послал грамоты, где говорил, что идет защищать столицу от «вора». К князю Мстиславскому «с товарищи» Жолкевский прислал грамоту с щедрыми обещаниями боярам. Мстиславскому «с товарищи» давно хотелось избавиться от царской власти — опал, казней, изъятия вотчин — и жить подобно польским магнатам, эдакими полунезависимыми правителями в своих землях.

24 июля Жолкевский стал лагерем в семи верстах от Москвы у села Хорошево. Одновременно с юга к Москве подошел «тушинский вор». Лжедмитрий II решил договориться с поляками и дать им отступное. «Вор» обещал сразу же по вступлении на престол заплатить королю 300 тысяч золотых, в королевскую казну в течение последующих десяти лет выплачивать ежегодно по 300 тысяч золотых, а королевичу Владиславу также в течение десяти лет ежегодно платить по 100 тысяч золотых. Самозванец пообещал отвоевать у шведов всю Ливонию и передать ее Польше, а для войны со шведами выставить 15-тысячное войско. Что же до Северной земли, то Лжедмитрий пообещал лишь вести в дальнейшем об этом переговоры.

Послы самозванца первоначально приехали к Жолкевскому в Хорошево и объявили гетману о цели своего посольства к королю. Гетман уклонился от переговоров с ними, но разрешил ехать к Сигизмунду под Смоленск.

Между тем переписка Жолкевского с боярами переросла в прямые переговоры. Переговоры затянулись, главным препятствием стал вопрос о вере Владислава. Патриарх Гермоген сказал боярам свое мнение об избрании королевича: «Если крестится и будет в православной христианской вере, то я вас благословляю. Если же не крестится, то во всем Московском государстве будет нарушение православной христианской вере, и да не будет на вас нашего благословения». Поэтому бояре настаивали, что первым и главным условием избрания Владислава на московский престол должно быть принятие им православия, а гетман без королевского благословения не мог на это согласиться. 2 августа у Девичьего монастыря Мстиславий и Жолкевский вели личные переговоры, которые были прерваны известием, что Лжедмитрий II подходит к Москве.

Действительно, русские «воры» и поляки Петра Сапеги начали штурм

Серпуховских ворот. Поляки из войска Жолкевского держали нейтралитет. Но воевода Валуев и гарнизон Царева-Займища, которые, как мы уже знаем, были вынуждены присоединиться к полякам, не спрося гетмана двинулись на помощь москвичам. Валуев с фланга атаковал поляков Сапеги и вместе с московскими ратниками обратил их в бегство.

Во время переговоров с боярами Жолкевский получил новые королевские инструкции. Москва должна была разом присягнуть Сигизмунду и его сыну Владиславу. Таким образом, король хотел стать фактическим правителем России. Гетман скрыл от бояр содержание королевской инструкции и постарался довести переговоры до конца. Обстоятельства заставляли его спешить.

Гетман объявил боярам, что принимает только те условия, которые утверждены королем и на которых целовал крест Салтыков с товарищами под Смоленском. Все же остальные условия, предъявленные боярами в Москве, в том числе и то, что Владислав примет православие в Можайске, будут переданы на рассмотрение королю. Бояре согласились. Жолкевский со своей стороны согласился внести в договор, заключенный Салтыковым под Смоленском, некоторые поправки и изменения. Так, под Смоленском тушинцы незнатного происхождения требовали, чтобы Владислав возвысил незнатных людей по их заслугам, а в московский договор бояре внесли условие: «Московских княжеских и боярских родов приезжими иноземцами в отечестве и в чести не теснить и не понижать». Также московские бояре настояли на том, чтобы не было преследований за убийство поляков 17 мая. Добавлены были и другие условия: отозвать Сапегу от «вора», помогать москвичам против самозванца, а по освобождении столицы от «воровского» войска. Жолкевский должен был также оставить город и ждать в Можайске окончания переговоров с королем. По договору Марина Мнишек должна была уехать в Польшу и не предъявлять никаких прав на московский престол. Все города Московского государства, занятые поляками и «ворами», должны быть освобождены. О вознаграждении короля и его войска за военные издержки предусматривалось переговорить московским послам с самим Сигизмундом. Жолкевский обещал написать королю и просить его снять осаду Смоленска.

27 августа москвичи торжественно присягнули королевичу Владиславу. В двух богато убранных шатрах, поставленных на середине дороги между польским станом и Москвой, в первый день присягнули десять тысяч человек. Жолкевский от имени Владислава присягнул в соблюдении условий договора. На следующий день люди присягали в

Успенском соборе в присутствии патриарха Гермогена. По городам разосланы были грамоты с приказом присягать королевичу Владиславу. Члены «семибоярщины» писали в этих грамотах, что так как советные люди из разных городов не приехали на Земской собор, то Москва присягнула Владиславу на том, чтоб ему быть государем в православной вере греческого закона.

Однако слишком многие знали, что вопрос о принятии православия королевичем еще не решен. В результате вопрос о вере Владислава стал самым сильным козырем «тушинского вора» в борьбе с «семибоярщиной».

Большинство городов повиновалось Москве и присягнуло Владиславу. Суздаль, Владимир, Юрьев, Галич и Ростов стали тайно ссылаться с Лжедмитрием II, желая перейти на его сторону. Раньше эти города были против самозванца, видели в нем и его сподвижниках врагов государства. Но когда речь пошла о вере, многие предпочли покориться тому, кто называл себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного, чем католику Владиславу.

Через два дня после присяги к Жолкевскому из-под Смоленска приехал с письмом от короля Федор Андронов. В письме король требовал, чтобы Московское государство было подчинено ему, а не сыну. Потом приехал Гонсевский с подробными инструкциями от Сигизмунда. Но, увидев положение дел, Гонсевский счел невозможным нарушить договор и исполнить наказ короля, одно имя которого было ненавистно москвичам. Жолкевский решил не говорить ничего боярам о намерении Сигизмунда, а пока во исполнение условия договора отвести войска Петра Сапеги от Москвы. Гетман предложил Сапеге уговорить «тушинского вора» присягнуть Сигизмунду, за что обещал выпросить для Сапеги Самбор или Гродно в кормление. Если же самозванец не согласится, то Сапега должен был выдать его Жолкевскому, а в крайнем случае отступить от него. Сапега был не против выполнения требований гетмана, но большинство «рыцарства» воспротивилось.

Жолкевскому пришлось припугнуть «сапеженцев». На рассвете 27 августа его войска окружили стан Сапеги. На помощь Жолкевскому прибыл князь Мстиславский с 15-тысячным войском. Князь Мстиславский, первый боярин Московского государства, поступил под начальство коронного гетмана Польского! В войске Сапеги испугались, увидев перед собой объединенные московские и польские полки. Мстиславский, заметив это, хотел сразу же наступать, но гетман не желал проливать польской крови и велел повременить и дожидаться покорности. Вскоре Сапега явился к Жолкевскому и пообещал уговорить «тушинского вора» подчиниться

гетману, в противном случае Сапега обещал отступить от самозванца.

Лжедмитрию II от имени короля были предложены большие имения в Польше. Но «тушинский вор» ответил, что он «предпочел бы рабство у крестьянина позору есть хлеб короля». Вмешавшаяся в переговоры Марина прибавила к этому высокомерному ответу тонкую насмешку: «Пусть король уступит царю Краков, тогда царь подарит ему взамен Варшаву».

Ставка самозванца находилась в Угрешском монастыре (ныне в черте Москвы в районе Перервы). Тогда Жолкевский обратился к «семибоярщине» с просьбой провести польскую конницу через Москву, чтобы подойти к монастырю и захватить там самозванца врасплох. Бояре позволили польскому войску ночью пройти через город. Гетман не обманул. Поляки быстро, не сходя с коней, прошли через Москву, так что москвичи ничего не заметили. У Коломенской заставы польское и русское войска соединились и пошли к Угрешскому монастырю. Но у самозванца было много приспешников в Москве, которые успели предупредить «вора» о готовящемся нападении, и Лжедмитрия уже не оказалось в монастыре, он спешно с женой и Заруцким бежал в Калугу. Не надеясь догнать «вора», польское войско вернулось в свой стан, а москвичи — в Москву.

Отогнав «тушинского вора» от Москвы, гетман стал настаивать на быстрой отправке послов к королю, что давало ему повод удалить из Москвы людей, способных стать претендентами на московский престол. Так, Жолкевскому удалось уговорить Василия Васильевича Голицына возглавить посольство. Гетман льстил ему, говоря, что такое важное дело должно быть совершено именно таким знаменитым человеком, как Голицын, и уверял его, что это посольство даст ему удобный случай к приобретению особенной милости короля и королевича. Следующим наиболее вероятным кандидатом Жолкевский считал стольника Михаила Федоровича Романова, но тому было 14 лет, и по московским обычаям того времени Михаил никак не мог быть включен в посольство. Тогда гетман постарался, чтобы духовенство в посольстве представлял его отец Филарет. Таким образом, Жолкевский получал двойную выгоду, удаляя из Москвы опытного интригана и главу клана Романовых, который в стане короля стал бы заложником на случай, если Михаила попытаются избрать на царство. Между московским и тушинским патриархами еще с 1606 года установились напряженные отношения, и Гермоген с удовольствием включил Филарета в посольство. Хотел ли ехать сам Филарет? Увы, мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос. С момента отречения Шуйского от престола Филарет вел двойную игру. Внешне он был сторонником Владислава, а втихомолку пытался посадить на престол сына. Во всяком

случае и Филарет, и Михаил, как положено, целовали крест королевичу Владиславу, что дало повод через четверть века польскому королю Владиславу IV справляться у русских послов о здоровье «нашего подданного Михаила Романова».

Удаливши Голицына и Филарета, Жолкевский распорядился и насчет Василия Ивановича Шуйского, который тоже был опасен, так как Гермоген не признал его пострижения. По настоянию гетмана бояре отправили бывшего царя в Иосифо-Волоколамский монастырь, а его братьев — в Белую, откуда удобнее было переправить их в Польшу. Гермоген, кажется, догадывался о намерениях Жолкевского и добивался переправки Шуйского в Соловецкий монастырь, но гетман не согласился. Царицу Марию отправили в Суздаль в Покровский монастырь.

Василий Голицын и Филарет возглавили посольство. В его состав вошли окольный князь Мезецкий, думный дворянин Сукин, думный дьяк Томила Луговский, дьяк Сыдавный-Васильев; из духовных лиц — спасский архимандрит Евфимий, троцкий келарь Авраамий Палицын и другие. Всего в посольстве было 1246 человек.

Послы должны были потребовать у Сигизмунда, чтобы Владислав принял православие в Смоленске от Филарета и смоленского архиепископа Сергия и явился в Москву уже православным. Владислав, будучи на престоле, не должен сноситься с папой по делам веры, а только о государственных делах. Если кто из людей Московского государства захочет по своему недоумию отступить от православной веры, того казнить смертью — таким образом, категорически исключалась возможность унии. Послы также должны были требовать, чтобы королевич взял с собой из Польши лишь небольшое число необходимых ему людей; прежнего титула московских государей не изменять; жениться Владиславу на девице православной веры; города, занятые поляками и «ворами», очистить, как было до Смуты и как уже договорено с гетманом.

Таким образом, формальное возведение Владислава на престол могло стать благом для Московского государства. Естественно, что отпрыск королевского дома пользовался бы большим авторитетом в стране, чем, скажем, Василий Васильевич Голицын или кто-либо из Романовых, еще недавно пресмыкавшиеся перед Иваном Грозным и называвшие себя его холопами. Да и с точки зрения происхождения десятки князей Рюриковичей имели приоритет над Гедиминовичем-Голицыным, не говоря уж о беспородных Романовых. Наконец, Владислав имел наследственные права не столько на польский престол, где короля выбирали паны, сколько на престол шведский.

Призвать иностранного монарха на престол в Западной Европе было обычным делом. К примеру, через 100 лет внук французского короля Людовика XIV Филипп стал королем Испании и основателем династии испанских Бурбонов. Да и у нас призвали норманна Рюрика и с барабанным боем втащили на престол Ангальт-Цербстскую принцессу Фике, ставшую императрицей Екатериной Великой.

Но фактически все мечты московских бояр о ручном короле Владиславе были химерой. Сигизмунду Владислав нужен был как дымовая завеса, чтобы самому овладеть московским престолом. Условия бояр были хороши, логичны и справедливы, но за ними не было «больших батальонов», как говорил Бонапарт. Со стороны Сигизмунда были большая ложь и вероломство, но «батальоны» у него были. Точнее, он считал, что они есть. Переговоры под Смоленском, естественно, зашли в тупик. Король не соглашался на переход сына в православие и вообще не хотел отпускать его в Москву.

Ситуация сложилась крайне сложная и запутанная. Польские магнаты отказались помочь Сигизмунду войсками и деньгами в походе на Москву. Чтобы заплатить наемникам, стоявшим под Москвой, король был вынужден в феврале 1610 года продать или заложить свои драгоценности. Смоленск же продолжал успешно защищаться.

«Тушинский вор» отошел от Москвы и закрепился в Калуге. Его признало еще несколько русских городов.

По всей России бродили остатки тушинской армии, опустошавшие страну. Наиболее крупными отрядами казаков и поляков предводительствовали пан Александр Лисовский и стольник Андрей Просовецкий, которые вообще никому не подчинялись.

Между тем шведы, убежавшие из-под Клушина, и новые отряды, прибывшие из Выборга, попытались захватить северные русские крепости Ладогу и Орешек, но были отбиты их гарнизонами. Шведы контролировали только город Корелу. Кроме того, им удалось захватить участки побережья на Баренцевом и Белом морях, включая Колу. В марте 1611 года войска Делагарди подошли к Новгороду и стали в семи верстах, у Хутынского монастыря.

В сложившейся ситуации московская знать опасалась и, надо сказать, не без оснований, бунта горожан в пользу «тушинского вора», как это произошло в других городах. Чтобы сохранить свою власть и богатство, бояре стали предлагать Жолкевскому ввести войска в Москву. Как писал Р. Г. Скрынников, «инициативу приглашения наемных сил в Кремль взяли на себя Мстиславский и Иван Никитич Романов». А гетман... отказал им.

Опытный полководец резонно заметил боярам: «Москва — город большой, людной, почти все жители Московского государства сходятся в Кремль по делам судным, здесь все разряды. Я должен стать в самом Кремле, вы, другие, — в Китай-городе, остальные — в Белом. Но в Кремле собирается всегда множество народа, бывает там иногда по пятнадцати и по двадцати тысяч, им ничего не будет стоить, выбравши удобное время, истребить меня там. Пехоты у меня нет, вы люди до пешего бою неспособные, а у них в руках ворота». Жолкевский привел в пример Лжедмитрия I, убитого народом, и погибших вместе с ним поляков и заключил: «Мне кажется гораздо лучше разместить войско по слободам около столицы, которая будет, таким образом, как будто в осаде». Москва издавна была опоясана монастырями, которые представляли собой как бы маленькие крепости. Жолкевский хотел занять несколько монастырей, включая Новодевичий, который имел важное стратегическое значение.

План Жолкевского был безупречен в военном отношении, но гетман не учел менталитета ни русских, ни поляков. Для русских появление поляков в женском Новодевичьем монастыре было кощунством, а поляком страшно хотелось пограбить Москву. Так, полк Заборовского, состоявший из тушинских поляков, был готов взбунтоваться, если его не пустят в Москву. Рыцарство Заборовского считало, что если Москва будет в их руках, то и царская казна будет у них же. Депутат Заборовского полка пан Мархоцкий потребовал у гетмана ввода войск в Москву. Гетман в бешенстве отвечал Мархоцкому: «Я не вижу того, что ваша милость видите: так будьте гетманом, сдаю вам начальство!» На что Мархоцкий сказал: «Я начальства не хочу, но утверждаю одно, что если вы войска в столице не поставите, то не пройдет трех недель, как Москва изменит. А от полка своего я объявляю, что мы других еще три года под Москвою стоять не намерены».

Встретив противодействие московских бояр и собственных солдат, Жолкевскому пришлось отказаться от своего плана и согласиться на ввод войск в Москву.

Мстиславскому, Романову и их сообщникам не сразу удалось осуществить свое намерение. Когда по их приглашению в Кремль прибыл полковник Гонсевский и русские приставы повели его осматривать места расквартирования рот, москвичи заподозрили неладное и ударили в набат. Вооружившись чем попало, народ бросился в Кремль. Гонсевскому пришлось срочно ретироваться.

Слухи о вводе полков дошли и до патриарха. Гермоген решил созвать Собор по этому поводу. У патриарха собралось множество дворян, купцов, стрельцов и посадских людей. Патриарх дважды посылал за боярами, но

они не явились, ссылаясь на занятость государственными делами. Тогда Гермоген велел передать боярам, что если они не хотят прийти к нему, то он сам пойдет к ним, и не один, а со всем московским народом. Бояре испугались, пошли к патриарху и два часа уговаривали его. Гермоген объяснял боярам, что гетман нарушает условия договора, не отправляет войска в Калугу против «вора», свои полки хочет ввести в Москву, а русское войско выслать против шведов. Бояре же утверждали, что ввод польского войска в Москву необходим, иначе чернь предаст ее «вору». Иван Никитич Романов сказал патриарху, что если Жолкевский отойдет от Москвы, то всем боярам, спасая свои жизни, придется идти за ним, и тогда Москва достанется «вору», и Гермоген будет в ответе за это. Однако патриарх продолжал стоять на своем. Наконец Мстиславский грубо закричал на Гермогена: «Нечего попам мешаться в государственные дела!»

Бояре Салтыков, Шереметев, Андрей Голицын и дьяк Грамотин выехали к толпе народа и начали уговаривать людей не поднимать мятеж. В конце концов толпа разошлась.

В ночь с 20 на 21 сентября польские войска тихо вошли в Москву. Часть поляков вместе с Жолкевским разместилась в Кремле, остальные заняли Китай-город, Белый город и Новодевичий монастырь. Чтобы обеспечить коммуникации с Польшей, по приказу гетмана полки заняли города Можайск, Борисов и Верею.

Военный аспект оккупации разрешился довольно легко. Зато возникла проблема верховной власти. Формально считалось, что Владислав уже царствует. В церквах попы возносили молитвы за его здоровье. От его имени вершили суд. В Москве чеканили монеты и медали с его именем и профилем. К Владиславу под Смоленск отправлялись запросы по политическим и хозяйственным делам, жалобы, челобитные с просьбами о предоставлении поместий и т. п. Ответы приходили довольно быстро, щедро раздавались чины и поместья. Однако подписаны они были не Владиславом, а Сигизмундом. Чтобы не смущать население, бояре обратились к королю с просьбой, чтобы под грамотами стояла подпись Владислава. И действительно, с начала 1611 года в грамотах появляется «Царь и Великий князь Владислав», но его подпись стояла после подписи короля Сигизмунда. Таким образом, Сигизмунд стал не только фактическим, но и почти официальным правителем Руси.

Первым из поляков, понявшим, что русский народ никогда не примет Сигизмунда, стал Жолкевский. Он шел в Москву, чтобы сделать русским царем Владислава. Если бы Владислав принял православие, женился на русской боярышне, то его сын вырос бы русским человеком, и вполне

вероятно, что шведская династия на сотни лет прижилась бы на Руси (Сигизмунд был этническим шведом, а не поляком). Но претензии Сигизмунда на московский трон заведомо обрекали семитысячный отряд поляков на гибель. Во всем польском войске это понимал лишь Жолкевский. Как мы уже знаем, буйные паны влезли в Москву вопреки воле гетмана. Теперь ему ничего не оставалось, как уехать.

В начале октября 1610 года Жолкевский покинул Москву. Прощаясь с войском, он сказал: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск». По приказу короля Жолкевский взял с собой бывшего царя Василия и его братьев Дмитрия и Ивана Шуйских. Вместо себя Жолкевский оставил Александра Гонсевского, который незадолго до этого сам себя произвел в русские бояре.

А теперь мы вернемся к «великому» посольству, отправившемуся к королю, во главе которого были князь Голицын и митрополит Филарет. Посольство двигалось медленно и лишь 7 октября 1610 года прибыло под Смоленск. Поляки приняли посольство «с честью» и отвели 14 шатров за версту от королевского стана. Кормили послов поляки плохо, а на жалобы отвечали, что «король не в своей земле, а на войне, и взять ему самому негде». Видимо, в этом ляхи были правы, вспомним историю с королевскими драгоценностями.

10 октября король дал аудиенцию послам, которые просили Сигизмунда отпустить своего сына на московское царство. Канцлер Лев Сапега от имени короля отвечал послам в расплывчатых выражениях, что король-де желает спокойствия в Московском государстве и назначит время для переговоров. А в это время в королевском совете спорили, отпускать ли Владислава в Москву или нет? Сначала Лев Сапега, уже не надеясь взять Смоленск, был на стороне тех, кто соглашался отпустить королевича в Москву, но вскоре изменил свое мнение. Особенно повлияло на Сапегу письмо королевы Констанции, которая писала: «Ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленск и советуешь королю на время отложить осаду: заклиная тебя, чтоб ты такого совета не подавал, а вместе с другими сенаторами настаивал на продолжении осады: здесь дело идет о чести не только королевской, но и целого войска». После этого канцлер заявил на королевском совете, что присяга, данная москвичами Владиславу, подозрительна. Не хотят ли русские только выиграть время? Что от этой присяги для Польши больше вреда, чем пользы, что ради сомнительных выгод надо с позором уйти из-под Смоленска и оставить надежду на приобретение Речью Посполитой Смоленской и Северной областей. Противники Сапегу выдвигали контраргументы: король обещал, гетман с

войском присягнули. Нельзя сделать клятвoprеступниками короля, гетмана и целое войско. Народ русский без царя быть не привык, и если им не дать королевича, ими избранного, то они обратятся к другому и будут настроены против Польши. Силой войны не кончить, потому что нет средств для этого. Если же войну не закончить, то беда ждет с двух сторон: от Москвы, так как там выберут другого государя, и от своих, недовольных неуплатой жалованья. Заплатить войску из Польши трудно, у короля нет денег. Если же королевич станет царем в Москве, то Польша приобретет доброго соседа, легко будет возратить Лифляндию и Швецию, да и от татар будет меньше вреда. Большая часть шляхтичей могла бы переселиться в Москву, от чего в Речи Посполитой стало бы меньше бунтов, основная причина которых — бедность граждан. Под гражданами королевские советники подразумевали, разумеется, не все польское население, а исключительно шляхту.

В конце концов победили противники отпуска королевича, которые рассматривали Россию как поверженную державу с неспособным на сопротивление народом. Они предлагали начать колонизацию России немедленно, «привести все дела в порядок» до приезда Владислава. Далее шли ссылки на молодость Владислава, а ему действительно было всего 15 лет, что отпускать королевича в Москву нельзя без согласия сейма. Дошло до того, что была поставлена под сомнение легитимность русского посольства. Говорили, что Голицына и Филарета выслали из Москвы как людей подозрительных и надо отправить польских послов в Москву и там вести переговоры с «добрыми людьми», но если кто из послов согласится с поляками, то его также послать в Москву.

15 октября на встрече с русскими послами паны радные заявили, что король никак не может отступить от Смоленска и вывести войско из Московского государства, так как он пришел для того, чтобы навести порядок в России, истребить «вора», очистить города, а потом дать своего сына на московский престол. Послы отвечали, что в государстве гораздо ранее настанет покой, если король выведет войско, а для истребления «вора» достаточно одного отряда Жолкевского, так как «вор» теперь силен только польскими войсками. Поход же всего королевского войска на «вора» разорит Россию, и без того уже опустошенную. Эта и последующие встречи превратились в итальянскую оперу, послы пели свою арию, а паны — свою, не слушая оппонентов.

30 октября в королевский лагерь под Смоленском торжественно въехал гетман Жолкевский. Он привез сверженного царя Василия с братьями и представил их Сигизмунду. Поляки потребовали, чтобы Василий Шуйский

поклонился королю, на что тот ответил: «Нельзя московскому и всея Руси государю кланяться королю: праведными судьбами Божиими приведен я в плен не вашими руками, но выдан московскими изменниками, своими рабами».

Филарет возмутился насильственному привозу к Смоленску царя Василия и тем, что он был представлен в светском платье. Жолкевский отвечал митрополиту (посольство и поляки признавали Филарета только митрополитом, против чего он и сам не возражал): «Я взял бывшего царя не по своей воле, но по просьбе бояр, чтоб предупредить на будущее время народное смятение. К тому же он в Иосифове монастыре почти умирал с голода. А что привез я его в светском платье, то он сам не хочет быть монахом, постригли его неволею, а невольное пострижение противно и вашим и нашим церковным уставам, это и говорит патриарх». На что Филарет сказал: «Правда, бояре желали отослать князя Василия за польскою и московскою стражею в дальние крепкие монастыри, чтоб не было смуты в народе: но ты настоял, что его отослать в Иосифов монастырь. Его и братьев его отвозить в Польшу не следовало, потому что ты дал слово из Иосифова монастыря его не брать, да и в записи утверждено, что в Польшу и Литву ни одного русского человека не вывозить, не ссылать. Ты на том крест целовал и крестное целование нарушил. Надобно бояться Бога, а расторгать мужа с женою непригоже, а что в Иосифове монастыре его не кормили, в том виноваты ваши приставы, бояре отдали его на ваши руки».

Попытки поляков уговорить послов, чтобы те приказали воеводе Шеину сдать Смоленск, были безрезультатны. Поэтому 21 ноября 1610 года король устроил генеральный штурм крепости. На рассвете поляки взорвали мощную мину в подкопе под одной из башен. Башня развалилась, рухнула и стена на протяжении более 20 метров. В пролом трижды вламывались поляки и трижды были выбиты из города. Штурм кончился полной неудачей.

Королю ничего не оставалось делать, как возобновить переговоры с русскими послами. Однако ни та, ни другая сторона не хотели уступать. Царские историки любили превозносить твердость русских послов, особенно Филарета. На самом же деле они и так уступили гораздо больше, чем хотели. Капитуляция же перед Сигизмундом немедленно сделала бы Голицына и Филарета политическими трупами и, возможно, обрекла бы на гибель их родственников, оставшихся в России. Так что послы радели не о государстве, а о собственной шкуре.

С декабря 1610 года посольство стало разваливаться. Второстепенные

члены посольства, в отличие от Голицына и Филарета, не претендовали на ведущие посты в государстве, их вполне удовлетворяли поместья и деньги, предлагаемые поляками. Думный дворянин Сукин, дьяк Сыдавный Васильев, спасский архимандрит, троцкий келарь Авраамий и другие дворяне, взяв от короля грамоты на поместья и другие пожалованья, разъехались по городам без санкции руководителей посольства. Всего уехали 43 человека, а Захар Ляпунов открыто переметнулся к полякам.

Слухи о провале переговоров с королем стали распространяться по России. Для защиты Новгорода от шведов и местных «воров» «семибоярщина» отправила туда воеводу Ивана Михайловича Салтыкова с войском. По дороге Салтыков послал новгородцам грамоту с предложением поцеловать крест королевичу Владиславу. В ответ новгородцы написали, что они послали в Москву гонцов, чтобы узнать об условиях, на которых воцаряется Владислав. А крест целовать Новгород будет лишь по возвращении послов, и прежде этого Салтыкова в город не пустят, потому что другие города, целовавшие крест Владиславу, впустили поляков и казаков, а те сразу же занялись насилием и грабежами. Но вот посланцы возвратились, и новгородцы впустили Салтыкова с условием, что в город войдут только русские рати и ни одного поляка в Новгороде не будет. С большим трудом Салтыкову удалось уговорить новгородцев поцеловать крест Владиславу.

На востоке дела Владислава шли совсем плохо. Казань и Вятка присягнули «тушинскому вору». Богдан Бельский, служивший в то время вторым воеводой в Казани, попытался воспрепятствовать присяге, но был убит народом. Пермь отказалась присягать Владиславу и склонялась к присяге «тушинскому вору». Однако Лжедмитрию II узнать об этом не довелось.

Старый касимовский хан Ураз Махмет присоединился к Лжедмитрию II еще в Тушине. После бегства самозванца в Калугу хан подался на службу к гетману Жолкевскому, но его любимый сын остался служить «вору». Ураз Махмет попросил разрешения Лжедмитрия II посетить Калугу для свидания с сыном. Но как только хан появился в Калуге, самозванец велел утопить его в Оке. Тогда крещеный татарин Петр (Арслан) Урусов, начальник татарской стражи самозванца, поклялся с товарищами отомстить за смерть хана.

11 декабря 1610 года «тушинский вор» отправился на охоту на зайцев. Его сопровождал шут Кошелев и татарская стража. Внезапно Петр Урусов ударил «царя» саблей и рассек ему лицо. Другой татарин отрубил «царю» голову. Шута татары пощадили, а сами отправились в степь в направлении

Крыма, грабя все по дороге.

Кошелев прискакал в Калугу к «царице». Марина находилась на последних днях беременности. Тем не менее она бегала по улицам и кричала о мщении. Но мстить было некому, убийцы были уже слишком далеко, зато казаки перебили две сотни касимовских татар, служивших самозванцу.

Вечером 11 декабря в Калугу привезли обезглавленное тело самозванца. Труп пролежал в холодной церкви более месяца, и народ ходил смотреть на него и на голову, лежащую рядом. Затем тело похоронили в Троицком соборе. В вещах Лжедмитрия II нашли талмуд, письма и различные бумаги, написанные на еврейском языке. Это подтвердило давние толки о его происхождении.

Теперь воровское войско лишилось знамени. Тушинские бояре князь Григорий Шаховский и атаман Иван Заруцкий решили бежать из Калуги, но казаки удержали их силой. Через несколько дней Марина родила сына. По «деду» его назвали Иваном. Казаки немедленно провозгласили его царем. Петр Сапега предложил Марине с ребенком перейти под его покровительство, но она высокомерно отказалась. Марина хотела быть только московской царицей или никем. За неимением нового «Димитрия» Марина затащила к себе в постель казака Заруцкого, который таким образом из пленника превратился в вождя тушинцев.

Глава 33

Московское разорение

Смерть столь ничтожной личности, как «тушинский вор», имела огромное политическое значение. Теперь единственным реальным претендентом на московский престол был королевич Владислав. Однако его еще никто из русских в глаза не видел. Все грамоты от его имени писал отец. Король Сигизмунд не позволял Владиславу принять православие. Переговоры под Смоленском зашли в тупик. С гибелью Лжедмитрия II теряло всякий смысл пребывание королевских войск в России. Ведь король-то пришел якобы наводить порядок, и Жолкевского бояре зазвали в Москву, чтобы тот спас их от «тушинского вора». Теперь «вор» мертв, большая часть его воинства разбежалась. «Воренка» Ивана, лежащего в пленках, никто всерьез не принимал.

С момента гибели «вора» изменился характер войны в России. До этого шла гражданская война, в которую на первом этапе вмешались польские паны, а на втором — польский и шведский короли. На третьем же этапе война становится национально-освободительной, одной из важнейших составляющих которой была борьба православия против католицизма.

По словам современника, как только Москва узнала, что «вор» убит, русские люди обрадовались и стали между собой обсуждать, как бы всем объединиться против «литовских людей», чтобы выгнать их с земли Московской всех до одного, на чем крест целовали. В большинстве русских городов, как присягнувших Лжедмитрию II, так и присягнувших Владиславу, было безвластие. Из города в город шли грамоты, но теперь содержание их было иное. Раньше уговаривали друг друга не спешить присягать тому, кто называется Димитрием, ибо тушинцы грабят присягнувшие города. Теперь же города убеждали друг друга встать за православную веру и вооружиться против поляков. Первыми подали голос жители смоленских волостей, опустошенных поляками. Они написали грамоту к остальным жителям Московского государства, называли их братьями, но братство это было не народное, не государственное, а религиозное: «Мы братья и сродники, потому что от святой купели святым крещением породились».

Смоляне писали, что они покорились полякам, дабы не оставить православия, но вера греческая поругана, церкви разорены. В их грамотах

говорилося: «Где наши головы? Где жены и дети, братья, родственники и друзья? Кто из нас ходил в Литву и Польшу выкупать своих матерей, жен и детей, и те свои головы потеряли. Собран был Христовым именем окуп, и то все разграблено! Если кто хочет из вас помереть христианами, да начнут великое дело душами своими и головами, чтобы быть всем христианам в соединении. Неужели вы думаете жить в мире и покое? Мы не противились, животы свои все принесли — и все погибли, в вечную работу латинству пошли. Если не будете теперь в соединении, обще со всею землею, то горько будете плакать и рыдать неутешным вечным плачем: переменена будет христианская вера в латинство, и разорятся божественные церкви со всею лепотою, и убиен будет лютою смертию род ваш христианский, поработят и осквернят и разведут в полон матерей, жен и детей ваших». Далее смоляне писали, что нет никакой надежды иметь когда-либо царем Владислава, потому что на сейме решено: «Вывести лучших людей, опустошить все земли, владеть всею землею Московскою».

Получив эту грамоту, москвичи разослали ее по всем городам с приложением своей грамоты, где писали: «Пишем мы к вам, православным христианам, всем народам Московского государства, господам братьям своим, православным христианам. Пишут к нам братья наши, как нам всем православным христианам остальным не погибнуть от врагов православного христианства, литовских людей. Для Бога, судьи живым и мертвым, не презрите бедного и слезливого нашего рыдания, будьте с нами заодно против врагов наших и ваших общих... Писали нам истину братья наши, и теперь мы сами видим вере христианской перемену в латинство и церквам Божиим разорение. О своих же головах что и писать вам много? А у нас святейший Гермоген патриарх прям, как сам пастырь, душу свою за веру христианскую полагает неизменно, и ему все христиане православные последуют, только неясвенно стоят».

К концу декабря 1610 года неформальным лидером сопротивления полякам стал патриарх Гермоген. Он рассылал по городам грамоты, в которых объяснял измену короля Сигизмунда, разрешал народ от присяги Владиславу и просил горожан, чтобы они, не мешкая, по зимнему пути, «собирався все в збор со всеми города, шли к Москве на литовских людей».

Первый раз такую грамоту Гонсевский перехватил на святках 1610 года. Затем полякам попадали в руки списки с этих грамот, датированные 8 и 9 января 1611 года. Эти грамоты были отправлены Гермогеном в Нижний Новгород с Василием Чартовым и к Просовецкому в Суздаль или Владимир.

О настроениях в русских городах свидетельствуют письма соловецкого игумена Антония к шведскому королю Карлу IX: «Божію милостию в Московском государстве святейший патриарх, бояре и изо всех городов люди ссылаются, на совет к Москве сходятся, советуют и стоят единомышленно на литовских людей, и хотят выбирать на Московское государство царя из своих прирожденных бояр, кого Бог изволит, а иных земель инородцев никого не хотят. И у нас в Соловецком монастыре и в Сумском остроге, и во всей Поморской области тот же совет единомышленный: не хотим никого иноверцев на Московское государство царем, кроме своих прирожденных бояр Московского государства».

Активно выступило против поляков население Нижнего Новгорода, Ярославля, Костромы, Перми и других городов. В Новгороде Великом горожане по призыву своего митрополита Исидора крест целовали помогать Московскому государству в борьбе с «разорителями православной веры». А воевод — сторонников Владислава, Ивана Салтыкова и Корнилу Чоглокова — новгородцы посадили в тюрьму «за многие неправды и злохитрство».

В январе 1611 года знакомый нам Прокопий Ляпунов поднял Рязань против поляков. Как уже говорилось, Ляпуновы после свержения Шуйского стали сторонниками Владислава. Захар Ляпунов ездил с посольством к королю Сигизмунду. А Прокопий Ляпунов в октябре 1610 года взял город Пронск у «тушинского вора» и заставил его жителей присягнуть Владиславу. Теперь же Прокопий решительно выступал против поляков.

Идти на Москву с одними рязанцами, да еще имея в тылу остатки тушинского воинства, было опасно. И Прокопий Ляпунов делает удачный тактический ход. Он вступает в союз с этим воинством. Увы, этот тактический успех приведет первое ополчение к стратегической неудаче и будет стоить жизни самому Прокопию. В феврале 1611 года Прокопий отправляет в Калугу своего племянника Федора Ляпунова. Переговоры Федора с тушинцами приносят успех. Новые союзники выработали общий план действий: «приговор всей земле: сходиться в дву городех, на Коломне да в Серпухов». В Коломне должны были собраться городские дружины из Рязани, с нижней Оки и с Клязьмы, а в Серпухове — старые тушинские отряды из Калуги, Тулы и северских городов.

Так начало формироваться земское ополчение, которое позже получило название первого ополчения. Помимо рязанцев Ляпунова к ополчению примкнули жители Муромы во главе с князем Литвиновым-Мосальским, Суздаля — с воеводой Артемием Измайловым, из Вологды и поморских земель — с воеводой Нащокиным, из Галицкой земли — с

воеводой Мансуровым, из Ярославля и Костромы — с воеводой Волынским и князем Волконским и другие.

Тем не менее этих ратников Ляпунову показалось мало, и он рьяно стал собирать под свои знамена не только казаков, но и всякий сброд. Ляпунов писал: «А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, и им будет все жалованье и порох и свинец. А которые боярские люди, и крепостные и старинные, и те б шли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты, им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут».

Таким образом, в первом ополчении наряду с профессиональными военными — дворянами, боевыми холопами, стрельцами — были и казаки, причем последние составляли большинство. Слово «казаки» у подавляющего большинства наших современников ассоциируется с казаками XIX — начала XX века, то есть с теми, кто с Платовым воевал с Наполеоном и лупцевал нагайками студентов и рабочих в 1905 году. В те времена казаки были особой частью регулярной русской армии. У них не только была своя форма, свои обычаи и традиции, но и дисциплина поддерживалась практически на том же уровне, что и в драгунских или гусарских войсках. В начале же XVII века у донских и запорожских казаков какая-то дисциплина соблюдалась во время походов. Конкретно, все казаки должны были безоговорочно выполнять приказы атамана. В мирное же время власть атамана была весьма ограниченной. В любой момент донцы могли собрать круг, а запорожцы — раду и отобрать у атамана булаву, а то еще и «посадить его в воду», то есть утопить в Доне или Днепре.

У донцов и запорожцев XVI–XVII веков наблюдался любопытный дуализм. В казаки принимали только христиан, причем подразумевалось, что каждый христианин, приходящий на Дон или в Сичь, православный. Попы у казаков были только православные. Святотатство сурово каралось казаками. В борьбе с турками и татарами казаки старались выставить себя защитниками веры христианской и народа православного от басурман. Между собой казаки были предельно честны, кража у своего брата-казака влекла за собой тяжелое наказание.

Но вот начинается казацкий набег на русские земли, и казаки нещадно убивают православных, а бывали случаи, что и продавали пленных христиан туркам в рабство. Грабеж на войне считался чуть ли не доблестью. Казаки грабили не только города и деревни, но и монастыри и церкви.

Казаки отличались личной смелостью, превосходным знанием тактики и материальной части. Казаки виртуозно владели холодным оружием и

очень метко стреляли на дистанции, в два-три раза превышавшей дальность эффективного огня западноевропейской пехоты.

В целом роль донского и особенно запорожского казачества в ходе Смуты была негативна. На их совести десятки спаленных городов, десятки тысяч убитых и угнанных в рабство жителей. Однако не следует забывать положительной роли казаков. В годы Смуты они по-прежнему были щитом России от агрессии крымских татар и Османской империи. Так, в 1605–1606 годах запорожские казаки взяли турецкие города Белгород (Днестровский), Килию и Варну. Весной 1609 года запорожцы опустошили окрестности Измаила, Килии и Белгорода. В 1606–1613 годах запорожские и донские казаки совершали набеги на Крым. Все это, естественно, ослабляло нападения басурман на Русь.

Но это все относится лишь к донским и запорожским казакам. В Смутное же время появились многие тысячи местных казаков из крестьян, посадских людей, опустившихся дворян и различных деклассированных элементов. Как ни странно, в нашей исторической литературе подобные казаки не получили никакого названия. Большинство авторов называло их просто казаками, а советские историки там, где им виделась антифеодалная направленность действий казаков, называли их «восставшими крестьянами» и т. п. В годы же Смуты современники именовали таких казаков «ворами», причем тут имелись в виду не только разбои, но и антигосударственная деятельность. Поэтому я рискну ввести новый термин — «воровские казаки».

Воровские казаки в бою были куда менее дисциплинированы, чем донцы или запорожцы. Они существенно хуже владели оружием и не знали тактики.

Воровские казаки представляли для Московского государства особую опасность. Донцы или запорожцы могли за плату выполнить определенную боевую задачу, ну, естественно, пограбить в меру сил, получить обещанное жалованье и с песнями отправиться на Дон или в Сичь. У воровских же казаков не было Сичи, для них Смута была источником существования. Конец Смуты означал если не ответственность за совершенные преступления, то по крайней мере возвращение к прежней жизни. А никто из «воров» не желал пахать, заниматься ремеслом или мелкой торговлей. Вот такое воинство и собрал Ляпунов на свою голову и на беду государству Московскому.

С начала 1611 года в Москве постепенно нарастала напряженность. Ожидая восстания горожан, Гонсевский и московские бояре распорядились перетащить пушки из Белого города в Кремль и Китай-город. Польские

гусары круглосуточно патрулировали улицы и площади столицы. Русским было запрещено выходить из домов с наступлением темноты и до рассвета.

Еще в декабре 1610 года боярин Михаил Глебович Салтыков и пропольски настроенная знать предложили Боярской думе написать грамоту Сигизмунду под Смоленск, чтобы тот отпустил Владислава в Москву. Русским послам в польском стане приписывалось «отдаться во всем на волю королевскую». В отдельной же грамоте к Ляпунову содержался призыв распустить ополчение. Бояре грамоты написали и понесли их на утверждение к патриарху, но Гермоген сказал им: «Стану писать к королю грамоты и духовным всем властям велю руки приложить, если король даст сына на Московское государство, крестится королевич в православную христианскую веру и литовские люди выйдут из Москвы. А что положиться на королевскую волю, то это ведомое дело, что нам целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать и проклиная того, кто писать их будет, а к Прокофью Ляпунову напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в православную христианскую веру не крестится и литвы из Московского государства не выведет, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за православную веру».

По словам летописца, Салтыков стал кричать на Гермогена, достал нож и хотел его зарезать, но патриарх, осенив Салтыкова крестным знамением, сказал: «Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа, будь ты проклят в сем веке и в будущем».

Грамоты пришлось отправить без подписи патриарха. Находившихся под стражей князей Ивана Михайловича Воротынского и Андрея Васильевича Голицына силой заставили их подписать.

Грамоты доставили под Смоленск 23 декабря. На следующий день их принесли послам с требованием немедленно исполнить боярский приказ и угрозами в случае неповиновения. Филарет, прочтя грамоты, отвечал: «Отправлены мы от патриарха, всего Освященного собора, от бояр, от всех чинов и от всей земли, а эти грамоты писаны без согласия патриарха и Освященного собора, и без ведома всей земли: как же нам их слушать? И пишется в них о деле духовном, о крестном целовании смольнян королю и королевичу. Тем больше без патриарха нам ничего сделать нельзя». Все остальные члены русского посольства согласились с Филаретом.

27 декабря послы были вызваны к радным панам, которые объявили русским о смерти самозванца в Калуге. Послы встали и с поклоном поблагодарили за эту новость. Паны с насмешкой спросили: «Теперь что

вы скажете о боярской грамоте?» Голицын ответил, что посольство представляет не одних только бояр и отчет послы должны будут давать не одним боярам, а в первую очередь патриарху и духовным властям, а потом боярам и всей земле, а грамоты написаны от одних только бояр, да и то не от всех. Таким образом, русские послы категорически отказались выполнять салтыковские инструкции.

23 января 1611 года в стан к королю приехал Иван Никитич Салтыков. Он привез новые грамоты послам и жителям Смоленска. В грамотах не было ничего нового, они повторяли старые требования отдаться на «всю волю королевскую».

Однако послы быстро смекнули, что Салтыков представляет не русское государство, а самого себя и поляков Гонсевского, и заявили, что отказываются выполнять инструкции без подписи патриарха.

Поляки послали Салтыкова уговаривать смолян. Но представители осажденных прямо заявили Салтыкову, что если еще кто посмеет явиться к ним с подобными «воровскими» грамотами — будет застрелен, а говорить смоляне будут только с послами от всего Московского государства, находящимися при короле.

В ответ на нажим поляков на посольство Филарет сказал: «Если вы увидели в нас неправду, то королю бы пожаловать отпустить нас в Москву, а на наше место велеть выбрать других». Но поляки не захотели отпускать послов, которые теперь стали их заложниками.

Действия королевских войск в России еще больше подливали масла в огонь антипольского движения. Украинские города, присягнувшие Лжедмитрию II — Орел, Болхов, Белёв, Карачев, Алексин и другие, — узнав о смерти «вора», присягнули королевичу Владиславу, но, несмотря на это, поляки под началом пана Запройского выжгли эти города, многих жителей убили и увели в плен.

В войске Сигизмунда под Смоленском было до 10 тысяч запорожских казаков (черкасов) под началом атамана Олевченка. Они разбили табор у Духовского монастыря вблизи Смоленска и занялись грабежом вначале окрестных сел, а затем и более отдаленных мест. Особенно казаки отличились в Зубцовском уезде.

Проку от казаков королю не было, и им было приказано изловить Прокопия Ляпунова, собиравшего ополчение. Черкасы осадили Ляпунова в Пронске, к ним присоединился сторонник Владислава воевода Исаак Сумбулов. Однако на помощь Ляпунову пришел зарайский воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Он внезапно атаковал осаждающих и обратил их в бегство. Отпустив часть ратников, Пожарский вернулся в

Зарайск. Сумбулов же с казаками решили отомстить князю и ночью напали на Зарайск. Пожарский смело пошел на вылазку и разгромил врага. Остатки черкасов бежали на Украину, а Сумбулову удалось удрать в Москву к полякам.

В Москве Гонсевский продолжал «закручивать гайки». У всех ворот стояла польская стража, уличные решетки были сломаны, русским запрещалось ходить с саблями, у купцов отбирались топоры, которыми они торговали, топоры также отбирались и у плотников, шедших с ними на работу. Запрещено было носить ножи. Поляки боялись, что за неимением оружия народ может вооружиться кольями, и запретили крестьянам возить мелкие дрова на продажу. При гетмане Жолкевском поляки в Москве соблюдали хоть какую-то дисциплину, при Гонсевском же они совсем распоясались. Жены и дочери москвичей средь бела дня подвергались насилию. По ночам поляки нападали на прохожих, грабили и избивали их. К заутрене не пускали не только мирян, но и священников.

Михаил Салтыков и несколько бояр вновь пришли к патриарху и заявили: «Ты писал, чтобы ратные люди шли к Москве; теперь напиши им, чтобы возвратились назад». «Напишу, — отвечал Гермоген, — если ты, изменник, вместе с литовскими людьми, выйдешь вон из Москвы. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру, вижу ей поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть». Тогда патриарха взяли под стражу, запретив ему общаться с кем бы то ни было.

Тем временем ополчение Ляпунова медленно двигалось к Москве. 17 марта 1611 года в Вербное воскресенье Гермогена на время освободили из-под стражи для торжественного шествия на осле. Но народ не пошел за вербой, так как по Москве распространился слух, что Салтыков с поляками хотят напасть на патриарха и безоружных москвичей. По всем улицам и площадям стояли польские конные и пешие роты. Поляки-очевидцы вспоминали, что Салтыков говорил им: «Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во вторник будут бить, и я этого ждать не буду, возьму жену и поеду к королю».

Салтыков ожидал подхода ополчения Ляпунова ко вторнику и поэтому хотел превентивно расправиться с москвичами. Поляки стали готовиться к обороне — втаскивать пушки на башни в Кремле и Китай-городе, а тем временем в московские слободы тайно проникали ратники из ляпуновского ополчения, чтобы поддержать горожан в случае нападения поляков. Пробрались и воеводы: князь Дмитрий Пожарский, Иван Бутурлин и Иван Колтовской. Но утро вторника началось как обычно — в городе было тихо,

купцы отперли лавки в Китай-городе и начали торговлю. В это время на рынке пан Николай Козаковский велел извозчикам идти помогать втаскивать пушки на башни. Извозчики отказались, поднялся шум, раздались крики. В Кремле находилось несколько сот немецких наемников, перешедших к полякам при Клушине. Услышав шум, они решили, что началось восстание, выскочили на площадь и стали избивать москвичей. Их примеру последовали поляки, и началась резня безоружных людей. В тот день в Китай-городе было убито около семи тысяч человек. Князя Андрея Васильевича Голицына, сидевшего «под домашним арестом», убили охранявшие его поляки.

В это время в Белом городе русские ударили в набат, забаррикадировали улицы всем, что попадало под руку — столами, скамьями, бревнами, — и, укрывшись, стали стрелять в немцев и поляков. Из окон домов также стреляли, бросали камни и бревна.

Ратники из ополчения Ляпунова, проникшие в Москву, оказали существенную помощь горожанам. На Сретенке большой отряд москвичей собрал князь Д. М. Пожарский. К нему присоединились пушкари из находившегося рядом Пушечного двора. Говорят, что пушки со двора доставил сам Андрей Чохов — знаменитый пушечных дел мастер. Пожарскому удалось загнать поляков в Китай-город и выстроить острожек (укрепление) у церкви Введения на Лубянке, который закрывал ляхам выход из ворот Китай-города. Отряд Ивана Бутурлина дрался у Яузских ворот, а Иван Колтовской занял Замоскворечье.

Поляки были загнаны в Кремль и Китай-город. Вокруг их каменных стен тесно стояли деревянные дома Белого и Земляного городов. Идея поджечь Москву, видимо, пришла в голову многим полякам, независимо друг от друга. Как позже писал участник боя польский поручик Маскевич: «По тесноте улиц мы разделились на четыре или шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: „Огня! Огня! Жги дома!“ Наши пахолики подожгли один дом — он не загорелся; подожгли в другой раз — нет успеха, в третий раз, в четвертый, в десятый — все тщетно: сгорает только то, чем поджигали, а дом цел. Я уверен, что огонь был заколдован. Достали смолы, прядева, смоленой лучины — и сумели запалить дом, так же поступили и с другими, где кто мог. Наконец занялся пожар: ветер, дующий с нашей стороны, погнал пламя на русских и принудил их бежать из засад, а мы следовали за разливающимся пламенем, пока ночь не развела нас с неприятелем. Все наши отступили к Кремлю и Китай-городу». От себя добавим, что Михаил Салтыков по собственной инициативе зажег свой дом

в Белом городе. За изменника-отца ответил его сын Иван, сидевший в тюрьме в Новгороде. Его допросили с пристрастием, а затем посадили на кол. Далее Маскевич писал: «В сей день кроме битвы за деревянную стеною не удалось никому из нас подраться с неприятелем: пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских, а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость [Кремль]. Уже вся столица пылала; пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день, а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. Мы были тогда в безопасности — нас охранял огонь. В четверток мы снова принялись жечь город, которого третья часть осталась еще неприкосновенною — огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться...»

В середине дня 20 марта в Москве бои шли только на Сретенке. Там до вечера дрался князь Пожарский. Вечером он был тяжело ранен в голову и вынесен ратниками из боя. Его удалось увезти в Троицкий монастырь. Последнее сопротивление прекратилось. На улицах лежало около семи тысяч трупов.

Большинство москвичей, несмотря на мороз, бежали из столицы. Лишь некоторые 21 марта пришли к Гонсевскому просить о помиловании. Тот велел им снова присягнуть Владиславу и отдал приказ полякам прекратить убийства, а покорившимся москвичам иметь особый знак — подпоясываться полотенцем.

Немецкий наемник Конрад Буссов писал, что в течение нескольких дней «не видно было, чтобы московиты возвращались, воинские люди только и делали, что искали добычу. Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. В церквях они снимали со святых позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Многим польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идолов, и тот, кто ушел в окровавленном, грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах...»

В пятницу 22 марта разведка донесла полякам, что к Москве приближается десятитысячный отряд ополчения под командованием

стольника Андрея Просовецкого. Гонсевский выслал против него конницу Заборовского и Струся. Просовецкий, потеряв в бою около двухсот казаков, отступил и засел в гуляй-городах, на которые поляки не посмели напасть и отошли в Москву.

24 марта к Москве подошло все ополчение во главе с Ляпуновым. Русские расположились близ Симонова монастыря, обставив себя вокруг гуляй-городами, то есть укреплениями из телег и различных деревянных заграждений.

Гонсевский вывел польское войско из Москвы и подошел к русским гуляй-городам. Но Ляпунов не принял бой. Тогда Гонсевский послал немецких наемников атаковать русских, но те были отбиты с большим уроном. Отбив немцев, русские стрельцы перешли в контратаку. Польская конница спешила и открыла стрельбу по русским. Все это время русская конница не выходила из-за обозов, но когда поляки начали отступать к Москве, русские вышли из обоза; поляки остановились, чтобы дать им отпор, тогда русские опять ушли в обоз. Поляки двинулись к Москве, русская конница снова вышла из обоза и начала преследование поляков. Интервенты едва успели войти в Москву и больше уже из нее не выходили.

1 апреля ополчение подошло к стенам Белого города. Ляпунов встал у Яузских ворот, князь Трубецкой с Заруцким — напротив Воронцовского поля, костромские и ярославские воеводы — у Покровских ворот, Измайлов — у Сретенских ворот, князь Мосальский — у Тверских. 6 апреля русским удалось овладеть большей частью Белого города.

Со времен бегства из Тушина Лжедмитрия II «гулял» по Руси отряд Яна (Петра) Сапеги. Жили сапеженцы, как и положено, грабежом и никому не подчинялись. Сапега заводил флирт с Лжедмитрием II в Калуге, а после смерти самозванца начал флиртовать с Ляпуновым, предложив сражаться вместе против поляков «за веру православную». Неразборчивый в средствах Ляпунов принял предложение Сапеги, но стороны не сошлись в цене — уж больно много требовал пан Сапега.

И вот в начале мая Сапега с отрядом появился у стен осажденной Москвы и стал лагерем на Поклонной горе. Представители Сапеги явились к Ляпунову и опять стали торговаться и опять не сошлись в цене. Тогда у гонористого пана разыграл польский патриотизм, и он с боем прорвался в Москву. Однако проку от Сапеги было мало. С одной стороны, в Москве назревал голод и кормить сапеженцев было накладно. С другой стороны, шайки разбойников, в которые превратилась частная армия Сапеги, могли окончательно разложить польский гарнизон. Поэтому Гонсевский не возражал, когда через несколько дней Сапеге наскучила Москва, и он

отправился «гулять» дальше, прихватив с собой несколько сотен поляков из войска Гонсевского. Позже некоторые русские историки, включая С. М. Соловьева, гадали, «зачем он (Гонсевский) себя ослабил таким образом?» Да его и спрашивать никто не стал! Договорились паны ротмистры с Сапегой и ушли со своими ротами.

Король Сигизмунд отправил к Москве небольшой отряд под командованием ротмистров Кишки и Конецпольского. Поляки же, засевшие в Москве, стали распускать слухи, что к ним на помощь идет гетман Ходкевич с большим войском. В знак радости поляки открыли большую стрельбу из ружей и пушек. Настрелявшись «в белый свет» и думая, что нагнали страху на Москву, поляки вечером 21 мая разошлись по домам и спокойно заснули. Но русские под стенами столицы не спали. За три часа до рассвета они тихо приставили лестницы и полезли на стены Китай-города. Полякам с большим трудом удалось отбить атаку на Китай-город. Однако в ходе упорного боя русские окончательно очистили от поляков Белый город.

Утром 23 мая Ляпунову сдались немецкие наемники, оборонявшиеся в Новодевичьем монастыре. По версии Казимира Валишевского, казаки Заруцкого после сдачи монастыря изнасиловали всех монахинь, включая инокиню Ольгу (Ксению Годунову), а затем отправили их во Владимир. После этого русские периодически приближались к стенам Кремля и Китай-города и дразнили поляков: «Идет к вам на помощь гетман литовский с большою силою, идет с ним пятьсот человек войска! Больше не надейтесь, уже это вся Литва вышла. Идет и Конецпольский, живности вам везет, везет одну кишку» (кишка по-польски колбаса), еще кричали: «Радуйтесь, конец польский приближается!»

Королю Сигизмунду действительно было не до Москвы, он предпринимал отчаянные попытки покончить наконец со Смоленском. 8 апреля 1611 года русские послы Филарет и князь Голицын были вызваны к канцлеру Сапеге, который объявил им, что «во вторник на Страстной неделе русские люди начали собираться на бой, королевские вышли к ним навстречу, сожгли город, и много христианской крови пролилось с обеих сторон». Еще канцлер добавил, что патриарх Гермоген за подстрекательство к восстанию взят под стражу и содержится на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле. Послов это сильно огорчило, а Филарет сказал: «Это случилось за грехи всего православного христианства, а отчего сталося и кто на такое разорение промыслил, тому Бог не потерпит и во всех государствах такое немилосердие отзовется. Припомните наши слова, мы на всех съездах говорили, чтоб королевское

величество велел все статьи утвердить по своему обещанию и по договору, иначе людям будет сомнение и скорбь. Так и случилось. Так хотя бы теперь королевское величество смиловался, а вы бы, паны радные, о том порадели, чтоб кровь христианскую унять, и все бы люди получили покой и тишину».

Сапега ответил, что король именно за тем и пришел в Московское государство, чтобы его успокоить, но русские сами во всем виноваты, поляки же сами были бы все уничтожены, если бы не сожгли Москву, и добавил: «Но скажите, как этому злу помочь и кровь унять?» Послы ответили: «Теперь мы и сами не знаем, что делать. Посланы мы от всей земли, и, во-первых, от патриарха, но слышим от вас, что этот начальней наш человек теперь у вас под стражею, Московского государства бояре и всякие люди пришли под Москву и с королевскими людьми бьются. Кто мы теперь такие, от кого послы — не знаем; кто нас отпускал, те, как вы говорите, умышляют противное нашему посольству. И с Смоленском теперь не знаем, что делать, потому что если смоляне узнают, что королевские люди, которых москвичи впустили к себе, Москву выжгли, то побояться, чтоб и с ними того же не случилось, когда они впустят к себе королевских людей». Сапега отвечал: «Что сделалось в Москве, об этом говорить нечего: говорите, что делать вперед?» Тогда послы сказали: «Другого средства поправить дело нет, как то, чтоб король наши статьи о Смоленске подтвердил и время своего отступления в Польшу именно назначил на письме, за вашими сенаторскими руками. А мы об этой королевской милости дадим знать в Москву патриарху, боярам и всем людям Московского государства, напишем и тем, которые теперь пришли под Москву, чтоб они унялись и с королевскими людьми не бились, и чтоб из Москвы к нам как можно скорее отписали и прислали людей из всех чинов». Сапега согласился, но потребовал, чтобы договор о Смоленске был заключен немедленно, и сразу же в город были впущены королевские войска. Но послы возразили, что, не получив ответа из Москвы, смоляне на это не согласятся. Тогда канцлер велел послам написать две грамоты: одну в Москву к патриарху и боярам, другую в ополчение к Ляпунову. На следующий день Луговский принес эти грамоты к Сапеге, а тот спросил: «Хотите ли теперь же впустить в Смоленск людей королевских?» Луговский ответил, что решено ждать ответа из Москвы. «Когда так, то вас всех пошлют в Вильну», — пригрозил Сапега. «Надобно кровь христианскую унять, а Польшею нас стращать нечего: Польшу мы знаем», — был ответ Луговского.

12 апреля послам объявили, что на следующий день их отправят в Польшу. Напрасно Филарет и Голицын объясняли, что у них нет

инструкций ехать в Польшу и даже нет средств на это путешествие. Рано утром им было велено садиться на речные суда. Когда русские стали садиться на суда, польская охрана перебила всех слуг и захватила все посольское имущество. Послы на трех судах под конвоем были отправлены вниз по Днепру.

Первоначально русские послы были заключены во владениях пана Жолкевского в местечке Каменки, а когда поляки сдались в Москве, Филарета и Голицына отправили подальше в замок Мальборг (Мариенбург).

Между тем силы гарнизона и жителей Смоленска иссякали. В городе свирепствовала цинга. Современники утверждали, что к концу осады из восьмидесяти тысяч жителей осталось не более восьми тысяч. Из Смоленска к королю перебежал некий Андрей Дедешин, который указал на слабые места в стене. Король велел построить там несколько осадных батарей. После нескольких дней бомбардировки стены рухнули. Ночью 3 июня 1611 года поляки полезли в пролом. Начался бой на городских улицах. Смоленск горел. Несколько сотен горожан заперлись в соборной церкви Богородицы вместе с архиепископом Сергием. В собор ворвались поляки, архиепископ в полном облачении с крестом в руках пошел им навстречу. Какой-то пан ударил Сергия саблей по голове. Поляки начали в соборе рубить мужчин и хватать женщин. Тогда посадский человек Андрей Беяницын взял свечу и полез в подвал собора, где хранилось 150 пудов пороха. Как писал современник: «И был взрыв сильный, и множество людей, русских и поляков, в городе побило. И ту большую церковь, вверх и стены ее, разнесло от сильного взрыва. Король же польский ужаснулся и в страхе долгое время в город не входил».

Воевода Шеин был взят в плен, где подвергся жестоким пыткам. После допроса его отправили в Литву, где держали в оковах «в тесном заточении».

Взятие Смоленска вскружило голову королю. Вместо похода на Москву он немедленно распускает свою армию и едет в Варшаву. Видимо, на это решение повлияло и безденежье короля — наемникам нечем было платить. Но главным фактором все же была эйфория!

29 октября 1611 года король устроил себе в Варшаве триумф по образцу римских императоров. Через весь город в королевский замок проследовала пышная процессия, во главе которой ехал гетман Жолкевский. За ним следовало рыцарство. В открытой карете, запряженной шестеркой лошадей, сидел бывший московский царь Василий Шуйский, одетый в белую парчовую ферязь и меховую шапку. Этот седой старик смотрел сурово исподлобья. Напротив Василия сидели два его брата, а

посередине — пристав. Братьев Шуйских вывели из кареты и подвели к королю. Они низко поклонились, держа шапки в руках. Жолкевский произнес длинную речь об изменчивости счастья, о мужестве короля, восхвалял его подвиги — взятие Смоленска и Москвы, поговорил о могуществе московских царей, последний из которых теперь стоял перед королем и бил челом. Тут Василий Шуйский, низко склонив голову, дотронулся правой рукой до земли и потом поцеловал эту руку, Дмитрий Шуйский поклонился до самой земли, а младший брат Иван трижды поклонился и заплакал. Жолкевский продолжал свою речь. Он говорил, что вручает братьев Шуйских королю не как пленников, но для примера счастья человеческого, и просил отнестись к ним благосклонно. И братья Шуйские в ответ опять низко кланялись. Когда гетман закончил речь, Шуйских допустили к королевской руке. По словам современников, это было великое зрелище, вызывающее удивление и жалость. Тут в толпе панов слышались голоса, требовавшие отомстить Шуйскому как виновнику смерти многих поляков. Юрий Мнишек требовал мести за свою дочь. Братьев Шуйских заключили в Гостыньском замке в нескольких верстах от Варшавы.

Василия Шуйского поляки держали в тесной камере над воротами замка. К нему не допускали ни братьев, ни русских слуг. Дмитрий Шуйский жил в каменном нижнем помещении. 12 сентября 1612 года Василий умер, пять дней спустя умер его брат Дмитрий. Поляки объявили, что князья Шуйские умерли естественной смертью. Однако факты говорят об умышленном убийстве братьев. Василию Шуйскому едва исполнилось 60 лет, а Дмитрий был на несколько лет его моложе. Тела покойных похоронили тайно, и никто не знал, где находятся их могилы.

Младшего брата Ивана поляки пощадили, он говорил позже: «Мне вместо смерти наияснейший король жизнь дал». Ивана Шуйского ждала судьба таинственного узника. Он должен был забыть свое имя и происхождение. Отныне он звался Иваном Левиным. Расходы на его содержание составляли три рубля в месяц, имевшиеся при нем дорогие вещи были отобраны в королевскую казну.

Слухи об убийстве братьев Шуйских достигли России. Московские летописцы нисколько не сомневались, что братья Шуйские погибли в Литве «нужной» (насильственной) смертью.

В 1619 году князь Иван Иванович Шуйский при обмене пленных возвратился в Россию. Там он вступил в брак с княжной Марфой Владимировной Долгорукой, родной сестрой первой жены царя Михаила Федоровича. Увы, его брак, как и у его братьев Василия и Дмитрия, был

бездетным. Иван занимал довольно видное место при дворе и заведовал Московским судным приказом. За что-то он получил прозвище Пуговка. Умер И. И. Шуйский в 1638 году. На нем пресекался знатный род Шуйских.

Останки царя Василия, его жены и брата в 1620 году были перевезены в Варшаву и торжественно погребены в католической часовне. На месте этой часовни игрою случая в XIX веке была построена православная церковь. В 1635 году после заключения Поляновского мира король Владислав отослал останки Василия, его жены и брата в Москву. Там Василий и Дмитрий Шуйские были окончательно погребены в усыпальнице московских правителей — Архангельском соборе.

Взятие Смоленска и триумф короля в Варшаве убедили подавляющее большинство панства, что Москва окончательно покорена. Коронный вице-канцлер Феликс Крыский заявил в Варшаве: «Глава государства и все государство, государь и его столица, армия и ее начальники — все в руках короля».

Однако победа не только не способствовала усилению королевской власти в Польше, наоборот, участники недавно подавленного «рокоша» Гербут, Стадницкий и другие начали готовить очередной мятеж. Они вошли в переписку с Гавриилом Баторием, племянником знаменитого польского короля Стефана Батория, и пригласили его занять польский престол.

Между тем польский гарнизон в Москве оказался в очень сложном положении. Поляки и их сторонники типа Федора Андропова окончательно разграбили царскую казну. Денег и драгоценностей было в избытке, но их нельзя было есть. Как писал Конрад Буссов, сидевший в Кремле вместе с поляками, «из спеси солдаты заряжали свои мушкеты жемчужинами величиною с горошину и с боб и стреляли ими в русских... Польские солдаты полагали, что если только они будут носить шелковые одежды и пышности ради наденут на себя золото, драгоценные камни и жемчуг, то голод не коснется их. Хотя золото и драгоценные камни имеют замечательные свойства, когда их обрабатывают *chimica artr* [химически], но все-таки они не могут насытить голодный желудок. Через три месяца [после прихода Ляпунова] нельзя было получить за деньги ни хлеба, ни пива. Мера пива стоила 1/2 польского гульдена, то есть 15 м. грошей, плохая корова — 50 флоринов (за такую раньше платили 2 флорина), а караван хлеба стали совсем маленькие. До сожженных погребов и дворов, где было достаточно провианта, да еще много было закопано, они уже не могли добраться, ибо Ляпунов отнял у поляков Белый город. Благодаря этому московитские казаки забрали из сожженных погребов весь оставшийся провиант, а нашим пришлось облизываться. Если же они тоже

хотели чем-нибудь поживиться, то должны были доставать это с опасностью для жизни, да и то иногда не могли ничего найти».

По приказу Гонсевского патриарх Гермоген находился под стражей на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле. Позиция Гермогена до сих пор вызывает споры у историков.

Дело в том, что подлинные грамоты Гермогена, разосланные по городам России, где патриарх призывает народ на борьбу с поляками, не сохранились. А сам Гермоген, находясь под стражей у поляков, от этих грамот всячески откещивался. Осенью 1611 года Гермоген (возможно, под нажимом Гонсевского) написал очередное письмо королю Сигизмунду: «Король, даруй нам сына своего, его же возлюби и избра бог во цари, в нашу православную веру...» Тем не менее поляки в конце 1611 года перевели патриарха с подворья Кирилло-Белозерского монастыря в тюрьму Чудова монастыря и плохо кормили его. Если верить летописи: «Злии немилостивии приставники [т. е. польские приставы. — А. III.] меташа бо страдальцу Христову нечеловечески пищу — на неделю сноп овса и мало воды». Возраст и голод сделали свое дело — 17 февраля 1612 года Гермоген скончался.

Каковы бы ни были истинные политические воззрения Гермогена, он стал знаменем патриотических сил России, и его смерть стала важным аргументом в пропагандистской войне против польских оккупантов.

Ополчение Ляпунова не имело сил для штурма Китай-города и Кремля, имевших мощные каменные укрепления. У ополчения не было достаточного числа осадных орудий, способных разрушить стены. Да и моральный дух войска был слишком низок, чтобы идти на штурм и нести большие потери. Поэтому русские ополченцы решили взять поляков измором, а пока занялись решением политических проблем.

Наиболее важной проблемой было командование ополчением. В нем практически не оказалось знати. Среди руководителей ополчения были два боярина — Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий, но боярство их было липовое: в бояре их произвел «тушинский вор». Прокопий Ляпунов имел более низкое звание — думный дворянин, но он получил его законным путем. По уму и энергии Ляпунов существенно превосходил обоих «тушинских бояр». После долгих споров решено было сделать главными воеводами ополчения всех троих. Такое решение существенно ослабило ополчение как с военной, так и с политической точки зрения.

В апреле 1611 года Ляпунов, Заруцкий и Трубецкой привели ополчение к присяге, в которой говорилось: «Стоять заодно с городами против короля, королевича и тех, кто с ними стакнулся; очистить

Московское государство от польских и литовских людей; не подчиняться указам бояр с Москвы, а служить государю, который будет избран землей».

В ополчении возник постоянно действующий Земской собор. Собором было выбрано «правительство», которое, естественно, возглавили три главных воеводы ополчения. В противовес бездействующим московским Приказам при ополчении были созданы свои Приказы (нечто вроде современных министерств).

Власть «подмосковного правительства» признали 25 городов, в том числе Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, Переславль-Залесский, Ростов, Кострома, Вологда, Калуга и Муром.

К сожалению, ни Земский собор, ни «правительство» не смогли не только предложить достойного кандидата на московский трон, но даже определить порядок избрания царя.

Прокопий Ляпунов оказался в чрезвычайно сложном положении. Он прекрасно понимал, что его, простого рязанского дворянина, никогда не выберут в цари. Выбирать на престол кого-нибудь из бояр, сидевших в Москве, то есть фактических врагов ополчения, не хотели ни Ляпунов, ни большинство ополченцев.

Трубецкой активно лез в цари, но ему тоже не хватало знатности, да еще не было ни ума, ни способностей. К трону рвался и «боярин» Заруцкий. Лихой казак хотел получить шапку Мономаха через постель. Заруцкий поселил свою «подругу» Марину Мнишек в Коломне и часто навещался к ней. Свою же законную супругу «боярин» упек в монастырь. Заруцкий понимал, что агитация за себя самого или даже за Марину вызовет возмущение ополчения. Поэтому он через подставных лиц начал агитировать за «воренка» Ивана, сына Марины и «тушинского вора».

Узнав о планах Заруцкого, патриарх Гермоген немедленно разразился «обличениями». Он написал несколько грамот к воеводам ополчения, чтобы они не выбирали на царство «проклятого Маринкина паньина сына». На всякий случай патриарх продублировал это предостережение в грамотах в Нижний Новгород, Казань и другие города, добавив призыв «отвергнуть воренка», если казаки выберут его на царство «своим произволом».

В такой ситуации Ляпунов решил вступить в сношения со шведским королем, чтобы прозондировать возможность возведения на престол его сыновей — старшего Карла-Филиппа или младшего Густава-Адольфа. К шведам поехал воевода Василий Иванович Бутурлин.

Вблизи Новгорода состоялись переговоры Бутурлина со шведским командующим Делагарди. Бутурлин заявил: «Мы на опыте своем убедились, что сама судьба Московии не благоволит к русскому по крови

царю, который не в силах справиться с соперничеством бояр, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным высокого царского сана». Поэтому вся земля просит шведского короля дать на Московское государство одного из сыновей. Переговоры затянулись, так как шведы, подобно полякам, требовали прежде всего денег и городов.

А между тем в Новгороде происходили явления, которые давали Делагарди надежду легко овладеть им. По шведским данным сам Бутурлин, ненавидевший поляков и подружившийся с Делагарди еще в Москве, дал ему теперь совет занять Новгород. По русским данным между Бутурлиным и воеводой князем Иваном Никитичем Одоевским Большим было несогласие, мешавшее последнему принять деятельные меры для безопасности города. Бутурлин общался со шведами, торговые люди возили к ним всякие товары, и когда Делагарди перешел Волхов и стал у Колмовского монастыря, то Бутурлин продолжал общаться с ним и здесь. В довершение всего между ратными и посадскими людьми не было единогласия.

8 июля 1611 года Делагарди попытался взять Новгород штурмом, но понес большие потери и вынужден был отступить. К шведам попал в плен Иван Шваль — холоп дворянина Лухотина. Шваль знал, что город плохо охраняется, и обещал провести туда шведов. И действительно, в ночь на 16 июля холоп провел шведов через Чудинцовские ворота так, что никто этого не заметил. О присутствии шведов в городе стало известно только тогда, когда они напали на сторожей.

Первое сопротивление шведы встретили на площади, где находился Бутурлин со своим отрядом. Но сопротивление это было непродолжительным — вскоре Бутурлин отступил за стены города, а его казаки и стрельцы ограбили все встретившиеся им на пути лавки и дворы под тем предлогом, чтоб добро не досталось шведам.

Было еще сильное, но бесполезное сопротивление в двух местах. Стрелецкий голова Василий Гаютин, дьяк Анфиноген Голенищев, Василий Орлов и казачий атаман Тимофей Шаров с отрядом из сорока казаков решились защищаться до последнего. Шведы уговаривали их сдаться, но они предпочли погибнуть за православную веру. Софийский протопоп Аммос заперся на своем дворе с несколькими новгородцами, они долго отбивались от шведов, перебив многих из них. Аммос был в это время под запрещением у митрополита Исидора. Митрополит служил молебен на городской стене, видел подвиг Аммоса, заочно простил и благословил его. Шведы, озлобленные сопротивлением, подожгли двор протопопа, и он погиб в пламени со своими товарищами: ни один не дался живым в руки

шведам.

Это были последние защитники Новгорода. Митрополит Исидор и князь Одоевский, видя, что ратных людей нет в городе, послали договариваться с Делагарди. Первым условием была присяга новгородцев шведскому королевичу. Делагарди со своей стороны обязался не разорять Новгород и был пущен в кремль. До прибытия королевича новгородцы должны были повиноваться Делагарди.

В находившемся рядом Пскове царило безвластие. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. 23 марта 1611 года в Иван-городе появился «вор» Сидорка, назвавшийся царевичем Димитрием (Лжедмитрий III). Самозванец рассказал горожанам, что он якобы не был убит в Калуге, а «чудесно спасся» от смерти. В Иван-городе на радостях три дня звонили в колокола и палили из пушек.

Лжедмитрий III вступил в переговоры со шведским комендантом Нарвы Филиппом Шедингом. Когда шведский король узнал из донесения Шединга о явлении спасенного Димитрия, то направил в Иван-город своего посла Петрея, в свое время бывшего в Москве и видевшего Лжедмитрия I. Прибыв в Иван-город, Петрей увидел перед собой явного проходимца, после чего шведы прекратили всякие контакты с ним.

Идея возвести на престол шведского королевича вызвала яростное сопротивление казаков. Им куда интереснее было иметь на престоле своего царя, например, того же «воренка» с регентом Заруцким или даже самого Заруцкого. А поведение шведов в Новгороде давало возможность сыграть «патриотическим чувствам казачества».

Не меньшее раздражение казачества вызвали и попытки Ляпунова наладить хоть какое-то подобие дисциплины в ополчении. Воровские казаки из ополчения грабили села и города в ближнем и дальнем Подмоскovie с не меньшей жестокостью, чем запорожцы или частные армии польских панов.

Возмущенный грабежами и убийствами мирных граждан воевода Матвей Плещеев поймал 28 казаков и велел их утопить. Однако подоспевшие их товарищи отбили осужденных. Мало того, казаки собрали круг и начали высказывать претензии руководству ополчения. Ляпунов разгневался, решил покинуть лагерь ополчения и уехать в Рязань. По приказу Заруцкого казаки нагнали его у Симонова монастыря и уговорили остаться. Заруцкий боялся, что в Рязани Ляпунов начнет сбор нового и уже однородного дворянского ополчения.

Поляки хорошо знали все происходившее в лагере осаждающих. Гонсевский понимал, что ополчение держится на Ляпунове, а казаков с

Трубецким и Заруцким он не боялся. И «староста московский» решил устроить провокацию. Во время одной из стычек поляки взяли в плен донского казака, который был побратимом атамана Исидора Заварзина. Заварзин захотел освободить товарища и вступил в переговоры с Гонсевским, предлагая выкуп. Гонсевский воспользовался этим случаем и велел написать подложную грамоту от имени Ляпунова. Грамота была адресована во все города России. Там говорилось: «Где поймают казака — бить и топить, а когда, Бог даст, государство Московское успокоится, то мы весь этот злой народ истребим».

Подделка была отдана освобожденному казаку, а тот, вернувшись к своим, отдал грамоту Заварзину: «Вот, брат, смотри, какую измену над нашею братьею, казаками, Ляпунов делает! Вот грамоты, которые литва перехватила». Взяв грамоту, Заварзин ответил: «Теперь мы его, блядского сына, убьем!»

22 июня 1611 года казаки собрали круг, зачитали письмо и потребовали на круг главных воевод. Трубецкой и Заруцкий на круг не поехали. Ляпунов тоже отказал посланному за ним атаману Сергею Карамышеву. Тогда круг направил к Ляпунову двух детей боярских: Сильвестра Толстого и Юрия Потемкина. Те поручились, что войско не причинит воеводе никакого вреда. Поверив им, Ляпунов поехал к казакам в сопровождении нескольких дворян.

Когда Ляпунов вошел в круг, атаман Карамышев стал кричать, что он изменник, и показал воеводе грамоту. Ляпунов посмотрел на грамоту и сказал: «Рука похожа на мою, только я не писал». В ответ Карамышев ударил воеводу саблей. Ляпунова пытался защитить дворянин Иван Никитич Ржевский, но озверелые казаки изрубили саблями обоих.

Заметим, что ни Трубецкой, ни тем более Заруцкий не пытались не только защитить Ляпунова, но даже соблюсти приличия после его смерти. Три дня изрубленные тела Ляпунова и Ржевского валялись рядом с казацким острожком. Тела были сильно обезображены бродячими собаками. Лишь на четвертый день тела бросили в простую телегу и отвезли в ближайшую церковь на Воронцовском поле. Оттуда тела перевезли в Троице-Сергиев монастырь и там захоронили без всяких почестей. Надпись на простом каменном надгробии гласила: «Прокопий Ляпунов да Иван Ржевской, убиты 7119 (1611) году июля в 22 день».

Убийство воеводы показало, что главные воеводы потеряли контроль над ополчением, а само ополчение из земской рати, вставшей на защиту отечества, превратилось в шайку разбойников.

Через несколько дней после убийства Ляпунова в ополчение из Казани

доставили список с иконы Казанской Богородицы. Руководство ополчения решило устроить торжественную встречу иконы. Духовенство и все служилые люди пошли пешком навстречу иконе, а Заруцкий с казаками выехали верхом. Казаки решили, что служилые люди хотят отличиться от них благочестием, и начали оскорблять их. Вскоре казакам и этого показалось мало, и они пустили в ход сабли. Несколько десятков дворян и стрельцов было убито и ранено. Заруцкий и Трубецкой, как и в случае с Ляпуновым, принципиально не вмешивались.

После этого инцидента началось массовое бегство из ополчения дворян и других служилых людей. Наиболее богатые из дворян покупали у Заруцкого воеводства и другие должности и отправлялись на места службы намерстывать заплаченные деньги.

Под Москвой остались в основном воровские казаки и некоторое число дворян, привыкших к разбоям и разгульной жизни. Большинство из них привыкли жить и ладить с казаками в Тушине и Калуге у Лжедмитрия II.

4 августа 1611 года к Москве вновь подошло воинство Петра Сапеги, везшее с собой большой обоз с провиантом. Сапега атаковал казачьи острожки за Яузой, намереваясь прорваться в Китай-город через Яузские ворота. Однако казакам удалось отбиться от сапеженцев. Из Белого города пошли на вылазку поляки Гонсевского и тоже были отбиты с большим уроном.

На следующий день Сапега напал на русских с Запада. Навстречу ему опять сделали вылазку осажденные. В Белом городе шли ожесточенные бои. Полякам удалось захватить Арбатские и Никитские ворота Белого города и беспрепятственно провести в Кремль обоз с продовольствием. Позже поляки — участники сражения — писали, что русские были чрезвычайно испуганы, и вечером 5 августа их можно было разгромить наголову. Однако когда Гонсевский попытался ввести в бой свежие хоругви, стоявшие в Кремле, они попросту отказались выходить из-под защиты стен.

Утром 6 августа Гонсевский и Сапега отдали приказ о генеральной атаке русских. И на сей раз несколько хоругвей отказались повиноваться. Гонсевскому пришлось дать отбой. Вскоре Сапега заболел и 14 сентября умер в Кремле в доме Шуйского.

В марте 1611 года литовский гетман Карл Ходкевич с частью польских войск, дислоцированных в Ливонии, двинулся на Русь. Для начала он осадил Печерский монастырь. Осада монастыря продлилась шесть недель. Поляки семь раз ходили на приступ и были отбиты. Из Риги доставили несколько тяжелых осадных орудий, среди которых были большие

стенбитные пушки «Самсон» и «Баба». Башни и стены крепости были повреждены бомбардировкой, но осажденные не сдавались. В конце концов Ходкевичу пришлось снять осаду с монастыря и двинуться к Москве.

Заруцкий и Трубецкой знали о походе гетмана и решили взять Москву до его прихода. 15 сентября осаждающие начали бомбардировку Китай-города. Каленые ядра и мортирные бомбы вызвали сильный пожар. Ополченцы пошли на штурм и ворвались в Китай-город, однако вскоре были выбиты польскими хоругвями, вышедшими из Кремля.

По ряду причин Ходкевич задержался и подошел к Москве только в конце октября. Ходкевичу удалось прорваться в Москву. Однако доставленные им запасы продовольствия были незначительны. Пожары же 15 сентября в Китай-городе уничтожили большую часть продовольствия и особенно фуража.

Пан Ходкевич был опытным полководцем и, правильно оценив ситуацию, счел за лучшее ретироваться из столицы. Он зазимовал в монастыре в Рогачеве в 20 верстах от Ржевска.

Бояре, сидевшие в Кремле, видели, что только прибытие Сигизмунда с войском может их спасти. В начале октября они направили к королю новое посольство, в которое входили князь Юрий Никитич Трубецкой, Михаил Глебович Салтыков и думный дьяк Яков. В грамоте к Сигизмунду говорилось, что новое посольство отправляется потому, что старые послы, как писал сам король, действовали не по тому наказу, который был им дан, ссылались с калужским вором, с осажденными в Смоленске, с Ляпуновым и другими изменниками. Эта грамота начиналась словами: «Наияснейшему великому государю Жигимонту III и проч. великого Московского государства ваши государские богомольцы: Аресений, архиепископ Архангельский, и весь Освященный собор, и ваши государские верные подданные, бояре, окольничие» и т. д. Среди подписантов были, разумеется, и Романовы — боярин Иван Никитич и стольник Михаил Федорович. Патриарху Гермогену на подпись грамоту не дали, да он никогда и не согласился бы подписать грамоту, в которой бояре называли себя подданными польского короля.

Посольство должно было доставить радость королю. Бояре согласились практически со всеми его условиями. Но, увы, это посольство представляло не русское государство, а несколько десятков бояр и дворян, запертых в Кремле. Сигизмунд же не шел под Москву не потому, что ждал боярского приглашения, а потому, что не имел возможности идти. Его удерживали происки панов-рокошан и масса иных обстоятельств, но главное — у него не было денег. Создалась патовая ситуация: Гонсевский

не мог долее удерживать Москву, Заруцкий и Трубецкой не могли взять Москву, король не мог выручить Гонсевского. Сложившуюся ситуацию могла кардинально изменить лишь новая сила. И эта сила не замедлила появиться.

Глава 34

Минин и Пожарский

Летом 1611 года, когда Ляпунов был еще жив, архимандрит Троицкого монастыря Дионисий разослал грамоты в Казань и другие низовые города, в Новгород Великий, на Поморье, в Вологду и Пермь, где говорилось: «Православные христиане, вспомните истинную православную христианскую веру... покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских, Михайлы Салтыкова и Федьки Андронova и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей. Сами видите конечную от них гибель всем христианам, видите, какое разоренье учинили они в Московском государстве. Где святые Божии церкви и Божии образы? Где иноки, седины цветущие? Инокнии, добродетелями украшенные, не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные... Пусть служилые люди без всякого мешканья спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам».

6 октября 1611 года монахи Троицкого монастыря опять разослали грамоты по городам с известием, что «пришел к Москве, к литовским людям на помощь Ходкевич, а с ним пришло всяких людей с 2000 человек и стали по дорогам в Красном селе и по Коломенской дороге, чтоб им к боярам, воеводам и ратным людям, которые стоят за православную христианскую веру, никаких запасов не пропускать и голодом от Москвы отогнать, и нас, православных христиан, привести в конечную гибель...»

Троицкие грамоты публично зачитывались на площадях и в церквях русских городов. Так было и в Нижнем Новгороде. Там их зачитал в Спасо-Преображенском соборе протопоп Савва Ефимьев. Чтение грамот закончилось горестными восклицаниями людей и вопросами: «Что же нам делать?». И тут раздался громкий голос: «Ополчаться!» Это сказал земской староста Кузьма Минин Сухорук. «Сами мы не искусны в ратном деле, — продолжал он, — так станем кличь кликать по вольных служилых людей». «А казны нам откуда взять служилым людям?» — слышались вопросы. Минин отвечал: «Я убогий с товарищами своими, всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принес; то же и вы все сделайте». «Будь так, будь так!» — закричали в ответ. Начали сбор денег. Пришла

вдова и сказала: «Осталась я после мужа бездетна и есть у меня 12 тысяч рублей, 10 тысяч отдаю в сбор, а 2 тысячи оставлю себе». Кто не хотел давать деньги добровольно, у того брали силой.

О Кузьме Минине нам известно мало. Его отец Мина Анкудинов был родом из Балахны и занимался солевым промыслом. Братья Кузьмы наследовали отцовские соляные варницы. Кузьма же переехал из Балахны в Нижний Новгород и занялся торговлей. Он имел лавку в мясном ряду и вел дело вместе со своим сыном Нефедом. Большинство историков считает Минина неграмотным. Основано подобное мнение на том, что в грамотах за Минина «прикладывал руку» князь Пожарский. Но это могло быть данью этикету и связано с низким социальным статусом Минина, а может, он просто не мог подписываться правой рукой, вспомним его прозвище — Сухорук. Солепромышленники были одной из самых богатых категорий купцов, и вряд ли Мина Анкудинов не захотел учить своего сына грамоте.

Кузьма Минин оказался прекрасным организатором и, как сейчас говорят, «крепким хозяйственником». Но стать главой ополчения ему не позволяло происхождение и незнание ратного дела. Ополчению нужен был вождь. Старый нижегородский воевода Александр Репнин пошел было в первое ополчение, но там себя ничем не проявил, а после убийства Ляпунова купил себе у Заруцкого воеводство в Свияжске.

Почти единогласно решили нижегородцы звать на воеводство князя Дмитрия Михайловича Пожарского, который залечивал раны в селе Мугреево, расположенном недалеко от Нижнего Новгорода.

Я уже упоминал несколько раз о ратных деяниях князя Пожарского, а теперь стоит рассказать о нем подробнее. Дореволюционные и советские историки существенно исказили образ Дмитрия Михайловича Пожарского. Делалось это с разными целями, а результат получился один. Из Пожарского сделали незнатного дворянина, храброго и талантливого воеводу, но слабого политика, начисто лишенного честолюбия. Вообще такого исправного служаку-бессребренника — совершил подвиг, откланялся и отошел в сторону. Реальный же князь Пожарский ничего не имел общего с таким персонажем.

К началу XVI века князья Пожарские по богатству существенно уступали Романовым, но по знатности рода ни Романовы, ни Годуновы не годились им в подметки. Пожарскому не было нужды вписывать в родословную бродячих немцев («пришел из прусс») или мифических татарских мурз, приезжающих на Русь основать православный монастырь («Сказание о Чете»). Не было нужды князьям Пожарским прилепляться к знатным родам по женской линии. Родословная Пожарских идет по

мужской линии от великого князя Всеволода Большое Гнездо (1154–1212 гг.). И ни у одного историка не было и тени сомнения в истинности ее (схема 14, 15).

В 1238 году великий князь Ярослав Всеволодович дал в удел своему брату Ивану Всеволодовичу город Стародуб на Клязьме с областью. С конца XVI века Стародуб стал терять свое значение, и к началу XIX века это уже было село Клязьменский городок Ковровского уезда Владимирской губернии.

Стародубское удельное княжество было сравнительно невелико, но занимало стратегическое положение между Владимирским и Нижегородским княжествами. Кстати, и село Мугреево входило в состав Стародубского княжества.

Иван Всеволодович стал родоначальником династии независимых стародубских князей. Один из них, Андрей Федорович Стародубский, отличился в Куликовской битве. Второй сын Андрея Федоровича Василий получил в удел волость с городом Пожар (Погара) в составе Стародубского княжества. По названию этого города князь Василий Андреевич и его потомки получили прозвище князей Пожарских. В начале XV века стародубские князья становятся вассалами Москвы, но сохраняют свой удел.

Князья Пожарские верой и правдой служили московским правителям. Согласно записи в «Тысячной книге» за 1550 год на царской службе состояли тринадцать стародубских князей: «Князь Ондрей да князь Федор княж Ивановы дети Татева. Князь Иван да Петр княж Борисовы дети Ромодановского. Князь Василей княж Иванов сын Ковров. Князь Иван Чорной да князь Петр княж Васильевы дети Пожарского. Князь Тимофей княж Федоров сын Пожарского. Князь Федор да Иван княж Ондреевы дети Большога Гундорова. Княж Федоров сын Данила. Князь Федор да Иван княж Ивановы дети Третьякова Пожарского».

Иван Федорович Пожарский был убит под Казанью в 1552 году. Отец нашего героя Михаил Федорович Пожарский отличился при взятии Казани и в Ливонской войне. Но в марте 1566 года Иван Грозный согнал со своих уделов всех потомков стародубских князей. Причем беда это приключилась не по их вине, а из-за «хитрых» интриг психически нездорового царя. Решив расправиться со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким, царь поменял ему удел, чтобы оторвать его от родных корней, лишить его верного дворянства и т. д. Взамен Владимиру было дано Стародубское княжество. Стародубских же князей скопом отправили в Казань и Свияжск. Среди них оказались Андрей Иванович

Ряполовский, Никита Михайлович Сорока Стародубский, Федор Иванович Пожарский (дед героя) и другие.

Высылка стародубских князей была не только часть интриги Грозного против брата, но и элементом колонизации Казанского края. Наши историки привыкли говорить о покорении Казани в 1552 году. На самом деле еще многие годы в Казанском крае шла жестокая борьба татарского населения против русских. Стародубские князья приехали не одни, а со своими дружинами и дворней. Они получили довольно приличные вотчины и второстепенные должности в администрации Казанского края. К примеру, Михаил Борисович Пожарский был назначен воеводой в Свияжск. Стародубские князья беспощадно подавляли восстания татар и внесли большой вклад в колонизацию края.

С 80-х годов XVI века часть вотчин в бывшем Стародубском княжестве постепенно была возвращена законным владельцам. Но «казанское сидение» нанесло серьезный урон князьям Пожарским в служебно-местническом отношении. Их оттеснили старые княжеские роды и новое «боярство», выдвинувшееся в царствование Грозного. Таким образом, Пожарские, бывшие в XIV — начале XVI века одним из знатных родов Рюриковичей, были оттеснены на периферию, что дало повод советским именитым историкам называть их «захудалым родом».

В 1602 году царь Борис пожаловал в стольники Дмитрия Михайловича и Ивана Петровича Пожарских. Для двадцатилетнего князя Дмитрия это считалось неплохим началом карьеры. После всех конфискаций 60—70-х годов XVI века Дмитрий Пожарский был не богат, но и не беден. В 1587 году Дмитрий Михайлович Пожарский передал монастырю «по приказу отца своего» одну из стародубских вотчин — село Три Дворища. Тем не менее за ним осталась Мугреевская вотчина близ Стародуба. Ему же принадлежали отцовские вотчины — село Медведково на реке Яузе, села Лучинское и Бодалово в Юрьевском уезде. От отца и деда Дмитрию Михайловичу досталось и приданое его матери Ефросиньи Беклемышевой село Берсенево Клинского уезда и село Лукерьино-Фомино Коломенского уезда, а также приданое его бабки Берсеновой село Марчукино Коломенского уезда.

Карьера князя Пожарского представляла собой феномен в Смутное время, когда все Лжедмитрии, Шуйский и Сигизмунд (от имени Владислава) раздавали налево и направо чины и вотчины, а вот Дмитрий Михайлович ухитрился не получить ни одной самой захудалой деревушки и так и остался стольником, притом что почти все время участвовал в боевых действиях и не проиграл ни одной битвы. (Московское восстание

1611 года, разумеется, в счет не идет.)

Несколько раз посылали нижегородцы гонцов к князю Пожарскому с просьбой возглавить ополчение, но он отвечал отказом. Это было связано, с одной стороны, с этикетом — на Руси не было принято соглашаться с первого раза (вспомним, как отказывался от престола Годунов, и далее мы узнаем, как ломал комедию Михаил Романов), а с другой стороны, Дмитрий Михайлович хотел таким способом вытребовать себе большую власть.

Наконец, в Мугреево было отправлено большое посольство во главе с архимандритом Печерского монастыря Феодосием. Там же был соратник воеводы сын боярский Ждан Петрович Болтин и богатые нижегородские купцы. Тут Пожарский вынужден был согласиться и сказал: «Рад я вашему совету, готов хотя сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать». Послы сказали, что в Нижнем Новгороде такого человека нет, на что Пожарский ответил: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай».

Послы возвратились в город и передали нижегородцам слова князя. Тогда те стали просить Кузьму Минина взяться за дело. Минин также поначалу отказывался, чтобы нижегородцы согласились на все его условия. «Соглашусь, — говорил он, — если напишете приговор, что будете во всем послушны и покорны и будете ратным людям давать деньги». Нижегородцы согласились, и Минин написал в приговоре, чтобы не только отдавать свои имения, но и жен и детей продавать. Кузьма взял подписанный приговор и отправился с ним к князю Пожарскому, пока нижегородцы не передумали.

Слухи о созыве ополчения в Нижнем Новгороде быстро распространились по Руси. В октябре 1611 года одними из первых к Минину приехали представители смоленских дворян. Смолене лишились поместий, захваченных Сигизмундом, и получили земли в Арзамасском уезде, но Заруцкий попытался выгнать их оттуда и приказал крестьянам не слушаться смоленских помещиков. Точно так же Заруцкий поступил с дорогобужскими и вяземскими дворянами, которые бежали от поляков и получили поместья в Ярославском уезде. Минин предложил дворянам ехать к Пожарскому в Мугреево.

Князь двинулся в Нижний уже в сопровождении нескольких сотен дворян, по пути к нему присоединилось еще несколько отрядов. В Нижний Новгород торжественно вошло уже целое войско, причем войско профессиональное, состоящее из дворян и их боевых холопов. В тот же день ополченцам было роздано жалованье. Сотники и десятники получили

по 50 рублей, конные дворяне — по 40 рублей, стрельцы — по 30 рублей, остальные — по 20 рублей. Деньги это были немалые, а для ведения войны требовалось во много раз больше. Поэтому нижегородцы разослали по всем городам грамоты: «...междоусобная брань в Российском государстве длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасения, польские и литовские люди, умыслили Московское государство разорить, и Бог их злокозненному замыслу попустил совершиться. Видя такую их неправду, все города Московского государства, сославшись друг с другом, утвердились крестным целованием — быть нам всем православным христианам в любви и соединении, прежнего междоусобия не начинать, Московское государство от врагов очищать, и своим произволом, без совета всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобы дал нам государя благочестивого, подобного прежним природным христианским государям. Из всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были, польских и литовских людей осадили крепкою осадой, но потом дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехались для временной сладости, для грабежей и похищенья. Многие покушаются, чтобы быть на Московском государстве панье Маринке с законопреступным сыном ее. Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, ... идем все головами своими на помощь Московскому государству, да к нам же приехали в Нижний из Арзамаса смольняне, дорогобужцы и вятчане и других многих городов дворяне и дети боярские. И мы всякие люди Нижнего Новгорода, посоветовавшись между собою, приговорили животы свои и дома с ними разделить, жалованье им и подмогу дать и послать их на помощь Московскому государству. И вам бы, господа, помнить свое крестное целование, что нам против врагов наших до смерти стоять: идти бы теперь на литовских людей всем вскоре. Если вы, господа, дворяне и дети боярские, опасаетесь от казаков какого-нибудь налога или каких-нибудь воровских заводов, то вам бы никак этого не опасаться. Как будем все верховые и понизовые города в сходу, то мы всею землею о том совет учиним и дурна никакого вора делать не дадим... Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том и в Москву к боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точно так же и литовского короля».

Содержание грамот было фактически манифестом второго ополчения. Минин и Пожарский открыто заявили всей стране, что они не только хотят

избавить Русь от поляков и литовцев, но и наведут в стране порядок — «никакого дурна никому делать не дадим». Хотя Заруцкий и Трубецкой не были поименно названы, ни у кого не было сомнения, как к ним относятся вожди второго ополчения. Как писал историк Соловьев, это было «движение чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, против казаков, сколько против польских и литовских людей».

Нижегородские грамоты произвели большой эффект по всей стране. В Нижний чуть ли не ежедневно приходили отряды из Коломны, Рязани, украинских и сибирских городов. В ополчение со своими дружинами пришли и родственники Дмитрия Михайловича — Дмитрий Лопата, Иван и Роман Пожарские, дети Петра Тимофеевича Щепы-Пожарского.

К удивлению нижегородцев в помощи отказала Казань. Там власть сосредоточилась в руках дьяка Никанора Шульгина, который сам претендовал на роль спасителя отечества.

Меня могут попрекнуть, почему я в книге о Романовых уже много страниц посвятил первому, а затем второму ополчениям и почти ни слова о наших главных героях. Да потому, что без анализа происшедшего в 1611–1612 годах невозможно объяснить избрание Михаила царем в 1613 году. Что же до самих Романовых, то Филарет, как уже говорилось, находился под стражей в Польше, и о нем забыли как русские, так и поляки. Иван Никитич и Михаил Федорович сидели в Москве в осаде. В летописях и других официальных документах нет ни слова об их поведении, что, естественно, заставляет предполагать самое худшее — они были самыми активным приспешниками поляков. Иначе даже самый малый конфликт с оккупантами, например из-за лошадиной туши или снопа овса, был бы расписан в красках. Даже если бы оные персонажи просто заперлись бы у себя на подворье и носа не высовывали, так и то им записали бы в подвиг.

В летописи же с конца 1611 года действия московской знати обозначены: «...бояре московские сделали то-то, написали то-то». А кто конкретно был заводчиком, а кто — на вторых ролях, предоставлено гадать историкам. Никакой власти «бояре московские» уже не имели даже в Кремле. Вести пропаганду — единственное, что им оставалось делать. И тут они старались изо всех сил. В январе 1612 года «бояре московские» рассылают новую серию грамот по городам. В грамотах обличались Трубецкой и Заруцкий: «Теперь князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий стоят под Москвою на христианское кровопролитие и всем городам на конечное разоренье: ездят от них из табора по городам беспрестанно казаки, грабят, разбивают и невинную кровь христианскую проливают, насилуют православных христиан, боярынь и простых жен

берут на блуд, девиц растлевают насильством мучительским, церкви разоряют, иконы святые обдирают и многие скарёдные дела на иконах делают, чего ум наш страшится написать». Добавим от себя, что, говоря о бесчинствах казаков Заруцкого, бояре попали, как говорится, не в бровь, а в глаз. А далее пугали народ большим войском, с которым якобы идет к Москве королевич Владислав, «и мы его прихода ожидаем с радостью». Далее следовал логический вывод: «Сами можете рассудить, что Московское государство усмирить и кровь христианскую унять можем только Сигизмундом королем и сыном его».

Узнав о сборе ополчения в Нижнем Новгороде «бояре» начали уговаривать Гермогена, чтобы он написал туда грамоту и запретил поход на Москву. Но сломить патриарха не удалось ни лестью, ни угрозами. Он твердо заявил: «Да будут благословенны те, кои идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные изменники, будете прокляты».

До января 1612 года воевода Пожарский прославился знанием тактики и личной храбростью. Возглавив ополчение, он с первых дней показал себя незаурядным стратегом и искусным политиком. Кузьма Минин во всем безоговорочно поддерживал воеводу. Оба вождя понимали, что идти прямо к Москве на соединение с Заруцким и Трубецким — это повторить судьбу Ляпунова и погубить второе ополчение.

В январе 1612 года Пожарский объявил, что нижегородская рать пойдет на выручку Суздалю, осажденному польскими отрядами. В дальнейшем князь предполагал сделать Суздаль местом сбора ополчения со всей страны. Мало того, в Суздале предполагался созыв Земского собора, на котором были бы представлены все русские земли. Земский собор должен был решить вопрос об избрании царя: «Как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею землей выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст».

Пожарский правильно оценил ситуацию. Война нижегородского ополчения с поляками — это элемент бесперспективной гражданской войны, так как за ополчением стоит лишь земская власть Нижнего Новгорода. А когда за ополчением будет стоять государственный аппарат во главе с царем и патриархом, произойдет коренной перелом в мышлении всего народа. Царь же должен быть избран Земским собором представителями всех городов Руси, а не пьяными казаками, выдвинувшими уже десятка два самозванцев. Понятно, что на Земском соборе, проходящем под охраной ополчения Пожарского, и речи не будет о псковском Лжедмитрии или воренке Марины Мнишек. Теоретически могли быть рассмотрены лишь два варианта: избрание заморского королевича и

выборы князя Рюриковича. Первый вариант был маловероятен — уж очень всем памятен случай с королевичем Владиславом. А если выбирать своего, русского, то кого? Шуйские — в польской темнице, Голицыны, Мстиславские, Романовы также в руках поляков, и те их даже на Собор не выпустят. Тушинский боярин Трубецкой силен лишь в окружении казаков, о нем и речи не будет. Таким образом, решение Собора нетрудно предугадать.

Это прекрасно понимали и в подмосковном казачьем лагере. Реакция последовала незамедлительно. На Суздаль были срочно брошены казачьи отряды атаманов Андрея и Ивана Просовецких. Польские войска отошли без боя, и Суздаль был занят казаками. Таким образом, прямой путь Пожарскому к Москве был закрыт. Конечно, дворянское ополчение без труда могло выбить казаков из Суздаля, но начинать войну с первым ополчением было нецелесообразно в военном, а главное — в политическом отношении. Поэтому Пожарский решил двинуть рать в обход Москвы по Волге.

Между тем осложнилась обстановка на севере Руси. 8 июля 1611 года самозванец явился у стен Пскова. На выручку Пскову шведы направили отряд Горна. Лжедмитрий III испугался и отступил к Гдову. Горн отправил укрепившемуся в Гдове Лжедмитрию послание, где писал, что не считает его настоящим царем, но так как его «признают уже многие», то шведский король дает ему удел во владение, а за это пусть он откажется от своих притязаний в пользу шведского королевича, которого русские люди хотят видеть своим царем. Самозванец отказался, его войска сделали вылазку из Гдова и прорвались в Иван-город. 4 декабря 1611 года Лжедмитрий III торжественно въехал в Псков, где немедленно был «оглашен» царем.

Вождам первого ополчения давно требовался кандидат на престол. Многие казаки, не говоря уж о дворянах, не любили Заруцкого и не желали «воренка» Ивана Дмитриевича. Поэтому в Псков срочно была послана делегация казаков во главе со сподвижником «тушинского вора» Казарином Бегичевым. В Пскове Казарин только взглянул на самозванца, как закричал во всю мочь: «Вот истинный государь наш калужский!» 2 марта 1612 года по предложению Ивана Плещеева первое ополчение присягнуло «псковскому вору» или, как его иногда называют историки, Лжедмитрию III.

Узнав о намерении Пожарского, Трубецкой и Заруцкий решили опередить его и захватить Ярославль, преградить путь Пожарскому по Волге и отрезать ополчение от русского Севера. К Ярославлю с атаманом Андреем Просовецким двинулся большой отряд воровских казаков.

Пожарский среагировал немедленно и выслал к Ярославлю мобильный отряд под началом Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского. Основные же силы ополчения торжественно двинулись в поход из Нижнего Новгорода 23 февраля 1612 года. В Балахне, первом городе на пути ополчения, жители хлебом-солью встретили Пожарского, а местный воевода Матвей Плещеев присоединился к ополченцам. Так же встречали ополчение жители Городца, Кинешмы и других городов. Лишь в Костроме воевода Иван Шереметев, сторонник Владислава, не пожелал впустить в город ополчение. Но жители ударили в набат и связали воеводу. Вошедшему в Кострому Пожарскому пришлось спасти Шереметева, которого горожане хотели казнить. По просьбе костромичей Пожарский назначил им нового воеводу князя Романа Ивановича Гагарина.

В Ярославле власть была в руках престарелого боярина Андрея Куракина и дьяка Михаила Данилова. К ним присоединился приехавший из первого ополчения стольник Василий Бутурлин. Весть о присяге первого ополчения «псковскому вору» и прибытие отряда Лопаты произвели должное впечатление на Куракина, и он счел за лучшее присоединиться к Пожарскому. Таким образом, Ярославль без боя перешел в руки второго ополчения. В первых числах апреля 1612 года основные силы ополчения под колокольный звон вступили в Ярославль.

В Ярославле ополчение простояло четыре месяца. А куда им было спешить? К казакам, бывшим тушинцам, которые никак не могут решить, кого делать царем — «псковского вора» или Маринкино отродье? В ходе ярославского «сидения» нижегородское ополчение значительно усилилось и реорганизовалось. Не вступая в открытое сражение с казаками первого ополчения, их потихоньку выдавили из городов Центральной России. В апреле к Суздалью подошел отряд князя Романа Петровича Пожарского, и атаману Просовецкому пришлось уносить ноги. В мае 1612 года воевода Иван Наумов подошел к Переславлю-Залесскому, и казаки снова бежали без выстрела. В том же мае князь Дмитрий Черкасский выбил казаков из Углича. Четыре атамана сразу перешли на его сторону, но к остальным пришлось применить силу.

Чтобы очистить путь на север, Дмитрий Пожарский отправил в Пошехонье отряд Лопаты-Пожарского. Воровские казаки были выбиты из Пошехонья. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где засел воевода первого ополчения Дмитрий Черкасский. Недолго поразмыслив, Черкасский перешел на сторону Пожарского.

Торжок и Владимир также подчинились «Совету всей земли», созданному в Ярославле.

11 апреля 1612 года в Псков к своему «государю» прибыла новая депутация подданных из подмосковного стана. Ее возглавил рьяный сторонник самозванца воевода Иван Плещеев. Но тут вышла заминка. То ли Плещеев, увидев незнакомое рыло, возмущился обманом, то ли он заранее просчитал все варианты и пришел к выводу, что Лжедмитрий III обречен, но он заорал, что это не истинный Димитрий, а истинный вор. Гарнизон и жители Пскова разделились на два лагеря — сторонников и противников Лжедмитрия III. Но «псковский вор» не стал ждать развязки, а в ночь на 18 мая ускакал из города. За ним была отправлена погоня, и 20 мая его вернули в Псков закованного в цепи. «Вора» посадили в тюрьму, где он просидел до июля 1612 года.

1 июля Лжедмитрия III повезли в подмосковный лагерь первого ополчения. По дороге на конвой напали поляки пана Лисовского. Псковичи прикончили «вора» и удрали от поляков.

В сложившейся ситуации Минин и Пожарский в Ярославле, как и раньше в Нижнем Новгороде, продолжали считать своей главной задачей не очищение Москвы от поляков, а создание законной прочной власти, которая сможет объединить страну и покончить со смутой.

7 апреля 1612 года, почти сразу после занятия Ярославля, от лица земского ополчения по всем русским городам рассылаются грамоты. В грамотах, уже не стесняясь в выражениях, расписываются беззакония казаков Заруцкого и Трубецкого. Русские города призываются послать в Ярославль «изо всяких чинов людей человека по два», с ними собрать Земский собор и выбрать «по совету всего государства» царя, чтобы стоять с ним вместе «против общих врагов, польских и литовских, и немецких, и русских воров, которые новую кровь в государстве всчиняют». Грамота была подписана не одним Пожарским, а боярами В. П. Морозовым, В. Т. Долгоруким, окольничим С. В. Головиным, несколькими стольниками, дворянами и дьяками — всего 50 подписей.

Созыв Собора в обстановке смуты и хаоса — дело не недель, а долгих месяцев. Поэтому в Ярославле, не дожидаясь Собора, было создано земское правительство, управляющее уже большей частью России. В Ярославле возникли приказы (нечто типа министерств) — Поместный приказ, Монастырский приказ и др. В Ярославле был устроен Денежный двор, и началась чеканка монеты. Земское правительство вступает в переговоры с зарубежными странами.

Значительную роль в правительстве играл Кузьма Минин. Нижегородский мещанин получил необычный и внушительный титул — «Выборный всею землей человек».

Разумеется, кроме светской власти должна быть власть и духовная. Для созыва Большого собора нужно было время, а пока был создан Духовный совет, во главе которого был поставлен бывший ростовский митрополит Кирилл. Тот самый Кирилл, которого без особых оснований сместил с митрополии Гришка Отрепьев, дабы поставить туда своего благодетеля Филарета Романова. С 1606 года Кирилл проживал в Троице-Сергиевом монастыре. Выбор Кирилла не был случаен. В начале 1612 года в Москве от рук поляков принял мученическую кончину патриарх Гермоген. Филарета Романова, гостившего у польского короля в Ярославле, ни патриархом, ни митрополитом не считали. По церковному обычаю следующим по старшинству после патриарха считался новгородский митрополит, но новгородский митрополит Исидор был в шведском плену. За ним следовал казанский митрополит Ефим, но он был крайне необходим в Казани, а далее следовал по старшинству ростовский митрополит. Таким образом, была организована и своя церковная власть, и под рукой был почти неоспоримый кандидат в патриархи.

Ярославское правительство учредило и новый государственный герб, на котором был изображен лев. На большой дворцовой печати были изображены два льва, стоящие на задних лапах. При желании введение нового герба можно объяснить тем, что все самозванцы выступали под знаменами с двуглавым орлом — гербом русского государства — еще со времен Ивана III. Но с другой стороны — новый государственный герб был уж очень похож на герб князя Пожарского, где были изображены два рыкающих льва. Да и сам Пожарский теперь именовался «Воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский».

Деятельность ярославского правительства начала приносить плоды. Даже отдаленные области Поморья и Сибири слали деньги и своих представителей в Ярославль.

Казалось, еще немного, и Земский собор изберет славного воеводу царем, а митрополита Кирилла — патриархом. Со смутой было бы покончено в течение нескольких месяцев. Вся история государства Российского могла пойти по другому пути.

Однако судьба распорядилась совсем иначе. В июле 1612 года войско гетмана Ходкевича двинулось на Москву. Перед Пожарским и Мининым возникла роковая дилемма — идти к Москве означало своими руками погубить план спасения государства, который был уже на грани успеха. Под Москвой волей-неволей придется сотрудничать с первым ополчением, признать его легитимность и делить плоды победы. А то, что собой представляла публика из первого ополчения, Пожарский и Минин знали не

понаслышке. Не было никакого сомнения, что воровские казаки и впредь будут источником смут и потрясений. Но, с другой стороны, стоять в Ярославле и ждать, пока Ходкевич разгонит казаков и деблокирует войско Гонсевского, тоже было нельзя. Это скомпрометирует второе ополчение и особенно его вождей. Узнав о походе Ходкевича, многие казачьи атаманы из подмосковного лагеря писали слезные грамоты к Пожарскому с просьбой о помощи.

С аналогичной просьбой к Пожарскому обратились монахи Троице-Сергиева монастыря. В Ярославль срочно выехал келарь Авраамий Палицын, который долго уговаривал Пожарского и Минина.

Из двух зол пришлось выбирать меньшее, и Пожарский приказал готовиться к походу на Москву.

Однако Пожарского в первом ополчении ждали не все. «Боярин» Заруцкий люто ненавидел прославленного воеводу. По его указанию в Ярославль отправились двое казаков — Обреска и Степан. Там им удалось вовлечь в заговор смолян Ивана Доводчинова и Шанду, а также рязанца Семена Хвалова. Последний был боевым холопом князя Пожарского. Заговорщики решили убить Пожарского, когда он будет осматривать пушки на центральной площади Ярославля. В тесноте казак Степан попытался ударить князя ножом в живот, но промахнулся и попал в бедро стоявшего рядом ополченца Романа. Степана схватили, и на пытке он назвал своих товарищей, которые также во всем признались. Преступники были заключены в тюрьму. Позже часть из них отправили в Москву на «обличенье». Там они во всем покаялись и были прощены по просьбе Пожарского.

Понятно, с каким чувством после всего происшедшего Пожарский и ополченцы выступали в поход на Москву, где вместо союзников их ждали убийцы. Но откладывать поход было нельзя — приходили тревожные вести о приближении к Москве войска Ходкевича. Пожарский отправил передовые полки. Первым полком командовали воеводы Михаил Самсонович Дмитриев и Федор Левашов. Этот полк должен был подойти к Москве и, не входя в стан Трубецкого и Заруцкого, поставить себе особый острожек у Петровских ворот. Вторым полком командовали Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский и дьяк Семен Самсонов. Этот полк должен был стать у Тверских ворот. Была еще одна причина спешить к Москве — надо было спасти дворян и детей боярских, все еще остававшихся в первом ополчении, от казацкой расправы.

В свое время украинские города направили в первое ополчение своих ратных людей. Теперь они стояли в Никитском остроге под Москвой и

постоянно подвергались оскорблениям и угрозам со стороны казаков Заруцкого. Украинцы послали к Пожарскому в Ярославль дворян Кондырева и Бегичева с соратниками просить, чтобы ополчение отправлялось на Москву как можно скорее, чтобы спасти их от казаков. Когда посланцы увидели, в каком довольстве живут ратники второго ополчения, то не могли промолвить и слова от душивших их слез. Многие во втором ополчении лично знали Кондырева и Бегичева и теперь едва узнавали их — так жалко они выглядели. Им дали денег и одежду и отправили назад с радостным известием, что ополчение выступает к Москве. Заруцкий и казаки узнали, с какими новостями возвращаются Кондырев и Бегичев, и решили избить их. Дворянам удалось укрыться в полку Дмитриева, а остальные украинцы разбежались по своим городам.

Разогнав украинцев, Заруцкий решил преградить путь второму ополчению. Он отправил несколько тысяч казаков на перехват полка Лопаты-Пожарского. Однако после короткого боя дворянская конница разогнала воровских казаков.

Одновременно Заруцкий вступил в переговоры с Ходкевичем, войско которого остановилось у Рогачева. Стороны почти договорились о переходе Заруцкого к полякам, но в последний момент об этом стало известно в стане первого ополчения. Поляк пан Хмелевский убежал от Ходкевича и сообщил Трубецкому, что Заруцкий ведет переговоры с эмиссаром Ходкевича поляком Бориславским. Последний был схвачен и умер под пытками, а Заруцкий вместе с 2500 казаками в ночь на 28 июля бежал по Коломенской дороге. В Коломне жила Марина Мнишек с сыном. Заруцкий забрал их с собой, разграбил Коломну и ушел на Рязанщину, где обосновался в городе Михайлове.

В конце июля главные силы второго ополчения выступили из Ярославля, отслужив молебен в Спасском монастыре у гроба ярославских чудотворцев — князя Федора Ростиславича Черного и его сыновей Давида и Константина, взяв благословение у митрополита Кирилла и у всех властей духовных.

Отойдя семь верст от Ярославля, ополчение остановилось на ночлег. Здесь князь Пожарский передал командование князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьме Минину, велел им идти в Ростов и ждать его там, а сам с небольшим конвоем поехал в суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь помолиться у гробов своих предков — стародубских князей. Для современного историка это мелкий эпизод, не заслуживающий внимания. А для того времени поездка к прародительским гробам имела большое политическое значение. Кто припомнит, чтобы какой-либо иной

воевода Смутного времени перед решающим сражением шел молиться к прародительским гробам? А вот московские великие князья и цари постоянно совершали оное деяние перед походом. А что сделал Лжедмитрий I, войдя в Москву? Тоже полез молиться в Архангельский собор к гробам московских правителей. И вот, следуя традиции, князь Дмитрий Пожарково-Стародубский отправился к гробам своих предков — правителей Руси Рюриковичей.

Князь недолго пробыл в Суздале и быстро нагнал войско в Ростове. В Ростове к Пожарскому привели гонца из подмосковного лагеря атамана Внукова. Тот рассказал о бегстве Заруцкого и просил князя идти как можно быстрее под Москву. Но главной целью миссии Внукова было выяснить отношения Пожарского к казакам, оставшимся под Москвой. Пожарский и Минин отнеслись к Внукову и приехавшим с ним казакам очень доброжелательно, дали денег и подарков и велели передать, что идут к Москве немедленно. И действительно, вслед за казацкими посланцами ополчение двинулось через Переславль к Троицкому монастырю.

14 августа ополчение подошло к Троицкому монастырю и стало лагерем между монастырем и Клементьевской слободой.

В тот же день Пожарскому донесли, что большой отряд поляков и запорожцев объявился на севере вблизи Белого озера. Этот отряд не подчинялся ни Ходкевичу, ни королю Сигизмунду, а представлял собой частную армию или, проще говоря, большую банду грабителей.

Белозерск, Каргополь и Устюжна уже несколько месяцев как признали власть ярославского правительства. На защиту северных земель Пожарскому пришлось дать отряд из семисот конных и пеших ратников во главе с воеводой Григорием Образцовым. Но помощь опоздала — враги захватили и разграбили город Белозерск. Оттуда ляхи и запорожцы двинулись к Кирилло-Белозерскому монастырю, но были отбиты. Зато 22 сентября им удалось внезапным налетом захватить Вологду.

В Троицу к Пожарскому заявили посланцы от капитана западноевропейских наемников Якоба Маржарета. Капитан предлагал свои услуги второму ополчению. Маржарет в свое время поступил на службу к Борису Годунову, а позже служил всем, кто больше платил. Пожарский отказал капитану. В грамоте, отправленной Маржарету, было сказано: «... когда польские и литовские люди, оплоша московских бояр, Москву разорили, выжгли и людей секли, то Маржарет кровь христианскую проливал пуще польских людей, и награвившись государевой казны, пошел из Москвы в Польшу... Мнится нам, что Маржарет хочет быть в Московское государство по умысленью польского короля, чтоб зло какое-

нибудь учинить...»

Вечером 18 августа ополчение Пожарского, не доходя пяти верст до Москвы, остановилось на реке Яузе. К Арбатским воротам были посланы разведчики, которым поручалось найти удобные места для устройства стана.

В течение ночи Трубецкой отправил несколько гонцов к Пожарскому с предложением приехать в стан первого ополчения для переговоров. Но соратники Пожарского хорошо помнили убийство Ляпунова и отвечали: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с казаками». На следующее утро, когда ополчение подошло ближе к Москве, Трубецкой сам прискакал к авангарду войска Пожарского и в личной беседе просил Дмитрия Михайловича встать вместе в одном остроге у Яузских ворот, но ответ был прежний: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». В итоге войско Пожарского выстроило себе укрепление (острог) у Арбатских ворот.

Вечером 21 августа войско гетмана Ходкевича стало на Поклонной горе. Силы второго ополчения составляли немногим более десяти тысяч, а у Трубецкого осталось не более трех-четырёх тысяч казаков, которые были сосредоточены в районе Крымского двора, где сейчас находится Октябрьская площадь, а также за рекой Яузой. Пожарский опасался, что если Ходкевич решит ударить по войску Трубецкого, то казаки долго не продержатся. Поэтому он приказал пятистам конным дворянам переправиться на правый берег Москвы-реки и занять позицию недалеко от табора первого ополчения.

На рассвете 22 августа гетман форсировал Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Конница Пожарского контратаковала поляков. Некоторое время встречный бой кавалерийских лав шел с переменным успехом. Но вскоре подошла немецкая пехота, служившая у Ходкевича, и русская конница отступила.

После полудня гетман ввел в бой все свои силы. Но ополчение Пожарского заняло оборону вдоль остатков укреплений Белого города между Тверскими и Арбатскими воротами и упорно сопротивлялось. Осажденные в Кремле поляки пошли на вылазку из Алеевских и Чертольских ворот Кремля. По приказу Пожарского против них был брошен свежий полк стрельцов. Поляки понесли большие потери и бежали под защиту стен Кремля.

Битва продолжалась уже 7 часов. Между тем войско Трубецкого на другом берегу Москвы-реки оставалось в бездействии. Казаки спокойно наблюдали за боем и кричали: «Богаты дворяне пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана». Отряд же, посланный Пожарским к

Трубецкому, пошел на выручку своих. Трубецкой не хотел их отпускать, но отряд быстро переправился через реку. Этому примеру последовали и некоторые из казаков — атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марко Козлов, крича Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!»

Поляки обожают лихие конные атаки, но удар с тыла быстро обращает их в бегство. Так было и в 1939 году, и при Суворове, так же дело кончилось и 22 августа 1612 года. Поляки ретировались к Поклонной горе.

Однако хитрый гетман задумал провести ночью четыреста возов с продовольствием в Кремль. 600 конных поляков сопровождали возы, а вел их русский стольник Григорий Орлов, сумевший пробиться к гетману из Кремля. Полякам удалось пройти мимо воинства Трубецкого и благополучно войти в Кремль. Правда, С. М. Соловьев утверждал, что в Кремль благополучно вошел лишь конвой, а обозы достались русским.

23 августа Ходкевич стоял на Поклонной горе без движения. Поляки из Кремля сделали небольшую вылазку.

На рассвете 24 августа Ходкевич двинулся на Трубецкого. Пожарский не решился переправить все свои войска через Москву-реку на помощь Трубецкому, в этом случае поляки легко захватили бы западную и юго-западную части Белого города. Поэтому он приказал переправиться через реку полкам воевод Лопаты-Пожарского и Туренина. Воеводы стали на правом фланге (у Крымского брода) и успешно отразили нападение поляков. Однако казаки Трубецкого не выдержали удара в районе Серпуховских ворот и обратились в бегство. После упорного пятичасового боя поляки прорвались к берегу Москвы-реки напротив собора Василия Блаженного. Большая толпа казаков вообще отказалась драться, заявив: «Они [то есть дворяне Пожарского] богаты и ничего не хотят делать, мы наги и голодны, и одни бьемся; так не выйдем же теперь на бой никогда».

Минин послал за келарем Троицкого монастыря Авраамием Палицыным, имевшим большое влияние на казаков. Палицыну с большим трудом удалось уговорить казаков продолжить бой. Следует отметить, что Ходкевич не сумел воспользоваться моментом, поскольку он попытался провести свой обоз в Кремль, но сотни повозок создали пробки в тесных и кривых улицах Замоскворечья.

Затем Палицын переправился через Москву-реку и направился в табор к казакам, расположенный у Яузских ворот. Там казаки преспокойно пьянствовали и играли в зернь. Палицын их уговорил, видимо, рассказав о каком-то чуде Сергия Радонежского. Во всяком случае, казаки с криком «Сергиев! Сергиев!» на конях переправились через Москву-реку в

Замоскворечье и ударили в правый фланг поляков.

Дело шло к вечеру, но битва по-прежнему шла с переменным успехом. Чтобы переломить ситуацию, Пожарский дал Кузьме Минину три сотни отборных дворян и приказал атаковать конную и пешую польские роты, стоявшие у Красных ворот. Поляки, увидев русскую конницу, бросились бежать, не приняв боя. Увидев бегущих, начали отступать и соседние роты. В свою очередь казаки и стрельцы Пожарского перешли в наступление в Замоскворечье. Бросив обоз, Ходкевич отступил, всеми силами стараясь сохранить боеспособность хотя бы части своих войск. Первоначально поляки отошли к Донскому монастырю, а глубокой ночью перешли на Поклонную гору. На рассвете поляки двинулись на запад по Смоленской дороге.

Глава 35

Освобождение Москвы

Поражение Ходкевича не сплотило ополчения, а, наоборот, начались новые ссоры. Боярин Трубецкой требовал подчинения от Пожарского и Минина. Они-де должны были являться к нему в стан за приказаниями. Ведь князь Пожарский не бегал за боярством в Тушино и так и остался стольником. Те же помнили Ляпунова, да и не собирались подчиняться проходимцу.

В начале сентября среди казаков пошли разговоры, что-де надо уезжать из-под Москвы и отправиться гулять по северным русским городам. Заводчики кричали, что казаки голодны, раздеты и разуты и не могут стоять в осаде, а под Москвой пусть богатые дворяне остаются.

Если бы воровские казаки провалились в тартарары, Минин и Пожарский, наверное, перекрестились бы, но допустить разорения северных городов они не могли.

Воспользовавшись конфликтом между Пожарским и Трубецким, отдельные воеводы решили вообще никому не подчиняться. Так, 12 сентября князь Василий Тюфякин привел из Одоева 300 всадников и расположился отдельным лагерем, эдаким независимым полевым командиром.

Дело решил уладить троицкий архимандрит Дионисий. Он созвал монахов для совета: что делать? Денег в монастыре нет, нечего послать казакам, как их упросить остаться под Москвой? Решили послать казакам в заклад в тысячу рублей на короткое время церковные сокровища, ризы, стихари, епитрахили саженные и написали казакам грамоту. Расчет Дионисия оказался правильным: суеверные казаки не решились брать в заклад церковные вещи. Два атамана отвезли утварь в монастырь и дали монахам грамоту, в которой клятвенно обещали все претерпеть, но не уйти от Москвы.

В свою очередь воеводы договорились встречаться на нейтральной территории на реке Неглинной.

В районе Пушечного двора, в Егорьевском монастыре и у церкви Всех святых на Кулишках были построены осадные батареи, которые открыли круглосуточный огонь калеными ядрами и мортирными бомбами по Кремлю и Китай-городу. 20 сентября от каленых ядер начался большой пожар, сгорело три дома, полякам с большим трудом удалось погасить

огонь.

Пожарский и Трубецкой договорились перегородить Замоскворецкий полуостров глубоким рвом и палисадом от одного берега Москвы-реки до другого, чтобы исключить возможность провоза продовольствия полякам. Оба воеводы попеременно, день и ночь, следили за работами. 15 сентября Пожарский послал в Кремль грамоту: «Полковникам и всему рыцарству, немцам, черкасам и гайдукам, которые сидят в Кремле, князь Дмитрий Пожарский челом бьет. Ведомо нам, что вы, будучи в городе в осаде, голод безмерный и нужду великую терпите, ожидаючи со дня на день своей гибели, а крепит вас и упрашивает Николай Струсь, да Московского государства изменники, Федька Андронов с товарищами, которые сидят с вами вместе для своего живота... Гетмана в другой раз не ждите: черкасы, которые были с ним, покинули его и пошли в Литву. Сам гетман ушел в Смоленск, где нет никого прибылых людей, сапежинское войско все в Польше... Присылайте к нам не мешкая, сберегите головы ваши и животы ваши в целости, а я возьму на свою душу и у всех ратных людей упрошу: которые из вас захотят в свою землю, тех отпустим без всякой зацепки, а которые захотят Московскому государству служить, тех пожалуем по достоинству».

21 сентября был получен ответ: «От полковника Мозырского, хорунжего Осипа Будилы, трокского конюшего Эразма Стравинского, от ротмистров, поручиков и всего рыцарства, находящегося в московской столице, князю Дмитрию Пожарскому. Мать наша отчизна, дав нам в руки рыцарское ремесло, научила нас также тому, чтобы мы прежде всего боялись Бога, а затем имели к нашему государю и отчизне верность, были честными... Каждый из нас, не только будучи в отечественных пределах, но и в чужих государствах, как доказательство своих рыцарских дел, показывает верность своему государю и расширяет славу своего отечества... Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно того, чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились... Мы хорошо знаем вашу доблесть и мужество; ни у какого народа таких мы не видели, как у вас, — в делах рыцарских вы хуже всех классов народа других государств и монархий. Мужеству вы подобны ослу или байбаку, который, не имея никакой защиты, принужден держаться норы... Впредь не пишите к нам ваших московских сумасбродств — мы их уже хорошо знаем».

Это поляки, разграбившие Москву и пол-России, пишут про «честность»! Паны «рокошане» разглагольствуют о верности королю. Вот как только «ослы и байбаки» загнали поляков в Кремль и накостыляли Ходкевичу?! До революции на Украине о поляках говорили: «всравшись

орет — наша берет!»

На самом деле хвастунишки-ляхи сильно голодали. Как писал участник осады поляк Осип Будила: «... ни в каких историях нет известий, чтобы кто-либо, сидящий в осаде, терпел такой голод, чтобы был где-либо такой голод, потому что когда настал этот голод и когда не стало трав, корней, мышей, собак, кошек, падали, то осажденные съели пленных, съели умершие тела, вырывая их из земли: пехота сама себя съела и ела других, ловя людей. Пехотный поручик Трусковский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать; один товарищ съел своего слугу; словом, отец сына, сын отца не щадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел. Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судились, как о наследстве, и доказывали, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дело случилось в взводе г. Леницкого, у которого гайдуки съели умершего гайдука их взвода. Родственник покойного — гайдук из другого десятка жаловался на это перед ротмистром и доказывал, что он имел больше права съесть его, как родственник; а те возражали, что они имели на это ближайшее право, потому что он был с ними в одном ряду, строю и десятке. Ротмистр не знал, какой сделать приговор и, опасаясь, как бы недовольная сторона не съела самого судью, бежал с судейского места».

Некоторые историки обвиняют Сигизмунда в том, что он бросил московский гарнизон на произвол судьбы. Король действительно совершил много тактических и стратегических ошибок, главной из которых было столь долгое «сиденье» под Смоленском. Осенью же 1612 года он делал все, что мог. Но у короля опять не было денег. Он не заплатил польскому «рыцарству» за три летних месяца, и оно разъехалось по домам, забыв о своих коллегах в Москве. В итоге Сигизмунду пришлось отправиться в поход лишь с отрядом иностранных наемников и несколькими эскадронами гусар из своей гвардии. Король двинулся из Смоленска на Москву через так называемые «царские ворота». Однако перед королем «царские ворота» сорвались с петель и загородили дорогу войскам. Королю пришлось выбираться из Смоленска окольным путем. Дорогой к королю присоединился Адам Жолкевский, племянник гетмана, со своей частной армией в 1200 всадников. Король с войском прибыл в Вязьму в самом конце октября. Но к этому времени уже произошла развязка затянувшейся драмы.

21 октября поляки предложили русским начать переговоры и прислали к Пожарскому полковника Будиму. Однако переговоры затянулись,

«рыцарство» требовало почетной капитуляции, то есть выпуска поляков из Кремля с оружием и т. п. Пожарский же был согласен лишь на безоговорочную капитуляцию.

Казаки узнали о переговорах и решили, что их лишают части добычи. 22 октября без команды главных воевод они бросились к стенам Китай-города. Поляки не ожидали нападения и растерялись. Казаки ворвались в Китай-город и выбили из него поляков. Среди убитых были знатные паны Серадский, Быковский, Тваржинский и другие.

Потеря Китай-города несколько сбила спесь с поляков. Они вновь запросили переговоров. На сей раз переговоры велись у самой кремлевской стены. Поляков представлял полковник Струсь, бояр, сидевших в Кремле, — князь Мстиславский, со стороны осаждающих были Пожарский и Трубецкой.

В начале переговоров бывший глава Боярской думы Мстиславский покаялся и бил челом «всей земле», а конкретно Пожарскому и Трубецкому. Для начала поляки попросили разрешения покинуть Кремль всем русским женщинам, русские воеводы согласились.

Вышедшие из Кремля боярыни и княжны пытались унести с собой драгоценности. Казаки хотели ограбить их, но Пожарский с дворянами отконвоировал женщин в свой лагерь.

Наиболее серьезный исследователь Смутного времени советский историк Скрынников писал по поводу переговоров Пожарского с поляками: «После трехдневных переговоров земские вожди и боярское правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохранены их родовые наследственные земли. Сделав уступку знати, вожди ополчения добились огромного политического выигрыша. Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержали ложь, будто „литва“ держала бояр в неволе во все время осады Москвы».

Такой вывод маститого ученого, многие десятилетия занимавшегося историей Руси XVI — начала XVII веков, представляется мне, мягко выражаясь, странным. О каком «огромном политическом выигрыше» могла идти речь? Какой такой «высший орган монархии» мог быть? Де-юре Боярская дума была совещательным органом при московских князьях, которые, начиная с Ивана IV, именовали себя царями. В Боярскую думу наряду с князьями Рюриковичами московские князья включали и безродных лиц, оказавших им различные услуги, в том числе и весьма сомнительные. Теперь род Ивана Калиты пресекался, и правителем России с

точки зрения феодального права должен был стать князь Рюрикович, а не потомок беспородных бояр — холопов московских князей. Так несколько десятилетий назад во Франции сделали королем Генриха IV. Пусть он был гугенот, пусть владения его родителей были ничтожны, но он был королевской крови! Феодальное право было основано на прямом родстве по отцовской линии, и никакое иное родство или богатство не принималось в расчет.

Иван Грозный несколько десятилетий правил, игнорируя Боярскую думу, а подчас и издеваясь над ней. За годы смуты Боярская дума полностью себя скомпрометировала. Да и что такое боярство? Это чин, присваиваемый законным правителем страны. К 1612 году в России практически не осталось бояр, которым этот чин присвоил Иван Грозный. Кому-то дал боярство Борис Годунов, кому-то — Лжедмитрий I, кому-то — Василий Шуйский, а кому-то — «тушинский вор». Все они Боярской думой были признаны незаконными правителями. Тогда, соответственно, и все боярские чины получены незаконно. Разве генерал царской армии сохранял свои чины при переходе в Красную Армию? Я уж не говорю о генералах из власовской армии.

Рассмотрим ситуацию де-факто. Боярин — это соратник князя, приводящий в случае опасности князю свою дружину «конно, людно и оружно». Но в октябре 1612 года у сидевшей в Москве знати не было никаких дружин, и они никого не представляли. Наоборот, большие батальоны были у Пожарского, а у Трубецкого были куда меньше.

На мой взгляд, Пожарский допустил роковую ошибку, признав бояр «пленниками ляхов». Пожарский сам, своими руками, вытащил их из грязи, вернул им вотчины, сохранил их драгоценности. И вот через несколько месяцев, вернув себе власть в вотчинах, воссоздав дружины, эти ничтожества вновь стали настоящими боярами. Так появилась третья сила (кроме первого и второго ополчений).

Пожарский мог отдать бояр под суд, лишив их боярства и вотчин. А их земли и другое имущество следовало раздать освободителям Москвы — дворянам Пожарского и казакам. Надо ли говорить, что в это момент князь Дмитрий стал бы кумиром подавляющего большинства казаков. А каждому, кто пожалел бы бояр и стал бы противиться секвестру, казаки просто перерезали бы глотку. Первое ополчение сразу прекратило бы свое существование. И совсем нетрудно угадать, кто был бы избран царем на Соборе 1613 года.

Был и другой путь. Пожарский мог намекнуть своим людям, чтобы те не очень мешали казакам нападать на бояр, выходящих из Кремля, а при

необходимости даже помогли устроить самосуд. В этом случае «этикет» был бы соблюден, а последствия были бы те же, что и в первом варианте. Известны многочисленные случаи, когда на великих полководцев и государственных деятелей находило некое «затмение», и они совершали непростительные ошибки. Видимо, так произошло и с Пожарским.

26 октября распахнулись Троицкие ворота Кремля, и на каменный мост вышли бояре и другие москвичи, сидевшие в осаде вместе с поляками. Впереди процессии шел Федор Иванович Мстиславский, за ним — Иван Михайлович Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом и его матерью Марфой.

Казаки попытались напасть и, как минимум, ограбить бояр, но Пожарский с дворянами силой оружия удержали казаков и заставили убраться в их табор.

На следующий день произошла капитуляция польского гарнизона. Принимал капитуляцию Кузьма Минин. Часть пленных во главе с полковником Струсем отдали Трубецкому, а остальных с полковником Будилой — второму ополчению. Казаки перебили большую часть доставшихся им поляков. Уцелевших поляков Пожарский и Трубецкой разослали по городам: в Нижний Новгород, Балахну, Галич, Ярославль и другие.

В тот же день (26 октября) дворяне и казаки заняли Кремль, но торжественный въезд в Кремль воеводы назначили на 27 октября. С утра казаки Трубецкого собрались у церкви Казанской Божией Матери за Покровскими воротами, а ополчение Пожарского — у церкви Иоанна Милостивого на Арбате. Взяв кресты и образа, оба ополчения двинулись с разных сторон в Китай-город. Сошлись ополчения у Лобного места. Там троцкий архимандрит Дионисий начал служить молебен. В это время из Спасских ворот Кремля вышел другой крестный ход во главе с галасунским (архангельским) архиепископом Арсением и кремлевским духовенством. Они несли икону Владимирской Богоматери. После молебна войско и горожане отправились в Кремль. Увиденное за воротами Кремля их ужаснуло. Все церкви были разграблены и загажены, почти все деревянные постройки разобраны на дрова и сожжены. В больших чанах нашли разделанные и засоленные человеческие трупы. Тем не менее воеводы приказали отслужить обедню и молебен в Успенском соборе.

Сразу же после изгнания поляков начались очистка и восстановление Кремля и всей столицы. Трубецкой поселился в Кремле во дворе Годунова, а Пожарский — на Арбате в Воздвиженском монастыре. Кремлевские сидельцы бояре разъехались по своим вотчинам. Михаил Романов с

матерью уехали в свою вотчину село Домнино Костромского уезда.

Король Сигизмунд в Вязьме узнал о капитуляции польских войск в Москве. Там королевские войска соединились с отрядами гетмана Ходкевича и вместе двинулись осаждать укрепленный городок Погорелое Городище. Местный воевода князь Юрий Шаховский на требование сдачи ответил королю: «Ступай к Москве. Будет Москва за тобою, и мы твои». Король послушался и пошел дальше.

Основные силы поляков осадили Волоколамск, а конный отряд пана Адама Жолкевского двинулся к Москве. Жолкевский дошел до села Ваганьково, где был атакован русскими. Поляки были разбиты и бежали. В бою поляки захватили смоленского дворянина Ивана Философова. Жолкевский велел допросить его и узнать, хотят ли по-прежнему москвичи королевича Владислава на царство, полнолюдна ли Москва и много ли там припасов? Философов ответил, что Москва «людна и хлебна», и все готовы помереть за православную веру, а королевича на царство брать не будут. То же самое дворянин сказал и самому Сигизмунду.

Потеряв надежду овладеть Москвой, король решил по крайней мере взять Волоколамск, который обороняли воеводы Карамышев и Чемисов. Поляки трижды штурмовали город, но были отбиты. Третий штурм кончился вылазкой казаков под началом атаманов Нелюба Маркова и Ивана Епанчина. Казакам удалось отогнать ляхов и уволочь у них несколько пушек.

27 октября Сигизмунд приказал войску уходить в Польшу. По дороге от холода и голода поляки потеряли несколько сотен человек.

Глава 36

Избрание царя Михаила

Отступление Сигизмунда дало возможность московскому правительству заняться созывом Собора для избрания царя. В ноябре 1612 года по всем городам были разосланы грамоты с приказом выслать выборных людей в Москву. В грамотах говорилось: «Москва от польских и литовских людей очищена, церкви Божии в прежнюю лепоту облеклись и Божие имя славится в них по-прежнему; но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься об нем и людьми Божиими промыслять некому, без государя вдосталь Московское государство разорят все; без государя государство ничем не стоит и воровскими заводами на многие части разделяется и воровство много множится».

Заседания Собора начались 6 декабря 1612 года, хотя к тому времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Ход же заседаний Собора уже два столетия вызывает споры историков. Официальные царские историки описывали елейную историю, как весь Собор, умиляясь, избрал на царство Михаила Романова. Любые иные версии в XIX веке грозили Сибирью. В XX веке у историков-монархистов в эмиграции не было цензуры, но они так соскучились по сусальным картинкам «а-ля святая Русь», что с восторгом повторяли сказки XIX века.

Что же касается «прогрессивных» историков конца XIX — начала XX века, то их в основном мало интересовали подробности Собора. В своих политических делах они выпячивали сам факт созыва Собора и то, что царь Михаил обещал править, в дальнейшем опираясь на волю последующих Соборов. Таким образом обосновывалась утопическая идея проведения государственных Соборов в России второй половины XIX века — начала XX века.

Официальная версия событий хорошо изложена у Соловьева: «Прежде всего стали рассуждать о том, выбирать из иностранных королевских домов, или своего природного русского, и порешили „литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение: литовский король Великий Новгород взял обманом“. Стали выбирать своих: тут начались

козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали; образовывали стороны, но ни одна из них не брала верх. Однажды, говорит хронограф, какой-то дворянин из Галича принес на Собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всех по родству с прежними царями был Михаил Федорович Романов, его и надобно избрать в цари. Раздались голоса недовольных: „Кто принес такую грамоту, кто, откуда?“ В то время выходит донской атаман и также подает письменное мнение: „Что это ты подал, атаман?“ — спросил его князь Дмитрий Михайлович Пожарский. „О природном царе Михаиле Федоровиче“, — отвечал атаман. Одинаковое мнение, поданное дворянином и донским атаманом, решило дело: Михаил Федорович был провозглашен царем».

Русские самодержцы были вольны уничтожать свои архивы и насиловать своих историков. Но существуют и архивы других государств. Вот, к примеру, протоколы допроса стольника Ивана Чепчугова и дворян Н. Пушкина и Ф. Дурова, попавших в 1614 году в плен к шведам. Пленников допрашивали каждого в отдельности, поочередно, и их рассказы о казацком перевороте совпали между собой во всех деталях: «Казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули Михаилу Романову».

Подобное говорили и дворяне, попавшие в плен к полякам. Польский канцлер Лев Сапега прямо заявил пленному Филарету Романову: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки».

13 апреля 1613 года шведский разведчик доносил из Москвы, что казаки избрали Михаила Романова против воли бояр, принудив Пожарского и Трубецкого дать согласие после осады их дворов. Французский капитан Маржарет, служивший в России со времен Годунова, в 1613 году в письме к английскому королю Якову I подчеркивал, что казаки выбрали «этого ребенка», чтобы манипулировать им.

Фактически в Москве и не было правомочного Земского собора. По официальной версии 14 апреля 1613 года Собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова. Об этой грамоте хорошо сказал советский профессор Р. Г. Скрынников: «За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывали в уста Михаила слова Бориса к Собору, заставляли инокиню Марфу Романову повторять речи инокини Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенесли ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки

утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь возведена была теперь в ранг официальной доктрины».

Чтобы убедиться, что избирательная грамота является фальшивкой, достаточно взглянуть на подписи под ней. Грамота помечена маем 1613 года, но в грамоте боярами названы Дмитрий Пожарский, И. Б. Черкасский, И. Н. Одоевский и Б. М. Салтыков, а между тем первые два получили боярство 11 июля 1613 года, а два последних — в декабре 1613 года. Формально грамоту подписали представители от 50 городов и уездов, многие города подписаны одним человеком, хорошо еще если дворянином, а то и посадским человеком. Кузьма Минин — исключение в XVII веке: в то время ни один город не послал бы от себя выбирать царя одного посадского человека.

Попробуем на секунду задуматься, как могли выбрать на престол в такой сложный момент 16-летнего юношу? Мне могут возразить, что Александр Невский разбил шведов на Неве, будучи 19 лет от роду, а через два года побил немцев на Чудском озере. На том же озере дрался и его младший брат Андрей, которому было 12–14 лет. И не просто дрался, а командовал собственной суздальской дружиной, которая по некоторым данным и решила исход битвы. Младший лейтенант Буона-Парте в 16–17 лет писал трактаты по баллистике и штудировал кодекс Юстиниана. Но Михаил Романов не был ни Александром Невским, ни Бонапартом. Свои детские и отроческие годы он провел в ссылке в глухом селе в окружении двух теток, не считая крестьян. Потом Гришка Отрепьев вызвал девятилетнего отрока в Москву и произвел в стольники. Но и это ничего не изменило. Последние семь лет он безвылазно провел в Москве на своем подворье. Неужто за 387 лет десятки ученых, изучавших Смутное время, не смогли найти не только ни одного поступка, но и ни одного слова, произнесенного стольником Михаилом Романовым? Увы, это был недалекий мальчик, который наблюдал за ходом российской истории из окна своего терема и покидал его, лишь отправляясь в церковь и в редких случаях для присутствия на официальных церемониях. Эдакая помесь русского недоросля Митрофанушки с Пу-И — последним императором Поднебесной империи.

Да представьте себе 16-летнего Д'Артаньяна, Де Бражелона или Петю Ростова. Мог ли кто-нибудь из них, находясь в осажденном городе, да еще имея звание, соответствующее полковнику или даже генерал-майору, не взять в руки саблю?

К тридцати годам Михаил был настолько серьезно болен, что не мог

даже самостоятельно передвигаться, но в молодости он был достаточно крепок и силен, так что в двадцать лет он увлекался охотой на лосей и на медведей.

Михаил присягал королевичу Владиславу, так почему же ему, как верному подданному, не встать под знамена своего сюзерена? Почему на лихом коне не рвануться с польскими хоругвями навстречу гетману Ходкевичу? Не позволяют убеждения? Так беги же с острой саблей к Пожарскому! Благо перебежчики, как русские, так и поляки, приходили в лагерь второго ополчения чуть ли не ежедневно. Не пускала мама, не пускали тетушки и нянечки — сиди, Миша, дома, читай Псалтырь, дави мух на окнах или иными боярскими делами занимайся.

Так может быть, избрание царем столь ничтожной личности было вызвано интересами большой политики? Как раз наоборот. Избрание Михаила ставило Россию в крайне неблагоприятное положение. Ведь Михаил юридически был подданным королевича Владислава, в отличие от Пожарского, Трубецкого и ряда других князей Рюриковичей и Гедиминовичей. В плену у поляков был митрополит Филарет — отец Михаила, что, естественно, давало большой политический козырь полякам в борьбе с Москвой. Наконец, избрание царем Михаила надолго лишило Россию главного духовного вождя — патриарха, поскольку Михаил и его мать желали в патриархи только Филарета.

О праве крови я уже говорил. В течение 700 лет даже в самом захудалом русском княжестве правили только природные князья Рюриковичи, а в Малой и Белой Руси — Гедиминовичи. Первым исключением стал Борис Годунов, да и то если исключить его происхождение от чингизида Чета. Вторым исключением стал Михаил Романов. Это дало право любому князю Рюриковичу утверждать, что у него больше прав на престол, чем у династии Романовых. По этому поводу любил шутить вождь русских анархистов Петр Кропоткин, князь Рюрикович по происхождению, утверждавший, что у него более прав на корону, чем у Николая II.

А был ли в 1613 году альтернативный кандидат на престол?

К власти рвался Гедиминович Дмитрий Трубецкой. Но он был слабый политик и бездарный воевода. Если дворянство считало его казацким боярином, то казаки издевались и презирали его.

Боярин Федор Мстиславский «со товарищи» был изгнан вождями ополчения из Москвы и даже не участвовал в Соборе.

Интересно, что в документах начала XVII века имеются намеки на то, что царства добивался и Иван Никитич Романов. Но, как уже говорилось,

главой клана был Филарет, а он недолго любил своего сводного брата Ивана. Видимо, родня не поддержала Ивана Никитича.

Как дореволюционные, так и советские историки утверждают, что Дмитрий Пожарский стоял в стороне от избирательной кампании начала 1613 года. Тем не менее уже после воцарения Михаила Пожарского обвинили, что он истратил 20 тысяч рублей, «докупаясь государства». Справедливость обвинения сейчас уже нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Но трудно предположить, что лучший русский полководец и серьезный политик мог безразлично относиться к выдвижению шведского королевича или шестнадцатилетнего мальчишки, да еще из семейства, которое с 1600 года участвовало во всех интригах и поддерживало всех самозванцев. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что самым оптимальным выходом из смуты было бы избрание государем славного воеводы, освободившего Москву и вдобавок прямого Рюриковича.

Однако против Пожарского сплотились все — и московские бояре, отсиживавшиеся в Кремле с поляками, и Трубецкой, и казаки. Серьезной ошибкой Пожарского был фактический роспуск дворянских полков второго ополчения. Часть дворян рати ушла на запад воевать с королем, а большая часть разъехалась по своим вотчинам. Причина — голод, царивший в Москве зимой 1612–1613 годов. Известны случаи даже смерти от голода дворян-ополченцев. Зато в Москве и Подмосковье остались толпы казаков, по разным сведениям их было от 10 до 40 тысяч. В Москве за Яузой возник целый казацкий город — Казачья слобода. Было и еще несколько казацких таборов под Москвой. Еще раз повторим: казаков не донских, не запорожских, а местных — московских, костромских, брянских и т. д. Это были бывшие простые крестьяне, холопы, посадские люди. Возвращаться к прежним занятиям они не желали.

В конце октября 1612 года Пожарский и Трубецкой решили рассчитаться с казаками. В ходе «разбора» было отобрано одиннадцать тысяч «лучших и старших казаков», которым раздали захваченные в Москве вещи, оружие и деньги (по 8 рублей на человека). Нескольким тысячам воровских казаков, входящих в различные никому не подчинявшиеся отряды, позволили строиться и заводить хозяйство в Москве и других городах, не платя два года налогов и долгов. Однако, как писал Авраамий Палицын, «Казацкого же чина воинство многочисленно тогда бысть, и в прелесть велику горше прежняго впадоша, вдавшееся блуду, питею и зерни, и пропивши и проигравши все свои имениа». То есть за несколько дней все было пропито, проиграно и прогуляно с девицами из Лоскутного ряда (аналог современной Тверской улицы в Москве). Казаки

опять остались без средств. За годы смуты они отвыкли работать, а жили разбоем и пожалованиями самозванцев. Пожарского и его дворянскую рать они люто ненавидели. Приход к власти Пожарского или даже шведского королевича для местных казаков был бы катастрофой. Например донские казаки могли получить обильное царское жалование и с песнями уйти в свои столицы. А местным воровским казакам куда идти? Да и наследили они изрядно — не было города или деревни, где бы воровские казаки не грабили бы, не насиловали, не убивали.

Могли ли воровские казаки остаться безучастными к избранию царя? С установлением сильной власти уже не удастся грабить, а придется отвечать за содеянное. Поэтому пропаганда сторонников Романовых была для казаков поистине благой вестью. Ведь это свои люди, с которыми подавляющее большинство казаков неоднократно общалось в Тушине. Как мог Михаил Романов укорить казаков за преступления на службе у «тушинского вора»? Да вместе же служили вору и выполняли приказы твоего папаша тушинского патриарха и твоих родственников тушинских бояр.

Пятьсот вооруженных казаков, сломав двери, ворвались к крутицкому митрополиту Ионе, исполнявшего в то время обязанности местоблюстителя патриарха, — «Дай нам, митрополит, царя!» Дворец Пожарского и Трубецкого был окружен сотнями казаков. Фактически в феврале 1613 года произошел государственный переворот — воровские казаки силой поставили царем Михаила Романова. Разумеется, в последующие 300 лет правления Романовых любые документы о «февральской революции 1613 года» тщательно изымались и уничтожались, а взамен придумывались сусальные сказочки типа приведенной выше сказочки С. М. Соловьева.

Замечу, что версию о казачьем перевороте поддерживал не только Скрынников, но и известный специалист по истории России XVI–XVII веков А. Л. Станиславский. В его монографии «Гражданская война в России XVII в.» глава, посвященная избранию царя, называется «Михаил Романов — казачий ставленник».

После победы сторонников Романовых возник весьма забавный вопрос: а где же сами Романовы? Иван Никитич торчал под боком и все время твердил, прозрачно намекая на себя, что Романовы знатны и в родстве с царями, но Михаил-де слишком молод и неопытен и т. д. и т. п. Но это, как уже говорилось, всерьез не приняли.

На поиски Михаила Романова и его матери была снаряжена большая экспедиция под руководством архиепископа Рязанского Феодорита и

родственника Михаила Федора Ивановича Шереметева. В наказе послам говорилось: «Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси в Ярославль или где он государь будет». Посланцы, уведомив новоизбранного царя и его мать об избрании, должны были сказать Михаилу: «Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умилься над остатком рода христианского... и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву...» В заключение наказа говорилось: «Если государь не пожелает, станет отказываться или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царем и ехал в Москву вскоре: такое великое Божие дело сделалось не от людей и не его государским хотеньем, по избранью Бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он государь про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Послы отправились из Москвы 2 марта 1613 года. А еще ранее, 25 февраля, по русским городам были разосланы грамоты с известием об избрании Михаила: «И вам бы, господа, за государево многолетие петь молебны и быть с нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Феодоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостью, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась — быть государем царем блаженной памяти великого государя Федора Ивановича племяннику, Михаилу Федоровичу. Бог его, государя на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизреченной милости. Всем людям о его избрании Бог в сердце вложил одну мысль и утверждение».

Как видим, не прошло и двух недель после переворота, как началась мифологизация «февральской революции». Михаил чудесным образом стал племянником царя Федора, а Бог лично «помимо всех людей» выдвинул кандидатуру племянника в цари.

Присяга в большинстве областей России последовала быстро и без осложнений. Первыми присягнули 4 марта жители Переславля Рязанского.

Наконец пришло в Москву сообщение от посольства, посланного на поиски Михаила. Михаила с матерью обнаружили в Костроме в Ипатьевском монастыре.

Чем занимался Михаил с матерью с начала 1613 года по 13 марта 1613 года — никому не известно. Об этом ничего не говорят ни грамоты послов, ни речи приехавших в Москву Михаила и Марфы. Но вот в начале XIX века делается сенсационное открытие — «подвиг Ивана Сусанина». Оказывается, после сдачи Москвы, но еще до 13 марта 1613 года большой отряд поляков решил захватить в плен или убить Михаила Романова, чтобы не допустить его избрания на престол. Михаил с матерью находились в это время в Костроме или в рядом стоящем Ипатьевском монастыре, но злодеи ляхи об этом не знали.

Поляки схватили крестьянина Ивана Сусанина из села Домнино Костромского уезда, принадлежащего Романовым, и пытали его страшными пытками, заставляя рассказать, где скрывается Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти. Я пересказал версию Соловьева. Как известно, Федор Глинка пошел дальше. У него Иван Сусанин завел целый полк поляков в лес, где они и погибли от холода и голода, предварительно порубав на куски самого Сусанина. У Соловьева и Глинки Сусанин спасал царя. Посему и опера получила название «Жизнь за царя». Позже большевики решили, что мужик не должен спасать царя. Опера Глинки была переделана и переименована. В опере «Иван Сусанин» герой спасал не царя, а русский народ в лице его достойных представителей — граждан города Костромы. В 90-х годах XX века опере вернули первоначальное название, и там Сусанин опять спасает царя.

В советское время вся пропагандистская шумиха с Сусаниным явно отдавала враньем. Это чувствовали даже дети. В нашей школе большой популярностью пользовались анекдоты о Сусанине, которые были на четвертом месте после анекдотов о Василии Ивановиче, чукче и армянском радио.

На самом же деле никаких польских отрядов зимой 1612–1613 годов в районе Костромы не было. Миф о Сусанине был разоблачен еще в середине XIX века профессором Н. И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой «воров» (воровских казаков), которых немало бродило по Руси. За что же они стали его пытаться и замучили до смерти? Скорей всего, «ворам» требовались деньги. Ни воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий.

Костомаров писал: «Сусанин на вопросы таких воров смело мог сказать, где находился царь, и воров остались бы в положении лисицы,

поглядывающей на виноград. Но предположим, что Сусанин, по слепой преданности своему барину, не хотел ни в каком случае сказать о нем вора́м: кто видел, как его пытали и за что пытали? Если при этом были другие, то воры и тех бы начали тоже пытаться, и либо их, так же как Сусанина, замучили бы до смерти, либо добились бы от них, где находится царь. А если воры поймали его одного, тогда одному Богу оставалось известным, за что его замучили. Одним словом, здесь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное. Страдание Сусанина есть происшествие само по себе очень обыкновенное в то время. Тогда казаки таскались по деревням и жгли и мучили крестьян. Вероятно, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же рода воришки, и событие, громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот год. Через несколько времени зять Сусанина воспользовался им и выпросил себе обельную грамоту».

Действительно, крестьянин Богдан Собинин в 1619 году обратился к царю Михаилу с челобитной, где рассказал, что его тестя Ивана Сусанина Богдашкова-де литовские люди запытали, дабы узнать, где государь. Обратим внимание: сказочники XIX–XX веков даже перепутали фамилию героя с отчеством. Чудесная сказка понравилась царю и его матери. Зятюку дали денег и грамоту, подтверждавшую геройское поведение Ивана Богдашкова.

Естественно, что никто не проверял сообщения Богдана, да и проверить их было физически невозможно. А главное — зачем? Просил Богдан немного, а польза для династии Романовых была огромная.

А теперь мы вернемся к послам, прибывшим 13 марта 1613 года в Кострому. Михаил приказал им явиться в Ипатьевский монастырь на следующий день, о чем послы оповестили весь город. Наутро послы, костромской воевода, местное духовенство с крестами и иконами, а также толпа зевак двинулись к Ипатьевскому монастырю, расположенному в двух-трех верстах от города. Михаил с матерью встретили процессию у входа в монастырь. Послы объявили Михаилу о цели своего визита, и он «с великим гневом и плачем» ответил, что не хочет быть государем, а мать его добавила, что не благословляет сына на царство. Послы с трудом уговорили их вслед за крестным ходом войти в соборную церковь. В церкви послы передали Михаилу с матерью грамоты от Собора и снова просили Михаила на царство, но получили прежний ответ. Марфа сказала, что «у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души

прежним государям, не прямо служили». Марфа припомнила измены Годунову, убийство Лжедмитрия I, свержение с престола и выдачу полякам Василия Шуйского и продолжала: «Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца, прежние сокровища царские, из давних лет собранные, литовские люди вывезли; дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским и всяким служилым людям и запустошены, а служилые люди бедны, и кому повелит Бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?»

Марфа напомнила, что митрополит Филарет находится в польском плену «в большом утесненье», и как узнает король, что на московский престол вступил его сын, тотчас же сделает Филарету какое-нибудь зло, а ему, Михаилу, без благословенья отца на Московском государстве никак быть нельзя. Послы со слезами молили и уговаривали Михаила, говорили, что выбрали его по изволению Божию, а не по его желанию, «положил бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах». Далее послы стали доказывать, что все вышеупомянутые правители московские незаконно сели на престол, а вот Михаил один законный.

Представление длилось свыше шести часов. Наконец Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на провидение и непостижимые судьбы Божии. Марфа благословила сына. Михаил принял посох у архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что скоро поедет в Москву.

Казалось бы, комедия сыграна, теперь пора начинать царствовать. Государство по-прежнему находилось в критическом состоянии. Садись в сани, и через три дня государь будет в Москве. Санний путь 14 марта (по старому стилю) почти идеален, а через две недели начнется распутица, и уже не будет санного пути, но не будет еще и водного. Но Михаил выехал лишь 19 марта, а 21 марта прибыл в Ярославль.

Оттуда царь, а точнее, его мамочка затеяла хозяйственную переписку с московскими властями: «К царскому приезду есть ли на Москве во дворце запасы и послано ли собирать запасы по городам, и откуда надеются их получить? Кому дворцовые села розданы, чем царским обиходам впредь полниться и сколько царского жалованья давать ружникам и оброчникам?» Москва отвечает: «Для сбора запасов послано и к сборщикам писано, чтоб

они наскоро ехали в Москву с запасами, а теперь в государевых житницах запасов немного». 8 апреля Михаил (Марфа) пишет: «Писали вы к нам с князем Иваном Троекуровым, чтоб нам походом своим не замедлить, и прислали с князем Иваном роспись, сколько у вас в Москве во дворце всяких запасов. По этой росписи хлебных и всяких запасов мало для обихода нашего, того не будет и на приезд наш».

Соловьев писал: «Наконец 18 апреля царь уведомил духовенство и бояр, что поход его к Москве замедлился за дурною дорогою, зимний путь испортился, а как большой лед прошел и воды сбыло, то он выехал из Ярославля 16 апреля». И кто бы мог подумать, что в апреле наступит оттепель?!

25 апреля Михаил (Марфа) пишет боярам, чтобы они велели приготовить для царя Золотую палату царицы Ирины, а для Марфы — деревянные хоромы жены царя Василия Шуйского. Бояре ответили, что приготовили для Михаила покои царя Ивана и Грановитую палату, а для матери его — хоромы в Вознесенском монастыре, где жила царица Марфа. Те же хоромы, о которых приказал государь, надо отстраивать заново — кровли там нет, лавок, окошек, дверей нет, и денег также нет, плотников нет, материалов нет.

29 апреля Михаил отписал боярам: «По-прежнему и по этому нашему указу велите устроить на Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи, если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василья. Вы писали нам, что для матери нашей изготовили хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хоромах матери нашей жить не годится».

Почти два месяца вояжировал Михаил из Костромы в Москву. Из его переписки с московскими властями можно составить пухлый том, но, увы, писалось там только о государевом быте, да о разбойниках — не шалят ли по дороге, не обидают ли царя-батюшку? И ни одного военного, административного или иного государственного распоряжения!

2 мая 1613 года царь Михаил торжественно въехал в Москву. Михаил с матерью отстояли молебен в Успенском соборе, после чего Михаил допустил всех к своей руке.

Венчание Михаила на царство состоялось 11 июля 1613 года. Накануне торжественного дня, с вечера, в Успенском и других соборах, а также во всех столичных монастырях и церквях были отправлены всенощные бдения. На рассвете 11 июля начался звон кремлевских колоколов, который не прекращался до самого прибытия царя в Успенский собор.

Перед венчанием Михаил пожаловал в бояре стольников князей Пожарского и Черкасского. Во время коронации боярин князь Мстиславский осыпал Михаила золотыми монетами, боярин Иван Никитич Романов держал шапку Мономаха, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой — скипетр, боярин князь Пожарский — державу. Венчал Михаила за неимением патриарха казанский митрополит Ефрем.

На следующее утро, 12 июля, торжественно были отпразднованы царские именины — день святого Михаила Маленина. На радостях царь пожаловал в думные дворяне Кузьму Минина. Кузьма попросил дать ему поместье, но в этом ему отказали, хотя и положили довольно приличный оклад — 200 рублей в год.

Эпилог

История царствования Михаила Федоровича — тема нового исследования. Я же скажу лишь несколько слов о дальнейшей судьбе наших героев.

Начнем с царской родни. Родная сестра царя Татьяна Федоровна Романова вышла за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского и умерла 27 июля 1611 года. Детей у нее не было. Похоронили Татьяну в родовой усыпальнице Романовых в Новоспасском монастыре.

Тетка царя Ирина Никитична Романова, как уже говорилось, вышла замуж за Ивана Ивановича Годунова. Брак их был бездетен. После воцарения Михаила Ирина Никитична была близка ко двору. Она участвовала во второй свадьбе царя Михаила. При крещении царевича Алексея (будущего царя Алексея Михайловича) 22 марта 1629 года Ирина Никитична несла младенца к купели и принимала из нее окрещенного. Умерла Ирина Никитична 6 июня 1639 года в возрасте 65 лет и похоронена в Новоспасском монастыре.

Дядя царя Иван Никитич Романов вступил в брак с Ульяной Федоровной Литвиной-Мосальской. Умер Иван Никитич 18 июля 1640 года. В браке Иван Никитич имел семерых детей, но шестеро из них умерли в младенчестве. Лишь сын его Никита Иванович дожил до зрелых лет. В 1645 году Никита Иванович получил боярство. Умер он 11 декабря 1655 года, не оставив потомства. Со смертью Никиты Ивановича род Романовых, за исключением царствующей ветви, пресекся.

Несколько слов стоит сказать об усыпальнице Захарьиных-Юрьевых-Романовых в подклети Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря.

Первый каменный собор был построен в 1491–1497 годах. Первым там был похоронен в 1498 году боярин Василий Юрьевич Захарьин. Однако к настоящему времени могила его утеряна. Последнее захоронение состоялось в 1679 году, когда в усыпальнице была похоронена дочь царя Михаила Федоровича царевна Ирина. Она похоронена уже в новом соборе, а старый собор был разобран до основания и на его месте в 1647 году построен новый.

В 1918 году по указанию Ленина Новоспасский монастырь был закрыт, а на его территории создан исправительно-трудовой лагерь. По словам дочери Льва Николаевича Толстого Александры, которая отбывала

здесь срок, каждую ночь заключенные разрывали могилы в поисках драгоценностей, за находку которых они получали увольнительные в город.

В рапорте санитарного врача лагеря в Главнауку от 9 октября 1923 года говорится: «Новоспасский ИТЛ находится в крайне антисанитарном состоянии, некоторые из склепов могил доступны любопытным, гробы вскрыты и части скелетов валяются открытыми. Некоторые погребя, а в особенности подвал под монастырем, загажены и представляют из себя настоящую клоаку».

Это и не удивительно, так как в лагере, рассчитанном на 250 заключенных, содержалось 430 человек, не считая охраны и сотрудников с семьями. В самой усыпальнице лагерные власти устроили столовую.

После ликвидации лагеря Новоспасский монастырь был передан хозяйственному управлению НКВД и заселен новобранцами московской милиции. В усыпальнице устроили склад Мосмолока. В войну там было оборудовано бомбоубежище.

В 1991 году Новоспасский монастырь был передан Русской православной церкви и там воссоздан мужской монастырь.

С октября 1996 года в усыпальнице Спасо-Преображенского собора начались археологические работы. Специальную исследовательскую группу возглавил доктор исторических наук А. К. Станюкович. В нее входили научный сотрудник Института археологии РАН П. Ю. Черносвитов (графическая фиксация), заведующий физико-техническим отделом НИИ судебной медицины Минздрава РФ, профессор, доктор медицинских наук В. Н. Звягин (медико-антропологические исследования) и реставратор И. И. Ёлкина (оперативная консервация древних тканей).

Экспедиции удалось найти и идентифицировать захоронения Романа Юрьевича Захарьина, его сыновей Долмата и Даниила, давно утерянную могилу его дочери Анны, бывшей замужем за князем В. А. Сицким. Найдена (совсем не там, где считалось ранее) могила самого знаменитого сына Романа Юрьевича Захарьина — Никиты Романовича Юрьева, отца патриарха Филарета и деда царя Михаила. Найдены утерянные захоронения второй жены Никиты Романовича Евдокии Горбатовой-Шуйской, их сына Ивана Льва Никитича, младенца Михаила Даниловича, умерших в младенчестве четырех братьев царя Михаила Федоровича. Найдены неизвестные доселе могилы представителей рода Захарьиных-Яковлевых — Петра Яковлевича, его жены Анны и сына Захария.

Медико-антропологические исследования позволили установить, что некоторые представители рода (Роман Юрьевич, Никита Романович, один из малолетних братьев царя Михаила) страдали тяжелым наследственным

заболеванием опорно-двигательного аппарата (болезнью Педжета). Вероятно, той же самой болезни был подвержен и царь Михаил Федорович, который, как писал он сам, в возрасте всего 27 лет «так скорбел ножками, что до возка и из возка в креслах носят».

В ходе благоустройства усыпальницы в 1996–1997 годах были собраны останки из множества разрушенных в разное время захоронений. Их погребли в 1997 году в одной общей могиле. Значительная часть останков принадлежит представителям рода Захарьиных-Юрьевых и Захарьиных-Романовых.

Стоит заметить, что небрежно к древним могилам относились и до 1917 года. Так, в 1857 году здесь также была устроена общая могила из многочисленных костей, собранных из различных разрушенных могил.

К сожалению, в Новоспасском монастыре не разрешили вскрыть ряд могил Романовых и их родственников. Из могил, которые были открыты, запретили выносить кости для исследования, в отдельных случаях запрещено было отделять от костей сохранившиеся остатки одежды. Естественно, это существенно затруднило работу исследователей. Тем не менее работа по уже полученным данным продолжается, и можно ожидать публикации подробных материалов исследований в ближайшее время.

1 декабря 1618 года в деревне Деулино было заключено перемирие с Польшей. Королевич Владислав так и не отказался от претензий на московскую корону, и польская сторона не признала Михаила царем. Однако поляки вернули Филарета, а взамен получили русские земли размером с небольшое европейское государство типа Бельгии или Дании. Россия потеряла 29 городов, включая Смоленск, Дорогобуш, Рославль, Чернигов, Новгород-Северский. Кстати, заметим, что спустя 372 года, в 1991 году, Ельцин тоже ухитрился отдать Чернигов, Новгород-Северский и другие исконно русские города.

14 июня 1619 года под Москвой у речки Пресни состоялась встреча царя Михаила и Филарета. Отец и сын поклонились друг другу в ноги и долго стояли в этом положении. Затем Филарет сел в карету, а царь Михаил пошел пешком впереди кареты.

По случаю возвращения Филарета в Москву пригласили иерусалимского патриарха Феофана, пообещав богатые подарки. Тот охотно согласился. Вместе с русскими владыками Феофан предложил патриарший престол Филарету, «ибо знали, что он достоин такого сана, особенно же потому, что он был царский отец по плоти, да будет царствию помощник и строитель, сирым защитник и обидимым предстатель». Филарет традиционно вначале отказывался, а потом согласился.

Посвящение его в сан состоялось 24 июня 1619 года.

С возвращением Филарета в стране началось двоевластие. Филарет официально получил титул Великого государя. И титул этот был не формальным. Все государственные дела докладывались обоим государям, решались обоими, иностранные послы представлялись также обоим государям, подавали двойные грамоты и подносили двойные дары.

Один из современников описывал Филарета в 20-х годах XVII века: «Был ростом и полноты средних, Божественное писание разумел отчасти, нравом был опальчив и мнителен, а такой владетельный, что и сам царь его боялся. Бояр и всякого чина людей из царского сиклита томил заточениями необратными и другими наказаниями. К духовному сану был милостив и не сребролюбив, всеми царскими делами и ратными владел». Двоевластие продолжалось до самой смерти Филаретом 1631 году.

Князь Пожарский в 1613–1618 годах сражался с поляками и покрыл свое имя новой славой. Но после подписания мира Михаил с Филаретом постарались задвинуть воеводу подальше. В 1621 году его назначили ведать Разбойным приказом (угрозыском — на современном языке). С 1628 по 1631 год Пожарский служит воеводой в Новгороде, в 1635 году его назначают управляющим Судным московским приказом. 20 апреля 1642 года Дмитрий Михайлович Пожарский скончался. У него осталось три сына. Михаил и Алексей Романовы не пустили детей героя выше чина стольника. Мужское потомство Пожарского пресеклось в конце XVII века.

В 1613 году атаман Иван Заруцкий вместе с Мариной Мнишек и ее сыном ушел на Волгу. Постепенно царские воеводы загнали казаков Заруцкого в Астрахань. В конце концов в июле 1614 года воевода Одоевский захватил Заруцкого с Мариной и ее сыном. Всех троих доставили в Москву. Там Заруцкого посадили на кол, а несчастного пятилетнего Ивана Дмитриевича публично повесили. Современники утверждали, что петля не затянулась на шее мальчика, и он погиб от холода лишь через несколько часов.

У Михаила Романова были основания бояться ребенка. Ведь мать Ивана была законно коронована в Москве в 1606 году, и в венчании на царство принимали участие Филарет и Иван Романовы. Правда, отец ребенка Лжедмитрий II был сомнительным царем, но тогда таким же сомнительным патриархом можно считать и его отца Филарета.

Марина Мнишек была отправлена в монастырь, где ее задушили между двумя подушками, а по другой версии — утопили.

Отметим интересный момент — ни Михаил, ни его окружение даже не попытались разобраться в истории Смуты. Хотя это имело в то время не

историческое, а большое политическое значение. Были живы и находились в юрисдикции московских властей родственники Григория Отрепьева, Марина Мнишек, чудовские монахи, монах Варлаам, бежавший с Отрепьевым в Литву и, наконец, Иван Никитич Романов и многочисленные родственники Романовых по женской линии, которые видели Юшку Отрепьева на романовском подворье и затем на московском престоле.

Но именно этого и боялся новый царь. Посему было сделано все, чтобы скрыть правду о событиях Смутного времени. Вместо этого началась тотальная мифологизация русской истории.

Повторенные тысячу раз переплетения мифов стали у нас «исторической правдой». Миф о невинном отроке царевице Димитрии перекликается с мифом о злодее царе Борисе. С ним связан миф о безвинных мучениях в ссылке семейства Романовых и т. д. Самое забавное, что большая часть этих мифов оказалась в школьных учебниках по истории издания 2000 года.

Комментарии

Ширококорд Александр Борисович родился в 1947 году в Москве. Окончил факультет кибернетики Московского инженерно-физического института. Инженер в четвертом поколении. Отец разрабатывал управляемые ракеты в 40—60-х годах, а дед в 30-х годах работал «приемщиком» на заводе Круппа.

Отечественной историей и историей военной техники А. В. Ширококорд стал заниматься с 10-летнего возраста. В течение последних 25 лет в инициативном порядке работал во многих архивах, в т. ч. в Военно-морском архиве (Ленинград), Архиве Музея артиллерии (Ленинград), Военно-историческом архиве (Москва), Архиве народного хозяйства (Москва), Архиве Советской Армии (Москва), а также архивах ряда организаций и академий.

А. Б. Ширококорд — автор нескольких сотен статей, опубликованных в газетах «Красная Звезда», «Известия», «Независимая газета», «Независимое военное обозрение», «Общая газета», «Деловой мир» и др.; в журналах «Военные знания», «Техника и вооружение», «Авиация и космонавтика», «Морской сборник», «Армейский сборник», «Техника — молодежи», «Чудеса и приключения», «Военный парад» и др. Автор четырнадцати книг. В 1999–2001 гг. издательство АСТ выпустило книги А. Б. Ширококорда «История авиационного вооружения», «Энциклопедия отечественной артиллерии», «Русско-турецкие войны», «Отечественные минометы и реактивная артиллерия», «Оружие отечественного флота».

«Путь к трону» — новое произведение писателя. Печатается впервые.

Список использованной литературы

Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича. М., 1788.

Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича. СПб, 1901.

Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. А. А. Зимин. — М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Царские прародители. — М., 1912.

Балязин В. Самодержцы. Любовные истории царского дома. — М., Олма-Пресс, 1999.

Богданов А. Тайны Московской патриархии. — М., Армада, 1998.

Буганов В. Крестьянские войны в России в XVII–XVIII вв. — М., Наука, 1976.

Валишевский К. Смутное время. — М., Квадрат, 1993.

Веселовский С. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., Наука, 1969.

Гримберг Ф. Рюриковичи или семисотлетие вечных вопросов. — М., Московский лицей, 1997.

Демидова Н., Морозова Л., Преображенский А. Первые Романовы на российском престоле. — М., 1996.

Евдокимов Д. Воевода. — М., Армада, 1996.

Заичкин И., Почкаев И. Русская история. Популярный очерк. — М., Мысль, 1992.

Зимин А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. — М., Наука, 1988.

Зимин А., Хорошкевич А. Россия времен Ивана Грозного. — М., 1982.

Иловайский Д. Собиратели Руси. — М., Алгоритм, 1996.

Карамзин Н. История государства Российского. — М., 1988.

Каргалов В. На границах Руси стоять крепко! — М., Русская панорама, 1998.

Кириков Б. Углич. — Л., Художник РСФСР, 1984.

Кобрин В. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. — М., 1995.

Коган В. История дома Рюриковичей. — СПб, Бельведер, 1993.

Колычев С. Историкография. — СПб, 1722.

Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. — М., Книга, 1989.

Кучкин В. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. — М., Наука, 1984.

Ле Руд Ладюри Э. История климата с 1000 г. — Л., 1971.

Масса И. Краткие известия о Московии начала XVII в. — М., 1937.

Назаров В. Генеалогия Кошкиных—Захарьиных—Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря. — Историческая Генеалогия. Вып. 1. Екатеринбург, Зеркало, 1993.

Некрасов С. Предки царя Михаила Федоровича. — Тверь, 1913.

Низовский А. Русские самозванцы. — М., Прибой, 1999.

Павлов А. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. — СПб, Наука, 1992.

Пасхалова Т., Станюкович А. Усыпальница прародителей царского дома Романовых в московском ставропигиальном Новоспасском монастыре. — М., Новоспасский монастырь, 1997.

Петров П. История русского дворянства. — СПб, Книгоиздательство Германа Гоппе, 1886.

Платонов С. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. — М., Памятники исторической мысли, 1995.

Пыляев М. Старая Москва. — М., Московский рабочий, 1996.

Пятницкий П. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. — М., 1896.

Раков Э. Монастырь опальных княгинь. — СПб, 1995.

Рыжов К. Все монархи мира. Россия. — М., Вече, 1998.

Савелов Л. Бояре Романовы. — М., 1914.

Савелов Л. Лекции по генеалогии. — М., Археографический центр, 1994.

Скрынников Р. Борис Годунов. — М., Наука, 1978.

Скрынников Р. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. — Смоленск, Русич, 1998.

Скрынников Р. История Российская. IX–XVII вв. — М., Весь мир, 1997.

Скрынников Р. Лихолетье. — М., Московский рабочий, 1988.

Скрынников Р. На страже московских рубежей. — М., Московский рабочий, 1986.

Скрынников Р. Опричный террор. — Л., ЛГУ, 1969.

Скрынников Р. Святители и власти. — Лениздат, 1990.

Скрынников Р. Социально-политическая борьба в Русском государстве

в начале XVII века. — Л., 1985.

Соловьев С. История России с древнейших времен. — М., Изд-во социально-экономической литературы, 1960.

Станиславский А. Гражданская война в России XVII в. — М., Мысль, 1990.

Тихомиров М. Российское государство XV–XVII веков. — М., Наука, 1973.

Ткаченко В. Московские великие и удельные князья и цари. — М., Поиск, 1992.

Филатович Б. Судьба Романовых, 1912.

Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. — М., ИНСТАН, 1991.

Шамшурин В. Минин и Пожарский — спасители Отечества. — М., Новатор, 1997.

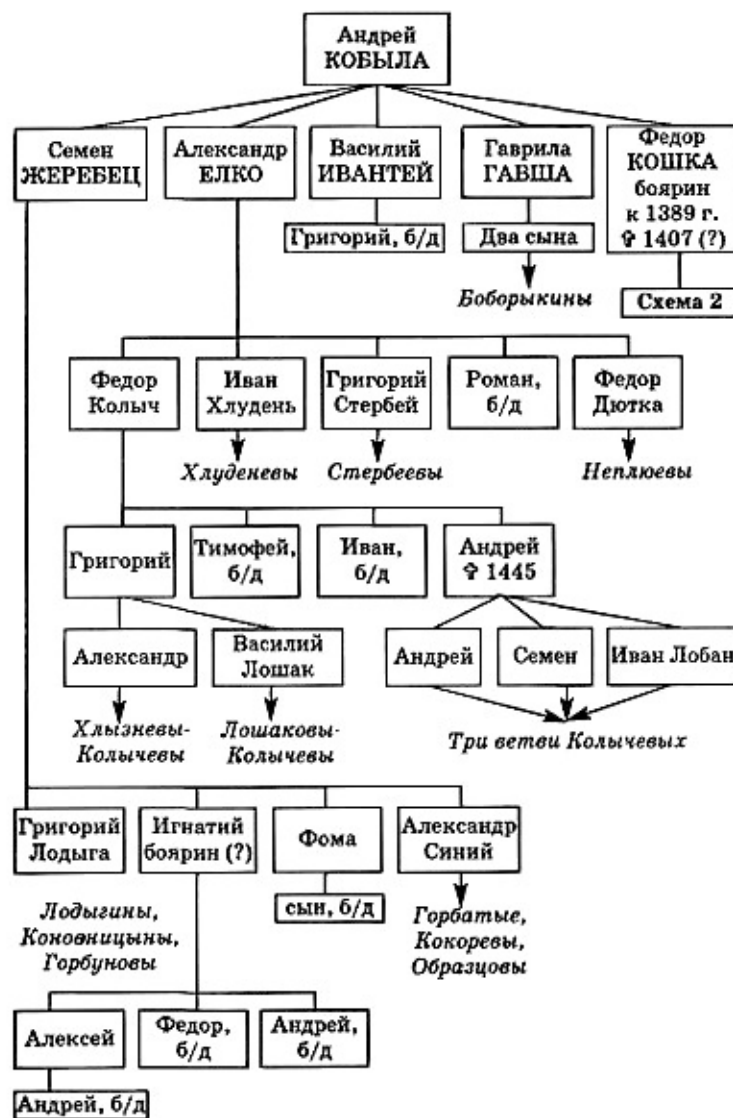
Шуцкая Г. Новые данные о палатах Романовых в Зарядье. (Итоги реставрации 1984–1992 гг.) — Забелинские научные чтения. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. — М., 1997.

Яворницкий Д. История запорожских казаков. — Киев, Наукова думка, 1990.

Родословные схемы

Кобылны

Схема 1

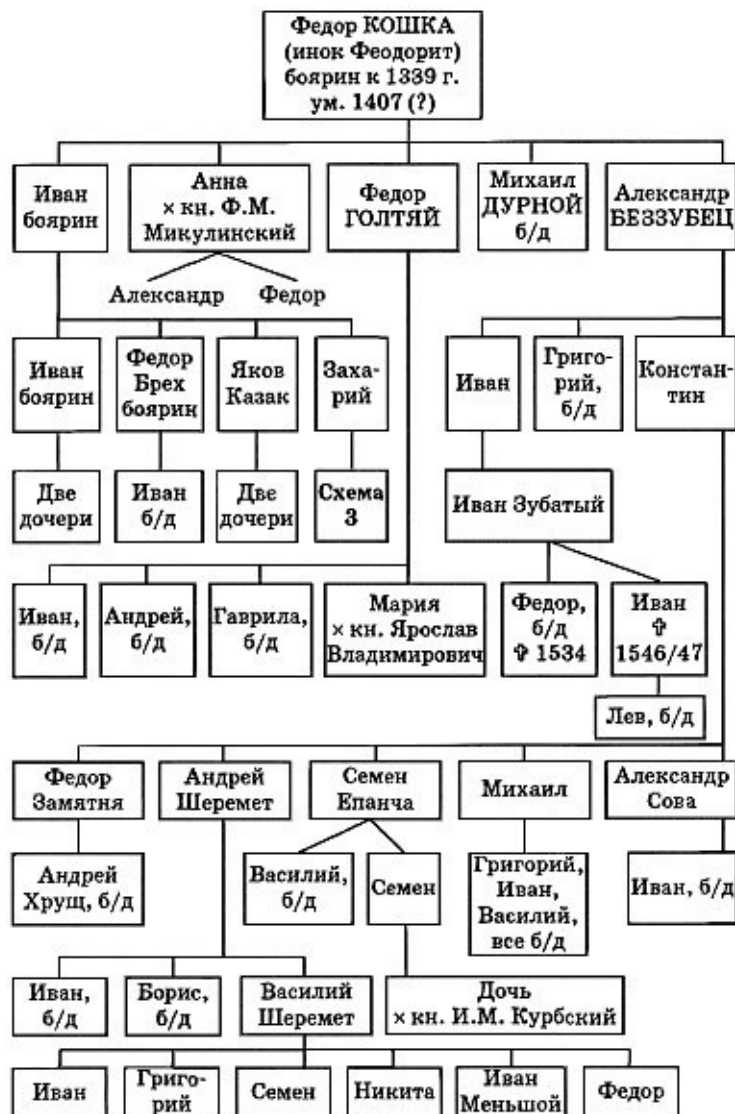

Схема 3

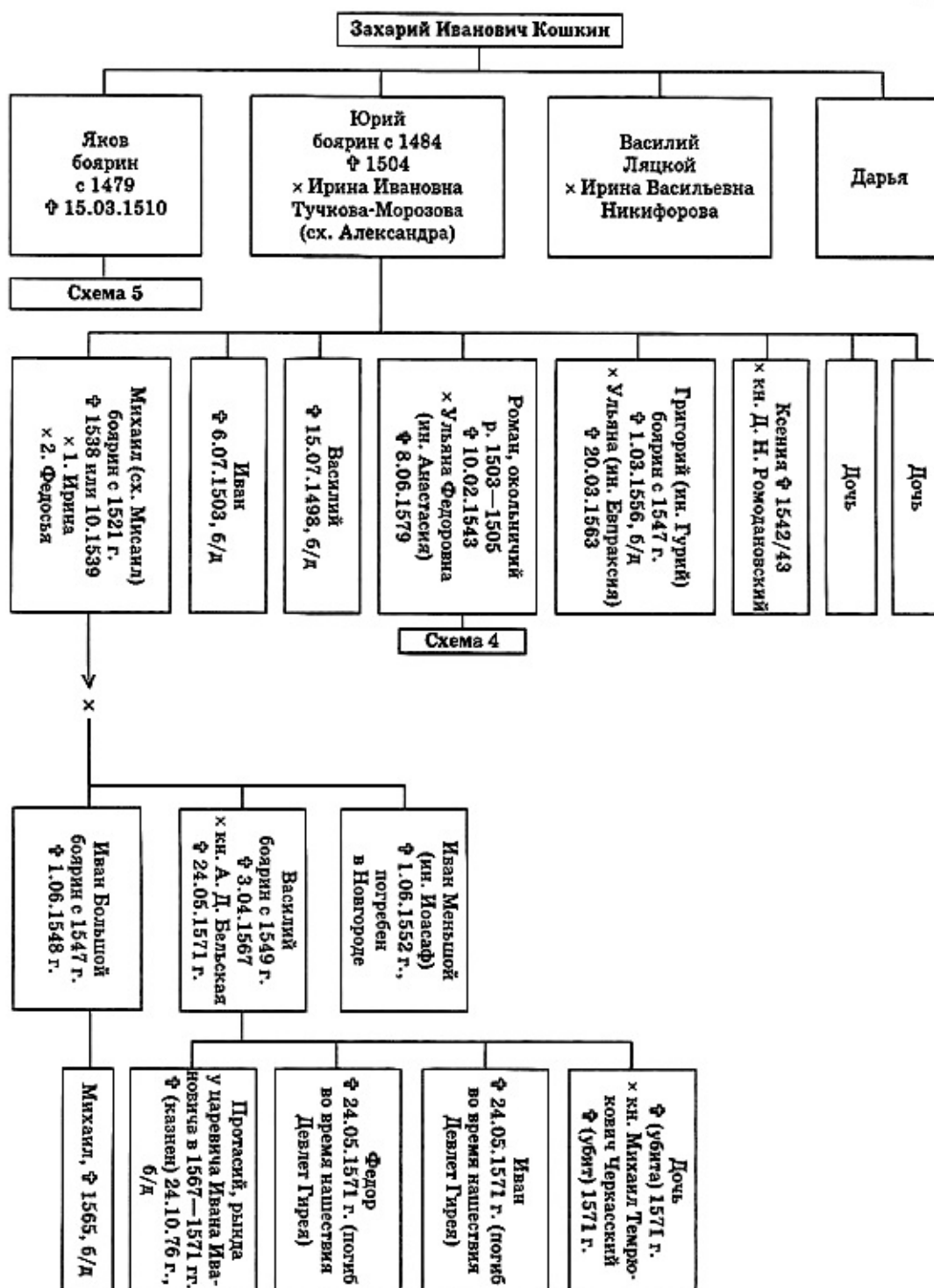

Схема 4

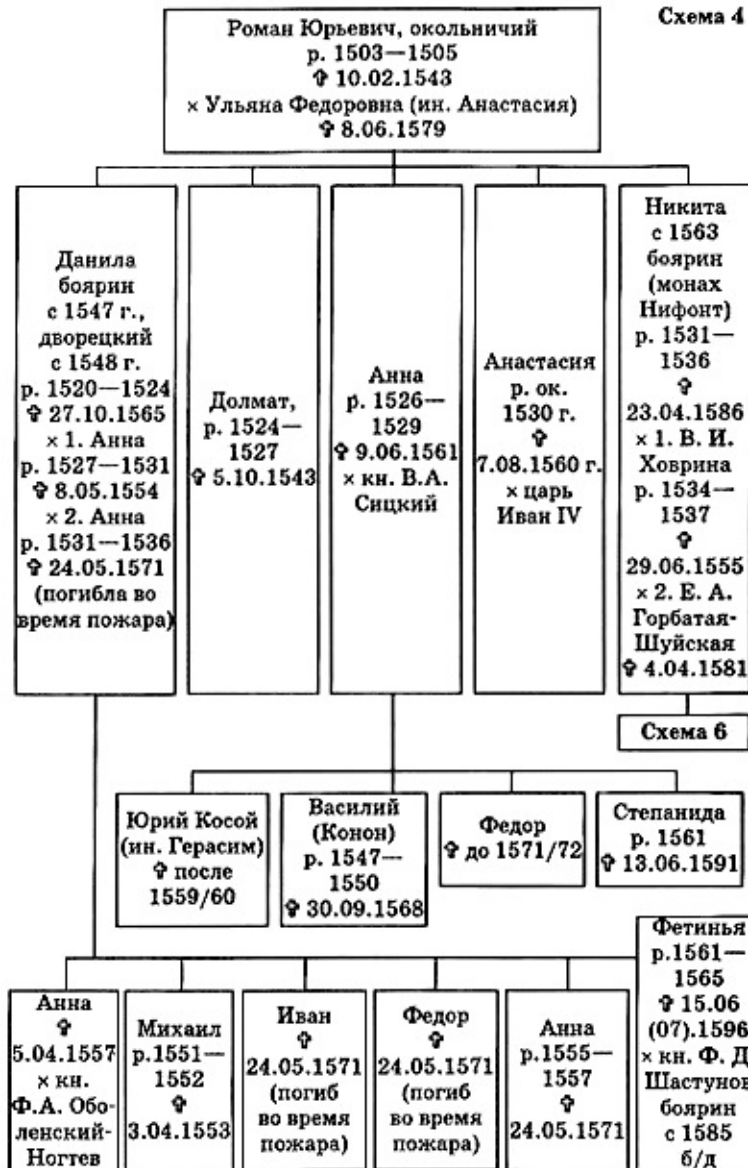
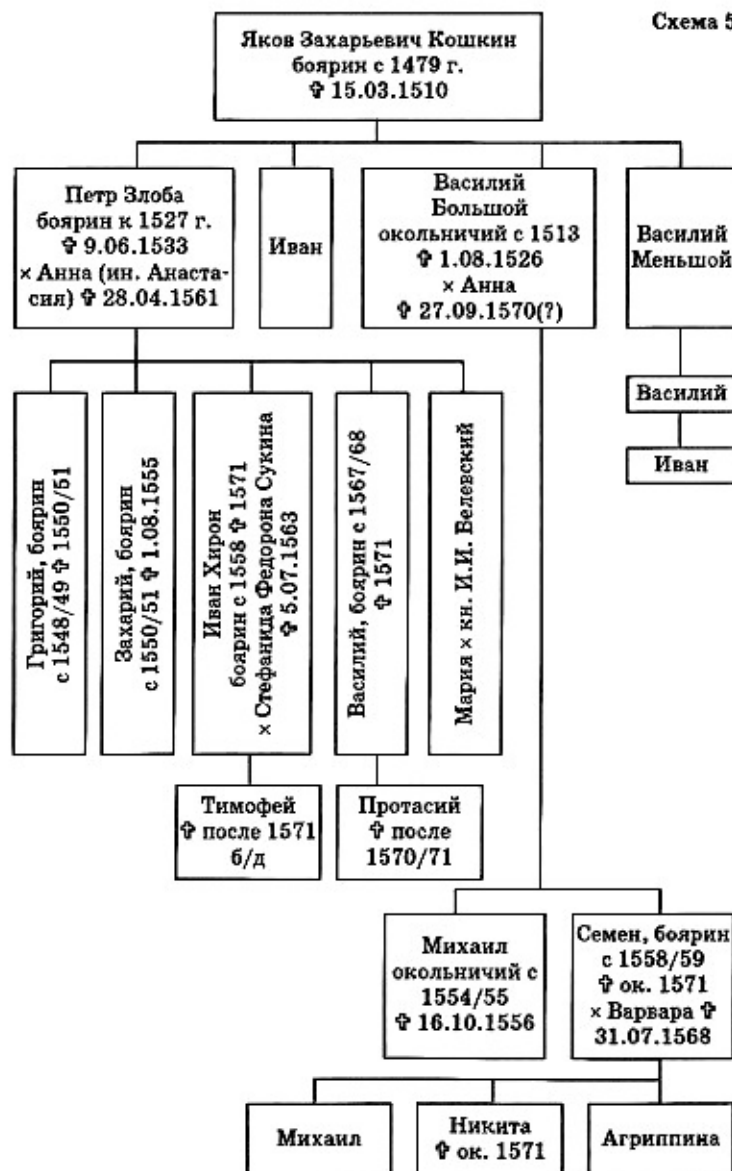

Схема 5

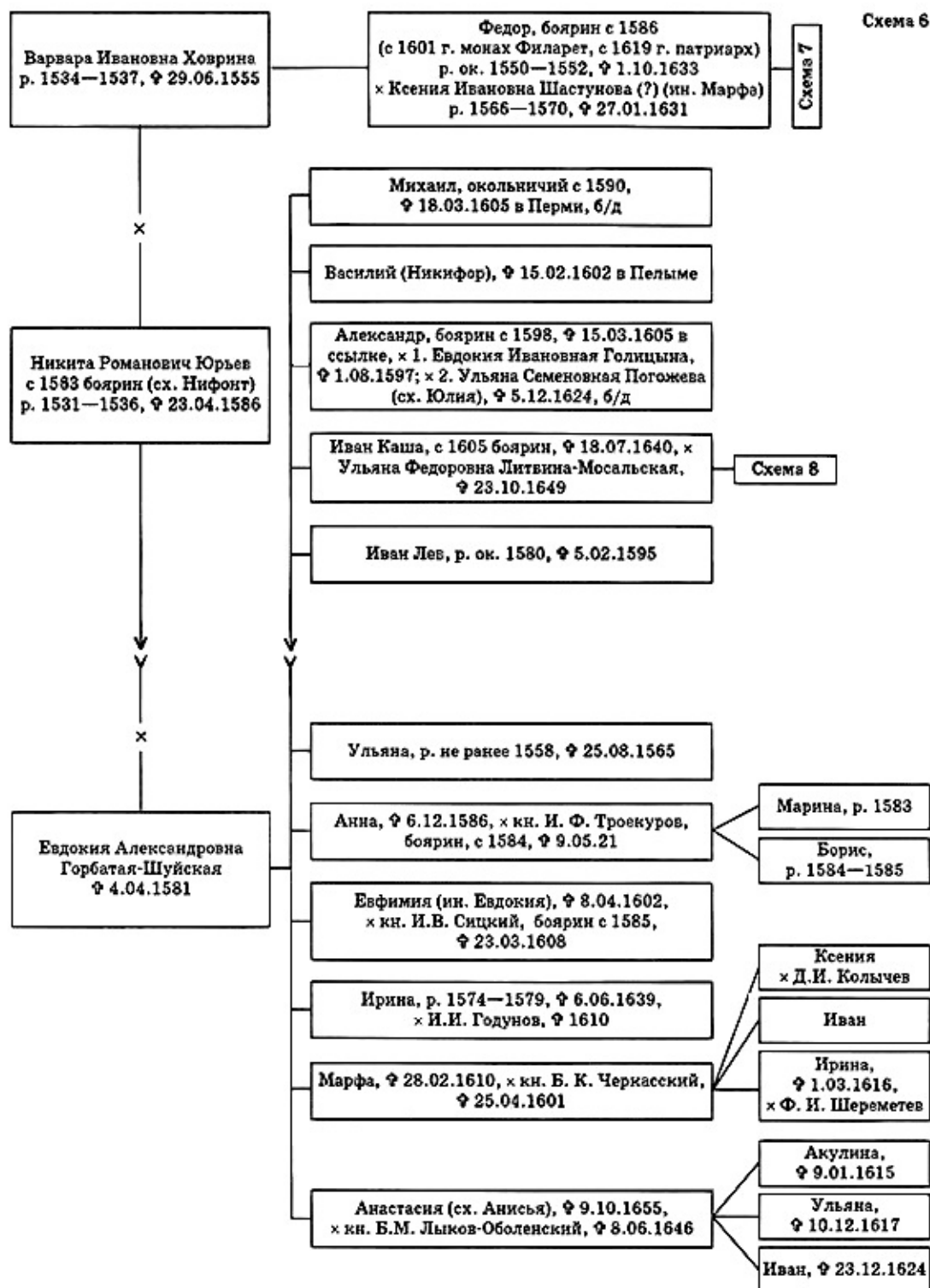

Схема 7

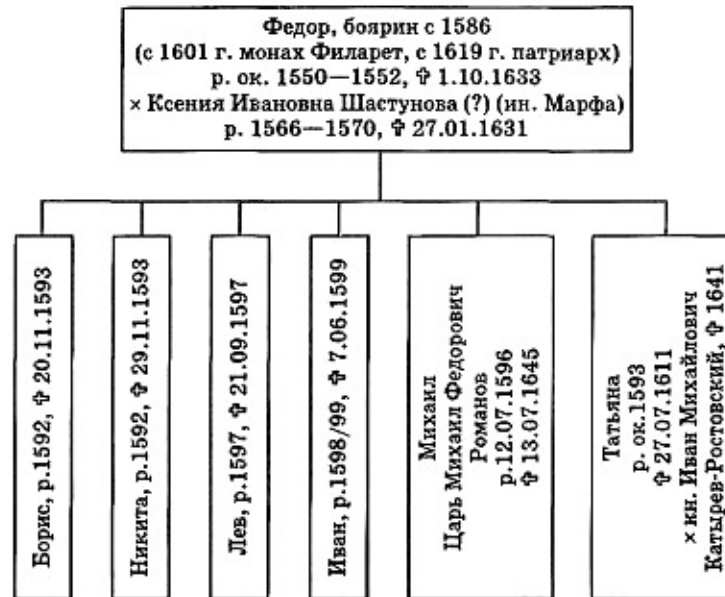

Схема 8

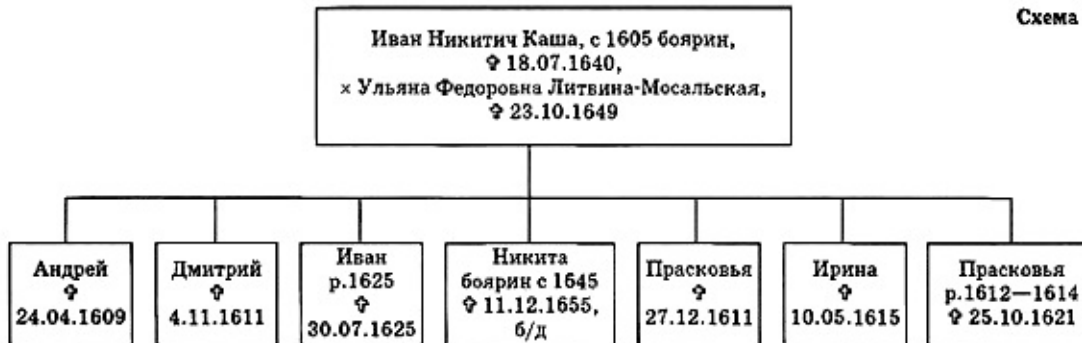

Схема 9

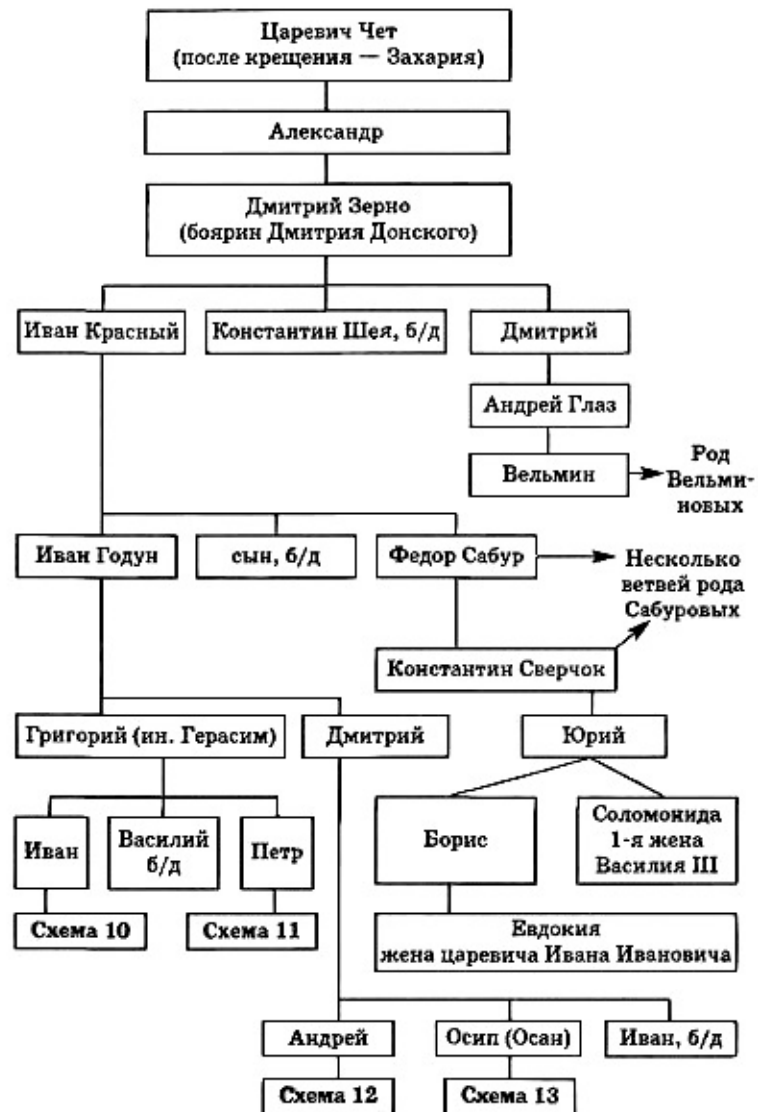

Схема 10

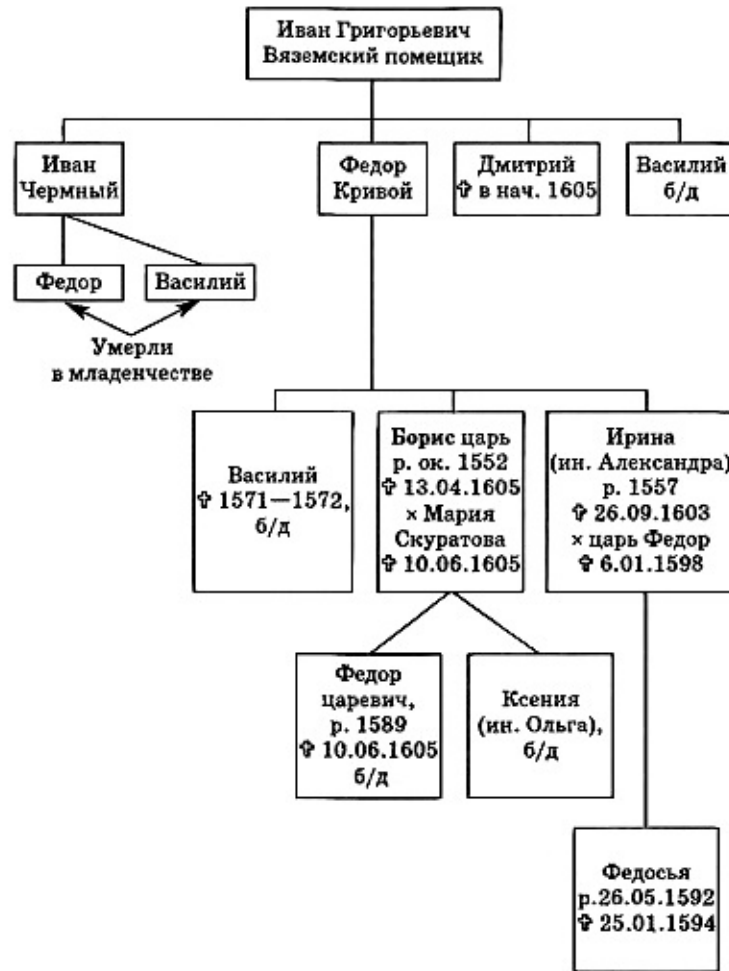

Схема 11

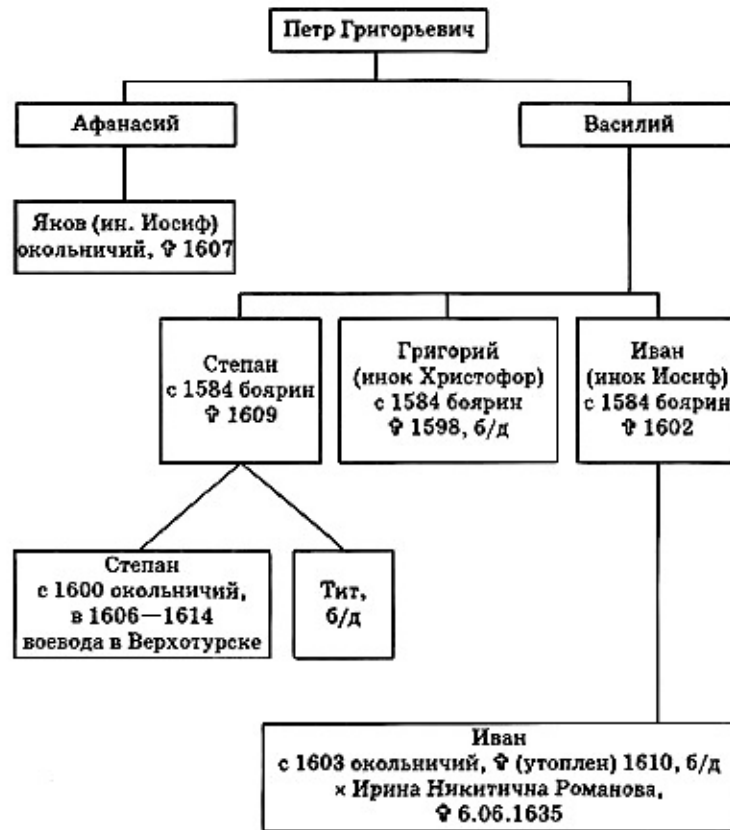

Схема 12

Схема 13

Родословная князя Пожарского

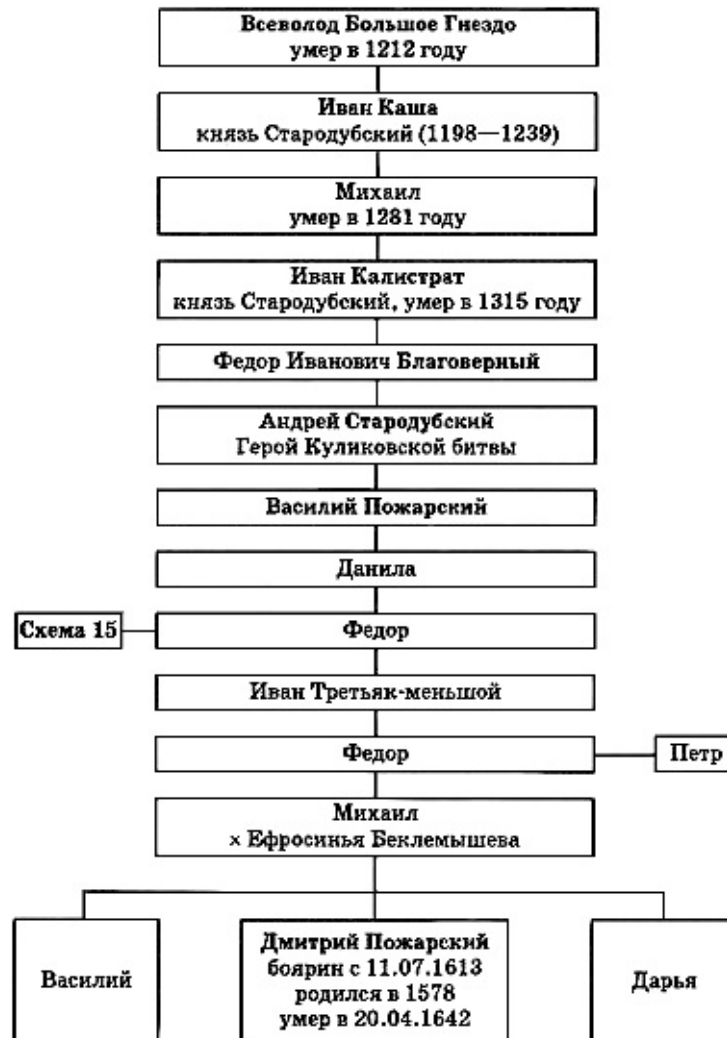
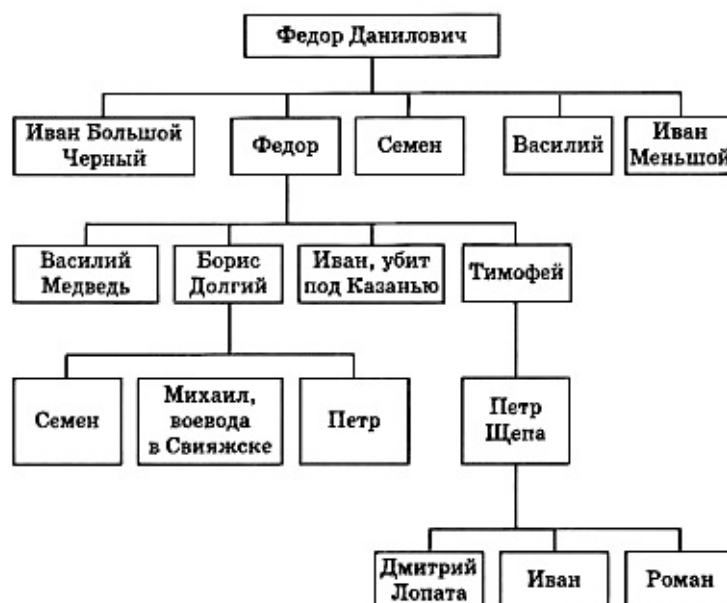

Схема 15

Широкоград А. Б.
 Ш 64 Путь к трону: Историческое исследование/А. Б. Широград. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 448 с.: ил. — (Романовы).

ISBN 5-17-011658-6 (ООО «Издательство АСТ»)
 ISBN 5-271-03348-1 (ООО «Издательство Астрель»)

Историческое исследование «Путь к трону» — уникальное произведение, не имеющее аналогов в художественной или документальной литературе. Оно представляет собой историю древнего рода Кошкиных-Захарьиных-Романовых. Героями книги являются десятки людей из девяти поколений этого рода, а действие ее происходит в течение трех веков.

Автор дает свою трактовку событий Смутного времени, во многом отличающуюся от общепринятой, представляет все версии избрания на царство Михаила Романова.

УДК 94(47)(091)
 ББК 63.3(2)

notes

Примечания

Чтобы быть предельно корректным, следует отметить, что Иван III и Василий III пощадили несколько совсем отдаленных родственников, лишь запретив им жениться, т. е. дали умереть без потомства, но зато в своей постели.

Савелов Л. М. Лекции по генеалогии. М., Археографический центр, 1994, с. 35.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., Наука, 1988.

Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991.

5

В те времена за рубль можно было купить 200 пудов пшеницы.

Обежа — надел зажиточного крестьянина, пахавшего землю на одной лошади.

Р. Г. Скрынников. Святители и власти. Л., 1990.

Малороссийский Стародуб, не путать со Стародубом на Клязьме.

Пятина — административная единица в Новгородских землях.

Рында — оруженосец.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., Наука, 1988.

В книге С. М. Некрасова «Предки царя Михаила Федоровича Романова» (Тверь, 1913) утверждается, что Михаил Юрьевич умер 1 марта 1567 года, но это явная ошибка. Некрасов спутал Михаила Юрьевича с его братом Григорием.

По другим данным — Ульяна Ивановна.

Зимин А., Хорошкевич А. Россия времен Ивана Грозного. М., 1982. С. 9—12.

Карамзин Н. История государства Российского. М., 1988. Т. VIII. С. 57–58.

Сводня Аграфена была женой его двоюродного брата.

Имеется в виду поход Ивана III на Казань в 1487 г.

Город Старица, современный районный центр Тверской области, в 77 км от Твери.

Заичкин И., Почкарев И. Русская история. Популярный очерк. М., Мысль, 1992. С. 295.

Так Шах-Али именовался в летописях и разрядах, на самом деле, как мы уже знаем, он был касимовским ханом.

Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л-д, ЛГУ, 1969. С. 133.

Щербачев Ю. Н. «Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории», чтения ОИДР, 1916. Кн. 2, отд. III, с. 34. Автор донесения о поездке в Москву был очевидцем того, что произошло в Кремле. Во время приема он находился в свите Магнуса и хорошо слышал все, что произнес царь. Свои показания он составил 11 сентября 1570 года, т. е. по свежей памяти.

Собираателями песен Б. Н. Путиловым и Б. М. Добровольским обнаружено 60 вариантов песни «О гневе Грозного».

Балязин В. Самодержцы. Любовные истории царского дома. М., ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Скрынников Р. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, Русич, 1998; Корецкий В. Смерть грозного царя. — Вопросы истории, 1979. № 9.

Чингизид — потомок Чингиз-хана.

В настоящее время город Шуя, районный центр Ивановской области.

В современных источниках пишется Захарий, но это неверно.

Скрынников Р. Лихолетье. — М., Московский рабочий, 1988. С. 11.

По некоторым сведениям она была дочерью Юрия Сабурова.

Чермный — красный, т. е. рыжий или красивый.

Термин «бездетность» употребляется автором в более широком смысле, чем обычно. Бездетным считается не только лицо, не имеющее детей, но и случаи, когда дети умирали в юном возрасте или уходили в монастырь или дочь вышла замуж за малознатного человека.

Петров П. Н. История родов русского дворянства. Кн. 1. М., Современник, 1991. С. 172.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Тт. 7–8. С. 316–317.

Подробнее об этом см.: А. Б. Широкопад: Северные войны России. Минск, Харвест, 2001.

Масса И. Краткое сказание о Московии. 1601–1610 гг. Брюссель, 1866.

Буссов К. Хроника Московии. 1594–1612 гг.

Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича. М., 1788.

Скрынников Р. Борис Годунов. М., Наука, 1978. С. 107.

Новодевичий монастырь тогда был вне черты города.

Здесь и далее дается наиболее достоверная по мнению автора информация. В литературе приводятся и другие сроки начала Собора, самый поздний из которых — начало марта 1598 года.

Густав — сын Эрика IV и Екатерины Мансдоттер. В Швеции Густава считали незаконным сыном.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб, Наука, 1992. С. 67.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб, Наука, 1992. С. 66.

К величайшему сожалению следы этого портрета затерялись. О нем не знают ни в Государственном Историческом музее, ни в других музеях.

Скрынников Р. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Ленинград, 1985. С. 29–30.

Ле Руд Ладюри Э. История климата с 1000 г. Л., 1971.

28 августа по новому стилю.

Скрынников Р. Борис Годунов. М., Наука, 1978. С. 153–154.

Успенский собор служил местом венчания царей, в соборе хоронили московских митрополитов и патриархов.

Детьми боярскими в XV–XVII веках назывались не дети бояр, а определенная категория служилых дворян.

Петров П. История родов русского дворянства. СПб, 1886. С. 372.

Валишевский К. Смутное время. М., Квадрат, 1993. С. 104.

Соловьев С. История России с древнейших времен. Кн. IV. М., Изд-во социально-экономической литературы, 1960. С. 410.

Валишевский К. Смутное время. М., Квадрат, 1993. С. 111.

В те годы Польша регулярно платила дань крымскому хану, что, впрочем, не спасало ее от татарских набегов. Подробнее см.: Широкопад А. Русско-турецкие войны. Минск, Харвест, 2000.

Тип собрания, которое у донских казаков называлось кругом, а у запорожцев — радой.

Скляр И. О начальном этапе первой крестьянской войны. С. 96.

Скрынников Р. Лихолетье. М., Московский рабочий, 1988. С. 343.

Все наши историки считают, что Димитрий всерьез собирался воевать с Османской империей. По мнению же автора, это было блефом, предназначенным для польского короля, папы римского, а также для внутреннего потребления.

Вяземский дворянин Молчанов был участником убийства жены и сына Бориса Годунова.

В боях с мятежниками под Москвой отличился князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Ворами в XVI–XVII веках в России называли не только уголовных, но и политических преступников, в т. ч. тех, кто пытался подорвать территориальную целостность государства.